

Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт

Профессор, протоиерей
Владимир Воробьев

**ВВЕДЕНИЕ В ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Москва
2004

Воробьев Владимир, проф., прот. Введение в литургическое предание Православной Церкви. – М.: ПСТБИ, 2004 – 231 с.

© прот. В. Воробьев, 1993 / 1994 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Таинство крещения.....	22
Таинство миропомазания.....	54
Таинство брака.....	65
Таинство покаяния.....	94
Таинство елеосвящения.....	126
Таинство священства.....	135
Таинство евхаристии.....	149
Современные виды церковного служения.....	216

ВВЕДЕНИЕ

Целью нашего курса «Введение в Литургическое Предание Православной Церкви» является постижение смысла православного богослужения. Дело в том, что наша церковная жизнь сейчас такова, что даже люди, постоянно приходящие в храм и участвующие в богослужении, как правило, не имеют ясного понятия о том, что же такое происходит в церкви, каков смысл тех или иных Таинств или служб. И не только не могут объяснить этого другим, но и сами не могут дать вразумительный ответ, сами имеют самые превратные и, по существу, неправославные взгляды на этот предмет. Еще печальнее то, что такая неграмотность, такое непонимание смысла богослужения у нас стало как бы нормой и уже не вменяется в какой-то грех или в ущерб церковной жизни. Причина здесь, конечно, в том, что очень часто даже и священники не могут вразумительно ответить и по-настоящему понять смысл церковной богослужебной жизни. Не случайно в последние десятилетия крупные богословы делали литургическое богословие темой своей церковной деятельности. Возникло новое направление в богословии, получившее это название: «Литургическое богословие».

Мы еще не доберемся до этой науки и не сможем назвать то, что мы изучаем в нашем курсе, литургическим богословием, потому что это только лишь введение, начало. Но мы постараемся подойти к тому уровню, дальше которого надо читать специальную литературу или обдумывать богословскую суть тех проблем, которые возникают в связи с этим курсом. В каком-то смысле этот курс является центральным для начала обучения, потому что вся наша школа, наш институт, наше образование построены внутри Церкви, внутри церковной жизни. А церковная жизнь имеет богослужение как нечто определяющее. Конечно, церковная жизнь — это духовная работа, это борьба с грехом, это исповедание веры, наконец, — духовное и церковное самообразование, но все это неотъемлемо от богослужения, потому что наша церковная жизнь по существу своему является жизнью благодатной, весь ее смысл именно в том, чтобы соединить нас с Богом. Как говорил преподобный Серафим, нашей целью является стяжание Духа Святаго, то есть Благодати Божией. Вот это стяжание наиболее всего дается нам в Таинствах Церкви, особенно в Божественной Литургии.

Поэтому понимание нашей богослужебной жизни совершенно необходимо для нашей жизни духовной, для нашей церковной жизни, и, наоборот, непонимание богослужебной жизни Церкви ведет всегда к очень тяжелым искривлениям, очень тяжелым последствиям и в нашей духовной жизни, и в нашей церковной жизни вообще.

Кроме того, богословие само в значительной степени, а может быть, и более всего, находит свой источник в богослужении. Богослужение — это тоже богословие, потому что богословие основано на духовном опыте, а духовный опыт дается более всего в молитве. И поэтому богословствовать

вне богослужебной церковной жизни тоже невозможно.

Когда мы начинаем изучать основные богословские дисциплины, то мы видим, что они все основаны на Слове Божиим, на Священном Писании. Священное Писание имеет свое продолжение в богослужении и в молитве, и тексты молитв наших литургий как нельзя более глубоко и полно открывают нам смысл Евангелия и смысл нашей веры. Поэтому литургическое богословие является необходимым. Нашей задачей является знакомство с самым главным: нам нужно научиться ориентироваться в литургии, в Таинствах, в принципах богослужения, нужно понимать самые главные моменты церковной жизни.

Прежде всего, начнем с элементарного вопроса: что означает само слово «богослужение»? Наши церковные службы — являются ли они служением Богу? Где здесь служение Богу? Малoverующие нецерковные люди часто говорят так: я верю в то, что Бог есть, но в Церковь я не могу верить, принять Церковь я не могу, потому что я не понимаю, зачем все это Богу нужно, весь этот развитый культ, все эти механичные славословия. Бог есть Дух, Бог бесконечно премудр, Бог есть Творец, и что же, Он создал тварь, чтобы эта тварь все время воспевала ему хвалу, и Ему это нужно?

Вопрос, так поставленный, может иметь только один ответ: конечно, это не Богу нужно. Это нужно нам. Почему мы называем это служение Богослужением? Чтобы понять, как складывается богослужение или как складывается всякий культ (культ — это слово латинское, оно обозначает систему богослужебной жизни; в советское время оно употреблялось как некое пренебрежительное название веры), откуда он происходит, представьте себе, что вы идете по какому-то важному делу к большому начальнику. Что вы будете при этом иметь в виду? Обычно вы будете думать о том, как вам одеться, — парадно, прилично, красиво; также вы будете думать, что вы скажете этому начальнику, как нужно к нему войти, как поклониться, можно ли сразу сесть, или нет, как нужно вежливо себя вести, а потом вы будете думать: как вам высказать свою просьбу, с чего вам начать? И, скорее всего, сначала вы будете его благодарить, если есть за что, вы скажете, как вы признательны ему за то, что он сделал для вас раньше. И потом только попросите о чем-то новом. Если возможно, то вы постараетесь его как-то ненавязчиво похвалить, так сказать, завязать с ним какой-то контакт, показать ему особое расположение, может быть, даже любовь к нему, постараетесь и себя представить так, чтобы он к вам тоже получил доверие и, может быть, расположился бы. Так обычно строятся отношения между людьми.

Как мы, зная всемогущество Божие, имея страх Божий, можем обратиться к Богу, Который есть Любовь, Который есть Отец наш Небесный, к Богу, Который все знает, знает все наши сокровенные помыслы и чувства? Естественно, что мы приходим к Нему как к Отцу и просим прощения за все наши грехи, естественно, что мы благодарим Его за все Его благодеяния, за всю любовь. Естественно, что мы приходим к Нему с искренним сердцем, и в нас возникает тоже любовное отношение к Богу, и мы хотим воспеть Ему

хвалу. Все то, что мы выражаем в нашем богослужении, есть некая естественная потребность нашего сердца, то есть это нужно нам.

Почему это называется служением Богу? Потому что мы, проводя свою духовную жизнь правильным образом, имея с Богом такие надлежащие, если так можно выразиться, праведные отношения, мы можем явить Бога этому падшему и заблудшему миру. Наша Церковь восхваляет Господа, в Ней устраивается благодатная христианская жизнь, наша молитва, наше учение, когда мы Слово Божие возвещаем этому миру, и Слово Божие проповедуется священником и всеми верующими в их жизни, делах, молитвах. Это устройство жизни приводит неверующих людей к Богу. И в этом состоит служение Богу, потому что Богу угодно, чтобы мы проповедовали Его Слово, чтобы заботливо вели людей к покаянию, к вере — это Богу угодно. Исполняя, таким образом, угодное Богу дело, мы Ему служим, а не потому, что Богу нужно, чтобы Его хвалили.

Наше богослужение — чрезвычайно развито, это, вероятно, самое развитое богослужение в мире. Мы имеем особенно развернутый, разработанный и прекрасный культ, имеющий свою древнюю историю. Очень часто у людей, только что пришедших в Церковь, складывается впечатление, что богослужение полностью канонизировано, что оно даже безнадежно устарело потому именно, что в нем ничего нельзя изменить, что оно статично, в нем нет никакой динамики — когда-то установили определенный чин, и теперь этот чин уже никак нельзя изменить, он должен оставаться неизменным. По мнению некоторых, это служит препятствием для людей неверующих и, таким образом, отгораживает Церковь от мира. Такие взгляды очень часто высказываются людьми, недостаточно церковными, теми, кто глубоко не вникал в эти проблемы. В действительности все как раз не так. Наше богослужение чрезвычайно динамично, существует история богослужения, и следовательно, богослужение во времени менялось, меняется и всегда будет меняться, и невозможно остановить этот процесс, как-то его законсервировать, прекратить историческое развитие богослуженной жизни. Если бы это удалось, то жизнь Церкви просто прекратилась бы.

Рассматривая историю богослужения, мы можем найти ответы на многие и многие вопросы, мы можем многое понять: откуда и как что пришло, кем было принесено или кто сформулировал те или иные принципы, кто был автором тех или иных богословских размышлений. Такое знание истории богослужения необходимо для того, чтобы в нем участвовать, например, если мы не будем ничего знать о литургии, то участвовать в ней будет очень трудно и наше участие не будет очень полезным. То же самое можно сказать о других Таинствах. История, традиции, которые существуют в наше время, церковная традиция, которая до нас дошла, те традиции, которые были в истории, так сказать, трансформировались в истории до нас — все это вместе составляет Церковное Предание. Есть учение о том, что Церковь имеет два источника для своей богословской и духовной жизни: Священное Писание и Священное Предание. Священное Писание — это

Библия, Ветхий и Новый Завет, а Священное Предание — это письменная и устная традиция, традиция духовной жизни, которая существует в истории Церкви. В этом Священном Предании можно выделить отдельно Литургическое предание, то есть рассмотреть вопрос о том, как складывалась литургическая жизнь. Под словом «*литургия*» мы подразумеваем обычно обедню, так по-русски называют литургию, а шире — вообще богослужение. Буквальный смысл этого слова — «общее дело», так что это слово имеет очень широкий смысл. Обычно под словами «литургическая жизнь» имеют в виду богослужебную жизнь. Вы знаете, что слово «религия» проводится на русский язык словом «связь», религия — это то, что связывает человека с Богом. Она открывает ему особенную жизнь, жизнь духовную. И одной из главных частей религиозной жизни является жизнь богослужебная.

История, наука не знает периода, когда человечество не имело бы религии. Самые древние археологические и палеонтологические находки всегда свидетельствуют о том, что религия занимала одно из самых главных мест в жизни человека, в жизни любого человеческого общества. Как только находят какие-то древние стоянки, всегда находят обязательно следы культа: какие-то жертвенники, находят наскальные ритуальные рисунки, которые свидетельствуют о религиозности древних.

Как возникает эта религиозность в истории? Откуда она идет? Я не буду рассматривать этот вопрос с точки зрения философской, а представлю вам просто одну такую, вполне религиозную модель, которая, мне кажется, многое проясняет. Мы знаем с вами, что земная, обычная жизнь начинается с изгнания Адама и Евы из рая. И существует очень интересная, хотя несколько, может быть, наивная гипотеза о том, что рай — это вполне конкретное место на земном шаре. Библия прямо говорит, что рай был на земле, и там даже есть указания о том, где этот рай находился: в Междуречье, в устье Тигра и Евфрата. Из геологии известно, что древнее устье этих рек опустилось и теперь находится на дне океана. Вполне вероятно, что рай находился именно там и после грехопадения опустился на дно океана и стал недоступным для человека. Перед началом Великого Поста есть особенная служба, которая посвящается изгнанию Адама из рая, и там в одной из стихир есть слова: «Седе Адам прямо рая и плакашеся». В переводе на русский язык это значит: «Сидел Адам напротив рая и плакал». Он был изгнан из рая — и потерял его, и вот он сидит напротив рая, куда он теперь уже не может войти — и плачет о том, что он утратил, о том, как он согрешил и что с ним случилось, и обращается к Богу с молитвой и просит у Бога прощения.

Человек есть существо двухсоставное: человек есть дух и плоть. Можно сказать, что человек есть воплощенный дух, и человеку свойственно воплощать все свои мысли, чувства, все свои творческие возможности, это является естественной потребностью его естества. И конечно, естественно, что человек воплощает свою молитву, свои обращения к Богу самым разным образом. Мы, например, молитвы свои поем, мы складываем их в стихи или в какие-то особенные тексты, очень красивые. Мы, когда молимся, стремимся

или поклониться, или еще как-нибудь выразить телесным образом свои чувства. Это для нас естественно, — не потому, что Богу нужны наши поклоны, чтобы мы стояли на коленях, а не в рост — Богу, конечно, это безразлично, это нужно нам — мы помогаем своей душе, когда выражаем свои чувства телесно. Душа и тело связаны, они — едины, и душевное стремление требует воплощения.

Вполне естественно поэтому, что Адам и его потомки, желая воплотить свою молитву, свое покаяние, создают первое богослужение. История знает, что это богослужение носило характер жертвы. Почему жертвы, что такое — жертва? Это есть отнятие у себя чего-то очень дорогого и отдавание тому, кого мы любим. Мы знаем с вами, что настоящая любовь всегда жертвенна. Можно сказать, что без жертвы нет любви, любовь всегда естественным образом жертвует собой.

И самым высоким образом любви является жертва своей жизни. Об этом и Господь говорит в Евангелии от Иоанна: «Большая любовь к Богу имеет, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15,13). То есть любовь есть полное отдавание своей жизни, самого себя за того, кого ты любишь. Отдать себя можно по-разному: можно свои чувства, свои мысли, свою волю отдать, — это будет послушанием; может быть, какое-то время отдает Богу, может быть, отдает то самое прекрасное и лучшее, что он имеет, и мы все это делаем. Скажем, в самый красивый угол в своем доме мы ставим икону, отдаем его Богу, на самом красивом месте раньше у нас строили храм, отдавали Богу. Самые дорогие и красивые вещи тоже старались всегда отдать храму, Церкви, Богу. А в древности пастух отдавал самого лучшего своего ягненка, а пахарь отдавал какую-то часть жатвы своей. Наивно было бы думать, что первые люди считали, что, если они сожгут ягненка, то Богу это каким-то образом достанется, что Богу нужен дым от этого ягненка и т.д. Атеисты часто пытаются представить людей и, в особенности, древних людей, как таких дурачков, которые не понимают, что Богу не нужно жареное мясо. Конечно, люди всегда это понимали, и, сжигая ягненка, они просто символизировали свою жертву, показывали, что они хотят чем-то пожертвовать для Бога. Такой образ жертвоприношений известен в древности для всех народов. Он был и в избранном народе. Ветхозаветное богослужение знает множество разных жертв — это жертвы умиловительные, очистительные, благодарственные, так что ритуальная жизнь была очень разработана и записана в законе Моисееве.

И в наше время эти жертвы существуют, только теперь они выглядят иначе, скажем, свеча, которую мы покупаем в храме, — это тоже наша жертва. Свеча ведь очень маленькая, она стоит очень дешево, а мы покупаем ее довольно дорого. Что это такое? Это есть наша жертва. И когда мы ее зажигаем, она символизирует нашу молитву. Как видите, мы тоже нуждаемся в таких символах, в таких образах, в воплощении нашего отношения.

Вы знаете, например, из Библии, как Бог сказал Аврааму, чтобы он принес Ему в жертву своего единственного сына Исаака, того самого, которым Бог обещал Аврааму семя, обещал, что от него произойдет целый

народ, избранный народ Божий, а Аврааму было уже более ста лет. И Авраам идет в гору с Исааком, но он уже так стар, что не может нести дрова, и Исаак сам несет на себе те дрова, на которых он должен быть сожжен. Авраам, послушный Богу, заносит уже руку с ножом для того, чтобы убить своего единственного сына...

Это происходит по воле Божией, чтобы пожертвовать Богу самым большим, самым любимым, тем кого он любил больше своей жизни, больше себя, — своим сыном. Это есть жертва, это есть полное самоотвержение. Представьте себе, что чувствовал Авраам в это время, каким было его душевное состояние? Какая нужна была вера, чтобы решиться на такое — заклание своего сына! Когда теперь происходят те или иные события, мы сомневаемся: зачем Богу это нужно, — нам это непонятно, а Авраам не усомнился, он пошел затем, чтобы исполнить повеление Божие и только был удержан ангелом. Мы часто даже не понимаем жестокости этого испытания, для чего было Богу так жестоко искушать Авраама? Зачем Он так надрывал его сердце, зачем Он повелел Аврааму сделать такое, совершенно непредставимое дело? Понять это можно только тогда, когда мы увидим, что это есть определенный образ Той Великой Жертвы, которую Сам Господь совершил, отдав Сына Своего Единородного на распятие. Это нужно было для того, чтобы в последующие времена люди поняли, что такое было пришествие Сына Божия на землю и Его распятие. Это показывает нам глубину и величие жертвы.

Но одновременно мы находим совсем иное понимание жертвы. Возникает язычество. Как оно возникает? Мы знаем из Библии, что первые потомки Адама жили очень долго — 800 и даже почти 1000 лет, и, таким образом они могли рассказать о Боге многим и многим поколениям. Адам мог рассказать, может быть, пятидесяти поколениям своих потомков о рае. И естественно, что живое предание о рае, о жизни с Богом, о том, как был сотворен человек, являлось достоянием многих людей. Так продолжалось довольно долго, в течение, может быть, первых тысячелетий. Память об истинном богочитании жила в людях. Одновременно в жизни людей появляется грех. И вместе с грехом приходит сомнение, потеря контакта с Богом. Адам учил молитве своих детей и своих потомков, но молитва требует святости, праведности, а грех прерывает молитву, и вот уже то, что слышали дети от своих праотцев, делается для них менее достоверным, менее понятным. Они начинают моделировать некую веру, более понятную им, и эта их вера уже не истинна, уже не та, которую возвещали праведные праотцы. Возникают искажения веры, появляется, таким образом, язычество. Люди все дальше и дальше уходят от истинной веры, от истинного богочитания. И каждый начинает приносить жертвы по-своему и понимать общение с Богом и образ Божий по-своему.

В историческое время мы видим множество разных языческих верований. Вы знаете, как в Самарии поклонялись Ваалу. В царствование царя Ахава его жена Иезавель допустила в Израильское царство множество языческих волхвов, насаждая культ Ваала. **Ваал** — это был языческий бог,

который изображался в виде громадного медного быка с открытой пастью. Этот бык представлял собой печь, его раскаляли докрасна, и в эту пасть бросали израильские женщины своих детей. Они тоже приносили жертву богу, жертвовали своими детьми. Что это такое было?

Как видите, с одной стороны — жертвоприношение Авраама, которое прообразовывало Пришествие Господа Иисуса Христа, с другой стороны — бесовские жертвы Ваалу. Если там ангел удержал руку Аврааму, то здесь, конечно, никто не удерживает руки безумных матерей, и они уничтожают своих детей, думая, что служат Богу. Как они делают это, с любовью к Ваалу? Конечно, нет. Это уже совсем другие отношения с Божеством. Вместо любви приходит страх и понятие о том, что нужно это сделать, чтобы жить благополучно, чтобы что-то получить, некий как бы способ жизни. Это не есть выражение любви, это не есть мольба Богу. Нет, это отношения какого-то договора: ты — мне, я — тебе. Я тебе сожгу своего ребенка, а ты за это дай мне некое благополучие. Отношение любви переходит в отношение договора. Такие договорные отношения всегда приходят, когда нет любви, когда нет доверия. И оказывается, что в религии тоже можно на место любви к Богу поставить договорные отношения. Божественное вдруг сразу же заменяется бесовским. Свет подменяется тьмой, вместо веры истинной приходит магия. К магии как раз принадлежат такие отношения. Все языческие верования, по своему существу, по природе своей являются магизмом. А отношения истинные с Богом — это отношения любви.

С самого начала земной человеческой жизни человек стал перед искушением, и это искушение является одним из основных в течение всей человеческой истории. Искушение это можно было бы сформулировать так: каково отношение к истине рода человеческого, как искать истину, как устоять в истине, быть верным этой истине? Является ли истина для человека чем-то совершенно необходимым? Нужно ли истине служить? Нужно ли чем-то жертвовать ради истины? Весь комплекс таких вопросов подразумевает, конечно, свои ответы, и на пути таких исканий встает искушение, очень тяжелое. Таким искушением является постоянная возможность подменить подлинную истину каким-то суррогатом, ее ложным изображением, подлинное искание истины чем-то внешним, чем-то более простым и легким. Отсюда возникает язычество, подменяется вера в истинного Бога верой более примитивной, более доступной и понятной в каких-то идолах, языческие божества. Но даже, когда люди сохраняют веру в Единого истинного Бога, это искушение от них не отходит. В каждый момент своей жизни, в каждый момент истории ветхозаветные евреи, а потом христиане постоянно стоят перед искушением эту истинную веру в духе подменить. Можно оставаться верным внешне, но тем не менее быть неверным в духе. Потому что духовное гораздо труднее проконтролировать и принять в свое сердце, и человек часто ищет более легкого способа жизни. И эти искания легких путей очень часто приводят нас к заблуждению.

Сейчас эта проблема стоит не менее остро для всех нас вместе и для каждого в отдельности, чем когда-либо еще. Сейчас тоже можно подменить

подлинное искание истины и верность духу православия чем-то внешним и более примитивным. Таких примеров сейчас очень много. Можно смешать православие с каким-то национализмом, патриотизмом, превратить православие в специальную религиозную политику. Много других возможностей ждут нас на каждом шагу, и мы далеко не всегда умеем в них разобраться. Можно, вроде бы оставаясь в лоне Православной Церкви, участвуя во всех моментах церковной жизни, оставаться совершенно чуждым православию по духу своему. Такие примеры были всегда и сейчас их тоже очень много. Мы все можем называть себя православными, но совершенно не знаем, что такое Литургия, и представлять ее себе совершенно чудовищным образом. Например, в церкви бывают случаи, когда священник спрашивает желающего причаститься: «Отчего ты причащаешься?» — и причащающийся не знает, что ответить, и говорит какую-нибудь кощунственную нелепость. А когда его спрашивают, в кого он верит, он говорит, что верит в Христа, Божию Матерь и Святителя Николая — это у него такая троица. Это не смешно, а грустно. Таких, так называемых православных христиан у нас очень много. Это очень страшное и печальное явление. Большинство таких «православных» о православии не имеют никакого представления.

Православный — это тот, кто правильно славит Бога. Православие — это принятие в свое сердце истины о Боге. А это требует большого труда. Вы скажете, что бывают дети православные, которые ничего не понимают, а ходят в церковь, причащаются, молятся Богу и Господь их сподобляет благодати Своей. Да, конечно. Кроме того, в церкви сейчас много бабушек, которые, можно сказать, отстояли православие в годы страшного гонения, когда многие образованные люди испугались, отошли от веры, а эти бабушки, ничего не знающие, верящие самым примитивным образом, ходили в церковь и отстояли православие. Да, это тоже верно. Но хочу спросить: «Есть ли среди вас кто-нибудь, кого привела в церковь вот такая бабушка?» Думаю, что нет ни одного. К сожалению, такие бабушки не умеют воспитать даже собственных детей в вере, и их дети вырастают совершенными атеистами, безбожниками, очень часто пьяницами или преступниками и смеются над их верой. Потому что недостаточно иметь такую примитивную веру. Нужно любить Бога, как говорит Господь, всем сердцем своим, всеми помышлениями, всей душой своею, всей крепостью своею. То есть не только своим чувством, не только своей верностью нужно быть православными, но и разумом своим. От нас требуется разумная вера, разумная любовь и понимание того, что Господь дал нам понимать. Та истина, которая в течение почти двух тысяч лет проповедовалась Православной Церковью, которую защищали многие святые подвижники, та истина, за которую люди отдавали свою жизнь, эта истина достойна того, чтобы мы с вами ее знали, хранили и любили. И потому неправильно будет думать, что православный человек может ничего не знать. Мы должны обязательно знать учение Церкви по настоящему. Должны быть православными по духу своему, по разуму, иначе мы не сможем никому передать свою веру.

Нам обязательно нужна широта. Помните, что где Дух Божий, там

свобода. Формализм — это враг православия, это фарисейство, это как раз то состояние, которое порождает такой страшный грех фарисейства, совершенно чуждый православной вере и христианскому устройению сердца человеческого. Никогда не нужно быть буквоедом и формалистом. Нужна свободная любовь, свободная вера. Это не означает размывание границ православия, как некоторые делают в наше время — они пытаются внутри Православной Церкви размывать границы православия и православие как-бы расширять, и под этим предлогом они нас, по существу говоря, православия лишают. Православие делается чем-то неопределенным, и его строгость, его категоричность в отстаивании истины здесь теряется.

Мы должны как раз знать эти границы и свято их хранить. Мы должны беречь свое православие, как зеницу ока. Это наша величайшая святыня, это величайший Божий дар, нам данный. Мы должны его хранить, но не нужно им кичиться. Нашей особенной заслуги нет в том, что мы родились и православной стране. Поэтому наивно было бы думать, что человек, родившийся в другой нации или в другой стране, скажем, среди католиков или среди протестантов, что он обязательно плохой. Среди них очень много людей гораздо лучших, чем некоторые православные. Эти люди вовсе не являются проповедниками каких-то ересей. Они вовсе не стремятся как-то исказить православие или его уничтожить. Они очень часто сочувствуют православию, но принадлежат по рождению другой традиции и не имеют силы разобраться в истине и выйти из рамок своей традиции. Это, конечно, грустно, но это не значит, что эти люди плохие. Так что давайте мыслить свободно и спокойно.

В древности православная жизнь, православное богослужение были *харизматическими* (греческое слово «харизма» означает «дар»). Под харизмой имеется в виду благодатный Божий дар. И харизматической жизнью называют жизнь по вдохновению, от Бога.

Как вы знаете, первыми христианами были евреи. Они были воспитаны в очень строгой иудейской традиции. У евреев было очень развитое богослужение. Оно развивалось тысячелетиями, и заповедь Моисея: «помни день субботний, еже святити его» (Исх. 20, 8) о том, что нужно посвящать субботу Господу Богу, и сейчас евреями хранится, хотя в очень искаженном, фарисейском виде. И сейчас правоверные иудеи очень боятся нарушить субботу. Но в древности эта верность заповеди понималась не так, как теперь. Суббота должна быть посвящена Богу, то есть нужно идти в храм, молиться Богу, служить Ему. И еврейское богослужение было обязательным для всего еврейского народа. Принесение жертв было общей нормой еврейской жизни. Христос в течение всей своей земной жизни постоянно ходил в Иерусалим, хотя Он жил в Назарете, потому что по своей земной принадлежности Он был правоверным иудеем. И как всякий иудей, Он ходил в Иерусалим приносить жертву. У иудеев был только один храм в мире — это Иерусалимский храм (синагога — это не храм, это — место собраний, место каких-то чтений, место, где можно учиться или учить). Жертва приносилась только в Иерусалимском храме. Поэтому все евреи, где

бы они ни были, должны были в главные праздники придти в Иерусалим для принесения жертвы. И Христос тоже исполнял этот закон.

Исполнять — это слово славянское, исполнить закон — это значит его восполнить, пополнить, дополнить. И Христос был верен закону, и само распятие Христово совершилось перед Пасхой, когда Христос пришел в Иерусалим принести пасхальную жертву. Он знал, что Его хотят убить в Иерусалиме, но не пойти в Иерусалим на Пасху Он не мог. Не следует здесь примитивизировать Евангелие, конечно, Христос пришел для того, чтобы пострадать, Он знал о необходимости Своей крестной жертвы. Но с другой стороны, по человечеству Своему, Христос шел именно принести пасхальную жертву в Иерусалиме, даже тогда, когда это грозило Ему смертью. И апостолы шли за Ним точно так же. Таким образом, мы видим, что древнее еврейское богослужение для первых христиан было святым, необходимым. И апостолы вовсе не сразу ушли из храма. Они собирались в Соломоновом приделе и там исполняли все, что предписывал им иудейский закон. Но в их жизнь входит сразу нечто новое — Евхаристия, которая была установлена Христом перед Его крестным страданием на Тайной вечере. Евхаристия, которую нельзя было совершить в иудейском храме. А Господь повелел им творить в Его воспоминание Евхаристию. И вот с первых же дней Пятидесятницы апостолы совершают Евхаристию по домам. Потом наступает время гонений, апостолы расходятся по всему тогдашнему миру. Евреи изгнаны из Иерусалима, храм разрушен, и приносить жертву уже негде. И незачем уже идти в Иерусалим. Но с евреями-христианами Евхаристия пребывает всюду, куда они идут. Везде она совершается.

В основе Евхаристии находится Тайная вечеря, совершавшаяся по чину ветхозаветному. И естественно, что все богослужение складывается еще в апостольское время как бы из двух составляющих: из ветхозаветного богослужения и из того нового, что принес Христос. Эти две составляющие соединяются и отсюда развивается то удивительное и прекрасное сокровище, которым является новозаветное православное богослужение. Но для того, чтобы понять некие законы богослужебные, нужно обязательно принимать во внимание обе составляющие. Нужно понять, что богослужение ветхозаветное имело своей целью каким-то образом восхвалить Бога, вспомнить особенные моменты ветхозаветной истории, моменты особенного богообщения. Там большое место занимало мессианское ожидание, ожидание Христа. Были, конечно, хвалебные гимны, прошения, обращенные к Богу. Но ветхозаветное богослужение совмещается с теми словами, которые нам хорошо известны, что «Бога никто же не видел нигде же», то есть Бога невозможно увидеть. Можно ему как-то молиться, но увидеть Его, познать Его близко невозможно. В Ветхом Завете Бог остается непознаваемым.

И когда приходит Христос для того, чтобы вернуть человека к Богу, чтобы не только вернуть человеку прежнее его достоинство, потерянное в раю, но сподобить его еще гораздо более высокого призвания — богосыновства, то все, конечно, меняется. И старые ветхозаветные формы

богослужебной и духовной жизни теперь наполняются совершенно новым смыслом. Многие из них оказываются нужны, и теперь в эту форму вливается новое содержание. Новой является сама задача богослужения. Если древние евреи хотели помнить Бога, оставаться верными Ему, то задачей новозаветной жизни является нечто иное — стяжание Духа Святаго. Таким образом, можно сказать, что жизнь ветхозаветная от новозаветной отличается как земля от неба. Потому что в ветхозаветной жизни была задача здесь на земле помнить небо, но подняться на небо никто не мечтал. А задача новозаветной жизни именно взойти на небо, соединяясь с Богом. Если человек потерял Бога и не может Его найти, то Сам Бог приходит на землю для того, чтобы Себя соединить с человеком. Принимает на себя человеческое естество, чтобы человек отныне получил возможность такого богосыновства в соединении с Богом. Естественно, что вся церковная, духовная, богослужебная жизнь служит этой задаче — явить небесную, духовную реальность, сделать так, чтоб здесь эта реальность присутствовала. Мы знаем, что земной материальный мир живет в пространстве и времени. Мир духовный живет по иным законам, и потому богослужение христианское имеет целью преодолеть пространство и время. Для того, чтобы приобщиться духовной жизни, небесной реальности, нужно выйти из пространства и времени. И мы видим, что все православное богослужение развивается в этом ключе. И если этого не понять с самого начала, то оно не будет понятным никогда. Можно, скажем, стоять на всенощной и ждать, пока кончат петь все стихиры, стараться уловить смысл этих стихир, уставать больше или меньше, можно привыкнуть, любить это богослужение, но, уверяю вас, что оно будет восприниматься совершенно по-разному в зависимости от того, чего вы ждете от него. Если вы просто пришли что-то вспомнить, просто послушать хор или насладиться византийской поэзией или русской гимнографией — это одно. Если же вы пришли в церковь для того, чтобы приобщиться к тому событию, которое пребывает в вечности, которое сейчас снова является нам, то тогда вы будете участвовать в богослужении совершенно иначе.

Что значит является сейчас? Все духовное, все, что имеет отношение к Богу, живет вне времени и пространства. А наш мир пространственно-временной как бы не вмещает эту вечность. Но возможно воплощение. Как Сын Божий приходит на землю воплотиться в естестве человеческом и здесь живет во времени и пространстве, так и все духовное бытие тоже может воплощаться. И можно сказать в каком-то смысле, что христианство — это религия воплощения. И христианское богослужение имеет целью воплотить те реальности, которые существуют вечно на небе, в духовном мире. Те события, которые существуют всегда. Например, Рождество Христово. Оно произошло только один раз две тысячи лет назад? Нет. Оно существует всегда. Оно не может принадлежать только нашей земной истории, потому что это событие принадлежит прежде всего духовной реальности и, таким образом, принадлежит вечности. А если так, то оно может воплотиться, как воплотилось однажды, две тысячи лет назад. И наше богослужение имеет

целью воплотить это богослужение снова. Значит ли это, что Христос снова рождается? Нет. Он, если так можно выразиться, рождается один раз, просто это то же самое рождение. Но мы к нему можем приобщиться, потому что оно вновь приходит к нам, эта духовная реальность вновь открывается нам. Это та же самая реальность, которая была тогда, 2000 лет назад, и в этом смысле мы с вами во время богослужения делаемся участниками этого события, точно так же, как были участниками пастухи или волхвы. Мы тоже можем стоять у Креста во время Страстной седмицы, потому что наш крест — это тот же самый крест. Потому что в нашем богослужении является нам то же самое событие. Здесь преодолевается время и пространство. Если мы это поймем, то поймем, что роль богослужения вовсе не такая уж второстепенная, наоборот, это самое главное в нашей церковной жизни, потому что богослужение — это приобщение наше к небу, к Богу.

Какими же способами Церковь достигает поставленной цели? Для этого Церковь использует некий особенный язык — язык символов. Все богослужение наше символично. Оно было символическим еще и в Ветхом завете. Но тогда эти символы имели несколько другой смысл. И слово «символ», употребляемое сейчас, тоже имеет несколько другой смысл, чем тот, который вкладывали в это понятие первые христиане. Скажем, плюс — это знак сложения, а крестик — это знак умножения, и таких знаков много, и не только в математике. Везде наша жизнь полна такими знаками. Это тоже символы. Но мы их значение весьма сузили. Мы просто обозначаем некоторую последовательность действий, обозначаем, что и как нужно делать. Это просто некая инструкция к действию. Символ в древнем понимании гораздо богаче. Символ в богослужебном понимании — это способ воплощения одной реальности в другую. Там это не просто знак, а присутствие одной реальности в другой, Сам Господь дает нам этот язык символов. Потому что в Тайной Вечере, когда Господь берет хлеб и говорит, что это есть Тело Мое, берет вино и говорит, что это есть Кровь Моя, Он для этого чуда, для этого Таинства использует тоже некие символические вещества — это хлеб и вино. То есть Господь нам указывает, что для того, чтобы приобщиться к духовной реальности, нужно чудо такого творческого действия Божьего. Господь творит чудеса. Такое воплощение — это всегда чудо.

И вот, все богослужение делается символическим. Только совершенно примитивные люди думают, что язык символов используется только по неграмотности, по неумению, как, скажем, советские атеисты говорили, что икона православная не имеет объема, потому что художники не умели нарисовать объемных изображений, они не умели воспользоваться светотенью, не владели законами перспективы. Всем понятно, что икона — это искусство символическое, и что язык символа специально избран для иконы, потому что задачей иконы является явить духовную реальность в этой земной реальности. Поэтому все церковное искусство обязательно должно быть символическим. Так же символическа церковная музыка, церковная гимнография, каждое действие. Сама архитектура храма тоже

всегда несет в себе очень богатую символику. Этот язык символов лучше всего помогает преодолеть пространство и время. Очень часто на иконе специально изображается одновременно прошедшее и будущее, разновременные события вместе. Не потому, что икона примитивна, а потому, что она имеет цель преодолеть время. Очень часто жития святых внушают разные сомнения, являются ли они достаточно историческими источниками для биографии того или иного святого. И когда мы читаем житие, где описывается жизнь мученика, который жил 1800 лет назад и о котором никаких исторических свидетельств до нас не дошло, а житие написано, скажем, Димитрием Ростовским или его предшественником, мы начинаем сомневаться: наверно, это все выдумка, наверно, этого не было. Такое примитивное сомнение возникает по той причине, что мы не понимаем, что такое житие. Житие — это словесная икона. У него совсем иные задачи. Житие очень часто не стремится к историческому, такому буквальному совпадению. Задачей жития является духовная подлинность. Житие стремится дать подлинный духовный образ того или иного святого. Этот образ открывается в духе. А средствами воплощения этого богооткровенного знания того или иного святого являются определенные символы, определенные каноны.

Человеческое искусство обязательно требует канонов. Когда мы имеем перед собой реалистическое изображение, натуралистическую картину, здесь задача фотографическая — изобразить все так, как видишь. Тут все понятно, по какому закону это действует. Если мы имеем в виду символическое искусство, то там нужно иметь некоторые каноны, нужно знать, как пользоваться теми или иными символами. Без договоренности, что какой символ означает, этого искусства быть не может. Поэтому, как только мы начинаем говорить о символическом искусстве, вступает в действие закон канона. Без канона это искусство не будет жить.

В богослужении действуют такие же законы. Но каноны складываются в истории не сразу. И богооткровенные знания стяжать не так-то просто. Оно дается человеку в ответ на его подвиг. Потому что подвиг — это та стихия, в которой живет любовь. В ответ на любовь, в ответ на подвиг человека Господь ему открывается, дает ему благодатное знание, благодатные дары.

Поэтому все в духовной жизни нужно выстрадать, достигнуть через праведность, через святость. Первые богослужения и жизнь первых веков были благодатными в том особенном смысле, который теперь мы с вами почти уже не знаем. Я поясню, что это значит. В древности приходил апостол или святой епископ в некий город в общину христиан. Он всю ночь беседовал с христианами и учил их, объяснял им веру, рассказывал им о познании Бога, которое несет в себе благовестие христианское. Потом они вместе молились и совершали Евхаристию. Сначала апостолы и епископы молились по вдохновению. Древние памятники, дошедшие до нас от II века, говорят, что предстоятель собрания верующих молится, сколько хочет и как хочет, его молитва была живым разговором с Богом. Естественно, что они не

стремились обязательно буквально повторять один другого. И все богослужение, так же как и жизнь первых христиан, было экстатичным, то есть динамическим. Все было в развитии и становлении, не было никаких застывших форм. Ветхозаветные каноны далеко не всегда подходили, они не давали нужной полноты, а новозаветные формы только складывались — не только в молитвах, но и в неких еще более важных моментах. Богослужение быстро развиваясь, набирая разные формы, довольно скоро встает перед проблемой сохранения своей подлинности. Возникает некая каноническая традиция, появляются каноны, т.е. определенные формы, в которых это богослужение должно совершаться. Они появляются во времени, так же как и вся жизнь христианская проходит период установления во времени.

Некоторые наивные православные люди думают, что как установили в первый момент после Вознесения Господня, так все с тех пор неизменно и идет в христианской жизни. Это, конечно, не так. Неизменной остается истина, духовная сущность христианства. Это неизменное тождество истине Христовой для нас является важным, а формы жизни христианской, безусловно, менялись, и должны были меняться и не могли не меняться, потому что форма должна помогать воплотить содержание. Форма может помогать, а может мешать, форма может устареть. Существует диалектика содержания и формы, то есть некое единство и противоположность этих двух понятий и необходимых явлений, в этом диалектическом единстве развивается вся земная жизнь.

Здесь на земле всякое духовное содержание должно быть воплощено. Форма необходима, без формы содержание не воплотится. Но форма принадлежит пространству и времени, а духовное содержание вечно. Нужно, чтобы эта форма была наиболее удобной для воплощения духовного содержания. То есть во времени формы должны развиваться, должны меняться. Если мы будем догматизировать форму, то форма неизбежно станет отторгаться от содержания, начнет тормозить духовную жизнь, начнет обязательно вступать в противоречие с содержанием, потому что в жизни все в развитии. Если она остановится, то она умрет.

И вот в истории христианства эта диалектика содержания и формы в истории богослужения христианского имеет огромное значение. Если мы не поймем этого с самого начала, то мы ничего не поймем. Вся история богослужения для нас станет совершенно непонятной. И непонятными станут проблемы богослужебной церковной жизни, которые стоят перед нами сегодня. Они стоят перед нами с огромнейшей остротой. Здесь обязательно надо сказать о том, что богослужение имеет в себе как бы равные части. Вы знаете, что в богослужение органично входит чтение Священного Писания, в богослужении живут наши молитвы благодарные, просительные, покаянные. Но в нем есть и нечто другое — то, что называется у нас Таинствами.

Что такое Таинство? Само слово «Таинство» дает нам некий ответ — это некое Таинственное действие. Но в духовной жизни все Таинственно, потому что мы не можем там ничего исследовать научным способом, мы не

можем ставить эксперименты, решать какие-то задачи или доказывать теоремы. Мы стремимся обладать духовным знанием, но это знание богооткровенно. Мы узнаем ровно столько, сколько нам будет открыто. И при всем желании мы ничего не узнаем, если нам не будет открыто. Мы можем об этом только просить. И всегда это знание дается нам как дар Божий. И только из того, что нам дано, как благодатный дар, мы можем строить какие-то умозаключения, какую-то систему, но мы никогда не можем быть уверены, что мы узнали все. Более того, мы знаем с вами точно, что разум человеческий не может здесь на земле вместить Божественную истину вполне. Мы знаем, что Господь открывается сердцу человека, но не все может быть понято разумом. Есть очень много тайн Божественного бытия, которые даются нам на веру. Например, догмат о Святой Троице. Кое-что мы можем уразуметь, но не все. Это есть тайна бытия Божия, тайна Божественного промысла. Точно так же все в нашей церковной богослужебной жизни пронизано этой тайной богообщения, тайной действия Божия в этом мире, тайной воплощения духовных Божественных энергий в этом мире. Поэтому, естественно, что все в церковной жизни таинственно, и в каком-то смысле все является Таинством, то есть везде мы видим таинственное действие благодати Божией, таинственное присутствие Бога здесь.

Тем не менее, вы знаете, что Православная Церковь вслед за католической, кстати говоря, имеет и содержит учение о семи Таинствах. Это, прежде всего, Таинство крещения, затем Таинство миропомазания, затем Таинство брака, затем Таинство покаяния, затем Таинство елеосвящения или в просторечии — соборования, наконец, Таинство священства и последнее Таинство, которое называется Таинством Таинств — это Евхаристия. По какому признаку именно эти семь Таинств выделены из прочих всех? Скажем, является ли Таинством монашеский постриг? или является Таинством освящение воды? является ли Таинством освящение дома, если нет, то почему? Конечно, да. Конечно, это все тоже Таинства, потому что везде здесь действует таинственная Божия сила, везде здесь действует благодать Божия. Само слово «освятить» — что это значит? Сделать святым. Но как можно что-то сделать святым? Это, конечно, может сделать только Бог: как-то таинственно, для нас непонятно.

Но семь главных Таинств выделены, потому что в них таинственным образом благодать Божия дает нам какое-то новое качество. То есть эти главные семь Таинств особым образом служат делу домостроительства Божия, Человек получает новое качество, он восходит на какую-то новую ступень, он достигает какого-то нового этапа жизни. Что это значит? Жизнь в Церкви состоит, прежде всего, из постоянного действия благодати Божией, которая освящает людей, которая созидает их жизнь, соединяет их с Богом. И мы должны обязательно вникнуть в их смысл и в то церковное предание, которое до нас дошло. Мы должны знать это предание. Как Евхаристия, так и все другие Таинства имеют, конечно, природу Божественную, все эти Таинства получены нами от Господа Иисуса Христа, и непосредственно от

Него мы их получаем в Священном Писании, или они дошли до нас в устном предании через апостолов. Конечно, всегда такое Таинство имеет свое начало в Господе Иисусе Христе.

Поэтому есть некая схема в изучении Таинств: всегда отыскивают момент установления Таинства. Этот схоластический метод существовал до недавнего времени во всем мире христианском, а у нас он существует даже до сих пор, хотя этот метод богословствования происходит из Католической Церкви. Веру мы получили с вами от греков, а богословие пришло к нам от католиков и получилось это потому, что Византия была завоевана турками, и когда мы получили православие от греков, то скоро нас завоевали татары и мы были не способны богословствовать во время татарского ига. А когда татарское иго было сброшено, то греков завоевали турки, и они не способны были нас учить дальше, и им уже тоже было не до богословия в это время. Поэтому русское богословие начинается примерно с XVII века и заимствуется у католиков. Начинается оно с известной *Киево-Могилянской Академии*. Могилянской она названа по имени основателя этой академии *Петра Могилы*, митрополита Киевского, с именем которого связано развитие русской богословской школы. Она уходит корнями школу католическую, и освобождение от католического налета, от католической методологии начало происходить только в XX веке в трудах замечательных русских религиозных мыслителей-богословов еще до революции. По-настоящему освобождено было наше русское богословие от католицизма в трудах наших русских богословов в эмиграции на Западе.

Здесь на Руси богословию воспрепятствовала коммунистическая оккупация. Но, слава Богу, мы можем теперь учиться у наших богословов западных. Я не хочу сказать, что мы должны полностью принять их наследие, но методология их в богословствовании, конечно, оказалась очень плодотворной и она, собственно говоря, является грандиозным шагом в православном богословии вообще и, особенно, в очищении православного богословия от католического налета. Следуя нашим русским богословам на Западе, стараясь очистить наше православное учение от очень вредных католических догм, нам придется постоянно как бы полемизировать с католиками. В частности, уже сейчас я такую полемику начну, рассказав вам кратко, как в схоластике преподается и изучается Таинство. Начинается с того, что вспоминают установительные слова Евангелия, которые служат установлением Таинства. Такие слова можно найти в Евангелии не всегда. И хотя они очень полезны и нужны, не нужно быть формалистом, так как Таинство может быть основано не на одной фразе, не одним словом, а целым рядом слов и событий. Тут нужна Евангельская полнота. Затем есть у католиков такая канонизированная догма о том, что для совершения Таинства существуют необходимые и достаточные моменты. Необходимо, чтобы Таинство было совершено правильно поставленным священником, чтобы были произнесены правильные слова, которые догматизируются, эти слова у католиков называются сакраментальной или тайносовершительной формулой. Если все соответствует порядку, то Таинство совершилось. Если

же какое-либо из этих условий не соблюдено, то Таинство уже не совершилось. Таково католическое схоластическое учение о Таинствах. После такого подхода остается немного: узнать, как нужно произносить тайносовершительную формулу и какие действия при этом нужно совершить, научиться правильно это делать, и можно еще изучить историю соответствующего богослужения.

Как вы видите, здесь присутствует некий момент, который нужно обязательно сейчас же осознать и заклеить, — это дух юрицизма. Ради порядка, ради контроля, ради централизации, единовластия, ради полного послушания, ради того, чтобы в церковной жизни быть гарантированными от какого-либо волюнтаризма, ради всего этого папство организует церковную жизнь юридическим способом. Этот дух юрицизма воспринят католиками от древнего Рима. Хотя развивался этот дух неуклонно в христианской истории. Можно проследить такое уклонение к юридическому пониманию духовной жизни в глубокой древности.

Этот дух, конечно, совершенно противоположен духу Евангелия, духу христианства вообще. Нельзя духовную жизнь вместить в юридические рамки, хотя нужны каноны, нужны правила. Есть даже такой предмет — история церковного права. Конечно, какое-то право может быть и здесь, но нельзя это право распространять на всю духовную жизнь и даже на самые главные моменты духовной жизни, которыми являются Таинства. Нельзя подчинить все этому праву. Но именно такой полный, всепоглощающий юрицизм как раз характерен для католицизма во всем и всегда. И он является необыкновенно удобной почвой для страшного соблазна — искушения магией. Потому что, что такое этот юрицизм? Это значит, что если правильно поставленный священник правильно что-то произнес, то будет Таинство совершено; если он неправильно что-то сделал, то не будет Таинство совершено. Тут нигде ничего не сказано о том, что он должен быть праведным, что должен любить Бога, иметь живую веру, хранить чистоту сердечную. Католики, конечно, считают, что священник должен быть хорошим, но они не считают, что это необходимо. Вот в чем ужас. То есть иначе говоря, если правильно поставленный католический священник потерял веру — стал неверующим — но при этом он будет произносить sacramентальную формулу и правильные действия совершать, то Таинство будет считаться совершающимся у католиков. Ведь это абсурд! К сожалению, это вовсе не такое редкое обстоятельство — в жизни это бывает очень часто. Нельзя духовную жизнь втиснуть в земные рамки. Это невозможно. А юридические отношения — это отношения чисто земные, это отношения законные. Как вы знаете, в Ветхом завете царствует закон, хотя пророки как-то вырываются из этого закона. Но все-таки там закон. И есть такое замечательное изречение в Послании к Галатам (3, 24), что закон есть детоводитель ко Христу. И апостол Павел в своих посланиях постоянно говорит о том, что закон имеет смысл в том, что он приводит ко Христу, к благодатной жизни. Христос приносит на землю царство благодати, а не закона. Закон нужен для жизни безблагодатной. Но если мы начинаем

абсолютизировать закон, если мы начинаем всю христианскую жизнь втискивать в юридические рамки, то тогда, конечно, благодатная жизнь получает страшный непоправимый ущерб. И католическая доктрина этот ущерб наносит не только католической жизни, но и православной постольку, поскольку мы восприняли эту доктрину на Руси. Мы с самого начала должны сказать, что мы от этой доктрины должны отказаться, то есть мы не будем учить, что Таинство должно иметь сакраментальную формулу.

В православии Таинство совершается Церковью, только в церковной полноте, и это принципиальное учение Православной Церкви. Но такое понимание Таинств и в Православной Церкви почти утрачено церковным народом, потому что оно трудно, оно требует подлинно христианской жизни. А христианская жизнь — это подвиг веры, любви, это жизнь с Богом.

Церковь есть Тело Христово, это некий таинственный организм, который таинственно соединяет в себе Христа и членов Церкви. Это и есть церковная полнота. Только Православие, а не католицизм и не протестанство хранит такое понимание церковной жизни, Таинств. *«Кому Церковь не мать, к тому Бог не Отец»*, — говорил святитель **Киприан Карфагенский** в III веке, и наши новомученики осуществили и сохранили это понимание Церкви. Католическая же попытка втиснуть церковную жизнь в юридическую схему чревата потерей христианского духа.

Церковь должна устоять против подмены. Ее жизнь должна остаться неповрежденной. Церковь живет одним общим делом — Литургией, и все мы должны участвовать в ней.

ТАИНСТВО КРЕЩЕНИЯ

Мы начинаем церковный курс с изучения церковных Таинств. Чинопоследование главных церковных Таинств, в основном, находится в книге, которая по-гречески называется «*Евхологион*», по-русски — «*Требник*». Эта книга регулярно издается Церковью, составлялась она на протяжении многих веков и включает в себя много разных чинов. (Есть Требники более полные и менее полные). Наиболее полным является так называемый *Требник Петра Могилы*, потому что Киевский митрополит Петр Могила был одним из самых плодовитых творцов разных треб и церковных чинопоследований, хотя, надо сказать, далеко не всегда удачных. Он оставил после себя много новых чинов и очень многие существенно отредактировал. Но этот требник обычно не употребляется в Церкви, а употребляется более сокращенный, который тоже содержит много чинов, уже вышедших из употребления. В него время от времени добавляются новые чины, что, конечно, естественно для Церкви, которая живет и действует в этом мире.

Требник содержит чинопоследование Таинств Крещения (вместе с Миропомазанием), Покаяния, Таинство Брака (венчания), Таинство Елеосвящения (Соборование), то есть пяти Таинств. Шестое Таинство — Хиротония (рукоположение) в этом требнике не содержится, потому что это чин, совершаемый архиереем. Не содержится и седьмое, самое главное таинство — Божественная Евхаристия. Чин Евхаристии содержится в Служебнике. Мы будем изучать Таинства, содержащиеся в Требнике, начиная с первого — Таинства Крещения.

Первым христианским таинством, с которого начинается христианская жизнь человека, является Таинство Святого Крещения. Прежде чем мы будем изучать чинопоследование таинства Крещения, следует сказать, что в сегодняшней церковной жизни при совершении этого Таинства и Таинства Покаяния мы встречаемся с очень тяжелыми проблемами, которые пока преодолеть не умеем, которые возникли в силу исторических обстоятельств и являются для нас сейчас проблемами первостепенной важности. Можно даже сказать, что трудности, связанные с Крещением и Покаянием, в наибольшей степени нарушают норму нашей церковной жизни. В чем же состоят эти проблемы, откуда и как они пришли к нам? Таинство Крещения, как вы знаете, установлено самим Господом Иисусом Христом. Не только Сам Христос пришел к Иоанну Крестителю на Иордан и крестился от него, но и в беседе с Никодимом — фарисеем, пришедшим к Христу ночью, Господь говорит: «Аще кто не родится водою и Духом, не может войти в Царствие Божие. Должно вам родиться свыше» (Ин. 3, 5-7). Заключительными словами Евангелия от Матфея являются слова Христа: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф. 28, 19-20). Таким образом, Таинство святого крещения, установленное самим Господом Иисусом Христом, есть Таинство

духовного рождения, в нем дается человеку благодать Святого Духа, рождающая его в новую жизнь, в Церковь, в Царство Божие. Это есть вхождение в Церковь. Что может быть выше этого? Если человек не родится свыше, если он не захочет родиться свыше, он не может войти в Царствие Небесное, он лишается вечной жизни с Богом. Не есть ли Таинство Крещения в этом случае главный момент (необходимое начало?) вечной жизни человека? Именно здесь решается его вечная судьба, он выбирает свой путь навсегда. Такое достоинство этого Таинства, естественно, обязывает нас к особенно серьезному и благоговейному отношению к нему. Можно провести очевидную параллель: когда рождается ребенок на свет Божий, мы употребляем все усилия для того, чтобы все было благополучно, потому что мы знаем, от того, как он родится, может зависеть вся его жизнь. Если не доглядеть, если не помочь, он может задохнуться или остаться уродом. Очень важно, чтобы был помощник, был доктор, чтобы вовремя была оказана помощь, чтобы младенец, родившись на свет, тотчас же был принят в надежные руки, чтобы первые моменты его жизни были обеспечены надлежащим вниманием и любовью. Точно так же рождающийся духовно нуждается в том, чтобы рождение было правильно, чтобы оно было обставлено наибольшей заботой и любовью, чтобы рождающийся человек был бы принят сейчас же в лоно Матери Церкви. Чтобы благодать, которую он получает как новое дыхание жизни, развивалась в нем, чтобы эта жизнь, которая только теплится, могла разгореться в настоящее пламя. Как младенец в роддоме, так и здесь человек может задохнуться от нечистоты, которой везде много, которой много даже в храме. Он может быть изуродован недолжным отношением к нему, он может быть тяжело поврежден и остаться инвалидом на всю свою жизнь. Все это обязывает нас к тому, чтобы мы относились к совершению этого Таинства особенно внимательно, чтобы мы поняли, к какому великому моменту мы приходим и приводим наших ближних.

Как же происходит крещение в наши дни? Обычно после литургии священник спешит на требы, и одной из треб может быть Крещение. Где-нибудь в углу храма или в какой-нибудь комнате ставится купель для младенцев, а для взрослых какой-нибудь таз, и как можно скорее совершается Крещение, как некая будничная ежедневная треба, которая для священника трудна и неинтересна, которую он просто должен совершить. Если он даже является благоговейным священником и служил Литургию с молитвой, с подъемом, Крещение его тяготит. Это так почти для всех священников. И это не может быть иначе, потому что Крещение, совершаемое таким образом, как правило, является именно тяготой, некоторой необходимостью, оно не может радовать по-настоящему, потому что совершается недолжным образом. Есть много совершенно объективно пришедших трудностей, которые не в силах преодолеть ни отдельный священник, ни даже многие священники. У нас нет общего указания, как следует сегодня отнестись к этим проблемам, какие, пути преодоления этих проблем благословляются священноначалием или практикой, традицией

Церкви. В связи с этим каждый священник должен выходить из ситуации.

Если принесли крестить одного младенца или пришли 2-3 взрослых человека, то еще можно спокойно по Требнику совершить чин Крещения. Но если принесли 20 младенцев или пришли 30 взрослых, то естественно, что управиться с ними, совершая все требуемое по чинопоследованию, изложенному в Требнике, очень трудно. Если священник будет буквально исполнять все, потребуются несколько часов. Но ведь на практике в московских храмах, скажем, на окраине Москвы, часто бывает, что приносят или приходят креститься (в субботу или в воскресенье) одновременно 70, 100 человек. А вот в Новосибирске (мне приходилось там быть), например, в воскресенье крестят до 600 человек. И это не исключение, это правило. Это значит, что здесь присутствуют сотни крестных, родителей. Все эти люди часто и в храм войти не могут, их нельзя здесь поместить, и устраивается страшный базар, младенцы кричат, их нужно где-то пеленать, где-то раздевать, крестные и родители ничего не понимают, они, как правило, люди не церковные. Какой выход из положения, что делать священнику? Прогнать их всех как людей неготовых, недостойных или пытаться совершить над ними чин по Требнику, что почти нереально? Что делать, какой выход? Люди, пришедшие креститься, имеют другую психологию. Они считают, что они пришли, заплатили за крещение, теперь исполняй, что положено, уже оплачено. Ты закуплен и обязан исполнять свое дело, если будешь медлить, то они тебе скажут: «Почему вы, собственно говоря, задерживаете?» Делайте свое дело, за что вам платят, почему я вам обязан отвечать? (Все это мне приходилось слышать лично).

Что дальше? Нет и речи о том, чтобы все молитвы можно было прочитать вслух, потому что стоит такой гвалт, что своего голоса не слышно. Поэтому ввели такую практику, что молитвы, которые являются огласительными, которые предназначены для того, чтобы крещаемый или крестный их слышали и молились, читают про себя. Священник прочитывает их иногда заранее, потому что все равно донести их до крещаемых никакой возможности нет. Дальше бегом помазывают всех младенцев и крещаемых, и начинается само крещение, как некий бой, потому что нужно этих младенцев быстро схватить, окунуть три раза в купель и вручить крестному, который не знает, как брать его. Обычно храмы закрывают в этот момент, и там батюшка «погибает». Но когда священник сталкивается с такими трудностями и ищет выход из положения, то он приходит постепенно к мысли, что указания Требника устарели, все это неприложимо к нашей жизни.

Как видите, проблема существует в том, как же нам нормализовать нашу церковную практику. К сожалению, это сделать трудно еще и потому, что приходят люди, которые не могут ответить на вопрос, верят ли они в Бога, тем более не могут ответить на вопрос, для чего они пришли креститься. Мы спрашиваем их, что они хотят получить в Таинстве Крещения, в ответ, как правило, мы слышим: «Чтобы мне не болеть», или, «Чтобы меня охраняла какая-нибудь сила», или, например, «Я хочу выйти замуж, мой жених крещеный и он на мне, некрещеной, не хочет жениться».

Но мы никогда не услышим: «Я пришел креститься, потому что я поверил в Бога и полюбил Его, хочу жить с Богом, хочу стать чадом Церкви, я хочу родиться в новую жизнь с Богом». Этого мы практически не услышим от тех, кто приходит сегодня креститься или крестить своих младенцев. Про младенцев говорят: «Хочу, чтобы его что-то охраняло, чтобы он не болел, чтобы он был счастливым», только не то единственное, что должна сказать мать; «Хочу отдать его Богу, хочу, чтобы он был чадом Божиим, чадом Церкви и отныне жил бы для Бога». Этого нет, и поэтому задача священника очень трудна. Ограничиться просто совершением даже полного чина, предусмотренного Требником, здесь совершенно недостаточно. Приходящий к Крещению не понимает даже смысла происходящего, смысла того, что здесь совершается и для чего совершается, и для чего крещение вообще существует. Он никогда не читал Евангелие, он не знает ничего ни о Святой Троице, ни о каких других догматах Церкви, он, может быть, не ответит вам, кто такой Христос, часто даже не умеет перекреститься. Чего мы добьемся, если даже полностью совершим над ним чин Крещения. Тем не менее вся наша исторически создавшаяся ситуация приводит к тому, что священник, может быть, вначале ревностный и желающий совершить все благоговейно, со временем настолько как бы вынужденно привыкает к механическому совершению треб (потому что он должен успеть вовремя, потому что он не может прогнать этих людей), что он начинает более или менее формально, более или менее сокращенно как-то манипулировать всем тем, что в его распоряжении находится. Получаются от этого страшные беды. Мне тоже приходилось слышать о таком тяжелом случае, когда пришел в храм мальчик 12-ти лет, родители которого были неверующие, и вся семья была неверующая. Каким-то образом он сам захотел пойти в храм. Увидев храмовую красоту, услышав молитвы, службу, он захотел креститься и стать верующим. Священник сказал ему: «Иди, я сейчас тебя покрещу». И за 10-15 минут вместе с другими он его покрестил, очень быстро и формально. Мальчик ничего не понял, ни одного слова, священник не приласкал его, не объяснил ничего, просто покрестил и все. И мальчик сказал: «Правильно говорят, что все попы обманщики». Ушел и с тех пор не пришел. Совершенно естественно, что такой формализм отпугивает не только детей, но и взрослых, утверждает человека в мысли, что в Церкви нет ничего подлинного, нет ничего духовного, здесь нет жизни. Всякий формализм, всякая буква есть лишь одна форма. Формализм нигде не терпим, тем более в этом первом шаге церковной жизни, когда начинается эта жизнь, когда от первого шага, может быть, все зависит, когда человек решает для себя вопрос, будет он жить этой жизнью или нет. По этому первому шагу он будет судить о церковной жизни. Как страшно, что мы именно первый момент церковной жизни делаем отталкивающим, делаем его таким, что человек не хочет больше приходить в Церковь, он убегает из этого места, где такой базар, такой гвалт, с мыслью, что, к счастью, больше сюда не придет. Теперь он крещеный, теперь все в порядке, теперь можно только на отпевание его принести. К сожалению, это правило, а не исключение. К сожалению, это

ужасная, совершенно извращенная норма сегодняшней жизни. Поэтому и приходится об этом говорить так долго и так подробно, хотя это очевидная вещь, мы должны, наконец, всем нашим церковным собором, общецерковным сознанием восстать против этой беды.

Откуда эта беда взялась? Как это случилось? Конечно, история такого «расцерковления» Таинства Крещения, если можно так выразиться, длинна. Крещение давно уже перестало совершаться так, как оно должно совершаться, но в нашем веке произошел как бы революционный скачок в этом смысле. Почему? Причина очень проста. До революции в России практически крестили только младенцев. Поскольку русский народ считался весь православным, то естественным образом утвердилась норма, что каждый новорожденный ребенок должен быть немедленно окрещен. Крещение младенца, это нечто другое, чем крещение взрослого человека, в том смысле, что не требуется донести до его сознания молитв или каких-то огласительных бесед, тем более, что все люди были верующими, крестных найти было легко, любой мог быть крестным, он ходил в Церковь, он причащался, он жил церковной жизнью, поэтому объяснять ему было ничего не нужно. Наша Церковь давно уже привыкла к крещению одних только младенцев. Она разучилась готовить к крещению взрослых людей. Даже техническая сторона крещения оказалась пригодной только для крещения младенцев, у нас в России не было и сейчас почти нет баптистериев, то есть бассейнов для крещения взрослых людей, у нее есть только детские купели. А ведь православный чин крещения требует погружения человека в воду. Крестить в реках, водоемах до недавнего времени было невозможно, это запрещалось, крестить можно было только в храмах. Поэтому пришлось крестить обливанием, что на Руси в Православной Церкви всегда считалось неправильным, считалось исключительной, экстренной мерой, допустимой только в исключительных обстоятельствах. И вот эти исключительные обстоятельства стали нормой жизни нашей Церкви. Крещение младенцев настолько утвердилось в сознании русского народа, что и сейчас, когда люди перестали быть церковными, когда они не читают Евангелие, когда не умеют молиться, когда они себя церковными не считают, даже и о вере христианской имеют самое поверхностное представление, все-таки их почему-то влечет какая-то сила, все-таки они очень часто хотят крестить своих детей. И вот эти сотни, эти тысячи детей, которых нужно крестить, теперь крестятся совершенно не в тех условиях, в которых они крестились раньше.

Раньше они крестились в верующем народе, в верующей семье, в верующей среде, были верующие крестные. Теперь ничего нет, семья неверующая, крестных нет. Евангелие никто не читает, в церковь никто не ходит, причащать ребенка никто не собирается, никто не собирается его воспитывать в христианской жизни, а крестить все-таки хотят. Как быть священнику? Можно было бы, конечно, решить, что все это совершенно нецерковно, поэтому не имеет права на жизнь, поэтому всю эту громадную массу желающих креститься нужно просто выпроводить за ворота, сказать,

что такого никогда не было и быть не может, и не нужна нам такая масса крещеных, но совершенно не верующих людей, крещеных формально людей. Можно было бы так поступать, но каждый раз, когда священнику приходится употребить какую-то строгость и отказать в крещении, могу сказать по себе (и знаю со слов других священников), каждый раз священник чувствует в своей душе невыносимую муку. Даже без объяснения причины каждый раз появляется какая-то ужасная боль, что вот человек почему-то пришел креститься, каким-то образом Господь его привел, а мы отказываем. С одной стороны, руководствоваться одними впечатлениями, эмоциями нельзя, должны быть твердые нормы Церкви. Но, с другой стороны, в Церкви самой главной нормой христианской жизни является любовь, и если от нас уходят люди, обиженные нами, считая, что мы поступили формально, а не по любви, то это беда. Они считают так потому, что у них есть основание. Они говорят, почему вы спрашиваете с нас то, чему нас никто не учил, где мы могли узнать все то, что вы от нас требуете. Скажите, в какой церкви это объясняют? Где книги, в которых это написано? Они правы, до недавнего времени таких книг не было. Действительно, никто ничего не объяснял, ни в одной церкви нельзя было даже Евангелие купить. Это люди, лишенные всего, у них все было отнято, а они все-таки пришли. Справедливо ли их прогнать, отказать? Поэтому, конечно, единственно правильным решением этой проблемы, можно сказать, решением, которое принято церковной практикой сегодняшнего дня, является кроткое, смиренное и любовное отношение священников к тем, кто приходит. Нужно, чтобы священник постарался сделать все, что он может, что в его силах, чтобы он постарался объяснить все, что можно. Если можно уговорить этих людей отнестись более терпеливо, более смиренно, поучиться, почитать Евангелие, не торопиться, подготовиться, найти надлежащих крестных, то нужно это сделать. Нужно заметить их порыв и сказать: «давайте делать все как следует». Это необходимо. Но отказывать людям можно только в том случае, если мы видим, что у них совсем нет веры, что они движимы просто каким-то недоразумением, что они пришли сюда, совершенно не желая быть христианами. Если же мы находим, что есть надежда на их воцерковление, что дело только в том, что они ничего не знают, можно их убедить отнестись к крещению всерьез, то нужно набраться терпения и нужно искать какие-то компромиссы. Конечно, сейчас, когда появились новые возможности, когда открывается большое число храмов, когда уже не запрещено выходить на улицу, когда мы можем что-то строить, мы должны приложить все усилия для того, чтобы нормализовать совершение Таинства Крещения. Мы должны строить баптистерии для взрослых, мы должны стараться ввести огласительную дисциплину, то есть готовить людей к крещению. Мы должны давать какие-то, может быть, маленькие книжечки, где можно познакомиться с тем, что такое крещение и что такое христианская жизнь, должны призывать к чтению Евангелия всех, кто приходит к нам. Есть возможность теперь летом, например, крестить в водоемах, раньше это запрещалось, теперь такая возможность есть. Надо сказать, что такие

попытки постепенно улучшить совершение Таинства Крещения, слава Богу, появились. В Москве есть несколько храмов, где существуют баптистерии, стали строиться крестильные храмы, стали читать огласительные лекции для тех, кто желает креститься. Так что постепенно процесс нормализации начинается. Мы должны с вами в нем участвовать. Наш институт до сих пор еще называется Богословско-катехизаторским. Кто такой катехизатор? Что такое катехизация? На русский язык это слово переводится как «оглашение».

Оглашение — слово Божие, слово священническое, то есть научение. Оглашение, *катехизация* — это есть подготовка к крещению, к воцерковлению человека. И потому-то мы открыли сначала курсы катехизаторов, а теперь институт, что Церковь наша нуждается прежде всего в таких катехизаторах. Одних священников мало, недостаточно для подготовки к крещению. Одна лишь только нормализация совершения Таинства Крещения, конечно, очень много изменит в жизни нашей Церкви. Конечно, те люди, которые пришли в Церковь сознательно, кто родился в церковную жизнь, стали здоровыми чадами Церкви. До сих пор крещение миллионов, десятков миллионов младенцев нашу Церковь очень мало пополняло. У нас числилось, скажем, 40 миллионов крещеных, а если подсчитать, сколько людей ходит в храмы, вы увидите, что их совсем немного. Ведь почти все эти десятки миллионов остаются вне Храма, для чего их крестили, какой в этом был смысл? Почему так происходит? Потому что крещение происходит неправильно и не достигает цели. Можно ли сказать, что оно не достигает цели? Да, можно. Рождается ведь человек для того, чтобы жить дальше, а не умирать тут же. Если будет такая статистика, что из 100 младенцев новорожденных 95 тут же умерли, скажем, в родильном доме, то его, наверное, нужно закрывать. Если из миллиона крещеных приходят к нам только тысячи для того, чтобы жить церковной христианской жизнью, то это значит, что мы не умеем крестить, крещение совершается неправильно. Это значит, что, получив духовное рождение, люди тотчас умирают духовно. Этого не должно быть. Таким образом, наша церковная жизнь прежде всего зависит от того, научимся ли мы, породив новых членов Церкви, сохранить их живыми для Церкви, останутся они жить в Церкви или нет. Видите, это вопрос первостепенной важности. Если мы не поймем этого, если не ощутим, что в этом заложен уже как бы ответ на вопрос, будет жить наша Церковь или не будет, тогда мы ничего не исправим. Мы должны это понять и на это нацелить наши силы. Это первая задача всей нашей Церкви, каждого христианина. Каждый из нас должен понять, что нужно изменить нашу практику, которая возникла в XX веке в чрезвычайных условиях гонений, когда храмы были закрыты, когда не было возможности сохранить традицию, когда разрыв с традицией, с преемственностью духовной привел ко всем этим страшным злоупотреблениям и беспорядкам в нашей Церкви. Вот сейчас мы должны собрать все наши силы и навести порядок, иначе может быть поздно, иначе наша Церковь не сможет возродиться к жизни.

Есть еще такой вопрос. Когда приходят к нам креститься люди, мы

даже не знаем, о чем с ними говорить. И вот, обучая катехизаторов, мы столкнемся с вопросом: разрешить ли желающим креститься чтение Евангелия. Я говорю это потому, что у нас в Церкви в довольно широком кругу бытует мнение, что некрещеным не надо давать читать Евангелие. Такую точку зрения вы можете услышать от многих священников и монахов, поэтому неясно даже, как приступить к оглашению, как готовить к крещению. Такая точка зрения возникла в древности в связи с тем, что тогда Евангелия были особой христианской святыней, они были рукописными, они хранились с особенной тщательностью именно как первые святыни храма и употреблялись только для богослужения. Нельзя было давать их кому-то читать. Евангелие погибло бы. И утвердилась такая практика, что Евангелие читается только верными во время Литургии, в особых условиях, в Храме. Некрещенные, которые не допускаются к участию в Литургии, тем более не могут получить в руки Евангелие. В наше время реальность совершенно изменилась. Сейчас существует 100 миллионов тиражированных Евангелий на всех языках мира. Евангелие во всем мире стало достоянием мало-мальски культурного человека, поэтому сейчас абсурдно запретить читать Евангелие некрещеному. Никто, как правило, не спрашивает – берет и читает. Для нас теперь естественно тех, кто приходит креститься, призывать, чтобы они прочитали Евангелие, может быть, не все. Деяния Апостолов труднее, чем Евангелие, можно ограничиться тремя синоптическими Евангелиями: от Матфея, от Марка, от Луки и Деяниями Св. Апостолов. Человек, прочитавший эти четыре новозаветные книги, уже будет иметь ясное представление о христианстве, о Церкви. Будет понимать, куда он пришел и для чего. Поэтому такая норма сейчас утверждается во многих храмах, многими священниками, и, конечно, норма очень хорошая. Сейчас Евангелие можно купить беспрепятственно, поэтому мы имеем полное основание каждому приходящему креститься говорить: «Хорошо, я крещу, но прежде прочти Евангелие, это не потребует много сил и времени, для этого достаточно нескольких часов, и тогда будешь знать, о чем идет речь». Как показывает практика, взрослых людей вполне можно в этом убедить, уговорить, они понимают это благожелательно.

Есть еще очень важная норма. Недостаточно только быть в курсе того, что написано в Евангелие. Сейчас приходят, как правило, креститься к нам люди совершенно изломанные, искалеченные атеистической пропагандой, забывшие нормы христианской нравственности. Увы, даже среди молодежи очень мало людей, которые не впали в тяжкие смертные грехи, подавляющее большинство приходящих сейчас в храм уже успели пройти через очень тяжелые падения. Поэтому естественно, что человек, приступающий к крещению, должен осознать, что христианская жизнь — это жизнь другая, это жизнь чистая, жизнь, основанная на Евангельских заповедях, не на тех нормах жизни, которые стали повсеместными, а на нормах, которые всегда остаются одними и теми же, потому что даны нам Господом Иисусом Христом. Нужно, чтобы человек покался в содеянных прегрешениях и имел твердую решимость больше так не грешить. Он должен понять, что

христианская жизнь несовместима с теми грехами, которые существуют сейчас в мире. Тем не менее этого не так легко добиться. Приходит масса людей, которые считают себя вполне добропорядочными, хорошими людьми и вполне достойными совершению над ними Таинства Крещения. Приходится спрашивать, как вы живете, нет ли у вас каких-то грехов? В ответ слышишь: «Да нет, я добрый человек, я ничего плохого не делаю, никого не обижаю». «Ну, а есть ли у Вас семья, как вы живете?» И постепенно выясняется очень часто, что человек живет в незаконном сожителе, вне брака. Это сейчас повсеместный случай, и это никого не удивляет, сейчас это стало нормой во всем мире, не только в нашей стране (может быть, даже во всем мире раньше, чем у нас, а теперь и у нас). И очень трудно объяснить, что это с христианством несовместимо. «Почему несовместимо? Я же его не обижаю, я же его люблю. Неужели для Вас важно, чтобы в паспорте был штамп ЗАГСа, какое это имеет значение? Я люблю, я ничего плохого не делаю. Почему Вы не хотите меня крестить?» И объяснить человеку, что в христианстве есть только одно понятие о семейной жизни, что не может быть назван семьей такой образ жизни, блудное сожителе. Это не просто, это очень не просто, следовательно, здесь нужно провести исповедь. Исповедь, не являющуюся Таинством Покаяния, потому что Таинство не может быть совершено над некрещеным человеком, но исповедь, которая является откровением сердца человека, когда человек приходит и открывает свое сердце священнику, когда он говорит о том, как он живет и искренне обещает ему жить по церковным нормам. Современные люди с трудом приходят к этому, они иногда возмущаются, говорят — почему я обязана Вам все рассказывать? Им это непонятно. Другие не могут понять, что, скажем, аборты — это грех. Аборты настолько с их точки зрения, являются нормой жизни, что они никак не могут понять, что это грех. Бывают случаи совсем удивительные. Вот у меня был случай, когда ко мне пришла уже немолодая женщина и хотела причащаться первый раз. Я стал на исповеди спрашивать, какие есть грехи, она сказала, что грехов у нее никаких особых нет. Я спросил, а кем она работает, какая у нее специальность. — «Учитель». — «Что Вы преподаете?» — «Я преподаю научный атеизм в школе». Я говорю: «Как же так? Вы верующая?» — «Ну да, я верующая». — «Значит, Вы дома молитесь Богу?» — «Да, молюсь». — «А детям говорите, что Бога нет?» На этом пункте женщина на меня очень рассердилась и сказала: «Ну что, Вы разве не знаете, что от нас это требуют, хотите, чтобы меня выгнали с работы?» И я не смог ее убедить в том, что такая жизнь с христианством несовместима. Мало того, что человек отрекается от веры, но она еще и детей учит, что Бога нет. «Ну так что же такого? Я им сказала, что Бога нет, потом пришла домой, помолилась Богу и все в порядке». А завтра опять. Видите, психология современного человека фантастическая, современные люди не воспринимают церковную норму, Евангельское слово сразу, легко, нужно много потрудиться для того, чтобы человека приготовить к настоящему отношению, к настоящему рождению в Церкви.

Есть еще один весьма существенный вопрос, который естественно может возникнуть, когда мы видим все эти беспорядки в Церкви. Многие из нас слышали, наверное, что баптисты, например, младенцев не крестят. У них взрослые проходят строгую подготовку к крещению, и никакого безобразия с крещением у них нет. Более того, они считают, что Православная Церковь давно уже это Таинство профанировало и крещения настоящего здесь нет, не совершается. Поэтому, если кто-нибудь из православных переходит к баптистам, то они его крестят заново. Может, они правы, может быть, не надо крестить младенцев? И баптисты нам говорят, что в древности младенцев не крестили. Первые христиане действительно не крестили младенцев. Как можно решить этот вопрос? Может быть, Православная Церковь здесь действительно отошла от традиций древнехристианских и получается законное возмездие. Действительно, в древности, в самом начале христианской эры крещения младенцев не было. Это было вполне естественно, потому что крещение, обращение к Христу требовало от человека совершенно особенной решимости. Вот появилась маленькая христианская община, которая воспринималась как секта, и для иудеев, скажем, прийти и принять крещение или войти в эту секту было, конечно, подвижничеством, актом чрезвычайной решимости. О младенцах не могло быть и речи. Вскоре христиане стали гонимы. После крещения могли тут же подвергнуться пыткам и казни. Так часто и бывало, что крестившаяся семья выводилась на площадь и тут же устраивались самые страшные зверские пытки. Можно ли было говорить о крещении младенцев, когда за крещение придется отвечать своей жизнью. Естественно, что крещение принимали только те, кто готов был умереть за веру, за Христа, но не отречься. А младенцы безгласные, не понимающие ничего, не могут быть крещены — так думали первые христиане. Но это продолжалось недолго. Как только появились церковные семьи, положение стало меняться. Представьте себе семью, где родители, старшие дети постоянно ходят в церковное собрание, молятся Богу, причащаются Святых Христовых Тайн, живут церковной жизнью, а новорожденный младенец, безгрешный, как мы говорим, всего этого лишен, за него даже помолиться нельзя, нельзя помянуть на Литургии, он не может быть ни причащен, ни принесен в церковное собрание, он является каким-то изгоем только потому, что он мал. Это, конечно, противоестественно, и тогда Церковь приняла другую норму. Крестить младенцев можно в том случае, если гарантируется их христианская жизнь, их христианское воспитание, их церковная жизнь. Если младенца приносит церковная семья, то все в порядке. Не так существенно, что младенец ничего не понимает, потому что человек — это клеточка единого человеческого организма по замыслу Божию, и если это мало чувствуется в падшем человеческом роде, то это безусловно ощущается всеми настоящими членами Церкви. Церковь — это Тело Христово, это единый организм и естественно, что каждая вновь родившаяся клеточка должна быть в этом теле, не должна быть из этого тела изъята до тех пор, пока она вырастет, она в этом теле и должна вырастать в единой жизни

церковного организма. Поэтому крещение младенцев приемлемо и допустимо, но только при надлежащей гарантии церковной жизни младенцев. И Церковь с первых веков не довольствовалась свидетельством церковной жизни родителей, но потребовала как бы специальных гарантов — ввела институт восприемников, то есть людей, которые берут на себя особенное послушание, особенное обязательство перед Церковью за новокрещеного младенца. У нас такие люди называются крестными.

К сожалению, теперь крестные воспринимаются как некие свидетели, участники праздника крещения и не понимают своих обязанностей, своих обязательств. У нас в России есть обычай, чтобы было двое крестных (отец и мать), в Молдавии их может быть очень много (до двенадцати), в древности церковными канонами предусматривался один крестный (для мальчика — крестный отец, для девочки — крестная мать). Но было твердое сознание, что принять на себя обязанность крестного не просто, это означает, что на Страшном суде ты ответишь за этого младенца. Воспитаешь ли ты его в церковной жизни или нет, это чрезвычайно существенно для твоего спасения. В настоящее время мы сталкиваемся с очень тяжелой ситуацией. Вот в тех крещениях, которые я уже описывал, обычно бывает так. Крестины — это некий повод для семейного праздника, для того, чтобы собраться, устроить застолье, а может быть, и выпивку. Крестные — это люди, с которыми мы сейчас породнимся, вступим в какие-то интересные отношения. И вот, приходят такие люди, семья с младенцем и с крестными креститься. И если вы скажете, что они не готовы, что вы их крестить не можете, то для них это будет большая неприятность, потому что у них дома уже приготовлен стол, все накрыто, они освободили себе сегодняшний день, они отпросились с работы, они готовы устроить себе праздник, а вы их не пускаете. Как же быть? Получается скандал. Из всего этого ясно, что оглашению в наше время должны подвергаться не только взрослые, которые хотят креститься, но и, конечно, и родители, и крестные младенца. Они тоже должны быть оглашены, должны быть приготовлены, мы должны к ним отнестись так, как относимся ко взрослым, желающим принять крещение — поисповедовать, расспросить, ведут ли они церковную жизнь, попросить их почитать Евангелие, объяснить им смысл крещения и смысл тех обязательств, которые они принимают на себя. Без этого крещение младенцев по-настоящему недопустимо.

Вот поэтому всему Таинство Крещения делается такой тяжелой требой для священника. Совсем по-другому обстоит дело, когда на крещение приносят младенца, родившегося в церковной общине, или когда приходит взрослый, который приготовлен к крещению, как должно. Это бывает настоящий праздник, праздник для общины, и для крещаемого, конечно, и для священника. Такие крестины — это величайшая радость. Не знаю, многим ли из вас удавалось быть на таких крестинах. Вот, в нашем храме теперь, слава Богу, такие крестины бывают довольно часто. Тогда собирается в храме вся община, чин Крещения понятен всем, все молятся, все поют, тогда крещение действительно занимает то место в жизни Церкви, которое

оно должно занимать. Тогда это действительно общецерковное торжество рождения нового человека в вечную жизнь, в жизнь Церкви. Вот таким торжеством должно стать крещение церковное всегда.

Скажу еще лишь о том, что в древности разработка чина Крещения происходила в течение первых веков удивительно серьезно и ответственно. Крещение взрослых совершалось, конечно, после оглашения и приурочивалась к великим праздникам, более всего к Пасхе (Воскресению Христову), к празднику Рождества и Богоявления (прежде совершались в один день), к празднику Святой Троицы (Пятидесятницы). Остатки такого соединения крещения с этими днями имеются в нашей Литургии. В эти праздники вместо «Святой Боже...» поется «Елицы во Христа креститесь...» - отличительная черта этих праздничных Литургий. Именно потому, что в древности в эти дни в праздничных Литургиях участвовали новокрещенные. Более того, интересно, что само Таинство Крещения воспринималось древними христианами именно как воскресение. Я уже говорил вам о том, что обряд этого Таинства, форма этого Таинства — погружение в воду — символизирует ни что иное, как погребение и воскресение из мертвых, как бы опущение в могилу и восстание из могилы. Поэтому в событии крещения древняя Церковь видела воскресение, воскресение Христово — это начало общего воскресения для вечности падшего человеческого рода. Именно в крещении начинается это воскресение. Поэтому-то древняя Церковь старалась приурочить крещение ко дню Пасхи, ко дню Воскресения Христова, чтобы с Христом воскреснуть от греха для вечной жизни. И само чинопоследование Пасхи имеет замечательные черты этого праздника, в частности, пасхальный Крестный ход, он является как бы трансформацией в истории хода новокрещенных, когда множество новокрещенных, подготовившихся к крещению во время Великого Поста, из крещального храма во главе с Патриархом, в белых одеждах, с возженными свечами шли к Литургии пасхальной. Это торжество, которое возглавлялось Патриархом в Константинополе, и было торжеством, чрезвычайно важным, большим событием для всей Церкви, оно послужило началом пасхального ночного крестного хода, который сохранился до наших дней.

Таким образом, мы подготовились к тому, чтобы понять, что Таинство Крещения — это один из важнейших моментов церковной жизни всех нас, всей Церкви, не только того человека, который крестится, его ближайших родственников или восприемников — это событие важнейшее в жизни всей Церкви.

Таким образом, первая беда сегодняшней церковной жизни — это отсутствие подготовки к крещению. И миллионы крещенных без подготовки людей как раз составляют такое огромное число так называемых, уже нельзя сказать христиан, но крещенных, о которых можно сказать, что за них хулится имя Христово. Потому что они как раз являют нам пример того, что можно быть крещеным и называть себя христианином, но не быть им. А людей, которые действительно являются христианами, совсем немного, и они действительно представляют собой «малое стадо». Эти люди, как правило,

составляются из числа тех, кто приходит с самого начала всерьез в церковь, кто первые свои шаги делает не легкомысленно, а от всего сердца.

И вот, соответственно этому Таинство Крещения в древности имело длительное приготовление, которое называлось оглашением. Оглашалось большое количество готовящихся ко святому крещению Словом Божиим и Словом Церкви. Поэтому они назывались «Оглашёнными», по-гречески «катехуменами». И оглашение по-гречески «катехизация». (Наши курсы назывались катехизаторскими. Уже из этого видно, какое значение мы придаем подготовке катехизаторов. Тема крещения является основной для всех нас).

Как же строилась система оглашения по замыслу Церкви? В древности, довольно скоро после того, как апостолы разошлись на проповедь Евангелия, стало ясно, что к крещению нужно готовить. Хотя Священное Писание дает нам случаи крещения харизматического. Например, апостол Филипп крестил евнуха, как только они подъехали к воде. И описывается случай, как апостол Петр пришел крестить римскую семью, которая уже до крещения получила благодать Святого Духа. То есть такие экстраординарные случаи были, и следовательно, могут быть всегда в Церкви. Но потом креститься стали очень многие люди (нужно опять оговориться, что первые крестившиеся тоже могли быть в большом количестве, например, после проповеди апостола Петра крестилось сразу несколько тысяч иудеев). И когда крещение приняло массовый характер, стало ясно, что необходима система приготовления — оглашения. В первые века христианства такое оглашение могло длиться от одного до трех лет. Потому что невозможно было усвоить истинное христианское учение за одну-две беседы, как теперь иногда думаем обойтись мы. Причем считалось, что началом оглашения не может быть чтение Евангелия. На это были разные причины. Во-первых, Евангелие было совершенно недоступной книгой, манускриптом, который просто на руки получить было и нельзя некрещеному, но была и другая мысль, что язычник не может сразу приступить к чтению Слова Божия. Нужно его еще к этому приготовить. Таким образом оглашение подразделялось на несколько стадий. На первой стадии были огласительные беседы. Эти беседы проводил чаще всего епископ, но не обязательно, мог быть и пресвитер или какой-нибудь катехизатор. Древние памятники дают нам такие примеры. Например, Иустин мученик (или Иустин Философ) был таким катехизатором уже в юности своей. Есть и другие примеры. Но мог быть и епископ. Например, у нас остались замечательные «Огласительные беседы» св. епископа Кирилла Иерусалимского, которые не потеряли своего значения и в наши дни.

На такие огласительные беседы обычно собирались все желающие креститься, и этих людей готовили к определенному дню, к определенному празднику. Наибольшее число крещаемых бывало на Пасху, и Великий Пост был временем напряженной подготовки к крещению. Начиная со средопостной среды, то есть той среды, которая бывает в середине поста, в чин Литургии оглашенных вводится даже специальное прошение. Кроме

ектеньи об оглашенных там вводится еще ектеня о готовящихся ко святому просвещению. Эта ектеня произносится на каждой Литургии оглашенных до Страстной седмицы. По мере приближения к концу поста, очень часто даже на Страстной седмице, оглашенным давали читать Евангелие. И предлагали выучить молитву Господню «Отче наш». Они готовились произнести «Символ веры». То есть их уже подводили как бы вплотную к тому таиндействию, которое должно было совершиться вскоре. А после крещения, уже на Пасхальной седмице проводились так называемые Тайноводственные беседы – беседы о Таинствах Церковных. Это совершенно естественно, потому что человек, принявший Святое крещение, должен был погрузиться в полноту церковной жизни. Его вели к Божественной Литургии и вводили его в эту таинственную жизнь Церкви, объясняли ее устройство.

Вначале оглашение происходило так: те, кто собирается креститься, приводились к священнику или епископу, и он знаменовал их, то есть осенял крестным знаменем, возлагал руку на головы их и говорил молитву: «Благословен Ты, Господи Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, который от всех народов избирает себе народ особенный, ревнителей добрых дел. Ты и сего пришедшего Святой Твоей Церкви раба Твоего благослови, открой ему очи к разумению дивных Твоих чудес, открой ему уши к слышанию Божественных Словес Твоих, присоедини его к оглашаемым народа Твоего, во время благоприятно удостоиться возрождения одежды нетления». Здесь снова знаменуют – записывают его имя среди оглашаемых. И далее молятся: «Ты, Владыко, послал миру Святое Твое Слово, чтобы наполнить всех благоразумием Твоим. Ты изъял душу раба твоего от лукавого. Ты и просвети ее, наставь на освящение Христа твоего. И не разреши никакому духу лукавому иметь еще в нем жилище. Ибо Ты — Единый Избавитель рода нашего, и Тебе славу и благодарение приносим. Теперь и всегда и вечно. Аминь».

Еще я вам приведу древнее описание того, как приводились желающие креститься к началу оглашения. Сохранилось воспоминание одной французской паломницы — Сильвии Аквитанской, настоятельницы монастыря. Она прожила в Иерусалиме два года и очень интересовалась тем, как совершаются богослужения и как проходит церковная жизнь. Она оставила нам очень ценное свидетельство. «И о том должна была я написать, говорит — эта паломница, — как поучаются те, которые приемлют Крещение на Пасху». Заявляющий свое имя делает это до дня Четырдесятницы имена всех записывает пресвитер: это бывает за восемь недель, в течение которых, как я сказала, продолжается Четырдесятница. Когда пресвитер запишет имена всех, на другой день Четырдесятницы поставляется для епископа кафедра в большой церкви, то есть в Мартириуме. По ту и другую стороны садятся на кафедры пресвитеры и становятся все клирики. Затем приводятся по одному ищущие крещения; если это мужи, приходят со своими отцами, если жены, то со своими матерями. И затем епископ по одиночке спрашивает соседей вошедшего, говоря: «Доброй ли он жизни, почитает ли родителей, не пьяница ли, не хвастун». И спрашивает о всех пороках,

которые более тяжки в человеке. И когда он убедится, что тот безупречен во всем, о чем спрашивал епископ в присутствии свидетелей, то он собственноручно записывает его имя. Если же тот в чем-нибудь обвиняется, то епископ велит ему выйти, говоря: «Пусть он исправится и, когда исправится, пусть приступает к купели». Так он говорит, спрашивая о мужах и женах. Если же кто чужестранец, то он не так легко приступает к крещению, если только не представит свидетельства лиц, его знающих. Последняя фраза особенно знаменательна для нас. Такое торжественное принятие в чин оглашенных у Сильвии Аквитанской называется легким. Мы с вами даже не можем себе представить такого чина. Это еще не крещение. Человек только приходит и говорит, что он хотел бы креститься. А его в назначенный день приводят в такой собор, где сидит епископ на кафедре и все клирики и пресвитеры. Тут начинают расспрашивать о его жизни и только тогда записывают его имя, когда узнают, что он беспорочен, и когда засвидетельствуют его знающие, близкие ему люди, что он доброй жизни. А чужестранец, у которого нет свидетелей, так легко не может быть записан в число оглашенных. То есть древние христиане нисколько не боялись отказать в крещении. Сейчас мы очень боимся отказать, когда к нам приводят креститься. И надо сказать, что, когда приходится отказывать, это действительно очень тяжело. А они не боялись, потому что были уверены, что нет смысла креститься, если человек крестится без подготовки. «Я должна была написать об этом для того, чтобы вы, госпожи сестры, не подумали, что это делается без разумного основания. Здесь есть такой обычай, что тех, которые приступают к крещению, в течение 40 дней Поста ранним утром заклиняют клирики, как только бывает утренний отпуст в Воскресении. И тотчас поставляется кафедра для епископа в большой церкви в Мартириуме, и все приступающие к крещению, как мужи, так и жены, садятся вокруг епископа, отцы же и матери стоят. Точно также из народа желающие все входят и садятся, но только верные. Оглашенный туда не входит, когда епископ поучает их закону. Итак, начиная от Бытия, в течение этих сорока дней он проходит все Писание, сперва излагая телесно, а потом разрешая его духовно. Точно также они в эти дни поучаются и о воскресении обо всем, относящемся к вере, и это зовется оглашением. И когда исполнится пять недель от начала поучения, тогда они получают Символ. Смысл этого Символа, в его отдельных словах, епископ изъясняет им подобным же образом, как и смысл тех Писаний, сперва телесно, потом духовно: так он объясняет и символ. И бывает так, что в этих же местах все верные следят за Писанием, когда оно читается в церкви, так как все поучаются в эти 40 дней, начиная от первого часа и до третьего часа, потому что оглашение продолжается три часа. И часто бывает, госпожи сестры, что верные, входящие для слушания оглашения, с большим вниманием относятся к тому, что говорится и объясняется епископом, чем когда он сидит и проповедует в церкви по поводу отдельных мест, толкуемых таким образом. По окончании же оглашения, в третьем часу, тотчас епископа ведут при песнопениях в Воскресение (то есть храм воскресения), и бывает отпуст третьего часа. И так

в продолжение трех часов они поучаются ежедневно в течение семи недель. На восьмой же неделе Четыредесятницы, которая зовется Великой неделей, поучение их прекращается для того, чтобы выполнить то, что важнее. Остается одна неделя — пасхальная, которую здесь зовут Великой неделей».

Вот это свидетельство рисует нам ту обстановку значительности, торжественности, духовного углубления в начало новой жизни, которое должен пройти каждый, желающий креститься. Естественно, что таким образом подготовленный человек легко начинал дальше церковную жизнь. У нас, к сожалению, все это давно забыто. Когда вся страна, весь народ стал христианским, крестить стали только младенцев, и в оглашении не было нужды. Так что от огласительной дисциплины остались только чисто богослужебные следы в Требнике. Рассмотрим теперь, как этот чин теперь у нас читается в Требнике. На первой странице мы находим молитву: «В первый день по внегда родити жене отроча». На самом деле здесь содержатся три молитвы, которые в наше время теперь никогда не читаются. Дальше идет «Молитва во еже назнаменати отроча, приемлющее имя восьмый день рождения своего». Здесь содержится молитва наречения имени и тропарь Сретенью, и подробно указывается, как совершается этот чин наречения имени. Затем следует молитва «Жене родильнице по четыредесяти днех», то есть иначе говоря, молитва сорокового дня. Здесь имеются две молитвы матери и самому отроцати. После этих четырех молитв короткий чин воцерковления младенца. До прошествия 40 дней мать не имела права приходить в храм, пока не пройдет время очищения и не будет прочитана очистительная Молитва. Поэтому-то эти молитвы и расположены в такой последовательности. Сначала наречение, а потом уже очистительные молитвы матери.

На Руси был обычай крестить ребенка на восьмой день, когда нарекалось имя, и остался след этого обычая в том, что теперь на крещение обычно не допускают матерей. Чины эти написаны как бы подражанию тем чинам, которые были в ветхозаветной церкви. В Евангелии мы имеем свидетельство о том, как на восьмой день младенец должен был быть обрезан и в сороковой день принесен матерью в храм, где приносилась искупительная жертва. И вот применительно к этим ветхозаветным чинам, в новозаветной Церкви составляются какие-то подобные чины. На восьмой день назначено наречение имени, на сороковой день - очистительная молитва матери и молитва на воцерковление ребенка. И только уже после этих молитв содержится чин «Во еже сотворити оглашенного». Если мы начнем вникать в чин оглашения, то увидим, что начинается он с примечания, что «разрешает священник пояс хотяшего просветитися и совлагает, и отрешает его, и поставляет его к востоку во единой ризе непрепоясана, непокровена и необувенна, имущего руце доле, и дует на лице его трижды и знаменует чело его и перси трижды, возлагает руку на главу его, глаголя: «Господу помолимся». Очевидно, что чин оглашения является естественным продолжением этих молитв. Потому-то и нет в чине оглашения возгласа, что

возглас уже был, при наречении имени или при чтении молитв матери. Здесь нужно оговориться, что в современной приходской практике матери не дают присутствовать при крещении младенца, хотя обычно уже прошло больше сорока дней. Младенцев приводят крестить, когда им уже исполнилось несколько лет, то есть очистительное время прошло. Но практика изгнания матерей осталась. Это имеет некоторое оправдание, потому что в той суматохе, в том беспорядке, в котором сейчас чаще всего происходит крещение, матери часто мешают. Но если бы мы крестили должным образом, не торопясь, а как следует, то нужно было бы поступать наоборот. Нужно было бы прочитать молитвы матери, если с рождения ребенка прошло 40 дней (как правило, так и бывает), и как раз это будет соответствовать расположению молитв в Требнике. После прочтения этих молитв и молитв на воцерковление ребенка мать вполне может присутствовать при крещении. Ребенок при матери будет вести себя спокойнее, и все будет гораздо благопристойнее, и мать будет слушать молитвы, и само крещение принесет ей большую пользу, так как она тоже почувствует это великое благодатное Таинство, которое совершается над ее ребенком. Поэтому священники, желающие нормализовать крестины, именно так теперь и поступают: читают сначала молитву матери, молитву воцерковления ребенка, а потом оставляют матерей при крестинах. Чин оглашения начинается со следующей молитвы: «О имени Твоем, Господи Боже истины, и Единородного Твоего Сына и Святаго Твоего Духа, возлагаю руку мою на раба Твоего сего, сподобльшагося прибегнути ко святому имени Твоему, и под кровом крил Твоих сохранитися. Отстави от него ветхую оную прелесть и исполни его еже в Тя веры и надежды и любви: да разумеет, яко Ты еси един Бог истинный, и Единородный Твой Сын, Господь наш Иисус Христос, и Святыи Твой Дух». Эта молитва очень похожа на молитву наречения имени. И поэтому теперь, когда мы вынуждены сокращать крещение, ввиду наших обстоятельств, мы чаще всего молитву наречения имени опускаем, а начинаем прямо с оглашения. Затем следуют 3 запретительные молитвы, которые читаются лицом к оглашаемому. Эти молитвы обращены к дьяволу, это есть заклинание. Звучат они так: «Запрещает тебе, дьяволе, Господь, пришедый в мир и вселивыйся в человецех, да разрушит твое мучительство и человеки изымет, Иже на древе сопротивныя силы победи, солнцу померкшу, и земли поколебавшейся, и гробом отверзающимся, и телесем святых восстающим, Иже разруши смертию смерть и упраздни имуща державу смерти, сиесть тебе, диавола. Запрещаю тебе Богом, показавшим древо живота, и уставившим херувимы, и пламенное оружие, обращающееся стрещи то: запрещен буди. Оным убо тебе запрещаю». И дальше эта молитва продолжается со ссылками на Евангельские сюжеты, где Господь изгоняет бесов, и говорится о смысле пришествия Христова. Затем следуют вторая и третья молитвы. Эти молитвы могут на нас произвести впечатление некоторого магизма. И мы с вами так и привыкли думать, что заклинатели - это суть маги, это такие волшебники и колдуны. И наоборот, всякие ворожеи и колдуны именно заклиняют. Поэтому после длинных наших объяснений

несовместимости христианской жизни с магией, довольно странно слышать, что в самом начале нашей церковной жизни находятся именно заклинательные молитвы. Как это нужно понять? Здесь нужно вспомнить, что Христос в Евангелии дает своим ученикам власть вязать и решить, власть изгонять нечистых духов и запрещать им. Вы помните, как 70 апостолов, возвращаясь после своей миссии, рассказывают Христу с радостью, что и духи повинуются им. Поэтому в самих словах молитвы мы еще не имеем никакого магизма. Это не есть признак магизма, если мы запрещаем или изгоняем нечистого духа. Магизм есть отношение к этой молитве. Если священник думает, что достаточно ему просто произнести какие-то формулы заклинательные, и тогда нечистая сила изыдет из человека, который перед ним стоит, то это будет магизм. Это довольно тонкое и существенное место. Таким образом, магизм – это наше отношение, это то, что мы делаем в своем сердце. Если человек запрещает диаволу властью, данной ему от Бога, именно силой Божией, именем Христовым запрещает ему, то тут никакого магизма нет, тут просто некий диалог с темным духовным миром (мы верим, что он существует), и поэтому естественно, что мы призваны Христом к духовной жизни, мы вступаем в общение с этим духовным миром, мы молимся Богу, мы отрекаемся от сатаны, мы запрещаем сатане - здесь ничего магического нет. Если мы помним, что здесь действует сила Божия, мы действуем именно по повелению Божию, по той власти, которая дана нам от Бога. Если же мы забудем об этой своей миссии, об этой власти, данной нам Христом, и начнем действовать в свое имя, т. е. начнем думать, что есть какие-то волшебные слова, что именно эта формула сама по себе обладает такой чудотворной волшебной силой, то есть если мы переведем наши отношения с Богом — отношения любви и послушания, отношения дара — в некие условия договора: «Ты — мне, я — тебе», то здесь уже проявляется магизм. Если мы забудем, что мы действуем по дару Божию, по дару благодати (например, в Литургии оглашенных есть слова: «По дару Христа Твоего», то есть мы совершаем Таинство по дару Христа), и будем думать, что просто нам дано здесь совершать какие-то чудеса в силу некоей договоренности, от нас не требуется ни любви, ни веры, ничего, а требуется просто соблюдение формальных признаков этого договора, то есть сами слова, сама формула обладает такую силою, то это и есть магизм. К сожалению, (а может быть, это вполне естественно) священник часто забывает об этом. Он забывает, что как только он перестанет молиться, как только он перестанет верить, как только он перестанет обращаться к Богу, то сразу же кончаются эти настоящие отношения с Богом, и он превращается в мага. Когда крещение происходит в таких невыносимых условиях, уже невозможно молиться, и тогда формально вычитываются какие-то тексты, и это уже, конечно, магизм.

У католиков этот принцип уже богословски оформлен и оправдан. Там есть учение о сакраментальных формулах, которые сами по себе обладают такой силой, — это чистый магизм. Так вот, если мы будем молиться, если будем помнить, в чье Имя мы действуем, во Имя Кого мы

действуем, если будем с любовью к Богу и со смирением призывать помощь Божию и выступать от имени Бога как люди, облеченные властью божественной, то здесь никакого магизма нет. Нет ничего неестественного в том, что пришел человек в церковь, и именно здесь, в доме Божием, сатана может быть изгнан именем Христовым, властью Божией. Поэтому очень важно, чтобы священник, когда он читает эти странные запретительные молитвы, не чувствовал себя совершенно автономным экзорцистом (есть такое понятие, это значит изгонитель бесов), чтобы он не думал: «Я теперь изгоняю бесов». Он должен помнить, что он это делает по поручению Божию, по милости Божией, по дару Христову, а не своей силой. Сам же он ничего не может. Он должен помнить, что сила Божия в немощи совершается. Как только священник забудет об этом, ему грозит прелесть. И не только ему, но всем тем, кто последует за ним. Здесь мы опять возвращаемся к изначальному вопросу о соотношении формы и содержания. Вы помните, как в Евангелии Господь говорит: «Кто не примет Царствия Божия как дитя, тот не войдет в него» (Мф. 10. 15). И вот для первых веков христианства было характерно такое детское восприятие. Первые христиане не разделяли форму и содержание. Как, скажем, ребенок не анализирует, где у него душа, а где тело. Для него человек есть единое целое. Когда он повзрослеет, когда станет свидетелем смерти, то он поймет, что есть душа и есть тело, у каждого может быть своя судьба. Поймет, что это трагедия падшести, трагедия греха в человеке. А вначале этого анализа нет. И лучше, когда его нет, когда есть цельное, нераздельное сознание. Но мы теперь уже не можем вернуться к нему, потому что анализ такого рода уже давно произведен в истории. Поэтому мы вынуждены этот анализ проследить и сделать для себя должные выводы. Тем не менее мы должны всегда стремиться к цельности, к цельному сознанию. Должны помнить, что обряд, который есть форма, свят, он освящен, поэтому он, безусловно, причастен к содержанию. И все молитвы, все формы обрядовые, все чины богослужебные несут в себе благодатную силу.

После чина запрещения идет четвертая молитва, обращенная к Богу. Священник поворачивается лицом к алтарю и говорит: «Сый, Владыко Господи, сотворивый человека по образу Твоему и по подобию, и давый ему власть жизни вечныя, также и создание Твое сие избавль от работы вражия, приими в Царство Твое пренебесное, отверзи его очи мысленная во еже озаряти в нем просвещению Евангелия Твоего, сопрязи животу его ангела светла, избавляющаго его от всякаго навета сопротиволежащего, от сретения лукаваго, от демона полуденного, и от мечтаний лукавых». Здесь имеются очень важные для нас слова: «Отверзи его очи мысленная во еже озаряти в нем просвещению Евангелия Твоего». Эти слова могли бы быть основанием для того, чтобы запретить читать Евангелие до святого крещения. С другой стороны они отчасти разрешают это делать, потому что чин оглашения проводился в древности до крещения, поэтому эти слова как бы готовят к тому, чтобы дойти до Евангелия.

После этой молитвы священник дует на уста оглашенного, на чело его

и на перси, глаголя: «Изжени из него всякаго лукаваго и нечистаго духа, сокрытаго и гнездящегося в сердце его». И потом распространяет эти слова, говоря: «Духа прелести, духа лукавства, духа идолослужения и всякаго лихоимства, духа лжи и всякия нечистоты, действуемая по научению диаволу: и сотвори его овча словесное святаго стада Христа Твоего, уд честен Церкви Твоея, сына и наследника Царствия Твоего, да по заповедем Твоим жительствовав, и сохранив печать нерушимую, и соблюдо ризу нескверну получит блаженства Святых во Царствии Твоем, благодатию и щедротами и человеколюбием Единороднаго Сына Твоего, с Ним же благословен еси со Пресвятым и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

И после этого наступает чрезвычайно важный для нас момент, когда оглашенный должен произнести крещальные обеты. Сейчас мы не можем поставить кафедру, посадить на нее епископа и в сонме клириков выслушать каждого оглашенного, и опросить свидетелей о его доброй жизни или о его недостатках. Но мы можем сделать другое, мы можем исповедать того, кто приходит креститься. Это не значит, что мы должны совершить Таинство покаяния над ним, потому что никакое таинство не может быть совершено над некрещеным, но исповедь есть только часть таинства покаяния, исповедь собственно означает откровение сердца человеческого, когда человек говорит о всем том, что сокрыто в глубинах его сердца. И вот такую исповедь оглашеннаго священник обязательно должен принять и должен настаивать на ней. Хотя бы уже потому, что это есть самое сильное, самое радикальное средство к тому, чтобы человека приготовить. Очень часто, когда к нам приходят желающие креститься, и мы начинаем их уговаривать жить по-христиански после крещения, ходить в церковь, причащаться часто Святых Христовых Тайн, читать Евангелие, они кивают головой или молча, или с ухмылкой, и мы очень часто не чувствуем никакого ответа. Они выслушивают то, что мы говорим, но очевидно, что они не проникаются нашими словами, они просто хотят креститься, чтобы быть крещеными, и уйти. И объяснить им величие этой тайны мы никак не умеем. И вот тогда очень уместно священнику сказать: «Расскажи, какие у тебя грехи на совести». И очень часто желающий креститься не хочет рассказывать. Это как раз выдает несерьезное его отношение. Но ему можно объяснить, что это необходимо, потому что ты пришел начать новую жизнь и для старой своей жизни ты должен умереть. Сегодня совершается над тобой тайна смерти для прежней жизни и рождение в жизнь новую, воскресение в новую жизнь. Поэтому нужно тебе понять, какой должна быть эта жизнь, нужно почувствовать различие между жизнью прежней и жизнью новой. Необходимо, чтобы ты сказал, как ты жил до сих пор, а я тебе скажу, как тебе жить дальше и что из прежней жизни может у тебя остаться, а от чего ты должен отречься. Очень часто бывает так, что оглашаемый, только начинающий исповедываться, вдруг совершенно меняется, в глазах его появляются слезы, он с помощью священника, а иногда и сам начинает чувствовать, что жизнь его была ужасна. Он начинает чувствовать себя

преступником, если были аборт, был блуд, кощунства, злоба, если в жизни было столько черноты. Как только почувствует он горечь этой жизни, почувствует, что сегодня он может умереть для этого и начать жить заново, то здесь и обретается корень, залог того, что человек может стать христианином в действительности, а не формально. Поэтому такая исповедь необходима. Она является как бы заменой того испытания, о котором писала Сильвия Аквитанская. Конечно, мы не можем сейчас готовить к крещению годами. Хотя попытка такая есть. У нас в Москве в общине о. Георгия Кочеткова в Сретенском монастыре чин оглашения совершается примерно так, как это делали первые христиане. Нужно сказать, что эта попытка имеет в себе очень много интересного. О. Георгий очень глубоко вник в то, как святое крещение совершалось в древности. И результаты тоже очень часто бывают замечательные. Те, кто проходит такой курс (1 год), как правило, остаются в Церкви. Но дело в том, что далеко не все сегодняшние люди согласятся на годовое испытание. Это могут быть совсем молодые люди, более или менее свободные, еще в своей жизни не устроившиеся, не обремененные. А остальные, имеющие семьи, просто физически не могут пройти такую школу. И поэтому эти формы не всегда пригодны. Мы должны довести до сердца ищущего крещения основные истины христианского учения, должны огласить его Евангельским словом, должны добиться того, чтобы он захотел умереть для прежней своей греховной жизни и начать новую жизнь. Без этого по-настоящему крестить нельзя.

Во всяком случае, мы должны здесь помнить главный принцип христианской жизни: не должно человека отталкивать, мы можем звать его добровольно и отказывать ему только в том случае, когда он кощунственно относится к жизни Церкви, когда он по существу является неверующим человеком. Если же в нем теплится искра веры, то мы должны эту искру возгревать любовью, и пойти на те условия, которые для него являются приемлемыми. И, как правило, в наше время эти условия очень мягкие. Мы должны побеседовать, дать ему почитать что-либо, пригласить его на огласительные лекции или беседы, как-то подготовиться. А в некоторых случаях приходится крестить даже сразу, если человек хочет и просит со слезами.

Принесение крещальных обетов в наше время почти повсеместно комкается и профанируется, как только возможно. Представьте себе толпу крестных и родителей, когда крестится несколько десятков младенцев, современных родителей и крестных, которых священник будет спрашивать: «Отрекаешься ли ты сатаны?». Что кроме улыбки вы увидите в ответ, а если он скажет: «Дунь и плюнь на него», то конечно, если здесь хохота не будет, то хорошо. А между тем это чрезвычайно существенный момент. Когда мы далее будем изучать чинопоследования разных Таинств, мы увидим, что в каждом Таинстве есть аналогичный момент исповедания и принятия на себя определенных обязательств. Обещание Богу, что отныне ты будешь жить исключительно для Него, будешь соблюдать заповеди Божии. В чине оглашения присяга, или церковные обеты, звучат в виде ответов на вопрос:

«Отрицаеши ли ся сатаны, и всех дел его, и всех ангелов его, и всея гордыни его?». И должно сказать: «Отрицаюся». Вопрос повторяется трижды. Затем священник снова спрашивает: «Отрекся ли еси сатаны?». И крещаемый говорит: «Отрекохся». Тоже трижды. Все это говорится, повернувшись лицом к западу. Восток — это алтарь, это символ Небесного Царства, а запад — тьмы, от всякой связи с ним и отрекается крещаемый. Эти древние и прекрасные слова должны быть прочувствованы каждым желающим креститься. Это условие его крещения. И если он потом вступает в общение с темной силой (колдунами, экстрасенсами, биоэнергетикой и т. п.), то он нарушает свои крещальные обеты. Церковь подчеркивает значение этой присяги: после шестикратного отречения священник говорит: «И дуни и плюни на него» (на сатану). Современными людьми такое дуновение воспринимается как детская игра, но для древних христиан это было не так, они совершенно искренне понимали, что этот образ отречения является наиболее подходящим. Как естественно священнику дуть в лицо оглашенного, так естественно дунуть и плюнуть на сатану. Никто не понимал этого буквально, но это выражает отношение к темному миру. После отречения следуют вопросы положительные: «Сочетаваеши ли ся Христу?» — «Сочетаваюся». И так трижды. Потом: «Сочетался ли еси Христу?» — «Сочетахся». В греческом языке есть слово «апостасия», которое переводится на русский язык словом «отпадение», и употребляется там, где речь идет об отречении от сатаны. Именно отпадение, отделение, некое избавление от власти темного мира — вот что здесь происходит. Человек, бывший в плену этого темного мира, теперь отпадает от него. А на месте слова «сочетахся» греческое слово «синтаксис», что значит «соединение». Говоря русским языком, мы спрашиваем: «Имеешь ли ты желание соединиться со Христом отныне и до века (навсегда, навечно)? Открываешь ли ты свое сердце для Христа и отдаешь ли его Христу — вот смысл слова «сочетахся». Соблюдение крещальных обетов необходимо, чтобы человек крестился правильно. Когда крестится младенец, все эти вопросы предлагаются крестным. И крестные, принося эти крещальные обеты, берут на себя обязательство воспитать ребенка так, чтобы он эти обеты подтвердил, когда станет взрослым. И за это они будут отвечать на Страшном Суде Господнем. Поэтому быть крестным младенца — это очень большая ответственность, трудная и опасная, особенно в наше время. И не следует на это соглашаться легкомысленно.

После того, как оглашенный отвечает, что он сочетался Христу, священник спрашивает: «И веруеши ли Ему?». Он должен ответить: «Верую Ему, яко Царю и Богу». И дальше должен произнести Символ Веры наизусть. Оглашенный должен понимать все двенадцать членов Символа Веры, то есть смысл всех догматов, которые в Символе Веры имеются. Именно объяснение Символа Веры часто является существенной частью огласительных бесед.

По Требнику после прочтения Символа Веры священник снова спрашивает: «Сочетался ли еси Христу?» — «Сочетахся», — и опять читает

Символ Веры, и так трижды. И только после этого в четвертый раз спрашивает: «Сочетался ли еси Христу?» Опять трижды. И в ответ на третье «Сочетахся», священник говорит: «И поклонися ему». Оглашённый поклоняется, говоря: «Поклоняюся Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущной и нераздельней». Троекратное чтение Символа Веры оглашенным подчеркивает значение этого момента. Без сознательного к этому отношения крещение было недопустимо. У нас же теперь на практике все проходящие (99,99 %) о Символе Веры вообще не имеют понятия. Они часто не знают ничего о Святой Троице, не знают почти ничего о Христе. И священник должен рассказать об этих главных догматах христианской веры и получить от них уверение, что они верят, хотят верить в эти догматы. После такого исповедания веры совершается последнее благословение и молитва, и на этом чин оглашения оканчивается. В Константинополе чин оглашения и крещения получил свое максимальное развитие. Возглавлял этот чин Пасхального крещения сам Патриарх. «Патриарх восходит на амвон, стоящий посреди храма, делает со свечами три поклона, трижды ими благословляет народ и снимает омофор. Архидиакон возглашает: «Вонмем». Патриарх: «Мир всем». Народ: «И духови твоему». Патриарх: «Станьте со страхом, проститесь, просвещайтесь, разуйтесь и разденьтесь. Это конец вашего оглашения, настало время вашего избавления. Сегодня изложите учение веры христианской письменно: бумага, чернила и трости (перья) — перед вами, есть у вас и совесть, и язык, и образ (мысли). Итак смотрите, как вы изложите на бумаге ваше исповедание: не погрешите, чтобы не обмануться. Намеревающиеся умереть, пишут и отказывают имение своему иному наследнику, и вы желаете умереть греху, и перед концем смертным греха желаете сделать и оставить завещание и отречение, и делаете наследником своего греха диавола, и оставьте ему грехи как отеческое наследство. Если из вас кто-нибудь имеет что-нибудь диавольское в душе, пусть бросит ему, ибо умерший не владеет имуществом... Почему и стояще высоко, простирайте руки, как я вам вещаю: пусть ничто диавольское не гнездится в вас, пусть никто не имеет гнева, пусть никто не таит вражды, пусть не держит лести, пусть никто не слушает лицемерия, презорства диавольского, всякой нечистоты и излишней злобы, стойте как пленники, ибо такими вас Христос покупает, ибо каждый из вас как бы видя и презирая диавола, так дунь на него». Когда оглашенные совершат дуновение, патриарх продолжает: «Обратитесь к своей совести и укрепите сердца своя, рассмотрите, что каждый из вас сделал, и если что неправое в вас найдется, выплюньте с дуновением». По плуновении продолжает патриарх: «Пусть никто не будет лицемерить, как иудей, никто о таинстве пусть не разномыслит. Слово Божие испытует сердца наши и острее, чем всякий обоюдоострый меч. Ныне стоит на западе диавол, скрежет зубами, ерошит волосы, плещет руками, кусает губы, неистово рыдая о своем лишении, не веруя в вашу свободу, поэтому Христос поставил вас против него, и, отвергшись его, дуньте на то, что от него, восприимите брань. На западе стоит диавол, где и начало тьмы, отрицайтесь его и дуньте». Оглашенные

дуют и поворачиваются на восток. Патриарх продолжает: «Итак, обратитесь на восток и сочитайтесь со Христом, чтобы никто вас не обидел. Стойте со страхом. Все страшное действующее и грозное, все силы небесные сюда явились: все ангелы, архангелы ваши речи записывают, херувимы и серафимы с неба явились ныне, чтобы принять ваши обещания и принести Владыке. Итак, смотрите же, как врага отрицаетесь и Создателю сочитаетесь». И говорит оглашенным: «Обратитесь назад, имея руки свои кверху, и что я говорю, говорите и вы за мною: «Отрицаюся сатаны, и всех дел его, и всего служения его, и всех ангел его, и всей гордыни его». Эти слова произносятся трижды, и потом Патриарх говорит: «Дуньте на него». Оглашенные дуют. И Патриарх вещает им: «Обратитесь на восток, руки свои имея опущенными вниз, и что я говорю, говорите и вы: «И сочитаюся Христу верую во единого Бога Отца Вседержителя...» трижды. После этого снова спрашивает: «Сочетались ли Христу?» Отвечают: «Сочетались». Патриарх говорит: «Поклонитесь Ему и приносите молитву: «Благословен Бог, хотяй всем человеком спастися и в разум истины приити, ныне и присно, и во веки веков». За этим следует обширное увещание к оглашенным: «Вот вы отреклись диавола, сочетались Христу, запись совершили, и Владыка на небе ее имеет. Старайтесь соблюдать обеты; это писание вам представится в день Суда. Не грешите против своего письменного обязательства, потому что в Страшном и грозном Суде будете более всего запрошены, когда подвижутся все силы небесныя и когда все человеческое предстанет на суд... Если ты человеколюбив и милостив, тотчас получишь помилование, если же будешь бесчеловечен, не щедр, не милостив, досадителен, клеветлив на тех, кто тебя не обижал, тогда станет пред тобой диавол и скажет: «Господин, на словах ты отрекся, а на деле ты остался слугою». Посему ангелы скорбят, и плачут праведники. Конец ответа тяжел и говорит: если кто в настоящей жизни впадет в беду, то заступника находит и умоляет других о помощи; там же ничего подобного: ни отец не поможет, ни мать не окажет милости..., но каждый человек одинок и беззащитен, и только от своих дел или оправдан или осужден..., итак смотрите крепитесь: вы отреклись диавола и ненавидите его до конца, вы сочетались Христу и до конца, до последнего издыхания славословьте Его».

Так происходил чин оглашения в Константинополе в храме св. Ирины. В нашем Требнике после чина оглашения идет раздел, который так и называется: «Последование святаго крещения» говорится: «Входит священник, и облачается в священническую одежду белую и нарукавницы и вжигаемым всем свещам, всем кадильницу, отходит к купели и кадит окрест, и отдав кадильницу, покланяется. Таже глаголет диакон: «Благослови, владыко». Священник же возгласно: «Благославленно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков». Лик: «Аминь».

Вы видите, что этот чин начинается литургийным возгласом. Каждый раз, когда мы встречаем этот возглас, это означает, что чин этот раньше был укоренен в литургии и совершался именно в связи с литургией. После этого возгласа диакон глаголет мирную ектенью: «Миром Господу помолимся». Но

после обычных прощений мирной ектений здесь звучат прошения, которые мы знаем по чину Великого водоосвящения, совершаемого в праздник Богоявления – «О еже освятитися воде сей силой, действием и наитием Святаго Духа», «О еже низпослати ей благодати избавления, благословению Иорданову», «О еже приити на воду сию очистительному пресущественная Троицы действу», «О еже просветитися нам просвещением разума и благочестия наитием Святаго Духа», «О еже показатися ей отгнанию всякаго навета...», и дальше идут прошения, которые никогда и нигде больше не повторяются. Это прошения о тех, кто приступает ко святому крещению: «О еже достойну быти нетленнаго царствия в ней крещаемому, Господу помолимся»; «О еже показатися ему сыну (или дочери) света и наследнику вечных благ, Господу помолимся»; «О еже быти ему сраспяту и причастнику смерти и воскресения Христа Бога нашего, Господу помолимся». Это прошение особенной силой показывает смысл Таинства Крещения. В этом Таинстве человек делается сраспятым, то есть как бы соединяется и причащается, приобщается смерти и воскресения Христа Бога нашего. «И о еже сохранить ему одежду крещения и обручение Духа нескверно и непорочно в день страшный Христа Бога нашего»; «О еже быти ему воде сей банею пакибытия, оставлению грехов и одежды нетления, Господу помолимся»; «О еже услышати Господу Богу глас моления нашего...»; «О еже избавитися ему и нам от всякия скорби, гнева и нужды...», «Заступи, спаси, помилуй...» Потом: «Пресвятую, Пречистую Препоблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувши, сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим».

После этого, как обычно после мирной ектеньи, ожидаем произнесения возгласа: «Яко подобает Тебе всякая слава...». Но здесь этого возгласа нет. Нет по той причине, что дальше следует удивительная молитва, которой в богослужении есть только один аналог — не собственно эта молитва, но некая подобная молитва повторяется только один раз во всем чине нашего богослужения. Эту молитву, из-за ее значительности, мы приведем полностью. «Благоутробный и милостивый Боже, истязуяй сердца и утробы, и тайная человеческая ведый Един, не бо есть вещь неявлена пред Тобою, но вся нага и обнаженна пред очима Твоима. Ведый яже о мне, да не омерзиши мя, ниже лица Твоего отвратиши от мене, но презри моя прегрешения в час сей, презираяй человек грехи в покаяние, и омый мою скверну телесную и скверну душевную, и всего мя освети всесовершенною силою Твоею невидимою и десницею духовною: да не свободу иным возвещаяй и сию подаваяй верую совершенною, Твоего неизреченнаго человеколюбия сам, яко раб греха, неискусен буду. Ни, Владыко, Едине благий и человеколюбивый, да не возвращаюся смирен, но низпосли мне силу с высоты и укрепь мя к службе предлежащаго Твоего Таинства, великаго и пренебеснаго, и вообрази Христа Твоего, в хотящем паки родитися моим окаянством, и назидая его на основании апостол и пророк Твоих, и да не низложиши, но насади его насаждением истины во святей Твоей Соборней и

Апостольстей Церкви, и да не восторгнеши, яко да преуспевающу ему во благочестии, славится и тем всесвятое Имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Вы видите, что это молитва священника о самом себе. Все другие молитвы, которые произносит священник, и прошения ектеньи относятся или ко всей Церкви, или к крещаемому, пришедшему в церковь. Здесь же священник молится о себе, как вы видите, с особенным трепетом, с особенным упованием, с сознанием того, что он призван совершить нечто непосильное для него, что человек, обремененный многими страстями и грехами житейскими, не может приступить к совершению такого великого таинства, не ему принадлежит рождение нового человека в Церковь. Это рождение может совершить только сам Бог, человек же не должен прикасаться к этой святыне. И вот в сознании своего недостойнства, своей худости и убожества своего, священник умоляет Господа, чтобы эта тайна не была ему в осуждение, чтобы он не возвратился смирен, то есть чтобы не получилось так, что он уйдет от совершения этого Таинства постыженным. Чтобы не получилось так, что то, что он должен совершить, не совершится. Он умоляет о том, чтобы «хотящий паки родиться моим окаянством», то есть через меня, окаянного – на самом деле обрел бы эту новую жизнь и чтобы Господь назидал его на основании апостолов и пророков, и не низложил бы его. Эта удивительно важная и великая молитва имеет один аналог в богослужении: это молитва литургийная, которая совершается священником перед Великим Входом, во время пения Херувимской песни. Там тоже священник, преступивши к престолу для того, чтобы совершить страшные Тайны Тела и Крови Христовых, умоляет Господа о том, чтобы Господь укрепил бы его и чтобы это таинство не было бы ему в осуждение.

И вот после этой молитвы произносится возглас: «Велий еси Господи, и чудна дела Твоя, и ни единое слово довольно будет к пению чудес Твоих». Этот возглас повторяется трижды. Он взят из чина Великого освящения воды, которое совершается на Богоявление. Затем следует молитва: «Ты бо хотением от не сущих во еже быта приведый всяческая, Твоею державою содержиши тварь и Твоим промыслом строиши мир». Эта молитва, удивительно поэтичная, привлекает ветхозаветные образы, имеет как бы космический характер, здесь говорится: «Тебе трепещут умныя вся силы, Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе присутствуют звезды, Тебе слушает свет, Тебе трепещут бездны, Тебе работают источники». Эта молитва прекрасна, она удивительно звучит. И не случайно образы космического значения содержатся в этой молитве, потому что происходящее таинство имеет космический характер. Это есть нечто великое, несравненное, имеющее отношение не только к жизни земной, а к жизни духовной, то есть это то, что превосходит всякую земную реальность. Дальше говорится: «Исповедуем благодать, проповедуем милость, не таим благодеяния: естества нашего роды свободил еси, девственную освятил еси утробу рождеством Твоим. Вся тварь воспевает Тя явльшагося, Ты бо Бог наш на земли явился еси, и с человеки пожил еси. Ты Иорданския струи освятил еси,

с небесе низпославый Святаго Твоего Духа, и главы тамо гнездящихся сокрушил еси змиев. Ты убо, Человеколюбче Царю, прииди и ныне наитием Святаго Твоего Духа, и освяти воду сию».

Эта молитва и возглас тоже взяты из чина Великого освящения воды на Богоявлении. «И даждь ей благодать избавления, благословение Иорданово, сотвори ю нетления источник, освящения дар, грехов разрешение, недугов исцеление, демонов всегубительство, сопротивным силам неприступну, ангельския крепости исполнену. Да бежат от нея наветующии созданию Твоему, яко Имя Твое, Господи, призвах, дивное и славное и страшное сопротивным». И здесь священник «знаменует воду трижды, погружая персты в воде и дунув на нее, глаголет: «Да сокрушатся под знаменем образа Креста Твоего вся сопротивныя силы».

Мы видим, что здесь, как и в чине водоосвящения, неоднократно говорится о сопротивных силах, о том, чтобы было «отгято демонов всегубительство», чтобы сопротивным силам сотворить неприступну эту воду. А следующая молитва еще больше усиливает эту тему: «Молимся Тебе, Господи, да отступят от нас вся воздушная и неявленная привидения, и да не утаится в воде сей демон темный, ниже да снидет с крещающимся дух лукавый, помрачение помыслов и мятеж мысли наводяй, но ты, Владыко всех, покажи воду сию, воду избавления, воду освящения, очищение плоти и духа, ослабу уз, оставление прегрешений, просвещение душ, баню пакибытия, обновление духа, сыноположения дарование, одеяние нетления, источник жизни».

Я сам слышал, как один весьма почтенный протоиерей, довольно-таки известный в Москве, восклицал: «Что это за чепуха? Мы совершаем великое Таинство крещения, а здесь речь идет о том, чтобы в воде не утаился демон темный, чтобы с крещающимся не снизшел в воду дух лукавый, помрачение помыслов и мятеж мыслей наводяй». Как это может быть, говорил он, что в таком великом таинстве дух лукавый может быть в воде. Это, с его точки зрения, остаток какого-то язычества. Здесь, по его мнению, не преодолено такое языческое отношение к природе, когда везде мерещились всякие темные духи и казалось, что все одержимо какой-то силой. Все это он предлагал исключить из этой молитвы, оставить только евангельские прошения, которые содержатся в конце этой молитвы. Там в конце говорится: «Ты бо рекл еси, Господи: измыйтеся и чисти будете, отымите лукавство от душ ваших. Ты даровал еси нам свыше паки рождение водою и духом. Явися, Господи, на воде сей, и даждь претворитися в ней крещаемому, во еже отложити убо ветхаго человека, тлеемаго по похотем прелести, облещися же в новаго, обновляемаго по образу Создавшего его, да быв сраслен подобию смерти Твоя крещением, общник и воскресения будет, и сохранив дар Святаго Твоего Духа, и возрастив залог благодати, примет почеть горняго звания, и сопричтется перворожденным написанным на небеси, в Тебе Бозе и Господе нашем Иисусе Христе».

Конечно, этот евангельский по духу конец молитвы особенно прекрасен и опять говорит нам о смысле Таинства крещения. Но никак

нельзя согласиться, что начало молитвы есть просто архаизм. В чем смысл этого изгнания нечистых сил из воды? В чем смысл прошения, чтобы в ней не утаился «демон темный...»?

Мы знаем, что вода есть вещество, пронизывающее весь космос, весь мир, и поэтому освящение воды совершается для того, чтобы освятить этот мир. Через освящение воды совершается благодатное освящение этого мира. Мы знаем, что этот мир лежит во зле, что этот мир падший, что этот мир изменился. Это уже не то творение Божие, которое было задумано святым и безгрешным, это есть мир, ставший обиталищем демонов. Не зря мы говорим: «Ныне освящается вод естество». Есть необходимость освятить естество водное, естество телесное этого мира. И сам Господь Иисус Христос не пренебрегает этим освящением. Он совершает его в Своем Богоявлении. Прежде, чем совершить дело спасения нашего, Он освящает естество этого мира. Мы знаем, что бывает человеку всякая святыня не только во спасение, но и в суд и в осуждение. Мы знаем, что в самые страшные и великие моменты может прилучиться человеку сатана. Вы помните, как в Евангелии описывается Тайная Вечеря, когда говорится, что «по хлебе тогда вниде в него сатана» (в Иуду Искариотского). Всех других Господь причастил во спасение, а в Иуду вошел сатана.

Есть разные мнения, было ли это уже в Божественной Евхаристии, был ли этот хлеб Телом Христовым или нет, но здесь это не так важно. Важно, что, получая от Христа хлеб, который всем был дан в освящение, Иуда стал жертвой сатанинского приражения, и в него по хлебе вошел сатана, и он сделался предателем.

Вы видите, можно даже рядом со Христом быть в суд и в осуждение себе. Так и здесь, это великое таинство, которое должно совершиться, может быть во спасение, оно может быть духовным рождением человека, а может стать для него гибелью, может стать для него в суд и в осуждение. И тогда, конечно, естественно, что приразится к нему сатана, тогда, конечно, естественно, что эта вода, которая освящается ради освящения человека, ради его рождения – не даст ему своей благодати. Благодать, которая должна быть дана в Таинстве Крещения, не будет им воспринята. Именно поэтому и молится здесь священник и Церковь о том, чтобы дух лукавый не остался в этой воде, чтобы демон темный не вошел бы в воду с крещаемым, подобно тому, как демон вошел вместе с Иудой в ту горницу, где совершалась Тайная Вечеря.

Эта молитва еще раз подчеркивает то особенное отношение к Таинству крещения, которое должно быть у всех нас. Это отношение сейчас совершенно нами утрачено. Мы теперь думаем, что нужно скорее каждого младенца покрестить, абы как, лишь бы покрестить, а дальше уже неважно, там дальше он сам разберется, когда вырастет, есть Бог или нет Бога, на всякий случай покрестим его. Вот такое возмутительное отношение к Таинству Крещения является, конечно, профанацией его. И оно-то, может быть, и является одной из страшных причин того бедственного состояния, в котором находится наш «крещеный» народ. Не так нужно было бы

креститься ему, нельзя креститься так формально, так бездумно, так бесчувственно. Нельзя приходить к Богу, если хотите, с такой наглостью, с таким неверием, с такой пустотой в сердце. Естественно, что когда человек приходит так, то не может в него войти благодать Божия, а сатана, конечно, войти может. И, может быть, поэтому теперь так много одержимых людей, так много больных, бесноватых, одержимых разными страстями, пороками, всяким злом. Потому что они не очистились в крещальной купели, потому что они не смогли воспринять тот дар, который Бог дает, хочет дать каждому крещаемому.

После этой молитвы священник, как во время Литургии, говорит: «Мир всем». И затем трижды дует в сосуд, наполненный елеем, и знаменует трижды его крестным знаменем. И читает молитву на освящение елея. Все эти действия — знаменованье крестом, дуновение, помазание и т. д. — унаследованы Православной Церковью из древности, из ветхозаветного богослужения, но не только из ветхозаветного, даже и язычники употребляли помазание елеем и тоже так выражали свое отношение к духовной жизни, свое соотношение с нею. Это традиционный способ освящения. К сожалению, молитву на освящение елея теперь очень часто не читают, опускают, как, впрочем, и молитву на освящение воды. Этот чин освящения воды, который начинается мирной ектенией, теперь очень часто опускается. Священник, желая любым способом сократить время совершения таинства крещения, прибегает к самым разным уловкам, которые, конечно, не только не могут быть допустимы, но и указывают на какое-то бессмыслие таких действий. Например, очень часто поступают так: освящают воду, скажем, раз в неделю. Я служил в храме, где священники поступали так: они, освятив воду, набирали ее потом в кувшин и этот кувшинчик относили в алтарь. И уже всю неделю дальше, совершая крещение, они воду не освящали, а только подливали туда освященную воду и все. И весь чин освящения воды с такими великими молитвами они опускали, потому что это же было уже прочитано, вода уже освящена — и хорошо. А некоторые поступают еще удивительнее: они просто берут крещенскую воду и выливают ее в купель. А некоторые даже воду от молебна берут и наливают, и считают, что все в порядке. Ведь, по их мнению, тут дело в том, лишь бы все было когда-то где-то прочитано. Дело не в том, чтобы прочитать сейчас с верою, с любовью, чтобы сейчас молиться - не в этом дело. А дело в том, чтобы было все исполнено, то есть опять магия вкрадывается сюда. Это, конечно, недопустимо абсолютно. Нельзя из чина крещения выбросить этот великий, особенный чин освящения воды. Иначе крещение будет чрезвычайно ущербным.

После того, как освящена вода и елей, священник, поя «Аллилуйя» трижды с людьми, творит кресты — три — елеем в воде. По древнему описанию он влагает освященный елей в воду перстами, теперь мы это делаем кисточкой, омоченной в елее, со словами: «Благословен Бог, просвещающий и освящающий всякого человека, грядущаго в мир, ныне и присно, и во веки веков. Аминь». «И приносится, крещаемый», говорится дальше, а если это не младенец, а взрослый, то он приходит сам. «Священник же

вземлет от елея двема персты и творит креста образ на челе, на персях и на междорамии, глаголя: «Помазуется раб божий (имярек) елеем радования во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь», Назнаменует его перси и междорамие, глаголя: «Во исцеление души и тела», на ушесех же: «В слышание веры», на руках: «Руце Твои сотвористе мя и создасте мя», на ногах: «Во еже ходити ему по стопам заповедей Твоих». Егда помажет все тело, крещает его священник, проста его держа и зряща на восток, глаголя».

Помазание елеем — очень древний чин, имеющий свое происхождение еще в Ветхом Завете, сейчас тоже совершаемый обычно страшно поспешно. Когда нужно помазать 50 младенцев и взрослых, то тут, конечно, священник не разбирает, где междорамие, а где что. И все замечательные слова, которые здесь должны быть произнесены, бормочутся впопыхах, лишь бы только не задержать слишком долго младенцев, которые уже собираются вопить во всю глотку. Что такое междорамие, вы, наверное, знаете. Это часть спины, которая находится между лопатками. Сейчас мне еще не доводилось видеть, чтобы какой-нибудь священник помазывал междорамие. А замысел был такой, что помазывается все тело человека: и грудь, и спина, и руки, и ноги — все готовится к торжественному моменту освящения, рождения. И теперь наступает сам момент крещения. Крещаемый младенец возьмется священником на руки и трижды погружается в воду со словами: «Крещается раб Божий (имярек) во имя Отца, аминь, и погружается в воду, — и Сына, аминь, — второй раз погружается в воду, — и Святаго Духа, аминь», — третий раз погружается в воду. Младенцев крестят обнаженными. Есть в древних требниках указание на то, что и взрослый крещаемый приходит к купели прост, то есть обнажен, и, зрящ на восток, также погружается трижды в воду священником.

Мы уже говорили с вами о том, что крещение через погружение является особенным наследием Православной Церкви, и всегда охранялось Православной Церковью как некая святыня. Крещение через полное погружение особенно сильно, особенно ясно символизирует идею погребения и воскресения. Когда мы обливаем человека, то тут скорее является образ омовения. А вы видели, что и в молитвах, и в ектении говорится более всего о том, чтобы крещающийся приобщился, причастился бы смерти и воскресению Христову. И вот как раз погружение в воду есть символ погребения, когда человек должен умереть для прежней своей жизни греховной. Ему дается благодать Святаго Духа умереть для той прежней жизни. И когда он воздвигается из воды, это есть символ воскресения, восстания из этой могилы для новой жизни со Христом. И по вере нашей будет нам. Если мы в это верим, то и получим, о чем просим Бога. Невозможно расстаться с этим символом, поэтому Православная Церковь всегда особенно охраняла такое погружательное крещение. Погружательное крещение исчезло на Руси только с приходом большевиков к власти. Потому что до этого времени крестили практически только младенцев, и их всегда погружали в купель. Когда же после революции настала необходимость

крестить взрослых, уже не было возможности погрузить их в воду, потому что в Русской Церкви не было баптистериев, а крестить в водоемах было запрещено. По закону 1929 года никакие священнодействия не могли совершаться вне храма, так как рассматривались как демонстрация и влекли за собой уголовную ответственность. Священника, попросту говоря, тут же арестовывали и сажали в тюрьму. Поэтому-то получилось, что на Руси пришлось пользоваться католическим способом обливания. И очень жалко и скорбно, что теперь, по прошествии 70 лет, такое обливание у нас воспринимается часто как норма, и многие священники уже не испытывают потребности вернуться к погружательному крещению. Но слава Богу, что это не везде так, что существует движение к тому, чтобы вернуть погружательное крещение в Русской Церкви. И сейчас во многих местах строят баптистерии для взрослых, чтобы помочь крещаемым почувствовать величие происходящего таинства.

Здесь необходимо выяснить, следует или не следует крестить взрослых «просто», то есть нужно ли их обнажать или нет. Некоторые апеллируют к древнему требнику, говоря, что Адам родился нагим и здесь тоже должен человек рождаться нагим. В наше время, когда люди стали далеко не такими простыми, как были раньше, по общему церковному суждению так делать не следует. Потому что, когда человека раздевают донага, практически получается, что вместо того, чтобы он молился Богу, вместо того, чтобы он в это время был особенно благоговейно настроен, он искушается. Его, попросту говоря, вырывают из всего Таинства, совершают над ним непосильное, невыносимое действие, небезвредное и небезопасное и для священников тоже. И священник тоже напрасно думает, что он легко и свободно пребудет неискушенным. И поэтому наш Патриарх, и многие старцы, и соборный разум церковный однозначно говорят, что не следует в этот момент искушать людей. Нужно найти такую форму, которая была бы приемлема. В нашем храме мы поступаем так. У нас есть крестильный храм, там есть баптистерий. Есть комната для переодевания. Именно так и было в древних крещальнях. И вот те, кто крестится — взрослые — завертываются в простыню, так что все совершается совершенно прилично, никаких искусительных моментов здесь нет. И в простыне помазываются и погружаются в воду, а затем когда они выходят из воды, то священник надевает на них поверх простыни крещальную белую рубашку.

Еще до того, как будет надета крещальная одежда, читается, а в древности пелся псалом «Блаженни, ихже оставившася беззакония и ихже прикрывшася греси» (31 псалом). Этот псалом в древности пелся трижды. Теперь его читают, к сожалению, тоже очень наскоро, так что крещаемые его не понимают. А уже после чтения этого псалма священник надевает на новокрещеного белое одеяние, белую крещальную рубашку со словами: «облачается раб Божий (имярек) в ризу правды, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». И поется тропарь (ирмос): «Ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом, яко ризою, многомилостиво Христе Боже наш». Уже давно есть обычай надевать вместе с крещальной рубашкой на шею новокрещеного

нательный крест. Но не следует думать, что так было всегда. Этот обычай не самый древний. В глубокой древности крест не надевали, и кресты христиане не носили. Поэтому не правы те священники и те верующие, которые с особенным, так сказать, пристрастием допрашивают: «Есть ли у тебя крест на груди?». А вот если ты потерял крест, то все пропало, уже полная беда. И есть такие даже, которые без креста не допускают к причастию, есть люди, которые полагают в этом внешнем самое главное. Так делать не следует. Конечно, ношение креста на груди — это очень хороший обычай, который уже вошел в практику Церкви, и не нужно его отменять и не нужно об этом спорить. Хотя, надо сказать, что те кресты, которые мы носим на груди, совершенно неканоничны. Потому что на этих маленьких крестиках есть Распятие, чего быть не должно. Крест — это символ, а не образ. Распятие — это образ. Священник носит крест с Распятием, но он носит его видимым образом, так что все видят этот образ и вдохновляются на молитву, вдохновляются на определенное отношение к священнику. Священство — это образ Христов. А крест, который мы должны носить на груди, есть символ. На этом символе должны быть инициалы Христа: «Иисус Христос Ника». И распятия там быть не должно. Более того, по древнему правилу Василия Великого, которое приводится в Номоканоне: «Всякий, носящий на себе в качестве ладонки какую-либо икону, подвергаться должен отлучению от причаствия на три года». Это интересная подробность, которая для нас важна в определенном отношении. Дело в том, что древние Святые Отцы удивительно строго следили за правильным отношением к иконе, к образу и не позволяли икону или образ воспринимать как ладонку. У нас же сейчас эти маленькие образки воспринимаются именно как ладонка, то есть как некий талисман. Зачем носить под рубашкой образ? Его же никто не видит. Образ дается для того, чтобы на него молиться, а не охраняться им. Охранение с помощью образа — это магическое отношение, которое для православия недопустимо. В храмах все это продают, потому что теперь этого не знают, очень многое в нашей сегодняшней жизни устроено плохо. Поэтому за незнание не нужно никого судить, не нужно начинать какую-то борьбу с этими маленькими иконочками. Нужно, чтобы вы в духе нашего древнего богословия понимали смысл иконы, смысл того, как это воспринималось древней Церковью.

ТАИНСТВО МИРОПОМАЗАНИЯ

После того, как новокрещенный облачен в светлую ризу, начинается второе и чрезвычайно важное Таинство, которое совершается тоже единожды в жизни человека *Таинство миропомазания*. Перед совершением этого Таинства священник читает молитву: «Благословен еси Господи Боже Вседержителю, источниче благих, солнце правды, возсиявый сущим во тьме свет спасения, явлением Единородного Твоего Сына и Бога нашего, и даровавый нам недостойным блаженное очищение во святей воде, и божественное освящение в животворящем помазании, иже и ныне благоволивый паки родити раба Твоего новопросвещеннаго водою и Духом, и вольных и невольных грехов оставление тому даровавый. Сам Владыко, Всещарю благоутробне, даруй тому и печать дара Святаго, и Всесильнаго и покланяемого Твоего Духа, и причащение Святаго Тела и Честныя Крове Христа Твоего. Сохрани его в Твоем освящении, утверди в Православной вере, избави от лукавого и всех начинаний его, и спасительным Твоим страхом в чистоте и правде душу его соблюди, да во всяком деле и слове благоугождай Тебе, сын и наследник будет Небесного Твоего Царствия».

Это удивительная и прекрасная молитва, в которой мы просим о том, чтобы новопросвещенный и рожденный водою и Духом был теперь сподоблен дара Всесвятаго Духа и причащения Честнаго Тела и Крови Христа. Эта молитва опять-таки показывает нам, как воспринималось крещение Церковью и как оно должно восприниматься. Здесь нет заботы о внешнем, а для нас теперь важно все внешнее: надел ли крестик, золотой или серебряный или еще какой, какая рубашечка, шелковая ли, с кружевами ли и т. п. И мы пропускаем все эти молитвы, и все родители и крестные и, к сожалению, даже священники читают эти молитвы механически, а все присутствующие при крещении не молятся о том, о чем говорится здесь. А у Церкви здесь только одна забота: о том, чтобы новокрещенный сподобился благодати Святаго Духа, чтобы печать дара Святаго Духа пребывала бы на нем.

До тех пор, пока мы не научимся вот так духовно жить, не научимся молиться, не научимся любить и верить, пока мы не будем умолять Господа о даровании нам дара Духа Святаго, мы не станем настоящими христианами. И ничего у нас к лучшему не изменится. Только огонь благодати Святаго Духа может что-либо изменить в этом мире. Огненная вера, а не какое-то обрядоверие.

После прочтения этой молитвы священник берет святое миро и помазывает на челе, на очесех, на ноздрях, на устах на обоих ушесех, на персах на руках и ногах, глаголя: «Печать дара Духа Святаго. Аминь».

Не всегда это Таинство совершалось таким образом. Хотя всегда, с самого начала совершения крещения было убеждение в том, что недостаточно креститься только водою, но должен быть низведен дар благодати Святаго Духа. Вы, конечно, помните, как в Деяниях Апостолов рассказывается, что апостолы особенно заботились и спрашивали, получили

ли новые христиане благодать Святого Духа, сошел ли Дух Святой на них. Помните, как Апостол Павел спрашивает: «Каким крещением вы крестились? Аще убо Духа Святаго прияли есте?» И ему был дан ответ: «Ниже аще Дух Святыи есть слышахом». То есть, мы даже не слышали о том, что есть Святой Дух. И Апостол тогда спрашивает: «Во что убо креститесь?» — «Как вы крестились?». Они же сказали: «Во Иоанново крещение». Рече же Павел: «Иоанн убо крести крещением покаяния, людям глаголя, да во Грядущего по нем веруют, сиречь во Христа Иисуса». «И возложше Павел на ня руце, прииде Дух Святыи на ня» (Деян. 19,2-6). То есть он возложил на них руки, и Дух Святой пришел на них.

Вы помните о том, как апостол Петр был послан крестить римского сотника, и он был в большом сомнении, потому что тогда еще апостолы думали, что Христос пришел только к евреям, и никакой язычник не может быть сподоблен крещения. И поэтому перед тем, как он был послан к этому сотнику, ему был послан сон, когда трижды опускалось перед ним некое полотно, на котором были всякие животные, в том числе и скверные. И говорилось: «Петр, встань, заколи и яждь». А он говорил: «Я никогда не ел ничего скверного». Так было трижды. Он бы, конечно, отказался идти к сотнику, если бы не этот сон, потому что язычники считались скверными. А во сне ему говорилось, чтобы он скверное тоже принял. И когда он пришел в дом этого сотника, то увидел, что Дух Святой уже снизошел на сотника и все его семейство. И был поражен этим, и крестил его. (Деян. 10)

Подобно этому и другие свидетельства в Деяниях и Посланиях Апостолов совершенно ясно говорят нам о том, что ниспослание Святого Духа считалось необходимым. Есть и слова самого Христа об этом: «Аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Небесное» (Ин. 3, 5). Здесь говорится об особом даровании Духа. Далее в Евангелии от Иоанна мы имеем такие слова: «Аще кто жаждет, да грядет ко Мне и пьет. Веруяй в Мя, яко же рече Писание, реки от чрева его потекут воды живы. Сие же рече о Дусе, Его же хотя приимати верующие во Имя Его. Не убо бе Дух. Святыи, яко Иисус не у бе прославлен» (Ин. 37-39). Помните также, что Иоанн Предтеча говорил приходящим к нему: «Аз убо крещаяю вас водою покаяния, Грядый же по мне крепче мене есть, Ем же несть достоин сапоги понести, Той вы крестит Духом Святым и огнем» (Мф. 3, 11).

Таким образом, крещение Духом Святым с самого начала воспринималось как обязательное. И апостолы были крещены Духом Святым в Пятидесятницу, когда на каждом из них почил благодатный огненный язык и они сподобились благодати Божией. Только после этого они смогли совершать Божественную Литургию, совершать Таинства и были посланы на проповедь. Сами апостолы ясно видели, есть на человеке Дух Святой или нет его. У нас есть описание, как крестили апостолы, как Филипп крестил евнуха в воде, потом возложил на него руки, и снизошел на него Дух Святой. В Священном Писании мы можем найти много других подобных описаний.

Поэтому первые христиане, и прежде всего апостолы, на всех новокрещеных возлагали руки. И в этом рукоположении на новокрещеных

сходила благодать Святого Духа. Но очень скоро апостолы были посланы на проповедь во все концы земли, и даже их преемники-епископы тоже уже не могли возложить руки на всех, потому что количество крещаемых все время умножалось.

И вот уже в апостольские времена или почти сразу же после этого появилась другая форма этого Таинства — миропомазание. Эта форма известна из Ветхого Завета, она употреблялась еще и язычниками. Миро в древности использовалось очень широко. И апостолы воспользовались этим обычаем — и стали освящать миро и раздавать его священникам. И таким образом была достигнута возможность каждого новокрещеного удостоить как бы этого апостольского рукоположения. Миро освящали апостолы и епископы. И теперь помазание миром равносильно апостольскому руковождению. Святое миро есть величайшая святыня. Святое миро хранится на престоле. Освящается патриархом каждые два года. Этому предшествует очень торжественный чин мироварения. Каждая автокефальная Церковь получает право освящения мира, мироварения. Пока Церковь не получила автокефалии, она не имеет этого права, например, автономная Церковь заимствует миро у Церкви автокефальной.

После помазания миром новокрещенные получают в руки свечи и, возглавляемые священником, имеющим в руках крест, обходят трижды купель с пением (Гал.3,27): «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь. Аллилуйя». После этого возглашается торжественный прокимен: «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь?» Читается известное Послание к Римлянам: «Братие, елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся. Спогребохомся убо Ему крещением в смерть, да якоже восста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем. Аще бо сообразни быхом подобию смерти Его, то и воскресения будем. Сие ведяще, яко ветхий наш человек с Ним распятыся, да упразднится тело греховное, яко ктому не работати нам греху. Умерый бо оправдится от греха. Аще ли умрохом со Христом, веруем, яко и живи будем с Ним, ведяще, яко Христос восста от мертвых, ктому уже не умирает, смерть Им ктому не обладает. Еже бо умре, греху умре единою, а еже живет, Богу живет. Такожде и вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богу, о Христе Иисусе Господе нашем» (Рим. 6, 3-11). Далее читается Евангелие от Матфея: «Во время оно единии же надесеяте ученицы идоша в Галилею, в гору, аможе повеле им Иисус. И видеша Его, поклонишася Ему, ови же усумнешася. И приступль Иисус рече им, глаголя: «Дадесея Ми всяка власть на небеси и на земли, шедше убо, научите вся языки, крестяще их во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам. И се аз с вами есмь во вся дни до скончания века. Аминь» (Мф. 28, 16-20).

Далее следует сугубая ектения, где содержатся прошения о новокрещеных и о крестных-восприемниках. И затем следуют так называемые обряды восьмого дня. Обряды восьмого дня — это три молитвы на омовение мира, и священник после этого берет специальную губку и

стирает святое миро с новокрещеного. Затем читается молитва на пострижение волос, и священник постригает волосы. Затем совершается отпуст, и следует воцерковление.

Так кратко выглядит современный чин крещения по Требнику. Но этот чин имеет свою очень интересную историю. Лучше всего было бы почитать о том, как совершалось крещение в древности. Как вы уже знаете, больше всего крещаемых было перед Пасхой. И вот следы совершения этого великого Таинства перед Пасхой остались в наших современных службах. Например, Апостол и Евангелие, которые читаются в чине крещения, читаются в чине Божественной Литургии в Великую Субботу. Из этого мы видим, что крещение было полностью укоренено в Литургию. Оно как бы переходило в Литургию. Поэтому вместо «Святой Боже...» в чине Пасхальной Литургии, Рождественской Литургии и Литургии на Троицын день поется – «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь». Пострижение же волос совершалось обычно еще позже, очень часто даже по достижении определенного возраста. И это тоже имеет историческую связь с монашеским пострижением. Это очень древний обряд, мы можем найти его не только в Ветхом Завете, и этот обряд являет нам образ некоей жертвы. Волосы, которые остаются в Церкви, являются как бы неким залогом того, что отныне новокрещеный принадлежит Церкви. И волосы эти в древности собирались и хранились в Церкви именно как залог, о котором новокрещеный должен будет дать ответ. Он уже отдал себя Церкви и должен всегда Церкви принадлежать.

В древности на Руси пострижение волос воспринималось как большой праздник, в летописи остались свидетельства о том, как наши великие князья устраивали большой семейный праздник на пострижение своих сыновей. Обычно одновременно с этим совершалось еще посаждение на коня. Таким образом, здесь мы видим некое сопряжение древних обычаев.

В наше время нереально в течение восьми дней ходить в белых одеждах, никто не сажает теперь на коня княжеских сыновей, поэтому обряды восьмого дня стали совершаться тут же, сразу после крещения. Как только бывает прочитано Евангелие, произнесена ектения, должен совершиться отпуст. После этого священник подносит младенца или подводит новокрещеного к Царским вратам и воцерковляет: девочек и женщин прикладывает к иконам Спасителя и Божией Матери, а мальчиков тоже прикладывает к этим иконам и приводит в алтарь, потому что мальчик посвящается престолу как возможный в будущем соискатель священства. Это напоминает нам род левитов, из которого могли быть посвящены священники ветхозаветные. Каждый мужчина посвящается алтарю, и это означает его принципиальную допущенность к священству. В древности девочек тоже вносили в алтарь, и не только вносили в алтарь, а прикладывали к престолу, только девочек прикладывали с одной стороны, а мальчиков- с четырех (подобно тому, как при рукоположении дьякона или священника епископ водит ставленника вокруг престола, и он целует четыре угла престола). И затем читаются молитвы восьмого дня. И происходит это теперь довольно формально и механически. Хотя в них тоже заложен великий и прекрасный смысл.

До нас дошел документ Константинопольской церкви в манускрипте VIII века. Называется этот манускрипт «*Кодекс Барберини*». И еще есть рукопись XI века в Грото-ферратской библиотеке. Из этих двух документов можно составить некое описание того, как проходило крещение в это время в Константинополе.

«Патриарх приходит в храм святой Софии при пении стихир на «Господи возвах». Его встречают по обычаю с Евангелием, крестом и тремя ручными подсвечниками. Но молитвы входа он не читает. Пройдя в алтарь, он восходит на трон и садится со священнослужителями и архонтами на запрестольях при пении прок им на «Вся земля да поклонится Тебе». По прочтении первой паремии при начале второй «Светися, светися» патриарх, архонт, епископы и священнослужители встают со своих мест. Второй диакон, взяв с престола Евангелие, лежащее на правой стороне, подает его патриарху, который, поцеловав его кладет Евангелие на свою кафедру или трон и со всеми духовными чинами удаляется через скевофилакию в Великую крещальню. В храме остаются чтецы и певцы с народом, продолжающие чтение положенных паремий. По приходе в крещальню патриарх в раздевальне или в верхнем помещении переоблачался в белые священные одежды и надевал даже белую обувь. Затем кадил кругом обе купели или бассейны — правый для мужчин, а левый для женщин, — благословлял их свечами и начинал тайно читать молитву «Благоутробный и многомилостивый». Архидиакон, одетый в белый стихарь и орарь, став близ патриарха, произносил великую ектению на освящение воды, в которой испрашивается благодать Иорданских вод. По окончании ектений патриарх громко читает «Велий еси Господи» и т. д. И при словах «И страшное сопротивным», а по рукописям «Да сокрушатся под знамением Креста», спускается к купели и по очереди в каждую трижды дует и пальцем трижды благословляет находящуюся в них воду».

Многое из того, что здесь говорится, осталось в нашем Требнике. «Затем, во время чтения «Владыко Господи, Боже отец наших» диакон подносит сосуд с елеем. Патриарх трижды дует в него и троекратно благословляет. После молитвы священник берет струец из сосуда с елеем и им на воде делает три креста, причем диакон говорит: «Вонмем», а певцы «Аллилуйя», трижды и псалом «Блажен, ихже оставишася беззакония». Патриарх произносит: «Благословен Бог, просвещаяй и освящаяй всякого человека». Пресвитер помазывает елеем чело, грудь и спину оглашенных, говоря: «Помазуются раб Божий (имярек) елеем радования». Диаконы согласно обычаю древнейшего времени елеем помазуют в это время все тело готовящихся к крещению мужчин, а диакониссы помазуют женщин. Патриарх надевает на себя одежду крещения, то есть лентион, и поручи, и погружает крещаемого, произнося каждому формулу крещения: «Крещается раб Божий (имярек) во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого Духа, аминь». И все поют до конца псалом: «Блажени, ихже оставишася беззакония» три раза. Крещенные одеваются в белые одежды, опоясываются поясом и получают свечи».

В рукописи XIV века при этом говорится: «Приими лампаду и

сохрани ее целу и негасиму». Архидиакон возглашает: «Господу помолимся». Патриарх трижды произносит молитву: «Благословен еси, Господи Боже Вседержителю», в которой молится о даровании крещенным «печати дара Святого Всесильного и поклоняемого Твоего Духа и причащения Святого Тела и Честные Крови Христа Твоего». И тотчас при пении «Елицы во Христа креститесь» со всеми новопросвещенными отправляется в соседний храм св. апостола Петра. Сюда второй священник или один из иереев Софийского храма приносит святое миро. Патриарх входит в алтарь, благословляет свечами Святую Трапезу, то есть престол, целует индитию, то есть покров престола, и, облокотившись на ковер, положенный на алтарную преграду, начинает по очереди помазывать миром подходящих к нему новопросвещенных, говоря при этом: «Печать дара Духа Святаго».

Тут нужно обратить внимание, чтобы представить себе, как это происходит, на слова «облокотившись на алтарную преграду». Из этого следует, что не было иконостаса. Алтарь не был отделен иконостасом, а была только невысокая преграда, типа барьера, на которую клали ковер. И вот патриарх находился в алтаре, облакачиваясь на эту преграду, он помазывал новокрещенных, которые подходили снаружи к этой преграде. Помазывались чело, глаза, ноздри, уста и оба уха. В рукописи Барберини мы находим при помазании этих частей тела и соответствующие формулы: на главах — «благодать обоняния Святого Духа», на ушах — «благодать получения жизни вечной», на ладонях рук — «благодать Святого Христа Бога и печать», на сердце — «полнота дара Святого Духа и хранение веры и истины». Во все время миропомазания певцы поют «Елицы во Христа креститесь». В Великую Субботу патриарх, окончив миропомазание, там же в храме св. ап. Петра совершает чин воскресной вечерни. Во время пения прокимна патриаршие архонты, находившиеся в крещальне, переменяют свои обычные одежды на белые. Тропарь после стихир на стиховне вместо «Богородице Дево, радуйся» пели «Запечатану гробу». Если патриарх в Великой крещальне заканчивал все вышеизложенное, то давалось известие в Софийский храм, и там чтецы после восьмой паремии начинали чтение последней паремии пророка Даниила, а после нее певцы пели на амвоне песнь отроков в пещи Халдейской. При окончании этих песней патриарх, архонты его и священнослужители, певцы из сировоспитательных домов во главе с певцом, одетым в камисию и краткую фелонь, с песнопением «Блажени, ихже оставишася беззакония» вели из крещальни новопросвещенных, имевших в руках зажженные свечи, в Софийский храм через красные ворота, и внешний нарфикс во внутренний нарфикс к царским вратам».

Нужно вам напомнить, что в те времена царскими назывались не врата иконостаса, которые вводят в алтарь, а врата, которые вводили из притвора в храм. Царскими они назывались потому, что было трое врат — центральные и боковые: левые и правые. И народ всегда ходил этими боковыми воротами. А средние ворота открывались только для царя. Поэтому они назывались царскими. В данном случае новопросвещенных вели царскими воротами. «Здесь патриарх, совершив на ковре троекратное поклонение, читал молитвы

литургийного входа». Видите, а раньше он не читал. «И через царские двери вместе с новопросвещенными вступал в храм. Новопросвещенные шли на солею, где они стояли потом всю литургию. Певчий, шедший впереди процессии, сняв фелонь, входил на амвон и, заменив певца, исполнявшего песню отроков, пел «Елицы во Христа креститесь», после чего следовало без прокимна чтение Апостола и Евангелия. Сопрестолние с патриархом в это время разделяют лишь двенадцать епископов-архонтов, а остальные получают приглашение к патриарху на прием по прочтении Евангелия. Когда после Апостола поются стихи «Воскресни, Боже, суди земли», прежнюю индитию сменяют и на место ее полагают золотую, и переменяют завесы кивория на более ценные, во время пения «Воскресни, Боже», все епископы стояли, а по прочтении Евангелия в богослужении уже не принимали участия. Во время Великого входа новопросвещенные с зажженными свечами, исполняя обязанности денотатов, идут впереди Святых Даров с солеи. На целовании мира, по древнему обычаю, присутствующие в храме лобзали новопросвещенных. В обычное время за той же литургией все они причащались Святых Тайн. По окончании литургии из храма с пением «Елицы во Христа креститесь», они провожались домой. В течение восьми следующих дней они не снимали белых крещальных одежд, присутствовали ежедневно на богослужении и даже причащались.

Подобный чин крещения совершался и в канун праздников Рождества Христова и Богоявления, а также Святой Троицы, Вербного Воскресения и Преображения. «В восьмой день новопросвещенные являлись в храм для омовения помазанных миром частей тела, разрешения пелен и пояса и на отпуст». В кодексе Виссариона имеются все три молитвы, которые читаются в нашем современном Требнике. Никаких обрядовых действий, ни слов для произнесения священником при омовении не имеется. «Вереду на Пасху император в самых парадных одеждах во дворце в Золотой палате, в той ее части, которая носила названия трипетона, после обычного приема придворных сановников принимал орфантрофа с шестью неопитами, или новокрещенными, и с шестью певцами из сирот, сопровождавшими новопросвещенных. Входил священник и вместе с орфантрофом вытирал на челе миром помазанное место. Император каждого потом целовал в лоб. Когда оканчивалась эта церемония омовения и целования, то певчие пели приличествующий случаю гимн и, получив от императора подарок, все вместе возвращались домой».

Все это рисует нам удивительно яркую картину того, как совершалось и как переживалось крещение в те далекие от нас времена. Это, действительно, было событие общецерковного значения. И естественно, что каждый новокрещенный не только не мог забыть того, как совершенно было крещение над ним, но, конечно, он готовился к этому событию особенно. И оно было неизгладимо в его памяти и в его сердце. И этому содействовала и подготовка, и обстановка, в которой совершалось крещение. И отношение Церкви к тому, что с ним происходило. Видите, крестил сам патриарх, сам император приветствовал и целовал новокрещенных. Тогда был обычай: во время

литургии перед пением Символа веры давать целование мира. И, как видите, стоявшие в храме целовали новокрещенных, и сам император приходил и целовал троих новокрещенных. Потом они приводились к нему во дворец, и император как бы участвовал в омовении мира, и тоже приветствовал, и целовал, и одаривал подарками. Таким образом, невозможно было воспринять крещение как нечто затрапезное, просто как некий обряд. Само участие в этом и патриарха, и императора, и всей Церкви указывало на великое значение этого события в жизни человека. Именно такое отношение к крещению и помогало человеку воспринять тот благодатный дар, который дается в этом Таинстве, то есть, создавало атмосферу благоговения, трепета духовного, благоговейного страха, преклонения, радости; создавало в сердце человека как бы напряженное ожидание того, что вот, наконец, и его коснется это избранничество, и он будет сподоблен этой благодати и новой жизни. И вот такое отношение к Таинству является — и являлось, и должно являться — неизменным условием того, чтобы благодать Божия, которая подается в таинстве, была воспринята сердцем человека и принесла в сердце человека обильный плод. Именно об этом мы с вами должны более всего заботиться теперь.

Когда мы изучаем Таинство крещения, то это не просто есть некий исторический экскурс и не просто некая церковная археология, а это есть искание пути к тому, как нам вернуться к такой церковной, такой духовной жизни; как нам сделать нашу духовную жизнь подлинной; как нам помочь тем, кто приходит к нам креститься, действительно родиться в новую жизнь и принять благодать Божию в свое сердце, держать ее там.

Я уже упоминал, что заканчивается чин крещения обрядами восьмого дня: это обряды отирания мира и пострижения волос. Так эти обряды называются потому, что в древности они совершались на восьмой день после крещения. А в течение восьми дней новокрещенные ходили в крещальных белых одеждах и особенно оберегали на себе те места, которые были помазаны святым миром. Они даже носили специальные повязки. В частности, на челе носили повязку, которая одно время называлась венцом, потом некоторое время называлась *диадимой*, а на Руси даже заменилась куколем по типу монашеского куколя в свое время, для того, чтобы святое миро не было смыто и не попало туда, куда не должно. Вот в таком охранении этой святости, которой они сподобились, они пребывали восемь дней. И вы понимаете, если человек охраняет святое миро на себе таким чувственным, телесным образом, то, естественно, он располагает охранять ту святость, которая в его сердце. Он понимает, что это святость, которая телесно дана ему, несет в себе святость духовную. И, следовательно, нужно и сердце свое хранить; подобно тому, как он хранит свое чело, так он хранит и сердце свое от всяких дурных мыслей, от дурных поступков. Все эти восемь дней новокрещенные ходили в храм, участвовали в Божественной Литургии и причащались Святых Христовых Тайн. Кроме того, они в храме поучались теперь тайнам церковной жизни. Если крещение совершалось накануне Пасхи, то вся Пасхальная седмица проходила для новокрещенных таким образом: каждый день — церковь,

каждый день — Литургия, каждый день — причастие Святых Христовых Тайн и тайноводственные беседы. И только на восьмой день они являлись в церковь для того, чтобы с них было отерто святое миро, чтобы постригли их волосы в качестве залога, которым они символизируют свою преданность Церкви. Они как бы в залог отдают часть себя — волосы, которые остаются в храме, в церкви, как часть тела этого человека, залог того, что весь он теперь принадлежит Церкви. И здесь снималась крещальная одежда, и дальше начинались будни.

У нас обряды восьмого дня совершаются сразу после крещения. Затем священник подносит младенца или подводит новокрещеного к Царским Вратам и воцерковляет: девочек и женщин прикладывает к иконам Спасителя и Божией Матери, а мальчиков и мужчин тоже прикладывает к этим иконам и приводит в алтарь, потому что они посвящаются престолу как возможные в будущем соискатели священства. В древности девочек тоже вносили в алтарь и прикладывали к престолу, только девочек прикладывали с одной стороны, а мальчиков — с четырех (подобно тому, как при рукоположении диакона или священника епископ водит ставленника вокруг престола, и он целует четыре угла престола).

Когда крестить стали исключительно младенцев, невозможно было хранить крещальную одежду в чистоте у младенцев. И невозможно было им дать почувствовать значение свершившегося над ними. Сначала следили за тем, чтобы новокрещеный младенец или новокрещеный взрослый обязательно причастились бы Святых Христовых Тайн. Хотя уже вскоре после описанного времени, о котором мы сейчас читаем, может быть, уже в XI веке крещение выделяется из чина литургии.

В тех документах, которые мы читали, явно изображается крещение в составе богослужения, причем богослужения предпасхального. Крещение предшествует началу литургии и потом заканчивается уже в литургии причастием Святых Христовых Тайн. Впоследствии крещение постепенно выделяется в отдельное Таинство. И уже нужно напоминать, что новокрещеный должен обязательно причаститься. Потом, в более позднее время уже теряется и это ощущение необходимости причастия. Важно покреститься, а когда будет человек причащен — это уже, так сказать, не так существенно. В частности, мы находим следы этого в древности уже в том, что воцерковление приурочивали обязательно к десятому дню после крещения, т.е. младенец новокрещеный до десятого дня не приносился в церковь. Его крестили на дому, и в церковь приносили только на четырехдесятый день, когда разрешался в церковь вход матери. Тогда только совершалось воцерковление, и тогда только можно было причащать младенца, то есть совершается разрыв таинства крещения с литургией постепенно.

А затем эта связь утрачивается, и в наше время очень часто встречаются люди, которые крещены с детства, но никогда в жизни не причащались. В связи с этим, заканчивая эту тему, нужно сказать, что сейчас, в наше время мы, пытаясь вернуться к должному образу крещения, не можем требовать, чтобы люди восемь дней ходили в крещальных рубашках, в наше время это

невозможно. Мы совершаем обряды восьмого дня тут же, но мы очень настаиваем на том, чтобы новокрещенные обязательно причастились Святых Христовых Тайн. И говорим, что всякое таинство бывает полным и совершенным только в литургии.

Литургия есть венец, полнота церковной жизни и полнота всякого таинства. Но и причастие Святых Христовых Тайн тоже можно совершать по-разному. Мне приходилось служить в одном храме, где был такой порядок: во время совершения литургии в маленькую чашу отливали Святуя Кровь из большой чаши. Эта Святая Кровь постоянно хранилась на престоле в маленькой чаше. И после того, как покрестят взрослых или младенцев, в особенности младенцев, тут же совершаются быстро, как можно скорее, все-все обряды, и среди прочих обрядов младенцев причащают Святой Кровью. Эти ревностные священники так поступали для того, чтобы ни один младенец не остался непричащенным, чтобы не было так, что вот крестился и даже не причастился никогда. Чтобы такого не было, чтобы не было неполноты совершенного Таинства, вот они и придумали тут же причащать, уже вне литургии. Младенцев можно причащать не натошак, поэтому их причащали. А если можно, то и взрослых причащали, если они натошак пришли, тоже не во время литургии, прямо сразу после крещения. Эта ревность моих сослужителей мне внушала некий ужас, потому что и она тоже мне казалась очень формальной. Что толку, если младенца вот так причащают и после этого отпускают его на всю жизнь, на все четыре стороны с полным спокойствием: ну вот, теперь он крещенный, причащенный, теперь может больше никогда к нам не приходиться. Надо сказать, что родители и крестные, именно так и относятся: вот теперь он уже крещенный и причащенный, больше ничего не требуется, все сделано лучше, чем в других храмах: там не причащают, а здесь даже причастили. Вот такое формальное причащение Святых Христовых Тайн, оно является скорее кощунственным, чем полезным, совершалась очень часто профанация, потому что родители и крестные, которые приносили младенцев к причастию, они не понимали, что происходит, зачем это нужно. Они считали это еще каким-то обрядом. Поэтому мы теперь в нашем храме поступаем иначе: мы не причащаем новокрещенных младенцев, тем более взрослых, но мы тратим свои силы на то, чтобы убедить родителей, крестных и взрослых новокрещенных в том, что они должны обязательно придти к Божественной литургии, причащаться немедленно, на другой же день, а после этого причащаться регулярно, то есть они должны начать церковную жизнь. Еще до крещения мы об этом говорим, что если они не собираются так жить, то незачем и креститься, что крещение — это рождение в новую жизнь, начало новой жизни, и может совершаться достойно только в том случае, если человек хочет этой жизнью жить дальше. Если же он только формально хочет совершить крещение, то в этом нет смысла. Это профанация, и может быть только в осуждение. И нужно сказать, что испытываешь большую радость, когда крещенные приходят на другой день или через несколько дней на литургию. И участвуют в литургии и причащаются сознательно, то есть они уже не формально это совершают, они уже решили потрудиться и еще раз

придти, и хотят теперь начать жизнь Церковную на самом деле, лишь бы только это не было формально — еще один раз приду и все. Нужно, чтобы они поняли, что это новая их жизнь начинается, и теперь они должны приходить постоянно.

ТАИНСТВО БРАКА

В современной церковной жизни есть некоторые наиболее трудные для духовного восприятия моменты церковной жизни, которые особенно повреждены в истории и в человеческом сознании. К таким более всего «пострадавшим» прежде всего относятся таинства крещения, брака и покаяния.

Но есть для восприятия таинства брака еще и особенное препятствие — дело в том, что само по себе это таинство, как и православное учение о браке, очень трудно. Оно далеко не полно изучено в богословской литературе, да и литературы о нем в православии очень мало.

Католическое богословие о браке нельзя признать удовлетворительным, поскольку его отправные точки совершенно не сходны с православным учением, и большая часть написанного в католицизме о браке страдает существенным искажением основных христианских, православных принципов. На русском языке имеется лишь несколько работ. Книга *Л.С. Павлова «Пятидесятая глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права»* — конца прошлого века. Она посвящена практике совершения брака, а также церковному законодательству о браке. Другая книга *«Христианское учение о браке» Н. Страхова* (Харьков, 1895 г.) большее внимание уделяет нравственному значению брака. О браке писали русские религиозные философы: Бердяев, Розанов и другие. При том, что их взгляды не всегда согласуются с православным церковным учением, эти философы хорошо почувствовали недостаточность историко-канонического и морального подходов, которые имелись в русском богословии. Более полной с точки зрения богословской явилась книга *С. В. Троицкого «Христианская философия брака»*, изданная в Париже в 1932 г. Но есть и более поздняя замечательная работа прот. *Иоанна Мейендорфа «Брак и Евхаристия»*. На русском языке она печаталась в «Вестнике РСХД» (номера: 91, 92, 93, 95, 96, 98) (Париж, YMCA-PRESS, 1969 и 1970 гг.). Здесь является нам современный богословский взгляд на православное учение о браке, хотя не ставится задача изучения его чинопоследования.

Вначале уместно вспомнить замечательное изречение: «Браки совершаются на небесах». Здесь кратко и благодатно выражена вера в то, что соединение двух людей в браке не может быть плодом страстей. Это есть событие онтологическое, имеющее свое сущностное, бытийное содержание, выходящее за рамки моральных, нравственных, социологических, юридических проблем. Брак не может быть понят и как естественное удовлетворение физиологических или душевных потребностей человека. Православное учение о браке утверждает, что настоящий православный брак — есть таинство, то есть событие духовное, принадлежащее к духовной реальности, к духовному бытию.

Прежде всего нужно вспомнить, что создание мужского и женского

пола описывается в книге Бытия как дело особенного Промысла Божия. Каждый день творения заканчивается словами о том, что Господь посмотрел и увидел, что все сотворенное «добро зело». Когда же Господь сотворил первого человека Адама, то через некоторое время сказал: «Не хорошо быть человеку одному». Удивительный контраст: до сих пор все было хорошо, а вот Адам не нашел полноты жизни один. И Господь, увидев это, сотворил ему в помощника жену. Это было необходимостью, без жены бытие человека не было полным, оно не было «добро зело». Таким образом, замысел Божий не осуществился, пока не была сотворена жена. И только вместе мужской пол и женский достигают той гармонии и полноты, которые достойны замысла Божия о человеке.

В Новом Завете во Христе нет ни мужского пола, ни женского, но «нова тварь». Мужской и женский пол имеют одну природу, то есть онтологически нет существенной разницы между мужчиной и женщиной. Достоинство мужчины и женщины пред Богом одинаково, но они отличаются между собой как две части одного целого. Ни одна из этих частей не может быть полной без другой, пока не достигнуто единство, или без какого-то особенного действия благодати Божией. Учение о сущности отношений между мужчиной и женщиной только в христианстве достигает той полноты, красоты и совершенства, которых нет больше ни в каком ином учении, ни в какой другой философии. Это учение совершенно естественно выражается в учении о браке.

Брак понимается в христианстве как онтологическое соединение двух людей в единое целое, которое совершается Самим Богом и является благодатным Божиим даром. Во-первых, когда Бог сотворил жену и привел ее к Адаму, это был дар красоты и полноты жизни, во-вторых — дар падшему человеку, который в этой полноте находит путь к преображению, к совершенству и совершенствованию, промыслу Божию, к осуществлению своего предназначения, к Царствию Божию. Всякое другое отношение к браку, например, в других религиях и учениях, или то, которое сейчас доминирует в мире, христианами может быть воспринято как профанация брака, катастрофическое снижение понятия о браке и человеке, как унижение человека и замысла Божия о нем.

Естественно, что брак может быть только тогда настоящим и духовно плодотворным, когда он совершается Богом, когда есть воля, и благословение, и благодатное действие Божие, соединяющее двух людей. Поэтому и первые христиане, и церковное сознание нашего времени не мыслят брак без того особого действия Церкви, которое называется таинством, которое имеет чудотворную, благодатную силу, дающую человеку дар нового бытия. Первым чудом Христовым, описанным в Священном Писании, было чудо в Кане Галилейской на брачном пире. Оно понимается Церковью как благословение брака, и Евангелие об этом чуде читается в чинопоследовании брака. Образ брака очень часто используется в Священном Писании, особенно в Евангелии и в творениях святых отцов.

Брачный пир — один из самых ярких христианских образов, образ

жениха являет образ Христа, а апостол Павел прямо называет Церковь невестой Христовой. В послании к Ефессянам апостола Павла, которое читается в чинопоследовании брака, апостол уподобляет брак мужчины и женщины браку Христа и Церкви: «Тайна сия велика есть, Аз глаголю во Христа и во Церковь». Таким образом, апостол уподобляет с одной стороны, отношения Христа и Церкви браку мужчины и женщины. С другой стороны, отношения мужчины и женщины уподобляются браку Христа и Церкви. Этот образ удивительно глубок и он является гарантией того высокого и прекрасного, исключительно чистого понимания брака, которое мы находим в христианстве. Он является источником для православного богословия о браке, о таинстве брака.

Среди языческого разврата и моральной распущенности, когда отношения между людьми были сведены к самым ужасным, иногда противоестественным, извращенным обычаям, христиане сразу поняли, что настоящий брак должен иметь особенное благодатное установление. Но то, что называется чинопоследованием брака, вначале было совершенно иным. Чин венчания, который теперь находится в Требнике, был установлен очень поздно, позднее чем чины большей части других таинств, только в IX веке. Позднее установление этого чина имеет существенные исторические причины. Все чинопоследования в истории рождались не сразу и во времени видоизменялись, история их развивала, приспособлявала к потребностям эпохи, историческое развитие христианской церковной жизни требовало и естественно включало в себя соответствующее развитие чинопоследований и обрядов. Тем не менее, о чинопоследовании брака, вероятно, можно сказать, что его развитие в Церкви совершилось не вполне благополучно, и даже в какой-то степени неблагоприятно.

Первые христиане не мыслили свою жизнь без евхаристии, и вне евхаристии. Христианская жизнь началась как жизнь евхаристической общины, в центре которой была Вечеря Господня. Именно евхаристия была той полнотой, которая рождала все остальные формы христианской жизни, была источником и полнотой всех таинств. Таинство брака, как и все остальные таинства, было укоренено в евхаристии, но можно сказать, что оно принадлежало евхаристии в большей степени. Если крещение, например, имело изначально свой особенный чин — погружение в воду, миропомазание совершалось особым действием, таинство священства совершалось возложением рук епископа, то таинство брака первоначально свершалось просто совместным участием в евхаристии. Ничего другого не предлагалось для совершения брака. Первые христиане сознавали, что вне особого благодатного действия Церкви настоящего брака быть не может. Они сознавали это сильнее, чем теперь сознаем это мы. Но таинством они считали благодатный Божий дар, который дается двум членам Церкви, получающим благословение епископа или священника, то есть — благословение Церкви. Этот благодатный дар дается в евхаристии, в общем причащении Тела и Крови Христовой. Приходили причаститься вместе по благословлению епископа, и вся община знала, что эти двое начинают сегодня свою новую жизнь у чаши

Христовой, принимая вместе благодатный дар единства и любви, которая соединит их в вечности.

Так понималось таинство брака древними христианами. Теперь очень часто обнаруживается понимание противоположное, конечно, не в Церкви, а около нее. Церковное учение всегда в главном остается тождественным самому себе, но те, кто сегодня мнит себя христианами, к сожалению, в своем подавляющем большинстве забыли его. Большая часть венчаний совершается сегодня над людьми, которые, может быть, никогда в жизни не причащались и причащаться не собираются, которые приходят в церковь из разных соображений. Некоторые для того, чтобы красиво начать свою жизнь, их не удовлетворяет дворец бракосочетаний, им хочется, чтобы на их головы возложили венцы, чтобы был совершен красивый обряд. Действительно, венчание — очень красивый обряд, и это ведет многих в храм. Приходят венчаться потому, что чувствуют какую-то недостаточность ЗАГСа, несмотря на свою нецерковность и безрелигиозность, все же понимают, что брак — это нечто большее, чем запись в книгах гражданского состояния. Только улыбку брачующихся может вызвать момент, когда сотрудница ЗАГСа объявляет их мужем и женой и велит им обменяться кольцами. Они чувствуют, что в этом есть что-то недостаточное, даже что-то карикатурное и хотят восполнить это в церкви. Они знают, что в церкви все восходит к другому источнику, в церкви действует особенная благодатная сила. Многие приходят венчаться, чтобы охранить себя от разных неприятностей, такая охранительная психология очень распространена в нашем народе, и очень часто является двигательной силой для современных людей, когда они приходят в храм и просят крещения, молитвы, ставят какую-нибудь свечку, или хотят венчаться для того, чтобы приобрести некую безопасность и счастье. Приходят и говорят: «Мы хотим повенчаться, мы верим, что будет нам дана какая-то сила, она будет нас охранять и сделает наш союз особенно прочным». В наше время, когда браки то и дело кончаются разводами, брачующиеся часто хотят, чтобы их повенчали, им кажется, что они обретут помощь, смогут легче сохранить свою семейную жизнь.

Такая охранительная позиция, конечно внушает сочувствие и жалость, конечно хочется помочь, и в этом невозможно не увидеть серьезных намерений. Естественно, что человек, который пришел с сердечной болью, с желанием получить какую-то помощь свыше, когда начинается его новая жизнь, заслуживает и вызывает сочувствие к себе, хочется его повенчать, но надо сказать, что и это отношение является профанацией таинства брака, так же как и другие такого рода соображения. Почему профанацией? Потому что таинство брака немислимо вне церкви, как и все остальные таинства. Таинство брака может быть действенным, может быть совершенно достойно только тогда, когда оно совершается Церковью внутри Церкви, для членов Церкви. Только члены Церкви могут быть соединены в новую малую Церковь, которой богословы часто называют христианскую семью, малая домашняя Церковь состоять может только из членов Церкви. Нельзя сделать малую Церковь из людей, которые членами Церкви не являются.

Поэтому достойным отношением к таинству брака является только то отношение, когда люди приходят в Церковь, чтобы получить благословение Божие, дар благодатной любви для новой, особенно полной жизни в церковной глубине и полноте, когда они просят у Бога особенный дар любви, соединяющий этих людей в Царствии Божиим навечно, а не только здесь на земле. Такое понимание брака само собой определяет очень важную норму: христианский брак может быть только моногамией по самому смыслу, по самой сущности своей. Исключение из этого правила не может быть нормой, и даже в виде исключения иная позиция не может считаться нормальной.

Изучая Таинство брака, необходимо обратиться к истории. Прежде всего нужно вспомнить, как учит о браке Ветхий Завет. Ветхозаветное учение о браке исходит из совершенно других представлений, чем новозаветное. Там было представление о том, что вечная жизнь возможна для человека в его потомстве и не было достаточно ясного учения о царствии Божиим, о жизни будущего века. Евреи ждали мессию, который придет на землю и переустроит земную жизнь, устроит некое царство, где евреи будут господствовать и где наступит блаженство именно еврейского народа. Спасение и участие в этом блаженстве понималось евреями как достижение этого будущего мессианского царствования их потомками: если потомки доживут до мессии, до будущего мессианского царства, то предок будет спасен. Они верили, что человек живет в своих потомках, это и является его вечной жизнью. Исходя из такого взгляда, бездетность воспринималась как проклятие Божие, как лишение вечной жизни. Это было для них такое наказание, как для христиан ад, но ветхозаветные иудеи понимали это наказание просто как лишение вечной жизни. Это значило, что такой человек отвержен Богом за грех, и он подвергался поношению за бесчадство. Иоаким и Анна подвергались поношению бесчадства, их даже не допустили в храм приносить жертвы, считая, что они особенные грешники, раз Бог не дает им детей.

Такое учение о вечной жизни и спасении, естественным образом, вызывало специфический взгляд на брак. Брак считался способом достижения этой вечной жизни. Главная цель брака — это деторождение с точки зрения ветхозаветного иудея. Именно для того, чтобы иметь потомство, нужно было быть в браке, поэтому у иудеев не было женщин, которые оставались вне брака. Состояние безбрачия воспринималось как состояние отверженности и проклятости, это особенно относилось к женщинам. Как вы помните, были *назореи*, мужчины, которые оставались вне брака (уже в позднее время), но женщины должны были все быть выданы замуж, должны были рожать детей обязательно, и естественно, что такая норма вызывала другую, допускалось многоженство, допускался конкубинат, то есть сожитительство. Был специальный закон о ливерате. *Ливерат* — это закон Моисея о том, что если у какого-то иудея не будет детей, и он умрет, то брат его будет обязан взять его жену и восстановить семья брату своему. Дети, которые родятся от второго брата, зачисляются первому брату, чтобы

он был не лишен вечной жизни, был спасен заботой другого брата. Ливерат — специфическое учение, для нас совершенно непонятное, но иудеями оно воспринималось как высокая нравственная норма. Изучающий родословную Христа, приведенную в Евангелии, сталкивается с проблемой, как провести родословную линию — потому, что среди предков Христовых существует довольно много ливератных детей. Не совсем понятно, к какому отцу их причислить, к отцу по естеству или к отцу по закону. Один евангелист проводит линию через естественного отца, а другой через законного отца, через отца, к которому эти дети были зачислены — получается разное родословие, и в нем не очень просто разобраться. Такой ливерат нисколько не считался нарушением верности или целомудрия в Ветхом Завете и, конечно, он не считался прелюбодеянием, и законная жена не могла быть недовольна тем, что ее муж должен был взять еще и жену своего умершего брата. Естественно, что в таком отношении к браку мы видим неравенство между мужчиной и женщиной, видим глубокое несовершенство их отношений. Действительно, если жена нужна только для того, чтобы родить детей, обеспечить потомство, то брак будет несовершенным, это ущербное представление о браке.

Учение о браке в Новом Завете резко отличается от ветхозаветного именно в том, что основной его смысл в любви и вечном единстве супругов. Нигде в новозаветных текстах не говорится о деторождении, как о цели или как об оправдании брака. Особенно ясно это из тех евангельских текстов, где рассказывается, как Христос отнесся к закону ливерата. Вы помните, как ко Христу пришли саддуккеи и задали ему вопрос, на который они получили неожиданный ответ. Этим вопросом они хотели поставить Христа в тупик, или хотели его обличить в том, что он неправильно относится к закону Моисея. Вопрос был такой: некий иудей умер, и осталась у него жена. Жена эта, по закону ливерата, досталась второму мужу, потому что первый был бездетным, у второго мужа тоже не родились дети, тогда жена его перешла к третьему брату, и так до семи братьев. Дети не родились ни в одном из этих браков, потом умерла жена. Вопрос — чьей женой будет она в вечной жизни? Вопрос этот имел целью опровергнуть учение Христа о вечной жизни, которое саддуккеи отвергали. Христос отвечает им совершенно неожиданно. Он говорит, что в Царствии Божием не женятся и не выходят замуж, но пребывают как ангелы Божии. Вопрос о том, чьей женой будет эта женщина в Царствии Божием, лишен смысла. Таким образом, сама постановка вопроса, которая исходила из понимания брака как способа деторождения, как предназначенного для деторождения, Христом отвергается. Это не значит, что Христос учит о временности брака, это не значит, что Христос отвергает соединение мужа и жены в вечности. Здесь говорится о том, что в вечности не будет тех земных, плотских отношений, которые неизбежны в этой жизни, они будут другими, духовными.

Есть еще важное место в Евангелии, которое четко формулирует отношение Христа к браку. Это слова Христа о невозможности развода. Вы помните, как Христос говорит, что от начала развод не был разрешен, потому

что Бог сотворил мужа и жену, а то, что Бог сочетал, человек да не разлучает. Христос здесь говорит об абсолютном значении того соединения, которое совершает Бог своею благодатью. Муж и жена соединяются онтологически, их союз не должен разрушаться от человека, поэтому развод не может иметь Божьего благословения. С точки зрения православной, церковной развод невозможен. Есть еще одно очень важное место в Священном Писании, которое дает нам необходимую, исходную точку для православного богословствования о браке. Это то место в послании апостола Павла к коринфянам, где Христос говорит, что любовь никогда не престаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Дар любви, который дается в таинстве брака Божиим благословением, это дар вечный, и не может быть любовь упразднена, она не может прекратиться со смертью. Это, конечно, является гарантией, что христианский брак совершается в вечности.

Однако, апостол Павел говорит о том, чтобы вдов выдавать замуж. Есть такое место, где первым христианам он отвечает на их вопрос и говорит, что пусть лучше вдовы выходят замуж второй раз. Это место может, конечно, показаться противоречием тому учению о моногамии, которое следует из слов Христовых. Но Церковь всегда учит об идеале, этот идеал святой, праведной, благодатной жизни в царствии Божиим, она считает нормой. В то же время Церковь никогда не пытается уйти от реальной жизни, которая наличествует в мире. Именно в эту реальность бытия падших людей пришел Христос для того, чтобы падшую жизнь преобразить. Сам Христос и Церковь никогда и нигде не требуют, чтобы эта реальность по мановению волшебной палочки мгновенно исчезла, превратилась в жизнь абсолютно ангельскую и святую. Эта жизнь земная должна быть преображена и это преображение совершается крестным подвигом Господа нашего Иисуса Христа и его Церкви, и вне этого крестного подвига преображение совершиться не может. Церковь всегда совершенно осмысленно и сознательно идет на встречу человеку в его немощи, в его падшем состоянии и зовет его к совершенству — «Будьте совершенны как совершен Отец ваш Небесный».

Это достигается не сразу, и в Церкви всегда действует закон *икономии*, то есть домостроительства (греческое слово «икономия» переводится как «домостроительство»). Церковь всегда имеет пастырскую задачу, она должна придти и позвать реального человека на путь праведности, помочь ему исправиться, измениться, покаяться и встать на путь Христов. Нельзя потребовать, чтобы каждый грешник мгновенно стал святым, даже великие святые достигали своей святости не сразу. Священное Писание, учение святых отцов, и Православная Церковь всегда, обращаясь к реальному человеку, вынуждена идти на какие-то послабления, возводит человека постепенно к тому идеалу, который сознается как цель и как норма. Таких послаблений в церковной жизни не просто много, а множество. Церковь земная в своей жизни имеет целый спектр состояний на пути к единственной евангельской норме.

Древняя Церковь возникла в Римском государстве, и оно имело свое понятие о браке. Это понятие было совершенно не таким, как у древних иудеев,

оно в основе своей было юридическим. *Модестин* (римский юрист) в соответствии с известным юридическим принципом древнего Рима «*брак есть не сочетание, а согласие*» (*Nuptias non concubitus, sed consensus facit*) определяет, что «сожительство со свободной женщиной есть брак, а не конкубинат». Брак в понимании римлян — это договор между свободными сторонами, поэтому, между прочим, рабы не могли иметь брака, но только сожительство. Напротив, сожительство между свободными гражданами считалось браком. Характерно, что не евангельская норма, а именно это дохристианское языческое учение о браке стало основой гражданского брачного права в современном цивилизованном мире.

Юридическая норма древнего Рима, конечно, могла вызвать только протест у христиан, потому что это подход сугубо формальный. Но христиане жили в Римском государстве, где действовало римское право, и как всегда в истории, христиане не отменяли то право, в котором они жили. Христианство способно жить в любой эпохе и в любых государственных формах, потому что оно не от мира сего, и формы жизни этого мира не могут его повредить, оно возможно при любом строе: рабовладении, феодализме, капитализме, даже при коммунизме.

Как же христиане понимали свой брак, когда были свободные и рабы, когда государство понимало брак только юридически, формально? Христиане считали, что есть два необходимых условия для брака. Первое — земное, брак должен быть законным, он должен удовлетворять тем законам, которые действуют в реальной жизни, он должен существовать в той реальности, которая наличествует на Земле в данную эпоху. Второе условие — брак должен быть благословенным, благодатным, церковным. Это относится к вечной благодатной, духовной его природе. Человек двуедин, он принадлежит духовному миру и миру земному, вся его жизнь — двуедина, естественно, что и брак имеет две стороны — земную и духовную. Поэтому необходимо удовлетворить наличному закону, получить церковное, благодатное, онтологическое устроение брака, его таинственное, вневременное, духовное бытие.

Современная жизнь во многом напоминает ту древнюю эпоху. Сейчас, как и тогда, требуется, чтобы брак был обязательно узаконен обществом, признан как законное состояние. Это может быть осуществлено в тех формах, в которых принято в данное время регистрировать брак. Предварительно он должен быть объявлен. Раньше устраивались помолвки. Объявляли, что такие-то двое хотят вступить в брак, и общество их воспринимало как жениха и невесту, а затем, когда они венчались, — как мужа и жену. До революции регистрация браков была навязана Церкви, но сущность не менялась — важно было, чтобы брак воспринимался обществом как законный.

У современных людей часто возникает вопрос, разве так существенно, чтобы в паспорте стояла отметка? Что это за формализм, почему для Церкви так важно, чтобы была печать в паспорте? Конечно, дело не в формализме. Важно, чтобы люди, которое хотят венчаться,

воспринимали свой брак как законный, чтобы они хотели считаться в обществе мужем и женой, чтобы они принимали на себя ответственность за свою будущую жизнь. Это значит, что они будут вместе воспитывать детей, вместе преодолевать все невзгоды, это значит, что они будут иметь общую жизнь.

Если люди хотят супружеской жизни, но не хотят ее узаконить, то такие отношения Церковь освятить не имеет право, здесь не может быть совершено церковное таинство. Отношения эти не брачные, не христианские. Это не брак, а сожителство. Брак имеет место только там, где есть любовь и готовность отдать себя друг другу до конца, навечно, где есть готовность к подвигу самоотверженной любви, только такую настоящую любовь и признает Церковь любовью и только такая любовь является основанием для совершения церковного таинства брака. В этом случае ничто не помешает супругам узаконить свой брак.

В противоположность древним римлянам, христиане считали брак между рабами таким же браком, как и брак свободных людей, потому что этот брак получает свое бытие в благодатном церковном освящении, благословении Божиим. Но римское понимание брака, как и вообще римское правовое сознание, дает в истории очень существенные последствия, имеет особое преемство, которое несет в себе довольно трудные черты римского юридика. В католическом богословии есть понятие таинства брака, но тем не менее брак понимается в значительной мере как договор.

С точки зрения католиков брак есть договор двух сторон о союзе, и само таинство брака понимается как некое заключение договора. Конечно, это не значит, что католики не понимают благодатного устройства брака в таинстве, или не имеют духовного восприятия жизни, но и здесь присутствует чуждый православию юридика. И это очень существенно для понимания православного восприятия брака.

Если брак есть договор, то он действителен до тех пор, пока живы вступившие в договор стороны. Если это есть договор, освященный Богом и имеющий, таким образом, некую абсолютную силу, то этот договор нерасторжим. Поэтому у католической церкви нет и разговора о разводе. Никакой церковный развод не возможен, потому что это было бы нарушением договора, скрепленного благодатию Божией. Но если один из вступивших в брак умер, то договор теряет свою силу и возможен второй брак.

Православный взгляд на брак совершенно иной. Брак не есть договор, он есть таинство, дар любви, неразрушимый, божественный. Этот дар нужно хранить и возгревать. Но он может быть утерян. Это не юридическая категория и не юридический акт. Это есть категория духовная, событие духовной жизни. Поэтому древним христианам совершенно было чуждо понимание таинства брака, как некоего момента заключения договора. Они воспринимали таинство именно как принятие благодати Божией.

Юридический брак или брак ветхозаветный отличается от христианского брака тем именно, что брак языческий заключается между

язычником и язычницей, а брак христианский — между христианином и христианкой. Это не тавтология, но очень существенный, хотя достаточно тонкий момент. Брак имеет свое достоинство в зависимости от того состояния, в котором находятся брачующиеся стороны. Какие люди и как вступают в брак — вот что важно для достоинства брака. Если они приходят с пониманием языческим, то это будет языческий брак, если они приходят как христиане и просят дар благодатной любви, дар Святого Духа, если они способны дар этот принять в свое сердце, потому что они — христиане, потому что они члены Церкви Христовой, которая живет благодатной жизнью в единстве Тела Христова, тогда и эти христиане могут стать малой Церковью. И когда их венчают в плоть едину — это не есть лишь констатация плотского единства, но это есть единство в едином Теле Христовом, которое есть Церковь. Такое понимание брака, такое единство возможно только внутри Церкви, в составе Тела Христова, когда и жених и невеста являются чадами Божиими, чадами Церкви, и тогда их брак и будет христианским, тогда только он и будет таинством. Поэтому древние христиане совершали это таинство во время евхаристии, когда они вместе со всей общиной приступали к Божественной евхаристической чаше, и епископ, и вся община, и сами они сознавали, какой дар они просят здесь у Христа: соединить их друг с другом в союз любви неразрушимый, вечный союз любви Божественной. Об этом просила вся Церковь. Это и было моментом такого облагодатствования их, то есть моментом совершения таинства.

Церковь не разрушала и не отменяла того, что было живо между людьми, того, что жило в народе и государстве, но, принимая это содержание жизни, Церковь преображала его благодатию Божией. И это преображение благодатное было необходимо для начала совместной жизни христиан. Святой епископ Антиохийский Игнатий Богоносец так писал о браке: «Те, которые женятся или выходят замуж, должны вступать в союз с согласия епископа, чтобы брак был о Господе, а не по похоти». Освящение епископом или священником брака было свидетельством того, что брак совершается в Церкви, поскольку именно в лице епископа действует здесь вся полнота церковная. Именно епископ или священник являются совершителями этого таинства. У католиков же при понимании таинства, как договора, совершителями этого договора являются договаривающиеся стороны, то есть жених и невеста. Это совсем другое понимание таинства.

Чрезвычайно важным для понимания брака является вопрос о второбрачии. У апостола Павла есть слова, где он повелевает вдовам выходить замуж. Является ли это указанием противоречием тем словам Христа, где Господь говорит, что от начала «не бысть тако»? Бог сотворил мужа и жену, и «что Бог сочетал, человек да не разлучает». В этом евангельском тексте утверждается абсолютная моногамия брака, невозможность развода, невозможность разлучения брака, и Церковь с древности всегда стояла на той точке зрения, что брак должен быть единственным. В древности второбрачие понималось как нарушение данного Богом закона об абсолютной верности мужу или жене. Потому что таинство брака понималось как соединение

вечное. Если у католиков при юридическом понимании брака брак теряет свою силу при смерти одного из членов семьи, то при православном взгляде на брак это не может быть так, потому что брак соединяет людей навечно, и смерть не имеет силы разрушить этот союз. Если понимать брак иначе, тогда что такое таинство, которое продолжается и в Царствии Божиим? Тогда весь взгляд на таинство брака должен быть совершенно иным, таким, как у католиков, или еще каким-то, но не таким, каким он был в православии изначально. Если же мы смотрим на брак как на вечный союз, тогда требуется и вечная верность друг другу, которая не может быть отменена и смертью. Таким образом, второбрачие в древней Церкви считалось идеально невозможным.

Но Церковь всегда обращена к наличной реальности и не заблуждается на тот счет, что в реальной жизни идеал не всегда достижим. Церковь приходит к живым и грешным людям для того, чтобы грешных спасти и сделать их праведными. Нельзя не считаться с тем, что только немногие люди могут принять такую полноту учения Православной Церкви о браке. Подавляющее большинство людей так жить не может. Апостол Павел повелевает вдовам выходить замуж, потому что иначе происходят гораздо худшие нарушения. Гораздо хуже, если эти вдовы начнут жить блудной жизнью. Пусть лучше они снова выходят замуж, рожают и воспитывают детей и живут жизнью семейной, чем начнется какая-то беспорядочная блудная жизнь.

В другом месте у Апостола Павла есть совершенно противоположное указание. Он говорит, что можно выдавать девиц замуж, но лучше соблюдать свою деву, потому что те, кто выходит замуж, будут иметь скорби по плоти, а ему их жаль, поэтому он всем больше желает девственной жизни. Даже говорит: «Желаю вам всем быть как я», — то есть оставаться в безбрачии. Казалось бы, что это противоречивые тексты, но на самом деле нет. Здесь речь идет об идеале, который мы впоследствии стали называть монашеским, а там речь идет о предотвращении греха, о том, что в случае, когда мы сталкиваемся с невозможностью жить чистой жизнью, лучше пойти на уступки и допустить некоторый компромисс, лучше действовать с точки зрения церковной икономии, то есть выбрать меньшее зло. Это нисколько не противоречит первохристианскому взгляду на брак, и отсутствие противоречия здесь видно из той дисциплины церковной, которая первоначально здесь употреблялась: Церковь вторые браки не благословляла так, как она благословляла первые, то есть таинство брака здесь не совершалось церковным обрядом. Это было естественно, потому что таинство брака совершалось через участие в евхаристии, а второй брак воспринимался как грех, как некая уступка плоти, и те, кто выбирал такое послабление, подвергались епитимьи, то есть отлучению от причастия на какое-то время и естественным образом не могли участвовать в евхаристии. Поэтому церковной полноты брака здесь быть не могло. Строго говоря, Православная Церковь никогда не считала второй брак полноценным браком, равным с первым, с тем единственным браком, который должен быть, с тем идеалом брака, который она утверждала. Тем более строго относилась Церковь к третьему браку. Однако в порядке церковной икономии и третий брак допускался, как послабление, нарушение и как брак неполноценный. Но

четвертый брак запрещался категорически, он считался уже несовместимым с пребыванием в Церкви.

Как же Церковь поступала в случае второго брака? Что же этот брак Церковью уже никак не воспринимался? Нет, это не так. На тех, кто вступал во второй брак, налагалась епитимья. Они не могли приступить к чаше в течение какого-то времени, может быть двух, трех лет, но потом, когда срок епитимьи кончался, когда они проходили определенный путь покаяния и вступали на путь подвига христианской жизни, когда страсти улеглись и уже побеждены в какой-то хотя бы степени, и они могли начать христианскую жизнь снова, Церковь их прощала и допускала к причастию, и они жили опять церковной жизнью. Церковь наличный брак как бы воцерковляла и принимала, но она его не совершала с той полнотой, с какой совершала первый брак. И опять-таки нам это трудно понять, потому что мы мыслим совершенно иными категориями. На нас большое влияние оказало католическое понимание брака, то есть мы опять спросим: «А где же договор? Где же этот момент магического заключения брака?» Этого не было у первых христиан.

Таинство брака совершалось общим причащением жениха и невесты. Они приходили в церковь, на них одевали венцы, уже в этих венцах они подходили к чаше. Вся община видела, что они причащаются сегодня не так, как остальные, а именно с особым значением. Епископ, а впоследствии священник читал особенную молитву о них. Молитва эта бывала обычно очень краткой. Потом сюда, естественно, прибавились другие атрибуты брачного ритуала. Брачный ритуал существовал у всех народов в течение всей истории, и до пришествия Христова. Он был разным у греков, у римлян, других народов, и везде были особые атрибуты. Были выкуп невесты, сватовство, подарки, ритуальные наряды, друзья жениха, свечи, торжественные поезда, когда невесту с особым торжеством везли на брачный пир и т. д. И конечно, когда христианство пришло в мир, оно не могло себе поставить цель (это было бы просто чудовищно) взять и отменить все это. Все это Церковь допускала за исключением разгульных и развратных моментов, которые существовали у язычников. Церковь старалась, как всегда, очистить эту реальность и воцерковить ее. Поэтому очень быстро церковное совершение брака стало включать в себя некоторые обряды. Например, невесту и жениха определенным образом одевали, приводили в церковь наподобие того, как это было у язычников или древних евреев, в сопровождении друзей. Это было подобно торжественному шествию с факелами, со свечами. В одних случаях постригали и жениха, и невесту, в других случаях обреза́вали волосы невесте, потому, что длинные волосы, нестриженные, считались принадлежностью девства. У язычников-греков был обычай перед вступлением в брак обрезать у девицы волосы и приносить их в храм Диане — покровительнице брака, и там их оставлять. Или определенным образом заплетать эти волосы.

Многое из этого могло быть оставлено. Таким образом, праздничный, торжественный церемониал брака постепенно входил в церковную жизнь, особенно тогда, когда Церковь перестала быть гонимой. Когда она была гонима, то невозможно было в тайное евхаристическое собрание христиан придти в

таких костюмах и с факельным шествием. Но потом, когда христианство перестало быть гонимым, очень быстро эти ритуалы стали воцерковляться, включаться в торжество брака. Но все они в течение долгого времени все равно были привязаны к евхаристии. Приходят ли со свечами, одевают ли особенные платья и постригают ли волосы, все равно все это было внешним оформлением самого главного — того таинства брака, которое совершалось в евхаристическом участии жениха и невесты, в причащении их Тела и Крови Христовой у святой чаши.

Но постепенно вместе с таким украшением момента вступления в брак, с пышностью обряда приходит нечто другое. Это другое связано с положением Церкви в государстве. Византия дала совершенно особенное сознание воцерковленности государства, и византийские императоры очень часто теряли необходимую грань и, желая воцерковить всю государственную жизнь, наделяли Церковь такими полномочиями, которые по ее природе ей совершенно неестественны. Делали Церковь как бы неким орудием государственности. И вот, именно такое осознание жизни государства в христианстве и христианства в государстве, соотношения Церкви и государства постепенно привело и к новому пониманию брака в Византии. Император Лев VI, который скончался в 912 г., в 89 новелле выражает сожаление о том, что браки в предшествующих законах рассматриваются лишь как гражданские формальности, и постановляет, что отныне брак, не получивший церковного благословения, не будет называться браком, а будет называться незаконным сожителем. Иными словами, только церковное таинство могло придать браку необходимую законность. Казалось бы, это очень хорошо. И в наше время приходится часто встречаться с таким осознанием Таинства брака и стремлением к тому, чтобы венчание имело такой смысл. Многие священники и сейчас уверены, что невенчаный брак — это блуд, незаконное сожителем. Для того, чтобы считаться мужем и женой, обязательно нужно повенчаться. Именно такое понимание брака высказал совершенно юридично император Лев VI, и таким образом придал таинству брака юридическое значение. Со значением духовным, со значением церковным он соединил значение чисто юридическое, гражданское, государственное, навязал Церкви совершенно не свойственную ей юридическую, законническую функцию. Отныне Церковь уже не просто имела целью дать благодатный дар своим членам, тем, кто хотел его принять, кто стремился к полноте жизни во Христе, хотел свой союз сделать подобным союзу Христа и Церкви, но должна была взять на себя необходимое узаконение брака, и это неизбежно привело к очень тяжелым последствиям, к обмирщению этого таинства.

Тот брачный ритуал, который существовал, неизбежно начинает отделяться от евхаристии. Почему? Потому что Церковь, поступаясь из соображений икономии, из соображений компромисса, для того, чтобы не вступить в конфликт с жизнью, поступаясь очень многим, Церковь не могла поступиться самым главным — божественной литургией. Нужно сказать, что всегда во все времена Церковь берегла и охраняла именно

евхаристию. Даже во времена самых страшных гонений. Так и здесь нельзя было поступиться евхаристией, и Церковь вынуждена сделать здесь очень существенную реформу. Не всех можно допустить к причастию, и поэтому венчание отделяют от евхаристии. Составляется особый чин, уже вне евхаристии, и само таинство брака начинают понимать уже иначе. В нем теперь меньше присутствует то понимание духовное, которое было изначально, которое брак воспринимало как благодатный дар, и большой удельный вес получает юридическое понимание: брак как договор, брак как законное состояние. Отсюда возникает и еще одно последствие — необходимость для Церкви благословлять вторые браки, потому что вторые браки существуют и они хотят быть законными. Император повелел узаконивать их в Церкви, значит нужно теперь устроить какой-то чин для этих вторых браков, которого не было прежде. Возникает чин венчания второбрачных. Этот чин отличается, что очень характерно, от первого чина очень многим. Во-первых, второбрачные не допускаются к чаше по-прежнему. Во-вторых, молитвы о второбрачных носят совершенно иной характер. Если венчальные молитвы очень торжественные, очень радостные, то молитвы о второбрачных имеют всегда покаянный смысл. Но тем не менее, чин венчания второбрачных создается Церковью. Более того, Церковь оказывается перед необходимостью не только благословлять сомнительные браки, но теперь их приходится и разрешать, то есть иначе говоря, выдавать разводы, делать то, что совершенно противно церковному сознанию, то, что буквально противоречит словам Христа: «Что Бог сочел, то человек да не разлучает».

Такая гражданско-социальная ответственность Церкви обходится ей очень дорогой ценою. Происходит омирщение пастырской миссии, происходит отказ от древне-покаянной дисциплины, которая теперь для большинства граждан империи, конечно, невыполнима.

Интересным образом была явлена неправильность этой реформы императора Льва VI. Казалось бы, что он действовал во благо Церкви, но когда императоры вмешиваются в духовную жизнь и начинают ее устраивать для своих гражданских целей, то часто получается плохо. И вот, в данном случае неудача этой реформы и ее нецерковность была проиллюстрирована тем, что император Лев сам принудил Церковь, заставил ее повенчать его четвертым браком, то есть сам показал цену своих реформ. Если бы не было этой реформы, не было бы проблемы. Женился бы хоть десятым браком, к Церкви это не имеет отношения. А теперь, поскольку это нужно узаконить, то он заставил Церковь венчать его, что Церковь всегда не принимала. Но тем не менее, даже и здесь, когда постепенно уже выделился чин венчания из чина евхаристии, все-таки Церковь старалась там, где можно, сохранить полноту таинства, причащая брачующихся запасными дарами. Поэтому на престоле перед таинством брака ставилась чаша с преждеосвященными дарами, и те, кто мог быть допущен к причащению, были причащаемы. В древних чинах в венчании сохранились даже некие молитвы. Например, «чашу спасения прииму» или

возглас священника: «преждеосвященная святая святым» — те молитвы, которые употреблялись на литургии преждеосвященных даров. Такой чин с причащением запасными дарами сохранялся в Церкви даже до XV века.

Замечательно то, что браки, которые не были связаны с церковной жизнью человека, то есть которые были заключены до крещения, Церковью считались не бывшими. Поэтому Церковь принимала много крещеных, вступающих в брак, как единобрачных. Считалось, что они вступают в первый брак. Они допускались к причастию и к совершению таинства. Более того, взгляд на абсолютное единобрачие, на полную моногамию сохранился для священнослужителей. Но это совершенно естественно, что идеальная норма должна быть обязательна для тех, кто желает служить Церкви. Они должны показать пример. Поэтому священник не имеет права жениться во второй раз, если он овдовел, и не имеет права жениться не на девице. Точно такое же по строгости апостольское правило: священство не может принять не девственник. То, что было до крещения, считается Церковью как не бывшее. Но, если после крещения была нарушена девственность, то по строгости апостольского правила такой не может быть допущен к принятию священства. Но интересно, что новокрещеный мог вступить во второй брак с христианкой и быть допущен к рукоположению в священный сан как единобрачный. Это 17 апостольское правило. Это иллюстрирует то, как христиане понимали силу таинства крещения. Они действительно понимали его как смерть для прежней жизни и рождение в жизнь новую. И интересно также и то, что если нехристианская семья принимала крещение и вместе приходила к святой чаше, то обряд венчания над ней не совершался в древности. Считалось, что она находится теперь в церковном браке. Вот все эти сведения для нас очень важны для того, чтобы понять отношение к браку Православной Церкви.

Здесь еще следует сказать о смешанных браках. Смешанным браком называется брак между православным и католиком, между православным и протестантом. Такие браки допускались Священным Синодом. Было специальное постановление Синода, которое допускало такие браки, допускало их интересным образом. Они допускались в том случае, если православная сторона получает согласие неправославной и воспитывает своих детей в православии. Только в том случае можно было заключить такой брак церковный в России, если протестантка-мать соглашалась, выходя замуж за православного, что дети будут крещены в православие и будут ходить в православную Церковь. И наоборот, если протестант — отец, то он все равно соглашается детей своих крестить в православие. Вы знаете, что есть замечательные примеры спасительности такого брака. Например, княжна Елизавета Федоровна вышла замуж за Великого князя Сергея Александровича будучи протестанткой, и их повенчали по двум обрядам: по православному и по протестантскому. Уже потом, проживя в этом браке семь лет, Елизавета Федоровна совершенно свободно, не испытывая давления со стороны своего мужа, сама приняла православие и стала, как вы знаете, подвижницей Православной Церкви. Но тем не менее, несмотря на такие примеры, древняя

Церковь не знала здесь никаких компромиссов. Она считала, что брак между православным и инославным невозможен потому, что истинный брак может быть только внутри Церкви. Если невозможно приступить к святой чаше вместе, значит, невозможно и таинство брака. И разрешение смешанных браков являлось и является в наше время существенным компромиссом, существенной уступкой, и такой брак тоже все равно не считается полноценным, и напрасно настаивают и думают некоторые, что это вполне хорошо и ничего здесь нет сомнительного. Соборы — Лаодикийский, Карфагенский, Халкидонский — определяют, что подобные браки, заключенные по гражданскому закону, должны быть в Церкви расторгнуты, как условие для принятия церковных таинств. Вступающий в такой брак не может быть допущен к евхаристии. Если православный человек женится на неправославной, или православная девица выйдет замуж за неправославного, то она, таким образом, теряет возможность приступить к святой чаше. И если она хочет вернуться к евхаристической жизни, то должна расторгнуть свой брак православная сторона. Тем более, конечно, это так в случае, когда православный человек женится или выходит замуж вообще за нехристианина. Такие браки запрещались еще апостольским правилом и считались предательством Церкви, предательством Христа, и влекли за собой пожизненное отлучение от Церкви.

В наличной нашей жизни церковной, везде и всюду существуют всевозможные попустительства и всевозможные послабления, очень часто уже преходящие всякую меру компромисса. Тем не менее следует совершенно точно и твердо утверждать, что и в наше время брак с нехристианами во всяком случае совершенно невозможен и недопустим для православного человека. Это есть измена Церкви и выход из нее, и лучше для священников не дерзать на такие эксперименты и чрезмерные послабления. Это совершенно естественно: брак понимается Церковью как союз, как единство во Христе, как вечное единство в Царстве Божиим. Какое же может быть единство с человеком, не имеющим даже веры во Христа? Каким может быть этот союз между людьми, которые не могут вместе причаститься, которые будут ходить в разные храмы? О каком единстве может быть речь между протестантом и православной, например? Это единство, конечно, будет сугубо временным, земным, и никакой полноты христианского брака здесь быть не может.

Католическая церковь отрицает развод в принципе, и есть мнение, что Православная Церковь разрешает развод. Так ли это? Нет, это не так, «что Бог сочетал, человек да не разлучает». И никакого разрешения разводиться, никакого развода церковного быть не может в принципе. Есть, правда, слова Христа, которые продолжают уже процитированное мною место «что Бог сочетал, человек да не разлучает». Христос говорит: «кроме вины прелюбодеяния». В том случае, если один из членов брака изменил, прелюбодействовал, тогда возможен развод, — можно так подумать, но это не так. Не возможен развод, а тогда брака уже не существует, брак разрушен, брак как единство исчез. Это единство умерщвлено, убито. Ему нанесена смертельная рана. Поэтому Церковь здесь вправе совершенно естественно признать, что брака больше нет. Он был заключен Церковью, это было

Таинство, оно было совершено Церковью, но его больше не существует. Подобно этому Церковь воспринимает наличные разводы по другим причинам. Сейчас, как вы знаете, разводов чрезвычайно много. Церковь и раньше признавала разрушение брака в случае, скажем, психической болезни одного из супругов, когда была невозможна почему-либо супружеская жизнь и, таким образом, не было главного содержания брака, любви, не было единства. Если это единство почему-либо разрушилось, то Церковь признавала, что брака больше нет, и не разрешала развод, а принимала его, принимала это отсутствие брака. И теперь, конечно, когда браки, слава Богу, регистрируются не Церковью, а гражданскими учреждениями, Церковь точно так же принимает, что брака нет, если совершен развод. Если бывшие муж и жена почему-либо разошлись, потому что разлюбили друг друга или изменили друг к другу, одним словом, они разошлись, брака больше нет, Церковь принимает это как факт. Она констатирует этот факт, и в порядке церковного послабления, пастырской заботы о спасении людей идет на уступки человеческой немощи и позволяет иногда второй брак, отнюдь не считая его равноценным первому браку, отнюдь не считая, что второй брак является точно таким же, как первый брак. Такой второй брак не должен быть повенчан так, как первый. Существует чин для второбрачных, и должна быть наложена епитимья, запрещающая приступать к евхаристической чаше таким разведенным.

Всякое чинопоследование имеет свою историю, более или менее сложную, очень часто эта история малодоступна в своей главной части, потому что история первых веков христианства редко доносит до нас первые богослужебные чины. Но если большая часть чинопоследований таинств уходит в глубокую древность, то чинопоследование брака составляет исключение. Это чинопоследование в основных своих чертах сложилось в IX–X вв. и позже развивалось. Сохранилось много исторических источников, которые позволяют проследить это развитие. Таким образом, история этого чинопоследования может быть ярко и довольно полно прослежена. Сохранились очень полные рукописи: рукопись VIII в. — *Кодекс Берберини*, рукопись синайской библиотеки 957 года, рукопись синайской библиотеки «Канон икклисиатикус» (середина XII в.), рукописи *Лавры Афанасия Афонского* 88 и 105 (XV в.). Эти рукописи дают яркую картину того, как постепенно формировалось чинопоследование таинства брака. Они очень полно и научно описаны в лекциях по богослужению проф. *А.А. Дмитриевского*.

Чинопоследование брака состоит из двух частей — обручения и венчания. Такое разделение на две части имеет очевидный духовный смысл: первая часть подготовительная и вторая часть главная, — подобно тому, как крещению предшествует оглашение, как Литургии верных предшествует Литургия оглашенных и т. д. Но здесь есть еще и историческая причина. Дело в том, что чинопоследование брака стремилось церковно оформить те обычаи, которые бытовали у разных народов издревле. Брак есть, конечно, кульминация в обрядовой жизни народа: брачные песни, наряды, традиции

представляют наиболее яркую часть в творчестве разных народов. И сейчас, когда фольклористы собирают песни, они специально интересуются брачными песнями. Так было всегда, здесь всегда была развита народная традиция, народное искусство, обычаи разных религий находили здесь наиболее яркое воплощение. И христианство старается личную жизнь воцерковить и имеющиеся формы личной жизни очистить от всего несовместимого с христианством, остальное воцерковить и наполнить христианским смыслом, одухотворить.

В древности был обычай, когда браку предшествовал договор, сватовство, сговор, и у разных народов в разные времена это по-разному оформлялось, иногда нужно было давать выкуп за невесту, иногда подписывать некоторые соглашения. В древности у некоторых народов все это очень пышно оформлялось, и заключение договора — сговор — уже считался заключением брака. Это бывало по-разному, но всегда можно было выделить момент предварительного сговора и факт брака — свадьбу.

В древности была традиция особенные отношения между людьми или особенные состояния человека отмечать ношением или обручением кольцом. Такой обычай тоже не был придуман христианством, а взят из жизни. В Требнике находим «Последование, бываемое о обручении». Здесь говорится: «По Божественной литургии священнику, стоящу в святилище (то есть в алтаре), предстоят хотящий спрягаться пред святыми дверьми (то есть в притворе, так как святыми дверями назывались не царские двери, а двери, ведущие в храм из притвора), муж убо одесную, жена же ошуюю. Лежат же на десней стране святыя трапезы перстни, их два, златый и серебряный, серебряный убо уклонялся к десным, златый же к левым, близ друг друга. Священник же назнаменует главы подневестным трижды, и дает свечи возжжены, и введет я внутри храма, кадит крестовидно, и глаголет диакон: «Благослови, Владыко».

Перстни, то есть кольца, прежде, чем будут обручены жених и невеста, освящаются тем, что кладутся на Святой престол, золотой перстень предназначен мужу, потому что он глава жены, серебряный предназначается для невесты, золотой перстень лежит на правой стороне престола ближе к центру, а серебряный — ближе к краю. Взяв эти перстни, взяв крест и Евангелие, священник с предыдущим священосцем выходит через Царские ворота, полагает крест и Евангелие на аналой посреди храма, а сам идет с перстнями к жениху и невесте.

Раньше, как уже говорили, притвор храма был большим, а храм меньше, в притворе стояли кающиеся, оглашенные, проходившие разные степени покаяния и др., притворы были оснащены всякими атрибутами, там были иконы, там люди молились. Теперь притворы утратили свое прежнее значение, и в притворе разве нищие стоят, а припадающие и оглашенные — все хотят войти внутрь храма, поэтому невесту и жениха мы тоже впускаем в храм и ставим около дверей. Желательно, чтобы обручение совершалось в трапезной части храма.

Священник подходит к жениху, берет епитрахилью его руку,

подводит к невесте, соединяет их руки и ведет к аналою, где будет совершаться обручение. Там вручает им возженные свечи, каждого из них благословляя свечой. После слов диакона «Благослови, Владыко», священник начинает богослужение возгласом: «Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно, и во веки веков». Дальше произносятся ектения: «Миром Господу помолимся». К обычным прошениям этой ектений добавляются прошения специальные: «О рабе Божиим (имя жениха), о рабе Божией (имя невесты), ныне обручающихся друг другу, и о спасении их Господу помолимся. О еже податися им чадом в прятие рода, и всем яже ко спасению прошением, Господу помолимся. О еже ниспослатися им любви совершенней, мирней, и помощи, Господу помолимся. О еже сохранитися им в единомыслии и твердей вере, Господу помолимся. О еже благословитися им в непорочном жителстве, Господу помолимся. Яко да Господь Бог наш дарует им брак честен, и ложе нескверное, Господу помолимся». После мирной ектений и возгласа священника следуют молитвы: сначала краткая молитва, потом «Мир всем» и еще более краткая молитва и обручение.

Сначала дается перстень невесты жениху и говорится: «Обручается раб Божий (имя) рабе Божией (имя) во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь», и перстнем благословляет жениха, затем невесте дается перстнем Божие благословение. Потом говорится: «И егда речет на едином коемждо трижды, творит крест перстнем на главах их: и налагает я на десных их перстех. Таже изменяет перстни новоневестных восприемник».

Здесь упоминается некий восприемник. Теперь такие восприемники называются шаферами, раньше еще они назывались свидетелями, которые вполне естественным образом присутствовали при заключении сговоров, причем в таком сговоре была очень важная часть, которая у нас по-славянски называлась обыск, опрос. Нужно было выяснить, нет ли каких-либо препятствий к браку у жениха и невесты. И те, кто участвовал в этом сговоре, сваты или родители, которые приезжали сватать невесту, брали с собой свидетелей, чтобы договор был при свидетелях, и вот представитель родителей — восприемник — менял кольца на руках жениха и невесты, выражая этим благословение родительское, совершая и скрепляя договор тем, что жениху дается перстень невесты, а невесте — перстень жениха.

Раньше на этих перстнях были написаны имена жениха и невесты, на перстне жениха — имя невесты, на перстне невесты — имя жениха. Надев на руку эти перстни, они как бы свидетельствовали, что между ними заключен союз.

Все это делается понятным тогда, когда мы поймем, что обручение раньше совершалось задолго до брака. Еще Петр Первый в 1702 г. издал закон о необходимости промежутка в 6 недель между обручением и венчанием. Раньше обручение могло быть совершено еще в детстве, и обрученные считались тесно связанными между собой, и измена обручению считалась очень тяжким грехом. Если обрученный или обрученная потом решали связать жизнь с кем-то другим, то это рассматривалось почти как прелюбодеяние. Тем не менее таких случаев было немало, поэтому еще в

древности, до IX в. была принята мера, что обручение сближалось с венчанием и даже совершалось одновременно, но, когда обручение и венчание совершаются одновременно, то смысл обручения как бы уменьшается, делается не совсем понятным, для чего оно совершается.

На Руси эти два момента чинопоследования брака были раздвинуты, обручение совершалось заранее. Это было нужно прежде всего для того, чтобы проверить надежность и верность тех, кто собирается вступить в брак, чтобы они получше обдумали свое решение, чтобы было еще не поздно его изменить, если они почему-то передумали, но когда люди перестают серьезно относиться к этому порядку, к этой мере, то он теряет смысл. В Русской Церкви уже в XIX в. Священный Синод издал указ о том, чтобы обручение совершалось перед венчанием, чтобы, сохраняя богослужебную форму, исключить проблемы, когда заранее обрученные меняли свой выбор, и было непонятно, что с ними делать.

Мы теперь совершаем обручение прямо перед венчанием, кольца меняет теперь священник, шафер этого не делает, потому что теперь и договоров никто не заключает, и сватов не засылают, в родители ни о чем не договариваются, никто не требует выкупа за невесту. Все упростилось, стало иначе, ушло в прошлое, надо сказать, что радоваться этому не приходится, так как легкое заключение брака дает ужасные плоды, более легкое отношение к браку приводит к тому, что брак делается непрочным, люди вступают в брак необдуманно и не боятся плодов своего легкомыслия, поэтому все делается более формальным и более безосновательным — шаферы у нас остались для красоты, они уже ничего не выражают, и ничего от них не зависит, поэтому священник и не дает им менять кольца — это пустой символ, многие священники и венцы не дают им держать.

После обручения читается еще одна молитва. Надо сказать, что молитвы обручения и венчания используют ветхозаветные образы, прежде всего потому, что именно в Ветхом Завете мы имеем замечательные примеры брака, который благословляется Богом. Хотя брак был совсем не таким, каким мы его мыслим в христианстве, но все же он там имел центральное духовное значение. Помните, что в Ветхом Завете именно в браке бывало благословение Божие на дальнейшие судьбы, именно оттого, как Исаак нашел Ревекку, или Иаков трудился, чтобы получить себе Рахиль, зависела судьба всего Иудейского народа. И вот в этом древние видели особенный промысел Божий и особое Божие благословение.

К этим образам апеллирует Церковь в своих молитвах в чине обручения и чине венчания. После довольно длинной молитвы, последующей обручению, говорится сугубая ектения и совершается отпуст, потому что, хотя обручение совершается непосредственно перед венчанием, все-таки это отдельный чин. Далее следует последование венчания, где говорится: «Аще оба хотят венчаться, входят во храм со свечи возжжены, предидущу священнику с кадильницею и поюще псалом 127 с припевом: «Слава тебе, Боже наш, слава Тебе».

Дальше иерей глаголет поучительное слово: «Сказуя им, что есть

супружества тайна: и како в супружестве богоугодно и честно житьствовати имут». Это весьма замечательная пометка, равной которой мы не найдем в Требнике больше нигде, нигде в Требнике не настаивают на том, чтобы священник сказал поучительное слово о тайне того, что будет совершаться. Священник обязательно должен донести до вступающих в брак, что Таинство, которое будет совершаться над ними, соединяет их для вечности, чтобы они вместе могли идти путем крестным, могли служить Богу, чтобы они всегда были в единстве.

Все это объяснив, священник обращается к жениху, глаголя: «Имаши ли, (имя жениха), произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль, пояти себе в жену сию (имя невесты), юже зде пред тобою видеших»; Жених отвечает: «Имам, честный отче». Тогда иерей спрашивает: «Не обещался ли еси иной невесте?» Жених отвечает: «Не обещахся, честный отче». Тогда иерей обращается к невесте и задает такие же вопросы: «Имаши ли произволение благое и непринужденное, и твердую мысль, пояти себе в мужа сего (имя рек), егоже зде пред тобою видеших»; «Не обещалася ли иному мужу»? Эти вопросы имеют очевидный смысл. Здесь священник и Церковь должны предусмотреть, чтобы брак совершался свободно, не может священник совершать таинство насильно, а такие случаи насильственного брака раньше были нередки, выдавали замуж за немилого, родители договаряются, и по какому-то расчету, по своим соображениям выдавали дочь замуж, не считаясь с ее чувствами и с тем, что она, может быть, любит другого, или этого человека не любит, он ей противен и она не хочет быть его женой. Это бывало довольно часто. Церковь не может совершать таинство насильно и связывать людей благодатью Божией помимо их воли, никогда и нигде, ни в каком случае в Церкви такого быть не может, нельзя насильно людей причащать, нельзя насильно их исповедывать, нельзя насильно их рукополагать, постригать в монахи и т. д., хотя в истории такие случаи бывали. Брак в этом смысле является особенно узким местом, такие насилия бывали часто.

В наше время этот вопрос совершенно теряет смысл, в наше время никто никого насильно не женит и замуж не выдает, теперь может быть совсем другое: «Сказали ли вы своим родителям, что вступаete в брак, и не обидятся ли на вас ваши папа и мама за то, что вы не известили их об этом?»

Но вопросы, которые находятся в Требнике, имеют и другой смысл, смысл, который не утрачен, но в наше время делается еще более важным и приобретает особенную глубину: «Имеешь ли ты произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль вступить в брак вот с этой невестой или с этим женихом, понимаешь ли ты, на какой путь ты встаешь, понимаешь ли ты, что ты связываешь себя навечно, понимаешь ли ты, что отныне ты должен жить не для себя, а всю свою жизнь разделить с тем человеком, который до сих пор был чужим, а теперь делается твоей частью, твоей половиной, понимаешь ли ты, что эта жизнь не сулит тебе одни лишь удовольствия, в ней обязательно будут скорби, обязательно будут очень тяжкие испытания, очень много страданий, в ней требуется постоянный подвиг, подвиг любви, молитвы, подвиг смирения, кротости, понимаешь ли ты ответственность, которую

принимая на себя, потому что ты будешь отвечать перед Богом за то, как ты проживешь свою жизнь»? Муж, который делается главой семьи, отвечает за свою жену, за своих детей. Жена, которая вступает в брак, должна быть послушной мужу. Понимаешь ли ты, что всю свою жизнь тебе придется слушаться (это так теперь трудно кажется в наше время)? Смысл этих вопросов должен быть доведен обязательно до жениха и невесты, они должны совершенно сознательно обещать Церкви, что они понимают всю серьезность делаемого ими шага, решаются все-таки на эту супружескую жизнь.

Такое удостоверение намерений в серьезности их подхода предваряет начало чинопоследования венчания. Когда священник получил не формально, а по-существу надлежащие ответы, когда он убедился в том, что люди, пришедшие к нему, являются членами Церкви и хотят жить церковной жизнью, и готовы отвечать за свои поступки, и обещаются быть верными Богу, Церкви и друг другу навечно, когда убедился священник, что они любят друг друга и хотят жить в любви, тогда диакон возглашает: «Благослови, Владыко». И священник произносит возглас, который указывает на связь Таинства с Божественной литургией: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Затем следует опять мирная ектения, где содержатся прошения похожие на те, которые были в чине обручения, но их больше и они имеют более глубокий смысл.

После мирной ектении следуют три молитвы. Две из них весьма длинные, в них приводятся ветхозаветные образы: «Боже пречистый, и всея твари содетель, ребро праотца Адама за Твое человеколюбие в жену преобразивый, и благословивый я, и рекий: раститесь и множитесь и обдайте землю, и обою ею един уд показавый сопряжением: сего бо ради оставит человек отца своего и мать и прилепится жене своей, и будет два в плоть едину, и яже Бог спряже, человек да не разлучает. Иже раба твоего Авраама благословивый и разверзый ложесна Саррина и отца множества языков сотворивый: иже Исаака Ревекке даровавый, и рождество ея благословивый: иже Иакова Рахиле сочетаваый, и из него дванадцать патриархов показавый: иже Иосифа и Асенефу сопрягий, плод детотворения им, Ефрема и Манассию даровавый: иже Захарию и Елисавет приемый, и Предтечу рождение им показавый: иже от корене Иессеова по плоти израстивый Приснодеву, и из Нея воплотивыйся и родивыйся во спасение рода человеческого: иже за неизреченный Твой дар и многую благость и т. д.

Далее говорится о браке в Кане Галилейской, где Христос благословил своим присутствием брак. В этой молитве утверждается удивительно высокое достоинство брака, потому что здесь говорится о том, что все самое великое, все самые великие пророки, апостолы, и Предтеча Господа, и сам Христос родились в результате брачного подвига. Христос родился от Девы Марии, которая явилась плодом детотворения, которая родилась у праведных Иоакима и Анны. Для того, чтобы сам Христос воплотился, необходим был высокий брачный подвиг, подвиг брака, то есть брак

как бы воплощает замысел Божий и самые великие тайны Божественного домостроительства совершаются через брак, брак есть путь, которым действует благодать Божия. Этот замечательный смысл молитвы часто не понимается присутствующими, хотя в них содержится высокое богословие. В этих молитвах говорится: «Подаждь рабом Твоим живот мирен, долгоденствие, целомудрие, друг к другу любовь в союзе мира, семя долгожизненное, о чадах благодать, ... неувядаемый славы венец».

Утверждается, что подвиг их может дать «неувядаемый славы венец», то есть он должен венчаться венцом вечным, благодатным, Божиим венцом. Поэтому-то и полагают венцы из главы жениха и невесты, как бы предваряя вот этот «неувядаемый славы венец». «Сподоби я видети чада чадов, ложе ею ненаветно соблюди, и даждь има от росы небесныя свыше, и от тука земнаго: исполни дома их пшеницы, вина и елея и всякия благостыни, да преподают и требующим, даруя купно и сущим с нима вся яже ко спасению прошения». В этих словах молитвы утверждается тоже замечательная мысль, что семья является очагом, около которого согреваются многие люди, не только члены семьи, но многие нуждающиеся люди, которым в этой жизни не дано было тепло семейного очага или чего-то еще не хватило им в жизни, может быть, они нуждаются в пропитании, может быть, нет крова. Хорошая дружная семья является таким источником тепла, именно здесь может получить нуждающийся все необходимое для себя. Церковь как бы предусматривая это, испрашивает у Бога благодати этой семье, чтобы семья эта могла быть очагом, около которого будут согреваться, питаться, одеваться и укрываться многие и многие люди, у которых есть такая потребность. Счастливая дружная семья (которых так мало сейчас стало) всегда является местом притяжения, куда стремятся окружающие люди, и тем счастьем и любовью, которые в этой семье, согреваются многие. Так и должно быть, именно поэтому в древности семья называлась малой церковью. Как видите, смысл брака не только в чадотворении, не только в продолжении человеческого рода состоит, и в чине брака Церковь это подчеркивает, что это есть некое созидание очагов жизни, не только чада, не только дети будут согреваться у этих очагов.

В следующей молитве говорится: «Благословен еси Господи Боже наш, иже тайного и чистого брака священнодействию, и телеснаго законоположителю, нетлению хранителю, житейских благий строителю: Сам и ныне, Владыко, в начале создавый человека, и положивый его яко царя твари, и рекий: не добро быти человеку единому на земли, сотворим ему помощника по нему: и взял едино от ребр его, создал еси жену, юже виде Адам, рече: сия ныне кость от костей моих, и плоть от плоти моя, сия наречется жена, яко от мужа своего взята бысть сия».

Здесь молитва церковная содержит важную и малопонимаемую мысль, как бы провозглашается некое онтологическое устройство рода человеческого, говорится о том, кто такие муж и жена. С одной стороны, онтологически, это одно существо, одно естество человеческое, с другой — есть некие особенности, присущие им свойства, которые Богом заложены изначально, и

вот, обращаясь к ветхозаветному повествованию о сотворении человека, Церковь напоминает, что жена взята от мужа, кость от кости, и сего ради жена должна быть послушна мужу, то есть послушание жены мужу возводится в онтологический принцип. Это очень важно в наше время понимать и уметь объяснить, потому что все несчастья нашей жизни происходят от того, что мы нарушаем какие-то заповеди Божии. Когда мы нарушаем замысел Божий о человеке, то неминуемо происходит беда (если, скажем, у машины оторвать одно колесо, будет авария). Естественно, что если замысел Божий о жизни, о человеке существенно нарушается, то жизнь терпит аварию. Так вот, одним из основных принципов жизни рода человеческого является послушание, эта иерархия заложена в существо человека, эта иерархия не противна естеству человеческому.

Господь устроил так, что, когда есть любовь, жена с радостью повинуется своему мужу, это естественно и прекрасно. Если же жена не хочет слушаться своего мужа, то это означает глубокое повреждение ее природы, некий дефект ее, некая неполноценность, это лишает женщину очень многого. Не говоря уже о том, что это лишает ее счастья, жизненного благополучия, но это лишает еще ее глубины ее сердца, она не сможет почувствовать жизнь, как должно, ее сердце не может быть благодатным, она не сможет по-настоящему жить с Богом, потому что она отрекается от одного из принципов, положенных Богом в основу ее бытия.

Говорится дальше: «Сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится жене своей, и будут два в плоть едину: и яже Бог сопряже, человек да не разлучает. Сам и ныне, Владыко Господи Боже наш, ниспосли благодать Твою небесную на рабы Твоя сия, (имя рек) и (имя рек); и даждь рабе сей во всем повиноваться мужу, и рабу Твоему сему быти во главу жены, яко да поживут по воли Твоей». Вот как говорит Святая Церковь. И дальше: «Благослови их, Боже, якоже благословил Авраама и Сарру, Исаака и Ревекку, Иакова и все патриархи, Иосифа и Асенефу, Моисея и Сепфору, Иоакима и Анну, Захария и Елисавету».

Когда священник говорит эти слова: «Благослови их...», он поворачивается к жениху и невесте и благословляет их. Потом говорится: «Сохрани я, Господи Боже наш, якоже сохранил еси Ноя в ковчезе: сохрани я, Господи Боже наш, якоже сохранил еси Иону во чреве китове. Сохрани я, Господи Боже наш, якоже сохранил еси святые три отроки от огня, низпославый им росу с небесе: и да приидет на ны радость она, юже имяше блаженная Елена, еда обрете честный крест». Здесь священник опять поворачивается и благословляет врачующихся.

Слова о сохранении, как сохранил Иону и трех отроков от огня, тоже имеют чрезвычайно важную богословскую мысль. Эти слова утверждают, что жизнь в браке – это жизнь очень трудная и трудно сохраниться в ней. «Сохрани, как отроков в огне, сохрани, как Иону во чреве кита» — то есть утверждается, что без помощи Божией, по-человечески невозможно сохраниться в этом мире. Когда люди пытаются устраиваться без Бога, без благодати Божией, без Церкви, то эта жизнь не устраивается, не видно

счастливых семей, радости в жизни брачной, благополучия, почти все семьи или распадаются, или бывают несчастны.

Затем говорится: «Помяни я, Господи Боже наш, якоже помянул еси Еноха, Сима и Илию. Помяни я, Господи Боже наш, якоже помянул еси святые Твоя четыредесять мученики, ниспославый им с небесе венцы». То есть опять образ мучеников, опять говорится, что брачующимся нужно принять подвиг страдания и умолять, чтобы Господь не оставил их и дал им победу. И мы знаем, что мученики всегда ублажаются Церковью, как победители, и всегда считаем, что благодать этого подвига особенная. Так и в браке может быть особенная радость, особенное счастье, если совершится победа. «Помяни, Боже, и воспитавшая их родители: зане молитвы родителей утверждают основания домов».

И как страшно, когда нет теперь родительских молитв. Раньше мыслила Церковь, устраивала жизнь, а теперь, когда сами жених и невеста не молятся, родители о них не молятся, когда нет духовных основ жизни, то и жизни тоже нет.

И опять говорится: «Помяни, Господи Боже наш, рабы Твоя уневестившыяся, спешдие в радость сию. Помяни Господи Боже наш раба твоего (имя рек) и рабу твою (имя рек) и благослови я. Дажь им плод чрева, доброчадие, единомыслие душ и телесе; возвыси я яко кедры ливанские, яко лозу благорозгнуу. Даруй им семя класяно, да всякое самодовольство имуще, избилуют на всякое дело благое, и Тебе благоугодное; и да узрят сыны сынов своих, яко новосаждения масличная окрест трапезы их: и благоугодивше пред Тобою, возсияют яко светила на небеси, в Тебе Господе нашем. С Тобою же слава, держава, честь и поклонение, безначальному Твоему Отцу, и животворящему Твоему Духу, ныне и присно и во веки веков». Опять говорится о благом их житии, о благом деле, и чтобы от изобилия своего питали нуждающихся.

После этой молитвы следует краткая молитва, где говорится: «Боже святой, создавый от персти человека и от ребра его возсоздавый жену, и спрягий ему помощника по нему, за еже тако годно бысть Твоему величеству, не единому быти человеку на земли: сам и ныне Владыко, низпосли руку Твою от святого жилища Твоего, и сочetaй раба Твоего сего (имя рек) и рабу Твою сию (имя рек), зане от Тебе сочetaвается мужу жена. Сопрязи я в единомудрии, венчай я в плоть едину, даруй има плод чрева, благочадия восприятие. Яко Твоя держава, и Твое есть царство, и сила, и слава, Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков».

В это время прислуживающие вносят венцы и священник благословляет венцом жениха и говорит: «Венчается раб Божий (имя рек) рабе Божией (имя рек), во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, Аминь». Затем благословляет венцом главу невесты, возлагает на нее венец и говорит такие же слова. Затем священник воздевает руки в молитве и произносит: «Господи Боже наш, славою и честию венчай я (их)» и благословляет жениха и невесту трижды (трижды повторяются эти слова). Эти слова являются в католическом понимании тайносовершительной,

сакраментальной формулой таинства брака. Это кульминация чина.

После этого чтец провозглашает прокимен: «Положил еси на главах их венцы от камене честных, живота просиша у Тебе, и дал еси им» и читается замечательное послание апостола Павла «К Ефесянам» (Еф. 5. 20-29), которое все желающие вступить в брак или вступившие в брак должны хорошо знать. Нет более замечательной заповеди о брачной жизни, чем это послание Апостола Павла. В этом послании брак между мужем и женой уподобляется браку между Христом и Церковью: «Тайна сия велика есть». Здесь говорится о том, что жены своим мужьям повинуются, якоже Господу: «Зане муж глава есть жены, якоже Христос Глава Церкви, и той есть Спаситель тела. Но якоже Церковь повинуется Христу, такожде и жены своим мужем во всем. Мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюбил Церковь, и Себе предаде за ню». Эти заповеди каждый должен иметь в своем сердце. Затем читается Евангелие от Иоанна о том, как Христос пришел в Кану Галилейскую и благословил брак в Кане Галилейской удивительным чудом, первым своим чудом, когда претворил воду в вино.

Это Евангелие, кроме простого смысла, понятного каждому из нас, говорит о том, что Христос пришел на брак и совершенным на нем чудом этот брак благословил. Есть еще аллегорический смысл, особенно глубокий и важный. В глубокой древности Церковь пользовалась разными образами для истолкования Евангелия и эти образы она часто заимствовала из притчей Христа, Который тоже пользовался образами и символами и аллегориями, для того, чтобы дать то или иное научение. Вникая подробно в текст этого Евангельского чтения, мы видим, что вино здесь изображает любовь. Мы видим удивительный образ приобретения этой любви: на свадьбе не хватало вина. И в наше время недостаток вина на свадьбе воспринимается как позор, тем более так было в древности в странах Востока, где, правда, вино воспринимается несколько по иному, чем у нас: там это легкий, полезный напиток, поэтому вино является необходимостью всякой трапезы вообще на Востоке, тем более, трапезы праздничной. Когда не хватало вина, основного элемента праздничной трапезы, то это было позором и бедой и могло истолковываться как дурной знак. Поэтому так забеспокоились хозяева и они обратились к Божией Матери, Которая была приглашена на брак. Есть такое истолкование, что Божья Мать не могла оставаться в Назарете, после того, как Христа там гнали и она переселилась в Кану Галилейскую. Ее, а также Христа с учениками пригласили на брак, но ко Христу не решились подойти и сказать Ему, что вина не хватает. Божия Мать говорит Своему Божественному Сыну: «Вина не имут». Этих слов было достаточно, чтобы объяснить, что с ними случилась беда, это было очевидно для каждого. Но Христос, вместо того, чтобы сразу помочь, говорит удивительные для нас слова: «Что есть Мне и Тебе, жено. Не у прииде час Мой», — то есть в переводе «Какое нам дело до этого». Славянское обращение «О, жено», которое пришло из греческого, является наиболее почтительным, уважительным и почетным обращением, какое только может быть, и такое обращение мы находим в Евангелии неоднократно. Но,

тем не менее, Он отказывает: Что здесь Мне и Тебе, зачем мы будем входить в эти земные заботы, еще не пришел час Мой. Но дальше события развиваются совсем поразительно: Божия Матерь, получив как бы отказ, тем не менее, говорит слугам: «Что Он скажет вам, то и сотворите». И Она не просит снова Христа, чтобы Он помог, Она просто говорит это слугам, потому что уверена, что несмотря на отказ, Он все-таки исполнит Ее желание, и Ее ходатайство о семье, пригласившей их в гости, будет исполнено. Слуги подходят ко Христу и Он, как бы покоряясь воле Своей Матери, говорит им, что сделать «Наполните водоносы водой». Водоносы — это большие каменные сосуды, в которых накапливали воду для хранения. Когда их наполнили водой, вероятно, сходяв несколько раз на речку или к источнику, Христос сказал: «Теперь позовите распорядителя брачного пира, архитриклина». Архитриклин подчерпнул из этих водоносов и, ничего не подозревая, с упреком обратился к хозяину, жениху: «Всякий человек сначала лучшее подает вино, а потом, когда упьются — худшее. А ты поступил наоборот — ты самое лучшее вино оставил напоследок». Эти слова свидетельствуют нам о том, что самое лучшее вино получилось тогда, когда, по ходатайству Божией Матери, оно было сотворено из воды Христом. И завершается этот отрывок Евангелия словами, из которых видно, что эта обычная жизненная ситуация, когда люди полюбят друг друга, вступают в брак, и им начинает не хватать любви — любовь уменьшается довольно быстро; влюбленность, которая привела их к браку, довольно скоро оскудевает и кончается, и тогда эти люди оказываются в очень страшной тяжелой ситуации, которая грозит им крушением жизни; здесь необходимо искать выход, а когда люди его не находят, то семья распадается, — здесь, в этой ситуации нужно обратиться к Божией Матери и просить Ее ходатайства перед Господом. И Господь может дать другую любовь, благодатную, чудесную, любовь, которая является даром Божиим, которая не может быть просто по человеческому падшему естеству ему присуща. Эта любовь дает любовь к Богу и эта любовь будет гораздо прекраснее и выше, чем та первая влюбленность. Водоносы, наполненные вином, уже с избытком содержали это прекрасное вино и больше не было опасности, что его не хватит. Так и любовь, которую дарует Господь, она пребывает в жизнь вечную, то есть ее хватит для вечности. Даже последние слова этого Евангелия о том, что «так, совершил начаток знамений Иисус, явив славу Свою и веровавшие в Него ученицы Его», эти слова могут быть истолкованы. Первым чудом Иисуса явилось чудо в Кане Галлилейской, чудо, сотворенное по поводу брака. Из этого мы видим, какое значение имеет брак в человеческой жизни и какое значение Христос придает ему. Из этого мы видим, что в браке можно поверовать во Христа, как поверили ученики Христа, благодаря этому чуду, так и люди, видящие помощь Божию в благодатном христианском браке, видя эту любовь, которая даруется в христианском браке, тоже могут поверить во Христа. На самом деле, так и бывает. Если нам доведется увидеть настоящую христианскую семью, то мы увидим, как вокруг этой семьи собирается множество верующих людей. Очень многие люди, приближаясь к этой семье, приобретают веру. Как видите,

Евангелие, которое читается во время совершения таинства брака, имеет особый, адекватный этому таинству смысл. Так бывает не всегда, не всегда Евангелие так глубоко и полно объясняет содержание таинства, как здесь.

После чтения Евангелия диакон говорит сугубую ектению, читается молитва, потом говорится просительная ектения и произносится литургический возглас и поется «Отче наш», который должен петь весь народ, ведь брак должен совершаться Церковью, а не так как теперь, когда при венчании присутствуют только гости молодых и родные, а Церкви здесь нет, потому, что эти люди, как правило, пришлые. Это таинство, как и всякое другое, должно совершаться Церковью. После «Отче наш» приносится общая чаша. Священник благословляет ее и говорит молитву, после которой говорит мужу и жене пить из этой чаши, сначала мужу, потом жене.

В течение многих веков, даже уже тогда, когда это таинство выделялось из Литургии и совершалось отдельно от нее, перед совершением этого таинства на Престоле ставилась чаша с Преждеосвященными Дарами, и жених и невеста в конце чинопоследования брака причащались Св. Дарами, причем в ранних чинопоследованиях даже содержится великопостный возглас литургический, и муж и жена причащались, потому что тогда Церковь еще не мыслила совершение таинства без общего причастия, хотя это уже стало совершаться и не во время Литургии. Постепенно и эта форма была утрачена. Есть мнение, что эта чаша с вином символизирует древнее причащение, конечно же ни в коем случае не заменяя его. Но это мнение не абсолютно, толкуют эту чашу и иначе: обычай пить общую чашу был у многих народов еще до христианства. Действительно, пить общую чашу — это символ, и сама Евхаристическая чаша на Тайной Вечере была испита всеми учениками потому, что был такой обычай. Она восходит к этому обычаю, потому Христос и благословил эту общую чашу. Поэтому мнение, мне кажется, более обоснованное, что эта чаша с вином не зависит от причастия. Но, скорее всего, не совсем независимо. Тогда, когда была Евхаристическая чаша, то не было необходимости пить еще какое-то вино, когда же чин венчания выделился из Литургии и люди перестали причащаться, древний обычай пить общую чашу вина, приобрел более глубокий смысл и утвердился в этом секуляризованном чине венчания. После того как испита эта чаша вина, которая, конечно, является символом того, что муж и жена будут вместе делить радости и скорби, которые жизнь им предложит, священник берет крест в левую руку, а правой рукой епитрахилью соединяет вместе руки мужа и жены и ведет их за собой вокруг аналоя, на котором лежит Евангелие. При этом хор поет тропари. Первый тропарь «Исайя ликуй...». Этот тропарь прославляет Божию Матерь, что вполне естественно в свете того Евангелия, которое читалось незадолго до этого. Именно Божия Матерь является покровительницей семьи и ходатаицей о жизни человека, поэтому, естественно, что к Ней первая молитва и к Ней первая слава. Затем поется тропарь «Святые мученицы...» и священник ведет второй раз вокруг аналоя брачующихся. Здесь ублажаются мученицы и говорится о том, что тем, кто вступает в брак, предстоит трудный подвиг, полный скорбей, самоотвержения и мужества, жертвенности, жертвенной любви, если

потребуется, даже и умереть, исполняя свой долг.

Эти люди уподобляются мученикам, не потому, конечно, что вступить в брак — сущая мука, но потому что им предстоит трудный подвиг. Подвиг земной жизни похож на мученичество, на страдание, наша земная жизнь состоит из страданий по большей части, и супруги должны этот подвиг пройти вместе.

Третий тропарь «Слава, Тебе, Христе Боже...» прославляет Христа, подвигоположника, Который является радостью мучеников, которые проповедуют Святую Троицу своим подвигом. Эти тропари поются очень торжественно, это продолжающаяся кульминация всего чина венчания. Эти же тропари поются в чине рукоположения, правда в другом порядке. Есть толкование, что рукоположение — это тоже венчание, венчание с Церковью. Сходство этих обрядов дает право сказать так. В Русской Церкви принято при рукоположении снимать со ставленника обручальное кольцо, подчеркивая этим, что теперь священник имеет новую семью. Этот образ восходит к словам Апостола Павла, который говорит, что брак мужа и жены есть образ Христов и может быть поэтому увиден как жених Церкви.

После хождения вокруг аналая, священник снимает венцы и читает предпоследнюю молитву, затем говорится «Мир всем» и священник поворачивается лицом к брачующимся и произносит очень важную молитву, в которой он молит Святую Троицу даровать супругам долгоденствие, преуспение в вере, обилие земных и небесных благ по молитвам Божией Матери и всех святых.

После этого следует отпуст. Перед ним священник говорит мужу и жене, чтобы они друг друга поцеловали. Как говорил один старец, этот поцелуй должен быть первым для мужа и жены. После этого произносится отпуст, на котором вспоминаются Боговенчаные Цари Константин и Елена и Великомученик Прокопий, которые считаются покровителями брака.

Следом за отпуском идут молитвы на разрешение венцов в восьмой день. Это две довольно коротких молитвы в которых говорится, чтобы Господь разрешил венчающихся. Таинство брака, как и таинство крещения принималось в древности как величайшее событие в жизни человека и поэтому праздник, который совершался с этим таинством, длился восемь дней. Только на восьмой день снимались венцы, как на восьмой день отиралось миро и постригались волосы у крещаемых. Муж и жена в течение восьми дней праздновали, они надевали свои венчальные наряды, венцы, в этом, вероятно, шли в Церковь, причащались и восемь дней переживали начало своей новой жизни. Можно представить, как это было красиво, торжественно и значительно. Только на восьмой день с особыми молитвами с них снимали венцы и они вступали в обычную трудовую жизнь. Есть мнение, что их брачная жизнь начиналась только после восьмого дня, но это мнение тоже не абсолютное, разные источники говорят по-разному.

ТАИНСТВО ПОКАЯНИЯ

Чин таинства покаяния изложен, как и другие чины, в Третьебрнике под названием «Последование о исповедании».

Здесь говорится: «Приводит духовный отец хотящаго исповедатися единого, а не два или многия, пред икону Господа нашего Иисуса Христа непокровенна» и творит стих к началу, то есть «Благословен Бог наш...», затем обычное начало: «Святый Боже», «Отче наш», «Приидите, поклонимся...» и читает 50 псалом «Помилуй мя, Боже», покаянный псалом. Затем покаянные тропари: «Помилуй нас, Господи, помилуй нас», «Милосердия двери отверзи нам, Благословенная Богородице» и 40 раз читается «Господи, помилуй».

Затем следует молитва: *«Боже, Спасителю наш, Иже пророком Твоим Нафаном покаявшемуся Давиду от своих согрешении оставление даровавый, и Манассиину в покаяние молитву приемый, Сам и раба Твоего (имярек), кающагося о своих согрешениях, прими обычным Твоим человеколюбием, презираяй ему вся содеянная, оставляяй неправды, и превосходяй беззакония. Ты бо рекл еси, Господи: хотением не хошу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему: и яко седмьдесят седмерицею оставляяи грехи. Понеже яко величество Твое безприкладное и милость Твоя безмерная: аще бо беззакония назриши, кто постоит; Яко Ты еси Бог кающихся, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».*

Вторая молитва: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, Пастырю и Агнче вземляй грех мира, Иже заимования даровавый двема должникама и грешнице давый оставление грехов ея: Сам, Владыко, ослаби, остави, прости грехи, беззакония, согрешения вольная и невольная, яже в ведении и не в ведении, яже в преступлении и преслушании бывшая от рабов Твоих сих. И аще что яко человецы плоть носяще и в мире живуще от диавола прельстишася. Аще же в слове, или в деле, или в помышлении, или в ведении, или в неведении, или слово священническое попраша, или под клятвою священническою быша, или под свою анафему падоша, или под клятву ведошася: Сам яко Благ и Незлобивый, Владыко, сия рабы Твоя словом разрешитися благоволи, прощали им и свою их анафему и клятву, по велицей Твоей милости. Ей, Владыко человеколюбие Господи, услыши нас молящихся Твоей благодати о рабах Твоих сих и презри яко многомилостив, прегрешения их вся, измени их вечныя муки. Ты бо рек еси, Владыко, елика аще свяжети на земли, будут связаны на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешени на небеси. Яко Ты еси един безгрешен, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».*

После второй молитвы священник глаголет кающаемуся, уже не молитву, а увещание: *«Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое, не усрамяся, ниже убойся, и да не скроеши что от мене: но не обинюяся рцы вся, елика соделал еси, да приимеши оставление грехов от*

Господа нашего Иисуса Христа. Се и икона Его пред нами: аз же точно свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся, елика речеши мне: аще ли что скроеши от мене, сугуб грех имаши. Внемли убо: понеже бо пришел еси во врачевницу, да не неисцелен отыдеши».

Это увещание содержит в себе несколько очень важных утверждений, которые мы привыкли слышать, но часто не заостряем на них свое внимание. Первое утверждение — о том, что «Христос невидимо стоит, принимая твою исповедь», то есть ты исповедуешься Христу. И сказано: «И не стыдись, не бойся и ничего не скрой от меня, но не уклоняясь, скажи все, что сделал, и получишь прощение от Господа нашего Иисуса Христа. Вот и икона Его перед нами, я только свидетель», — священник говорит, — «Чтобы засвидетельствовать перед Ним все, что ты мне скажешь». Здесь утверждается, что смысл присутствия священника в том, что он свидетельствует перед Господом то, что говорит кающийся человек. Зачем нужно перед Господом свидетельствовать о том, что говорит человек? Разве Господь-сердцеведец и так не знает, что у нас на сердце?

Но несколько странное для православного понимания утверждение здесь имеется: «Господь принимает покаяние, а я только свидетель». А в общем-то непонятно, для чего я свидетельствую? Может быть, тогда и не нужно священника вообще? Потом еще одно очень важное утверждение здесь содержится: «Если что скроешь от меня, сугуб грех имаши», то есть если ты что-либо скрываешь здесь на исповеди, то будешь иметь двойной грех. «Будь внимателен, потому что ты пришел во врачевницу, чтобы неисцеленным не отойти». Для того, чтобы ты получил уврачевание, необходимо, чтобы твоя совесть не имела у себя никакого лукавства. Чтобы ты нисколько не сомневался в том, что тебе нужно придти с открытым сердцем. Если же ты хоть немного в этом сомневаешься, пытаешься как-нибудь слукавить, свое сердце хоть как-нибудь прикрыть, то тогда «сугубый грех будешь иметь», то есть и прежний грех тебе не простится, и ты приобретешь еще новый грех — грех лукавства, когда ты пришел ко Христу. Исповедь твоя будет недействительной.

Это, конечно, понятно, потому что невозможно по-настоящему исповедоваться, каяться, если ты одновременно имеешь какой-то лукавый расчет, как-то хочешь себя оправдать или выгородить, или ввести в заблуждение священника. Конечно, покаяние с таким расчетом, с таким лукавством несовместимо.

И после этого по Требнику полагается то, о чем большинство из вас, наверное, ничего не знает: «При всех вопрошает его священник о вере, глаголя: *«Рцы ми, чадо: аще веруеши, яко Церковь кафолическая апостольская, на востоце насажденная и возвращенная, и от востока по всей Вселенной разсеянная, и на востоце и доселе недвижимо и непременно пребывающая, предаде и научи; и аще не сумнишися ни в коем предании».*

В ответ на такой вопрос священника кающийся должен прочитать Символ веры: «Верую во Единого Бога Отца...» Ничего подобного в современной практике мы не находим. Более того, мы уже и забыли, что какие-то сомнения, или неосведомленность в учении церковном, или какая-нибудь

путаница в истинах веры является грехом. К нам приходят на исповедь люди, имеющие самое путанное представление о христианстве, и мы спешим их исповедовать, прощать и разрешать и допускаем к причастию, хотя наш Требник, который является довольно поздней книгой, еще содержит в себе довольно ясное понимание того, что прежде всего кающемуся необходима православная ясная вера и каждый кающийся должен исследовать свою веру, должен спросить себя о том, правильно ли он верит.

Далее следуют вопросы, касающиеся разных тяжких грехов, и священник должен помочь кающемуся проверить свою совесть, чтобы не осталось у него никакого изъяна, чтобы он полностью своей совестью мог очистить, после всех вопросов и ответов кающегося Требник имеет завещание, то есть увещание еще одно, которое вы никогда не слышите, а может быть, даже не подозреваете о нем.

Это увещание звучит таким образом: *«От сих всех отныне должен еси блюстися, понеже вторым крещением крещаешия, по Таинству христианскому, и да положиши начало благое, помогающу тебе Богу: паче же не поглумися на тожде обращался, да не твориши человеком смеха, сия бо христианом не суть прилична: но честно, и право, и благоговейно пожити да поможет тебе Бог своею благодатию».*

«И егда сия вся к нему изречеши, и опасно испытаеши, и он паки вся яже о себе без стыда открыет» означает, что кающийся должен ещё раз проверить свою совесть, и если все же что-то скрыл, сказать об этом, и речеши ему: *«Поклонися»*, и только после этого читается молитва, которой предшествует такое киноварное заглавие: *«Тогда приклоняет главу исповедуемый, духовный же глаголет молитву сию: «Господи Боже спасения рабов Твоих, милостиве и щедре и долготерпеливе, каяйся о наших злобах, не хотяй смерти грешника: но еже обратится, и живу быти ему: Сам и ныне умилостивися о рабе Твоем (имярек) и подаждь ему образ покаяния, прощение грехов и отпущение, прощая ему всякое согрешение, вольное же и невольное: примири, и соедини его Святей Твоей Церкви, о Христе Иисусе Господе нашем, с Ним же Тебе подобает держава и великолепие, ныне и присно и во веки веков».*

И дальше следует неожиданное отчасти добавление: *«Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами своего человеколюбия да простит ти, чадо (имярек), вся согрешения твоя: и аз недостойный иерей, властью Его мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».* Обычно в это время священник кладет епитрахиль на голову кающегося и «знаменует его крестообразно десницею», то есть изображает на главе кающегося крестное знамение.

Второе увещание содержит очень важное утверждение, целое учение о таинстве покаяния: *«От сих всех отныне должен еси блюстися, понеже вторым крещением крещаешия, по таинству христианскому».* Это увещание, несомненно носящее черты глубокой древности, призывает не глумиться над этим Таинством, над Церковью, возвращаясь на прежний свой грех, оно утверждает, что таинство покаяния есть по сути своей второе крещение, и предполагает твердое стремление к исправлению, к изменению человека.

Желая исповедоваться, желая покаяться, человек должен иметь твердую решимость во чтобы то ни стало измениться и ни в коем случае не повторять своего греха.

Что касается следующей за этим увещанием молитвы, то она по своему содержанию является молитвой окончательной, и содержит в себе прошение о том, чтобы Господь подал кающемуся образ покаяния, простил бы ему согрешения и соединил его со своей Святой Церковью. Здесь мы имеем ясное понимание того, что такое покаяние. Покаяние — это есть возвращение в Церковь. Оно необходимо для человека, который от Церкви отпал. И это таинство много раз возвращает человека в Церковь. Подобно тому, как крещение есть вхождение в Церковь, так и покаяние есть таинство возвращения в Церковь для того, кто из Церкви ушел. Это возвращение похоже на возвращение блудного сына в отчий дом.

Довольно странным кажется все же замечание: «По молитве же разрешает иерей кающегося низу лежащего, сие глаголя: Совершение тайны святаго покаяния». Никто из вас в церкви не слышал таких слов, которые предписываются священнику произносить. Прежде, чем читать разрешительную молитву, он должен обратить ваше внимание: «Совершение таинства святого покаяния», то есть теперь происходит совершение этого Таинства. Уже сама эта ремарка напоминает нам католическое учение о таиносовершительной формуле. Православное учение не может содержать в себе никаких таких утверждений и таиносовершительных формул, так как никаких формул быть не должно. То есть само это примечание: «Совершение таинства святого покаяния» имеет явно католическое происхождение.

Только в этом духе можно воспринимать следующую разрешительную молитву. Напомню ее: «Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами своего человеколюбия, да простит ти чадо вся согрешения твоя». До сих пор было так: «Прости, Господи». В предыдущей молитве говорится: «Господи, подаждь ему образ покаяния, соедини его со всей своей Церковью», а здесь утверждение: «Да простит». А дальше совсем странные слова: *«Да простит ти чадо вся согрешения твоя, и аз недостойный иерей, властью его мне данную, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь»*. То есть Ты, Господи, прости, и аз прощаю и разрешаю, и не просто так прощаю, но властью мне данной. Прежде всего, эта так называемая разрешительная молитва — даже не молитва, а есть именно некое разрешение от грехов. Оно, конечно, приходит в противоречие с тем увещанием, которое начинается словами: «Се, чадо, Христос невидимо стоит...» Там говорится о том, что «Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое, аз же токмо свидетель есть». И священник присутствует перед тобой, чтобы только засвидетельствовать перед Христом то, что ты скажешь. А здесь присутствию священника придается иной смысл: «Господь да простит тебя и аз властью мне данной прощаю и разрешаю тебя». Мы явно видим здесь юридическое понимание Таинства. Об этом говорит и ремарка —

«Совершение тайны покаяния», указывающая на сакраментальную формулу, и следует разрешительная формула, исполненная юридического смысла. Исследование этого чинопоследования подтверждает, что эта формула имеет явно католическое происхождение. В конце чинопоследования читаются молитвы: «Достойно есть», «Слава и ныне» и совершается отпуст.

Обычно, говоря о таинстве, мы начинаем с его истории, а в конце уже проходим чин. А сейчас сначала рассмотрели чинопоследование. Почему так? Потому что чинопоследование Таинства покаяния являет нам удивительную картину. Если чинопоследование крещения носит явные следы глубокой древности, если чинопоследование брака складывается уже в IX веке, если чинопоследование Божественной Литургии оформляется уже в VIII веке более или менее в основных своих чертах, то чинопоследование исповедания, которое мы имеем в нашем Требнике, относится примерно к XVII веку и тем самым вызывает у нас вопрос: прошло почти XX веков христианства. Что же, первые XVI веков никто не калялся? Почему только в XVII веке мы получили чин покаяния?

Всякое изучение, прикосновение к столь часто совершаемому чинопоследованию вызывает здоровый консерватизм и некие охранительные реакции. В этом плохого нет. И изучение нашего церковного наследия не только не помешает нам, но, напротив, сделает нас более зрячими, поможет нам понять нашу церковную жизнь в должной полноте, поможет нам и все таинства получать сознательно, благоговейно, поможет нам участвовать в них всем сердцем.

Таинство покаяния, к сожалению, являет нам в нашей церковной жизни некую ужасную брешь. Вместе с Таинством крещения оно подверглось наибольшей профанации в нашей исторической жизни и особенно, может быть, в нашем веке.

Крещение и покаяние. Покаяние, которое является вторым крещением. Настолько сильно искажены эти чинопоследования, настолько сильно отличается сегодняшнее понимание этих Таинств от древнего церковного понимания, что встает очень страшный вопрос: может ли так продолжаться и не наносит ли это искажение страшного, может быть, непоправимого вреда Церкви и церковной жизни?

В церковной практике мы видим большие крайности и в совершении таинства покаяния. Мы знаем монастыри, где трудолюбивые самоотверженные монахи, особенно молодые монахи, жизнь свою полагают на исповеди. Они исповедуют целыми ночами напролет, к ним стоит длинная очередь из паломников. Они совершают свой подвиг исповедальный с необычной ревностью. Такие батюшки есть и у нас в Москве, среди белого духовенства. Они до поздней ночи исповедуют, а наутро служить литургию. Если мы будем ходить по храмам, где в праздник собирается много народу, то картина везде будет одна и та же. Выходит священник во время литургии, обычно в самом начале. Здесь стоит человек сто, желающих покаяться, поисповедоваться и причаститься, может быть даже двести, а в нашем храме бывает и 300, и 400, и 500. Нужно их всех исповедовать, а литургия уже началась. В распоряжении

священника остается обычно 1 час времени, до того как вынесут Чашу. Как показывает практика, исповедники все время подходят и подходят до самого конца службы. Заставить людей приходить раньше не удастся, они как-то не чувствуют в этом большого смысла. Молитва, которая читается перед исповедью, им не кажется очень обязательной. Священник начинает исповедь. Как бы он мог исповедовать эти сто человек? Если на каждого человека уделить по 1 минуте, то будет 100 минут, то есть 1 час 40 мин. Не успеешь. Но если и по одной минуте, — что же это за исповедь, что это за Таинство Покаяния? На часах начинать исповедь нет смысла, потому что большинство людей опаздывают на часы, приходят даже и не к началу Литургии. Обычно начинается исповедь, и еще долго люди подходят, в течение всей службы, так что исповедь никак нельзя закончить. Значит, времени нет, есть причина спешить, и священник спешит: он сокращает этот чин, тем более, что большинство кающихся не очень-то его слушает. Что же делать священнику? Сейчас почти везде священники начинают читать: «...согрешили отступлением от веры, убийством, блудом, аборт делали, воровали, дрались...» — все-все грехи самые частые. Затем перечисляются грехи, которые являются просто действием разных страстей, скажем: «...согрешили гордостью, гневом, любостыжанием и т.д...». Обычно это бывает более или менее полный список всех обычных грехов, иногда такой полный, что даже страшно делается. А стоящие здесь кающиеся время от времени расслабленными голосами выкрикивают: «Грешны, батюшка... грешны... грешны...».

И вот, батюшка прочитал все грехи, кающиеся сказали, что они грешны — неизвестно в чем (что все они убийцы, все они воры что ли?). Затем читается разрешительная молитва и следующая за ней, краткая. Все подходят к священнику, он накладывает епитрахиль и всех благославляет... без единого слова. Если кто-то попытается что-то сказать, священнику приходится возражать: «Нет, нет, не задерживай меня, не задерживай. Нам некогда сейчас разговаривать. Проходи, целуй крест, Евангелие и иди причащайся».

Все это называется теперь общей исповедью. Общей потому, что вроде бы все вместе исповедовались (когда священник читал грехи). Так можно поисповедовать, конечно, много народа и очень быстро. И священнику легко, и народу тоже легко: исповедоваться за пять минут. Подобная «общая исповедь» внушала уже давно большие сомнения не только более ревностным священникам, но и церковному священноначалию, архиереям. Авторитетные иерархи высказывали даже сомнение, что в такой «исповеди» совершается Таинство. Такого рода общую исповедь осуждал и запрещал Патриарх Алексей I (Симанский) в одной из статей, напечатанной в «Журнале Московской Патриархии». Против такой исповеди высказывались и Патриарх Тихон, и очень многие духовные лица. Против нее, конечно, всегда выступали все настоящие духовники.

Тем не менее, этот способ исповеди неуклонно распространяется, и уже сейчас стал, можно сказать, повсеместной нормой. Храмы, где совершается исповедь более усердно, более серьезно, сейчас, может быть,

только составляют исключение. Это трагедия, трагедия нашей церковной жизни. И действительно, в этом узком месте нам грозит страшная беда. Можем только сказать, что не только Русской Церкви. Эта беда грозит сейчас христианам всего мира, не только православным, но и католикам. Таинство покаяния для современных христиан стало камнем преткновения. Как его совершать, стало непонятным. Вероятно, это связано с тем, что мир уже очень сильно погряз в грехах и разучился каяться, даже христианский мир. Почему же мы с вами сомневаемся в том, совершается ли таинство покаяния? Конечно, потому, что мы чувствуем, что таинство покаяния должно быть покаянием прежде всего. А этого покаяния мы не видим. Когда стоит толпа кающихся людей, мы ни в ком не видим покаяния. Когда проходят люди мимо креста, Евангелия с привычными вздохами; с сокрушениями «грешен, батюшка, грешен во всем» — хочется сразу спросить: «А коней крала, дома поджигала или, может быть, на большой дороге с ножом ходила?» Почему «во всем грешен»? Но если задать такой вопрос, то поставишь в тупик бабушку: «Ну, скажи, в чем ты грешна?» А она: «Ни в чем, батюшка, не грешна». Или только во всем, или ни в чем. То есть даже пожилые, старые люди совершенно не понимают, что от них требуется. Они не умеют каяться, они даже не сознают своей греховности и не знают, что такое грех. И сколько бы им ни вычитывать список всех грехов, это ничего им не прибавит. Это не помогает им покаяться. В таких условиях они не могут осознать свой личный грех.

Вполне естественно поэтому, что необходимо совершенно иное отношение к таинству покаяния. Требуется совершенно иной подход.

То, что я описал сейчас, называется у нас общей исповедью. Считается, что все тут сообща поисповедовались.

Когда это возникло? Откуда это взялось?

Эта практика возникла в советское время. Очень часто в защиту этой пагубной практики ссылаются на пример отца Иоанна Кронштадского, который будто бы ввел общую исповедь. И действительно, он ввел общую исповедь с благословения Святейшего Синода. К нему приезжали тысячи людей, и он Великим Постом оставался после всенощной в храме и исповедовал там всю ночь до самой Литургии. Но поисповедовать всех не успевал. И вот, по прошествии многих-многих лет служения, нескольких десятков лет, он, наконец, обратился в Святейший Синод с просьбой разрешить ему общую исповедь. Ему она была разрешена. Но та общая исповедь не имела ничего общего с теперешней, она была совершенно иной. Она проводилась таким образом. Отец Иоанн читал молитвы, а потом, вовсе не зачитывая перечень грехов, обращался к народу, наполнившему храм, и говорил: «Кайтесь теперь!» И все люди начинали сами громко выкрикивать свои грехи: «Я убил!.. Я украд!.. Я сделал какое-то еще зло... Я грабил людей на большой дороге!», — не боясь всех остальных людей, не боясь, что кто-то услышит и узнает их грех. И отец Иоанн все это слушал, внимательно смотрел на эту массу людей и время от времени поворачивался в какой-нибудь угол и говорил: «Вы тоже кайтесь!» — и оттуда тоже начинали нестись вопли покаяния. Отец Иоанн имел дар удивительной прозорливости. Он, имея такое особенное, исключительное духовное

дарование, знал, кто кается, а кто нет, и слышал это покаяние. Он слышал покаяние, которое шло от сердца кающегося человека, то есть, здесь действительно было покаяние, действительно была исповедь: кающийся свой грех называл сам, говорил, в чем он грешен и просил прощения.

Можно сказать, что сегодняшний порядок является профанацией той исповеди, которую проводил отец Иоанн Кронштадтский, как бы некой насмешкой, некой карикатурой. И нет права у современного священника так исповедовать. Об этом знают и говорят все ревностные духовники. Об этом говорят все серьезные богословы, об этом говорят епископы, об этом писал патриарх Алексий I. Существует его статья в «Журнале Московской Патриархии», где он прямо запрещает общую исповедь, которая практикуется теперь. Просто запрещает, патриарх запрещает так исповедовать, запрещают многие старцы. Настоящее церковное сознание не приемлет эту исповедь. Но тем не менее мы видим, никакие прещения, никакие увещания, объяснения, запреты не действуют. Эта исповедь остается ускоренной. И все больше распространяется. Она воспринимается уже как норма. И исповедь настоящая все больше и больше становится исключением из правила.

Почему же это так? Только ли потому, что условия жизни церковной не позволяют теперь исповедовать, как полагается, долго и подробно? Только ли потому, что люди не знают, что это грех, что нельзя здесь профанировать великое Таинство?

Очевидно, что не существует простого ответа на эти вопросы. За этой проблемой стоит что-то очень серьезное, кроется какая-то история. Безусловно, нужно понять, что же это такое — Таинство покаяния, какова его история, как оно в Церкви получено от Господа, какую цель оно имеет, и тогда только, может быть, мы приблизимся к пониманию того, где искать решение, как можно попытаться нормализовать нашу жизнь. Ввиду того, что Таинство покаяния является одним из самых необходимых для современного грешного церковного народа, оно так более всего скомпрометировано и искажено.

В наше время, когда большое количество людей хочет обратиться к вере, ищет истины в православной вере, приходя в церковь, они не находят возможности покаяться по-настоящему, не находят, настоящей исповеди. И Таинство покаяния, которое обязательно должно быть употреблено Церковью для уврачевания этих людей, крещенных в младенчестве, но воспитанных вне Церкви, это Таинство остается для них недоступным. И, конечно, говоря по совести, мы должны сказать, что это не только лень, нерадение, «халтура» священников.

Хотя, конечно, у нас сейчас слабое духовенство, в массе своей оно поражает своим низким уровнем. Это естественно, потому что уровень духовенства создается постепенно. В XX веке все настоящее, подлинное, светлое, ученое духовенство, духовенство традиционное — было уничтожено. И напротив, под прямым давлением власти, кадры нашего духовенства подбирались из людей ограниченных, невежественных, иногда порочных. Получалось так, что порочные священники или даже епископы имели легкую возможность для совершения карьеры; именно людей, обладающих тяжелыми

недостатками, пороками, часто несовместимыми со священническим служением, делали под давлением власти настоятелями, часто их делали епископами, а тех, кто старался ревностно служить Церкви, не допускали к пастве, не давали им кафедры, не давали возможности влиять на воспитание молодежи, старались загнать в какие-то медвежьи углы. Таким образом, наш клир формировался искусственно, именно в таком направлении, тяжелом, плохом. Поэтому нельзя обвинять только Церковь, что у Нее такое духовенство плохое. Духовенство у нас немощное. Но если мы будем думать, что только в этом причина утверждения общей исповеди, то мы совершим ошибку.

Обратимся к истории совершения Таинства покаяния.

Мы знаем, что в древности покаяние совершалось очень редко, именно как второе крещение, врачевство для тех, кто отпал от Церкви в совершении какого-то тяжкого греха, например, отрекся от веры во время гонения, или впал в грех прелюбодеяния, убийства, воровства, идолопоклонства. Такие люди считались совершившими смертный грех, отпавшими от Церкви, это было очевидно для всех, что благодать Божия отошла от них. Не формальный признак был здесь на первом месте, но было видно всем, что благодать Святого Духа не присутствует в сердце этого человека. И сам согрешивший видел и чувствовал это, чувствовали это и все члены общины. В качестве примера я приведу вам эпизод, который мне довелось как-то прочитать. Старец, который был известен благодатной своей жизнью и благодатными дарами своими, однажды пришел совершать Божественную литургию, и, как полагается перед литургией, стал читать молитву «Царю небесный» в алтаре, перед престолом, воздев руки к небу. Но когда он прочитал эту молитву, вместо того, чтобы читать дальше «Слава в вышних Богу», как полагается, он опустил руки, повернулся к присутствующим в алтаре — тут были священники, диаконы, алтарники, — и сказал: «Братия, кто из вас не мирен?» Они очень удивились, стали исследовать свою совесть, и вот юноша-алтарник, который помогал этому старцу, подошел и сказал: «Я, батюшка, поссорился сегодня со своей матерью». И на это старец ему сказал: «А она здесь, в храме?» — «Да, в храме». «Тогда иди, помирись с ней, потому что Дух Святой не идет к нам».

Вот это как раз то свидетельство о христианской жизни, которое мы с вами, к сожалению, не знаем. Вот это и есть как раз та жизнь, которая и должна быть в Церкви, харизматическая жизнь в Духе Святом. Для этого старца было очевидным, когда он читал молитву «Царю небесный, прииди и вселися в ны», что Дух Святой приходит, и он может начать литургию с Духом Святым. А в этот раз он почувствовал, что Дух Святой не идет почему-то. И ему было уже известно, что кто-то здесь не мирен. Подобно этому, древние христиане, будучи людьми благодатными, будучи носителями Святого Духа, знали, когда кто-то из них был «не мирен», тем более когда кто-то совершил тяжкий грех. И тогда вся их жизнь приостанавливалась. Такой человек должен был уйти из общины, он не мог присутствовать при совершении Божественной литургии, иначе говоря, он не мог уже быть в собрании верных. Это не было формальностью, исполнением каких-то правил или законов, это было все реально ощутимо, это была настоящая духовная жизнь.

Те грехи, которые являлись смертными, приводили к потере Духа, то есть к отпадению от евхаристического собрания, от Церкви — это было очевидной для всех потерей жизни с Богом. И такие грехи могли быть уврачеваны только Таинством покаяния. Таинством, в котором совершится примирение с Богом, с Церковью, и снова будут даны дары Святого Духа человеку, так что он будет принят в общение церковное и станет носителем благодати Святого Духа, которую он получил при крещении, в Таинстве миропомазания.

Но не все грехи таковы. «Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь... Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился» (1 Ин. 5, 16). Так пишет Апостол Иоанн Богослов. Так вот, грехи не к смерти — это множество наших проступков, которые не хороши, конечно, и должны быть изжиты, с ними нужно бороться, но они не всегда нас уводят за ограду церковную, и мы это чувствуем — что, да, я плохо сказал, сделал не то, но я не чувствую, что что-то оборвалось у меня в душе и я уже больше не могу перешагнуть порог храма, не чувствую, что Господь меня оставил. Такие грехи не к смерти не требовали, по сознанию первых христиан, Таинства покаяния. Они омываются в причащении Святых Христовых Тайн, когда человек причащается во оставление грехов и в жизнь вечную. Поэтому первые христиане старались жить благочестиво и духовно, они не совершали Таинства покаяния каждый раз, когда причащались. Но древние чины литургии, например, чин литургии апостола Иакова, содержит уже покаянную молитву, которая читалась епископом во время самой литургии для желающих причаститься Святых Христовых Тайн. Эта молитва, которая как бы разрешала приступить и причаститься, и сейчас находится в нашем Требнике в чине покаяния.

Таким образом, уже с древности Церковь знала, что существует разница между совершением Таинства покаяния и покаянием обычным, ежедневным, постоянным, которое должно быть в душе человека. И такое покаяние должно быть обязательно и в литургии, и в наших утренних и вечерних молитвах. Мы должны всегда каяться за каждый свой грех, за большой и за маленький, должны трудиться над собой. Но это еще не значит, что должно совершаться специальное Таинство покаяния. Со временем теряется харизматический способ жизни, который был свойствен первым христианам, христианами делаются более по названию, по имени, чем по жизни своей, они уже не знают, как следует, что такое духовная жизнь, так как теряют это живое ощущение присутствия Духа Божия в своем сердце, и тогда они теряют критерий — когда нужно каяться, когда не нужно, когда я в Церкви, когда не в Церкви. Мы с вами как раз такие христиане. Мы не знаем, в Церкви мы или нет по духу. Мы можем судить по каким-то внешним признакам, по закону: если нам скажут, что если ты убьешь, то ты вне Церкви, если еще не убил, то в Церкви. Мы так можем судить, потому что у нас нет живого ощущения благодати Божией. Мы не знаем, принимает нас Господь или нет с сегодняшними нашими пороками и недостатками. Когда

такое плачевное состояние души стало как бы обычным, стало нормой для христиан, то тогда стало меняться также и отношение к Таинству покаяния. Такие изменения связаны были с концом эпохи гонений, и приходом в церковь огромных масс вчерашних язычников, когда христианство стало государственной религией при Константине Великом и в последующие века. И приходится разрабатывать закон. Как вы знаете, там, где люди совершенны, святые, там закон не требуется, «на таковых нет закона» (Гал. 5, 23), говорит апостол Павел. Когда же люди делаются немощными в вере, когда они не имеют в себе Святого Духа, когда они становятся неспособными ощущать истину, присутствие Божие, тогда им приходится помогать с помощью закона. Зрячему человеку не нужна палка, а слепому она необходима.

И мы видим, что Таинство покаяния начинает совершаться с исключительным вниманием и серьезностью. У нас есть свидетельства о спорных вопросах, обсуждавшихся Карфагенским Собором в третьем веке, например, о том, можно ли принимать в Церковь отпадших во время гонений, то есть тех, кто, боясь смерти и пыток от гонителей, отреклись от Христа, а потом пришли с покаянием и просили принять их вновь в Церковь. И были такие ревнители православия, которые говорили, что отпадших принимать в Церковь больше нельзя. Создается строгая покаянная дисциплина, о которой мы говорили выше. Кающиеся делятся на несколько разрядов, и разрабатывается система епитимий, то есть каждый грех влечет за собой определенное вразумляющее наказание, которое называется епитимией. Кающиеся подразделяются на четыре категории: это припадающие, плачущие, слушающие и купностоящие. **Припадающие** — это те, кто должны были стоять на коленях, а **плачущие** должны были плача стоять на коленях. **Слушающие** могли стоять в храме во время Литургии оглашенных вместе с оглашенными и слушать Слово Божие, а потом, когда возглашалось: «Оглашенные, изыдите!», слушающие должны были тоже выйти в притвор, они не допускались к Литургии верных. **Купностоящие** могли присутствовать на Литургии, но не имели права причащаться.

Эти четыре категории кающихся появились тогда, когда Церковь все-таки смягчила свою строгость и постепенно, путем соборных обсуждений, пришла к решению допускать к покаянию даже тех, кто совершил грехи к смерти. Епитимьи, которые и сейчас сохранились в нашем Требнике, бывают разные. По большей части они сводятся к отлучению от причастия согрешившего на какое-то время. За убийство — на 15 или на 20 лет, за прелюбодеяние — на 15 лет, за блуд — на 7 лет, за то, что мы теперь называем аборт, — за убийство младенца во чреве, — на 10 лет, за гадание — на 5 лет или на 3 года, и т.д. Есть еще одно правило, которое нам не совсем, может быть, понятно. У Василия Великого есть правило, что человек, который носит на груди иконку какую-нибудь, отлучается от причастия. Действительно, мы, таким образом, иконе этой приписываем способность нас охранять от чего-то. Такое чисто языческое отношение к иконе, совершенно не православное, является ересью.

Последний пример показывает, насколько строгими были древние христиане, как они бдительно следили за тем, чтобы православный дух был чист, они не соглашались ни на какие компромиссы. Для них чистота исповедания веры, чистота православного понимания веры были на первом месте. Все это в течение нескольких веков делается нормой жизни, и мы имеем об этом ясные свидетельства.

Духовная жизнь христиан меняется, меняется их сознание и способность каяться. Меняется и способность Церкви принимать покаяние, совершать Таинство покаяния. Наступление Константиновской эпохи ревностные христиане восприняли как трагедию своей духовной жизни. Нельзя было не радоваться, что кончились гонения, что множество людей приходит к вере. Это, конечно, было торжество. Но нигде уже нельзя было найти тех единомышленных, чистых, святых евхаристических собраний, где все были святы, где витала благодать Святого Духа, где люди разговаривали с Богом.

И ревностные христиане уходят в пустыню. Создается новый чин в христианской жизни – монашеский подвиг. Монашество, которое начинается в III—IV веке и распространяется на территории христианских стран, очень быстро приобретает множество подвижников, вырабатывает свои формы духовной жизни.

В эпоху гонений жили только в собрании церковном, евхаристическом, часто причащаясь, и были готовы каждый день отдать свою жизнь за веру во Христа. Такая жизнь, чистая, свободная от грехов, делала всех первых христиан святыми. Теперь христианская жизнь монахами понимается несколько иначе. Они уходят в пустыню, где нет собраний евхаристических, более того, первые монахи считали, что монашество несовместимо со священническим саном, потому что священник должен служить миру, служить народу, а монах должен жить один, он должен уйти из мира, отвергнуться его, поэтому он не может быть священником. Более того, он должен искать смирения, а священнический сан дает власть над другими людьми, ставит священника на особое почетное место в Церкви, поэтому монашество несовместимо со священством, так думали первые монахи. И в пустынях египетских и иерусалимской не было возможности совершать Божественную Литургию, и очень часто первые монахи десятилетиями не причащались Святых Христовых Тайн. Причащались по случаю, когда им удавалось придти в город, или кто-то из священников приходил к ним, чтобы причастить их. Так что их понятия о церковной жизни неизбежно сделались другими. Соответственно, не было у них и Таинства покаяния в том виде, какое было в Церкви, прежде всего потому, что оно им было не нужно. Если отпадал человек от монашеского подвига, он уходил в мир, и там уже должен был проходить Таинство покаяния. Значит ли это, что монахи не каялись? Нет, не значит. Напротив, монашеский подвиг — это сугубый подвиг покаяния. Они каялись каждый день, но их покаяние было иным. У них была своя покаянная дисциплина, то, что мы знаем, как откровение помыслов. Они каялись в своих молитвах каждый день Богу. И очень скоро стало понятно, что монашеская жизнь является школой духовного возрастания, школой духовного делания,

духовного подвига. И, как в школе, здесь нужны учителя. И поэтому монахи искали в своей среде старцев, которые, будучи опытными в духовном делании, являлись учителями, наставниками, духовными отцами новопостриженных, новоначальных иноков. Каждый новоначальный имел своего старца и воспитывался им, приходил на откровение помыслов и на послушание, не делал ни одного шага без благословения его, и послушание такому старцу считалось главной нормой монашеской жизни. Считалось, что от такого послушания не может освободить даже епископ, если уж отдал себя в послушание старцу, то никто от него тебя освободить не может. И если ты умрешь неразрешенным, то на Страшном Суде будешь судим за это.

Вот такое особенное отношение к послушанию, особенное учение о послушании связано и с нормой покаянной жизни. Каждое непослушание — это грех. И чтобы слушаться, надо было открывать свою совесть, надо было каждую мысль проверить у своего старца, чтобы быть послушным. Такая норма жизни скоро стала широко известной, знаменитой среди христиан. Она описана в аскетической литературе у святых Отцов, и безусловно привлекала к себе внимание не только монахов, но и мирян. И естественно, что те ревностные миряне, которые были знакомы с монашеским подвигом, они тоже хотели послушания, духовного руководства. Они тоже хотели иметь школу духовного возрастания, и им приходилось искать себе руководителей, наставников. И сначала найти их было не так-то просто. Некоторые, даже епископы, уходили в пустыню на время, чтобы поучиться там духовной жизни. Например, Афанасий Великий скрывался в пустыне у Антония Великого и там поучался у него монашеской жизни. Василий Великий, Иоанн Златоуст до принятия священства жили в пустыне и некоторое время проходили искус монашеской жизни. Такое стремление к монашеству, искание подлинного духа духовного делания, духовной жизни вело к монахам в монастыри. И постепенно все доброе, все ревностное, все жаждущее духовной жизни устремлялось к монастырям, а монастыри приближались к миру. Сначала монастыри устраивались в пустыне, а потом стали появляться в городах.

Иногда около этих монастырей пустынных устраивались города, как это случилось и у нас на Руси. Монастыри являлись центрами духовной жизни, и многие миряне искали духовного руководства у монастырских старцев. Причем эти старцы не обязательно имели священный сан, они могли быть просто иноками. Но они считались руководителями духовной жизни, от них никто не ожидал совершения Таинства покаяния. Духовное руководство, духовное окормление у такого старца, исповедь, — это одно, а Таинство покаяния — это другое. Таинство покаяния мог совершить священник или епископ, и совершалось оно для тех, кто отпал от Церкви. Постепенно в истории два образа покаяния соединяются, смешиваются, иногда путаются в сознании христиан. Этому содействуют разные исторические катаклизмы. Например, в эпоху иконоборчества епископат и белое священство уклонились в иконоборческую ересь. Известно из истории, что иконопочитание отстаивали монастыри, монахи. И когда эта иконоборческая ересь охватила Православную Церковь, а это трагическое время

продолжалось более века, то естественно, для мирян создалось такое положение, когда они и ходили в церковь, но исповедываться, искать руководства они шли, конечно, в монастыри. Потому что доверить священнику или епископу свою совесть или спросить о чем-то жизненно важном было нельзя, потому что нет к ним доверия: они не устояли в православии, стали предателями, и нельзя поэтому обратиться к ним с духовным вопросом. И в это время авторитет монастырских старцев, исповедников, духовников особенно возрастает. И создавалась традиция, что исповедываться нужно в монастыре, у монаха.

В течение истории Церковь пыталась неоднократно ответить на различные вопросы духовной жизни, устанавливала разные формы совершения покаяния, разные формы пастырства. Еще в первые века епископы благословляли на пастырскую деятельность особенных людей, особых подвижников, особо опытных священников. Потом эта норма была отменена. Наступила иная эпоха. На рубеже тысячелетий вновь была введена норма, что духовниками назначались опытные иеромонахи, часто не имевшие другого послушания, то есть не имевшие череды. Они должны были окормлять какую-то территорию, предположим, несколько селений. Они обходили эти селения и совершали там свою духовническую работу — беседовали, исповедывали христиан, являлись их духовными отцами. В их ведении был духовный надзор за жизнью христиан.

В это время, в VII-VIII веках, Таинство покаяния совершалось совсем по-другому, чем в древности. Уже не осталось той публичной исповеди, которая была раньше. И не было той, как сейчас есть у нас, исповеди перед причастием. Но была норма, сознание, что в течение года церковного должно совершиться Таинство покаяния, потому что все люди очень грешны, все живут греховной жизнью. И, обычно постами совершалось соборно Таинство елеосвящения, когда все христиане собирались в храм, там помазывались святым елеем во оставление забытых грехов, и епископ совершал Таинство покаяния. Это был определенный чин, читались молитвы, Евангелие, и давалось разрешение грехов кающимся. При этом считалось, что приступают к этому Таинству те, кто покаются, поисповедывались своему духовнику, а теперь они получают разрешение от епископа. То есть исповедь совершалась заранее, перед духовником, а в церкви епископ давал уже разрешение грехов.

Как все Таинства, это Таинство было укоренено в литургии, хотя и не было связано с Таинством у причащения, однако оно совершалось в литургии. У нас теперь наоборот: нельзя причащаться без покаяния, но оно совершается не в литургии, а где-то в углу. Мы все поставили с ног на голову, все изменили, подменили «до наоборот» нормы древней Церкви.

Вы знаете, что в Византии было множество монастырей, причем в каждом городе. В городах монахов было очень много, и не было проблемы найти себе духовника-монаха. Когда христианство пришло на Русь, стремились взять все лучшее из Византии и учредить такой же порядок. Так, в Киево-Печерской лавре преподобный Феодосий был старцем и духовником не только монахов, но и многих мирян и даже князей. Однако в

России монастырей было мало, не только в первые века после принятия христианства, но и в последние века, так как Россия – страна огромная, и плотность монастырей никогда не достигала той плотности, которая была на Востоке. Хотя и у нас было множество монастырей, множество церквей, огромное количество священников, гораздо больше, чем там. Например, в Греции 200 епископов, а у нас меньше 150, у нас во многих городах и селах епископ вообще никогда не бывал, подумайте: за все 1000 лет христианства на Руси епископ никогда не бывал во многих местах. В Греции такое невозможно представить. Подобно этому и с монастырями. Сначала их было мало, и для всех христиан на Руси никакой возможности исповедываться у старцев-монахов не было. И поэтому такие духовнические функции были усвоены сразу приходскими священниками. Каждый приходской священник был поставлен в такие условия, когда он должен быть всем, даже духовником.

Были попытки ввести институт духовничества, когда епископ специально выбирал опытного священника, обычно уже пожилого, совершал над ним хиротесию, то есть возлагал на него руки и читал особенную молитву, тем самым благословляя его на духовничество. Именно к этому духовнику нужно было приходиться, и у него только можно было исповедоваться. Молодые священники не допускались к такой деятельности. Этот порядок, естественный и очень хороший, разумный, мечталось ввести, но в наших русских условиях он, вероятно, до конца никогда не был введен.

В последние века на Руси находим такую церковную традицию: исповедовать и совершать Таинство покаяния может каждый священник.

Кроме того, хотя русские люди часто с детской душой легко принимали православие и делались ему верными, тем не менее они были людьми неучеными, неграмотными, и книг у них сначала не было. Они были несведущими в духовной жизни, не знали аскетической литературы, не знали ничего почти о том, как должно жить христианину, ведь даже Евангелие было мало доступно в первые века после крещения. И даже в XIX веке у нас было много неграмотных крестьян. Поэтому отношение к покаянию, к духовной жизни, у нас было не таким, каким оно было на Востоке. Отношение к Таинству покаяния у нас стало иным, и Таинство покаяния нужно было совершать чаще для русских людей, которые были очень заражены язычеством, и далеко не сразу сумели его преодолеть. А язычество — это смертный грех, поклонение идолам, всякая ворожба, гадание, колдовство, это все смертные грехи, несовместимые с христианством. И потребность в совершении Таинства покаяния на Руси была несколько иной, чем на Востоке.

Со временем, неисповедимыми путями, чин совершения Таинства покаяния в России стал иным. И получилась картина для нас очень неприглядная и неутешительная. Мы видим, что на Руси появляется множество исповедальных чинов, которые имеют разное происхождение: византийские, сербские, болгарские, чины, которые имеют явное преемство от католиков. Со всех сторон они проникают на Русь. Через карпатскую Русь, западную Украину, через Вильну, через Польшу устремляется к нам латинское влияние. Мы имеем множество разных чинов, часто друг с другом не

согласованных: в одном чине находим древние православные молитвы, идущие к нам с Востока, в другом — молитвы католические. Рассудить, объединить все не было возможности, потому что не было книгопечатания. Процесс переписывания и распространения этих чинов нельзя было контролировать. Все это как-то начинает упорядочиваться в XVII веке, когда начинается книгопечатание. В начале XVII века издаются первые требники, в которых имеется чин покаяния. Эти первые издания тоже сильно отличаются друг от друга. Только в конце XVII века утверждается тот чин, который мы имеем в нашем Требнике теперь. Этот чин, оказывается, имеет в себе явное влияние католическое, пришедшее к нам через Требник Петра Могилы и через другие Требники, которые несли в себе латинское влияние. Даже в это время на Руси еще нет такой связи Таинства покаяния с причащением, которая возникла позже и существует теперь именно в Русской Церкви. Существует мнение, что произошло это в связи с реформой Петра I, или, может быть, несколько раньше, сейчас трудно сказать.

Причина эта духовного порядка: если люди оскудели духовно и не стремятся часто причащаться, не читают Евангелие, не знают молитв, не стараются работать над собой, то естественно, их нельзя допустить к причащению без исповеди. Может быть, поэтому устанавливается норма, что перед причащением нужно пройти обязательно Таинство покаяния, не просто исповедь, а Таинство покаяния, нужно примириться с Церковью, потому что множество всяких грехов, вольных, невольных, забытых, тяжелых и менее тяжелых обременяют совесть так называемого христианина, который давно уже не знает, что такое жизнь в Духе Святом. И эта норма, к сожалению, утверждается на Руси, настолько утверждается, что и теперь считается, что причащаться без исповеди — один из тяжких грехов. Эта норма имеет в себе заложенные тяжелые противоречия. Прежде всего она повлекла за собой ужасное нормативное отступление от евхаристической жизни, так как, если перед каждым причащением нужно всех исповедовать, то это делается невозможным, если много причастников, особенно у нас, в России, где часто в приходах служит один священник, без дьякона, он же должен совершать все требы, как ему поисповедовать всех перед причащением? Отсюда, естественно — причащаться нужно редко. Если часто, то он просто в этой исповеди «захлебнется», он не сможет больше ничего делать, кроме как исповедывать. Поэтому причащаться нужно редко, раз в год Великим Постом, один раз причастился, и все, больше ничего не надо и желать. Такая норма утвердилась в России с удивительной силой, и с этим мы подошли к революции. Можно сказать, к революции вся Россия потеряла, по-существу говоря, евхаристическую жизнь. Мы приходим в Церковь послушать Литургию, постоять на Литургии, а причащаемся редко (так повсеместно еще недавно было).

Если мы обратимся к апостольским правилам, то увидим: древние христиане считали, что если ты был на литургии и не причастился Святых Христовых Тайн, да будешь отлучен от Церкви, как оскорбивший Бога. Ты слышишь, как Господь говорит: *«Примите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за*

вы ломимое во оставление грехов. Пийте от Нея вси, Сия есть Кровь Моя Нового Завета». Потом: «*Со страхом Божиим и верою приступите...*» Но ты не приступаешь. Христос пролил Свою Кровь за тебя, но тебе это не нужно это Таинство великое, тебе жертва Христова не нужна, ты мог стоять у Креста Господня и, когда Он тебя звал, ты не пошел. Ты не хочешь причаститься Страданиям Христовым, Его Смерти и Воскресению, Его Кресту, значит ты не христианин, значит ты не можешь быть членом Церкви. Вот так однозначно и прямолинейно понимали первые христиане участие в Таинстве Божественной Евхаристии.

Второй канон звучит так: «Если какой-либо христианин без особенной причины, каковой может быть ссылка, тюрьма, путешествие или очень тяжелая болезнь, более трех недель не приходил в Собрание, да будет отлучен от Церкви».

Как видите, эти правила устанавливают нам чрезвычайно важную норму: придти в Собрание – это значит причаститься, по первому правилу, приведенному только что. Если не приходил в храм и не причащался более трех недель без особой причины, или тебе не было нужно, просто не очень хотелось, или, как теперь говорят, «работы было много», «очень был занят», если так, - значит, ты не христианин, тебя нужно отлучить от Церкви и больше не пускать в храм (а тогда отлученных не пускали в храм: у дверей стояли «акалуфы», стража; они знали всех поименно, знали, кто – кающийся, кто оглашенный, и никого чужого не пускали).

Мы должны обязательно сопоставить эту норму Таинства Причащения Святых Христовых Тайн с нормой Таинства Покаяния. Древние христиане причащались, как видите, часто: причащались на каждой литургии, на которую приходили. Им никто не запрещал причащаться чаще, чем раз в две недели, - наоборот, как только приходил христианин, он обязан был причаститься. А приходиться можно всегда. Поэтому Василий Великий пишет, что у них есть правило причащаться четыре раза в неделю. В его общине четыре раза в неделю совершали Божественную Литургию, и, конечно, все причащались. Такое частое причащение, живая евхаристическая жизнь, естественно были свидетельством святости и, можно сказать, путем к святости.

Это удивительное правило, и мы должны были бы все его знать наизусть. Это правило показывает нам, что такое христианская, церковная жизнь в понимании древних, настоящих христиан.

Если мы эти два правила соединим, то получим ясную норму, как нужно причащаться. А у нас, на Руси нормой стало причащаться раз в год, то есть, по смыслу апостольских правил, наш народ русский отпал от Церкви, он расцерковился, потерял евхаристическую жизнь.

Я думаю, что это могло быть главной причиной революции, того, что совершилось потом в XX веке. Вся эта трагедия нашего народа, Русской Церкви Православной, эта трагедия постепенно готовилась, готовилась расцерковлением, потерей евхаристического духа.

Но, как бы там ни было, причащать без исповеди невозможно, а исповедывать каждую неделю или каждые три недели всех тоже невозможно.

Хотя еще преподобный Серафим говорил, что хорошо причащаться хотя бы каждый пост и все двенадцатые праздники, чем чаще, тем лучше, так говорил преподобный Серафим. Но русский народ и Русская Церковь преподобного Серафима не услышали. Потом был отец Иоанн Кронштадтский, который тоже звал причащаться как можно чаще, и сам служил и причащался каждый день, и благословлял на это. Но и его зов тоже немногими был услышан. Так что в массе оставалась все та же норма — раз в год, ну, может быть, раз в пост.

Выясняется еще одно тяжелое противоречие: оказывается, недаром в древней Церкви Таинство покаяния было отделено от причащения. Соединение этих двух таинств вместе чревато некоторыми невозможными для христианской жизни последствиями — или не причащаться, или погибнуть от исповеди всем. Но мало того, что погибнуть от исповеди, сама исповедь делается чем-то иным, чем она была раньше. Когда человек приходит раз в год, то он действительно понимает, что он пришел покаяться. Раньше раз в год на свои именины человек шел, исповедывался, причащался, и, конечно, перед этим готовился, говел, молился, он шел к исповеди, как к великому событию. Для него эта исповедь была особым событием. С великим благоговением приступал он к этим Таинствам, как к великой святыне. Что теперь? Когда мы сейчас исповедуемся и причащаемся каждую неделю, это хорошо. Без исповеди мы жить не согласны, это тоже хорошо, но с другой стороны, теряется благоговение. А еще страшнее — во что превращается исповедь? Как можно каяться каждую неделю? Если человек каждую неделю крадет, или блудит, или колдует, то тогда ему нельзя причащаться, ясно, что его нужно отлучить. Если он кается, а потом грешит, кается — грешит, и так каждую неделю, если у него такие смертные грехи, то тогда его нельзя причащать. Если же он причащается часто, и старается жить жизнью христианской, то тогда в чем ему каяться каждую неделю? Не получается ли, что он, приходя на исповедь, начинает что-то выжимать, вымучивать какое-то покаяние, которого у него в душе нет, да и не должно быть. А мы от него требуем — нет, ты должен покаяться! И мало того, не на общей исповеди, а на частной, на отдельной. Здесь очень тяжкая проблема, проблема, которую нельзя обойти, взять и так разрешить.

На Западе есть выход из этой проблемы в тех церквях, которые возникли из эмигрантского населения, которые стали сейчас немногочисленными интеллигентскими церквями, где почти что утрачена духовная жизнь, где почти что нет понятия о духовничестве, все ослабело. Они ввели норму древнюю — причащаться без исповеди, исповедываться тогда, когда согрешил. У них это возможно, в какой-то степени, так как у них нет таких масс народа. Народ интеллигентный, им легко более или менее объяснить. Потом нет традиций, как у нас. Там все перенесено на новую почву, все оторвалось от своих корней, можно новые нормы устраивать. Тем не менее и там тоже такая отмена исповеди перед причастием привела к очень тяжелым последствиям. Получилось так, что там с улицы человек может зайти и причаститься. И священник не думает его проверять, он его первый раз видит, не знает, но поскольку исповедь перед причастием не положена, всякий заходит и причащается. Получается профанация

причастия.

Профанировалась исповедь — мы исповедь отменили. Стало профанироваться причастие, это еще хуже. Возникает некий, как говорят, евхаристический бум, этот бум пронесется по всей Европе. Он был у католиков, был в православной Греции, когда молодежь захотела причащаться чуть ли не каждый день, как можно чаще. И стали приходить и причащаться. Уже там отменили посты, ничего не требуется, никакой подготовки к причастию, только причащаться, причащаться — и все. И, конечно, такое причащение делается недостойным, делается в суд и во осуждение. Теряется всякое благоговение и понимание величия этого страшного Таинства.

Так что отменить исповедь перед причащением тоже не так-то просто. И если там это не просто, то это совершенно не возможно у нас, на Руси, где народ почти целый век прожил без Церкви, и он сейчас уже ничего не понимает и ничего, так сказать, не умеет. И сейчас устраивать реформы какие-то у нас просто невозможно. Например, у католиков был второй Ватиканский собор при папе Иоанне XXIII, который провел много реформ и изменил многие традиции в церковной жизни. Сначала это было воспринято как некая победа над застоем. Казалось, что вот, наконец, свежая струя пришла и наконец вековая рутина жизни разрушена, все будет налаживаться и соответствовать сегодняшнему дню. Все ликовали, был большой духовный подъем, а когда подъем этот быстро прошел, пропала обязательность церковных традиций, обязательность каких-то вековых порядков. Каждый почувствовал себя вправе экспериментировать на духовной почве. Что ни священник, что ни епископ — каждый начинает придумывать свои порядки, свои нормы. Потом уже и миряне начинают экспериментировать, они уже не чувствуют никакой церковной дисциплины, уже форма их не держит. Форма потеряла авторитет, она перестала для них быть святой. Там, где нет содержания, форма еще чуть-чуть спасала, теперь уже и форма не спасает. И получилось там, за короткое время, за несколько лет, полное разложение церковной жизни. Масса расколов, масса всякого обновленчества, утрата всех постов вообще, утрата всякого послушания, подчинения. Сейчас там дошло до того, что женщины стали служить литургию.

Таким образом, главная проблема состоит в том, как соединить исповедь и причастие. Решение может быть только выстрадано нашей церковной жизнью. Мы с вами говорили о том, что такое формальное соединение исповеди и причастия, которые мы сейчас имеем, неудовлетворительно. Оно приводит к тому, что практически везде утвердилась общая исповедь, которую, очень часто, даже исповедью всерьез назвать нельзя. Это некий формализм, чрезвычайно вредный для Церкви и для тех людей, которые этому формализму подвергаются.

С другой стороны, противоположное решение, что нужно с каждым человеком беседовать индивидуально и подробно каждый раз — это решение тоже неудовлетворительно. Во-первых, оно нереально. Когда причастников очень много и когда люди начинают причащаться часто, это нереально. Во-

вторых, это может быть даже и не полезно. И мы приходим к выводу, который нам предлагают духоносные духовники и здравый смысл, и некий опыт церковный. Вывод такой: нужно искать возврата к древней практике Церкви. Тогда Таинство покаяния совершалось в необходимых случаях, когда действительно нужно было вернуть человека в лоно Церкви, если он отпал, если потерял церковную жизнь. И в тоже время, мы не можем отменить обычную исповедь, которая перед причастием должна совершаться, но пониматься она должна несколько иначе, чем сейчас. Это есть некое душепопечение и допущение к причастию, благословение к причастию. Может быть, не всегда эта исповедь должна иметь необходимые черты Таинства покаяния, хотя фактически так оно и есть. Обычно эта исповедь не имеет такой полноты, но эта полнота, может быть, и не нужна. Норма душепопечения должна быть на совести духовника. Это вовсе не формальная общая исповедь, а это есть индивидуальная пастырская работа. Но такая пастырская работа вовсе не обязательно должна сводиться к постоянным пастырским беседам перед каждым пастырским причастием. Прежде всего, что такое покаяние? Покаяние — это особенное состояние человеческого сердца, но оно должно иметь некоторые необходимые черты в себе для того, чтобы быть признанным достаточным для совершения Таинства покаяния. Часто бывает, что человек вообще-то кается, но так ли он кается для того, чтобы Таинство было совершено или не так? Что необходимо для того, чтобы это покаяние было достаточным? Может быть, это несколько схоластический подход, но для того, чтобы подчеркнуть некоторые важные черты, особенные черты покаяния, все-таки скажу.

Начинается покаяние с того, что человек сознает свою греховность, начинает видеть свой грех. Об этом приходится говорить потому, что среди современных прихожан это бывает не часто. Очень часто толпа исповедников громко кричит: «Грешны, батюшка, грешны! Грешны, батюшка, во всем», — но при этом совершенно не могут сказать, в чем именно они грешны. Подходит бабушка и сколько ты ее не допрашивай: «В чем ты все-таки грешна?» Она вам не скажет. У нее даже есть некоторое общее сознание своей виновности. «Да, я грешная», — но чем грешна, она не знает. Общее сознание своей греховности хорошо, но недостаточно. Нужно, чтобы человек знал свой грех. Есть в 50 псалме такие слова: «И грех мой предо мною есть выну» — да грех мой всегда предо мною. Я всегда вижу свой грех. Необходимо знать свой грех точно. Чем ты погрешил, чем ты грешен? Это, конечно, первое условие. Но очень часто бывает так, что человек знает свой грех, и даже о нем говорит, но не имеет сокрушения сердечного. Приходится иногда на исповеди слышать ужасные грехи, самые страшные преступления. Такие преступления, от которых просто стынет кровь в жилах. И далеко не всегда эти преступники имеют сокрушение сердечное. Приходит человек и говорит, что он убийца, или еще что-нибудь, и совершенно при этом не может покаяться, не может сокрушаться об этом.

Многие из вас читали книгу «Отец Арсений» и, наверное, помните, как там о. Арсению пришлось принимать исповедь страшного убийцы, и он

не смог отпустить ему грехи. Убийца умирал от рака в лагере и позвал его, чтобы покаяться перед смертью. И отец Арсений долгое время сидел у него на кровати и слушал его исповедь: страшный рассказ о тех преступлениях, которые он совершил за свою долгую жизнь. Рассказывал он подробно, как он кого убил, как он еще что-то сделал, и как его мучили потом образы убитых им людей. Все это рассказывал, но он не имел покаяния, то есть не было сокрушения сердечного. Он себя даже не оправдывал. Он знал, что он преступник, но он не мог об этом плакать, он не мог сокрушаться.

Это сокрушение не так просто дается человеку, когда он много согрешил, и это есть некоторый признак духовной смерти. Сатана и ангелы его тоже знают свои преступления, но они не каются в них. Дар покаяния – это дар особенный, дар Божий, благодатный и о нем нужно всегда просить Бога. Именно в ответ на молитву нашу, на нашу просьбу мы можем получить этот дар покаяния. Таким образом, второе условие есть сокрушение сердечное, то есть сокрушение о содеянном. Но, к сожалению, и это тоже не все, потому что бывает и так, человек приходит и плачет о том, что он сделал. И горько плачет. Но как только ты его спросишь: «Обещай, что ты не будешь больше так делать?», то он молчит или приходит женщина и плачет, что она сделала аборт и просит ее простить. А когда ты говоришь: «Обещай, что ты больше никогда не будешь так делать». Она говорит: «А что же я, сколько же я должна рожать детей»? То есть она понимает, что это грех, что это преступление, но она уже заранее решила это преступление делать и дальше и каждый раз получать отпущение грехов. Так она и говорит: «Я уже сделала четыре аборта, но я ходила молитву брала, я каялась в этом, и вот я сделала пятый, даже еще могу шестой и так далее. Я каждый раз буду каяться и плакать об этом». Но буду убивать детей по-прежнему.

Такая удивительная извращенная философия. Она оказывается чрезвычайно свойственна падшему человеку, так что можно и знать свой грех и сокрушаться о нем, и мучиться им можно, но это еще не покаяние. Покаяние будет только тогда, когда человек будет иметь твердую решимость измениться и больше так не грешить. Некоторые говорят на исповеди, когда говоришь: «Обещай, что ты больше не будешь так грешить», — они говорят: «Батюшка, а ведь клятвы давать запрещено в Евангелии. Почему это вы требуете, а как я могу обещать, а вдруг я нарушу обещание». Да, что-то в этом есть такое, будто бы и правильное, но тем не менее, каждый раз, когда совершают таинство, мы требуем обещания. Когда совершается Таинство крещения, крещаемый дает крещальные обеты, то есть присягу, обещания. Когда совершается Таинство брака, происходит то же самое. Священник спрашивает: «Не обещался ли ты иной невесте, или иному жениху, и будешь ли ты, или обещаешь ли ты теперь быть верным браку своему и Церкви»? При Таинстве рукоположения требуется ставленническая присяга, когда ставленник дает присягу-обещание. Также и в Таинстве покаяния после того, как священник прочитает разрешительную молитву, он говорит: «Поцелуйте Крест и Евангелие». Зачем целовать Крест и Евангелие? Что это значит?

Если вы читали когда-нибудь или слышали летопись, какой-то боярин

целовал крест царю на том-то и том-то. Свидетельские показания все давались перед Крестом и Евангелием. То есть целование Креста и Евангелия – это как раз обещание верности, то есть я обещаю и вот целую Крест и Евангелие в подтверждение того, что для меня это свято, что я перед Крестом обещаю. Перед образом распятого Спасителя обещаю прекратить так грешить. Вот что значит целование Креста и Евангелия. Это существенная часть Таинства покаяния. И только тогда, когда человек имеет твердую решимость измениться и больше не грешить так, тогда только можно считать, что он кается. Здесь требуется опять-таки некоторые разъяснения. В каких случаях мы можем требовать такой клятвы? В тех случаях, когда мы хотим совершить Таинство покаяния. Когда придет человек и скажет: «Я опять раздражался, опять унывал или какие-то помыслы пришли нехорошие», или еще что-нибудь такое. Можно ли требовать, чтобы он обещал, что помыслы больше не придут? Или, что никогда больше не раздражишься и слова резкого никому больше не скажешь. А можно ли это обещать? Ведь это часто бывает уже даже невольно, не контролируется как бы. Тут можно пообещать, что постарайшься изо всех сил бороться с этими страстями, со своими недостатками, работать над собой. Но не делать аборты можно обещать, можно обещать не убивать никого, не воровать. Это можно обещать, то есть грехи смертные, которые разделяют нас с Церковью, которые выводят нас из церковной ограды, они требуют существенного покаяния, уврачевываются только Таинством покаяния. И здесь, конечно, необходимо обещание, что больше никогда такое не повторится. Не буду никогда отрекаться от Христа, не буду никогда колдовать, прибегать к колдовству, не буду никогда впадать в какой-то безумный гнев, или бить, скажем, своих ближних, или страшным образом хамить родителям своим и т.д. Это все можно обещать, что этого никогда не будет. Если человек этого обещать не может, тогда он не готов к покаянию, тогда он, значит, не может быть допущен к Таинству покаяния и к причастию.

Вот такое понимание, что такое покаяние, каким оно должно быть, нам всем необходимо, и мы должны уметь объяснить это тем, кто приходит в Церковь. Это, как раз, задача катехизатора — объяснить, что такое покаяние, что такое венчание, что такое крещение. Но возникает и другой вопрос. Ясно, что требуется от кающегося, а что требуется от духовника? Есть ли вообще такой вопрос или нет? Может быть, есть священник и слава Богу, и ничего от него, вроде, так и не требуется? История показывает, что во все периоды истории Церкви стоял вопрос о духовничестве, о пастырстве и Церковь всегда старалась эту проблему (очень трудную) как-то решать. И проблема эта сейчас, в наше время, встает не менее, а более остро, чем когда-либо. Каким должно быть пастырство, духовничество, что требуется от духовника, и нужно ли нам с вами это знать? Ведь не все мы собираемся быть пастырями и духовниками.

Хотя у пастырей будущих будет предмет, называемый пастырское богословие, но, тем не менее, вот о том, каким должен быть пастырь и духовник, нужно знать всем. Почему это нужно знать? А потому, что очень

вредит нашей Церкви непонимание того, что такое священническое служение, чрезвычайно вредит. И если бы мы с вами знали, каким должен быть священник и хотели бы, чтобы наши священники были бы вот такими, настоящими, так сказать, тогда они были бы такими. Знаете, есть поговорка, что каждый народ достоин своего правителя. Так вот и каждая паства достойна своего пастыря. Если у паствы будут более высокие требования к духовной жизни, то и пастыри будут другие. Тогда эта паства родит этих пастырей из себя. Поэтому обязательно нужно нам всем знать, каким должен быть духовник и что требуется от пастыря. Вот мы с вами говорили о том, как в истории по-разному решался вопрос о духовничестве. Было время, когда наиболее опытных священников ставили духовниками. Было время, когда духовниками были монахи, в основном. Было время, когда покаяние монашеское понималось как откровение помыслов своему старцу. То есть у монахов такого Таинства не было, но было другое понимание покаяния не как Таинства, а как старческого руководства. Потом в истории эти два понимания покаяния смешивались, потому что в пустыню пришли священники, монахов стали рукополагать, то есть они смогли совершать Таинство. В монастырь пришли миряне, а монастыри приближались к городам, или города устраивались вокруг монастырей. Таким образом, монашеская жизнь начинала влиять на жизнь мира христианского, и, соответственно этому, миряне хотели постоянного какого-то духовного руководства. Они тоже стремились открывать свою душу опытным пастырям, и быть ими руководимыми. Таким образом, в сознании православного народа часто смешивалось два понимания покаяния: понимание покаяния как Таинства, которое воссоединяет с Церковью отпадших, и понимание покаяния как некоего образа жизни, некоей иконы духовного возрастания.

Конечно, на самом деле желательно, чтобы Таинство покаяния нужно было совершать как можно реже, чтобы не было у нас отпадших, чтобы не были наши духовные чада и прихожане такими немощными, что их нужно было бы каждую неделю или каждый месяц воссоединять с Церковью. А они каждый месяц будут отпадать от Церкви, от общения с Богом. Конечно, ясно совершенно, что каждому человеку, который желает жить духовной жизнью, необходимо духовное руководство, то есть нужно, чтобы у каждого была возможность побеседовать, открыть свою душу, независимо от того, есть ли тяжкие грехи. Хоть человек и не согрешил, но какие-то искушения мучают его. Может быть, ему не под силу что-то, может быть, есть какие-то вопросы о том, как устроить свою жизнь. Нужно, чтобы он мог побеседовать. И из среды активных христиан, тех, кто желает жить духовной жизнью, возникает требование к духовнику, чтобы была такая возможность духовного руководства, как бы по образу монастырскому. И сами духовные чада начинают своих духовников представлять в образе таких духовников монастырских, наделять их монастырскими полномочиями. На Руси в последнее время возник институт старчества, появился некий образ старца, уже не такой, который известен нам с древности. Это не просто человек,

который принимает помыслы у своего ученика. Старец русский, скажем XVIII-XIX вв., – это особенный святой, святой, достигший совершенства. Святой, который через очень трудный подвиг, пройденный им в течение жизни, получил дар знания воли Божией и возвещения воли Божией. К такому старцу можно идти, чтобы от него услышать волю Божью. Такой старец обладает очень часто даром прозорливости, ясновидения. Он часто говорит волю Божию тебе, еще даже не услышав твоего вопроса. Он часто знает, какой грех в твоей душе, еще даже не увидев тебя. Такое представление о старчестве, конечно, поразило душу христианина, и всем необходимо, конечно, увидеть такого старца. Каждый человек, кто хочет жить духовной жизнью, конечно, стремится увидеть такого старца – преподобного Серафима или, предположим, Амвросия, или какого-то иного старца, у которого получит благословение на тот или иной жизненный путь. Получит благословение в монастырь или на брак или на выбор какой-то специальности, на священство и т.д.

Русское старчество — это наш особый чин святости. И эти старцы — очень скоро стали служить не только монахам, а стали служить миру, открывали двери для всех. Их даже частенько выселяли из монастыря, как, скажем, преподобный Амвросий — он учил уже не в монастыре, а в скиту, для того, чтобы толпы мирян, которые приезжали к нему, не мешали жить монастырю монашеской жизнью, чтобы они не наводняли монастырь.

И вот, естественное желание узнать волю Божию, узнать правильно свой путь — оно как бы побуждает часть пасомых требовать от своего духовника, чтобы он тоже вот так же усилился бы, поднатужился бы и сказал бы что-нибудь такое очень ценное и хорошее. И ответил бы на все их вопросы в жизни. И вот мы видим, как в миру, в церквах есть прихожане, которые ждут от батюшки, что батюшка скажет как надо, вот так или сяк. И в ответ на это желание прихожан, искреннее желание, и желание, в общем, хорошее, конечно, Господь посылает старцев и в миру. Вы знаете, что были такие старцы, как отец Алексей Мечев, например, на Маросейке в начале века. Был отец Владимир Богданов, тоже замечательный старец, отец Валентин Амфитеатров, о. Иоанн Кронштадтский и т.д. То есть это были старцы в миру, которые не были даже монахами, но получили такой дар старчества, дар ведения воли Божией. Это еще более подвигло мирян искать у духовников, требовать от духовников таких старческих даров. И частенько теперь возникает проблема — кто же такой духовник, каким он может быть, и как к нему нужно относиться. Вот эта проблема, для нас важная, и должна быть, как мне кажется, последней темой в беседе о покаянии. Что такое пастырь?

Пастырство — это ношение на себе образа Христа; каждый пастырь получает этот образ... Он совершает свое служение по образу Первопастыря, Господа Иисуса Христа. Как пастырь он перед овцами должен ходить, должен вести их за собой и показывать им пример. Насильно воспитывать своих духовных чад пастырь не может. Он не может ими властвовать, как, скажем, отец властвует над своими детьми, пока они малолетние. У нас, у

пастырей нет такой власти. Пастырь властвует только над теми, кто себя добровольно передал в его власть. Поэтому он должен прежде всего воспитывать примером, примером своей жизни, сам идти по этому пути. Он должен быть молитвенным, должен быть духовным, должен быть тружеником на ниве Христовой. Должен иметь чистое сердце. Есть страсти, которые совершенно несовместимы с пастырством. В общем-то, конечно, все страсти несовместимы, если они в сильной степени владеют человеком. Не может быть пастырь гордецом, это ясно, что он должен быть смиренным и кротким. Не может он быть сребролюбцем, не может он быть блудником, не может быть вором, не может быть убийцей — это все ясно. Например, ясно, что он не может быть гневливым. Когда пастырь впадает в страшный гнев, то он будет губить своих пасомых. Если пастырь унывает, то он может повергнуть своих чад в уныние, а может они просто за ним не пойдут, потому как видно, что это гибель. Он не может отчаиваться. Он должен иметь веру, должен быть вдохновленным, радостным, светлым.

Это все очевидно, тут ничего нового не скажешь. Но даже если пастырь имеет такое доброе устройство и добрые устремления, это еще не значит, что он может быть духовником. Он может, конечно, совершить Таинство покаяния. Что это значит? Он может помолиться, принять исповедь и прочесть разрешительную молитву. Это он может сделать, как он может совершать и все другие таинства, благословенные священнику, кроме таинства рукоположения. Но может ли он быть духовным руководителем? Может ли он быть духовником или духовным отцом? Вот вопрос. Если он молод, то молодость — это несомненное препятствие для такого служения. Просто трудно молодому человеку довериться, не чувствуется в нем опыта, не чувствуется еще в нем знания жизни. Если даже он очень хороший, может быть, можно ему даже поисповедоваться — в этом смысле ему довериться можно. Может ли он быть пастырем, то есть руководить в духовном возрастании, если сам только встал на путь духовного служения, духовного делания. Когда в древности Церковь решала эти вопросы, на служение духовническое благословлялись только пожилые, опытные священники. Молодые священники не могли быть духовниками.

Может ли монах быть таким пастырем? Сейчас очень часто бытует мнение, что уж если очень плохо, так сказать, человеку, если он совсем запутался, то нужно ехать в монастырь. Приезжает он в монастырь, идет на исповедь, думает, что там какие-то старцы исповедуют. А там стоят молодые монахи и исповедывают целыми ночами. У них еще силы есть, они могут стоять очень долго и исповедуют подробно. Допрашивают очень строго по всем грехам. Оттуда потом вереницами едут бедные грешники с разными епитимьями, которые на них молодые иеромонахи наложили. И очень часто опять приезжают на свои приходы и к своему батюшке приходят, и говорят: «Батюшка, я не могу по 50 поклонов класть, у меня же инфаркт будет». Но молодому иеромонаху это не понятно. Он не понимает, что 50 поклонов он может положить, а человек пожилой не может. Или какие-то другие такие епитимьи, совершенно недоступные для мирян, налагают, не зная семейной

жизни, не зная, какие проблемы в миру сейчас. Например, приезжает какая-нибудь женщина и начинает такому молодому монаху рассказывать о своих семейных проблемах. Но он же специально ушел от этих семейных проблем в монастырь, принял монашество. Он не знает этих проблем, он в этом ничего не понимает. Получается, конечно, неправильно. Раньше молодых монахов ни в коем случае не допускали к исповеди, это было просто запрещено. Не только потому, что они неспособны исповедовать мирян, но еще потому, что это для них очень вредно. Им и не нужно слышать всех этих мирских грехов. Они же специально ушли от этого в монастырь. Они специально оставили мир, чтобы не знать этих искушений. И вдруг приезжают к ним из мира и всю эту нечистоту приносят. Значит, этим самым нарушится весь чин монашеской жизни. Поэтому, если в монастыре и принимали мирян, то принимали уже умудренные старцы, уже как бы защищенные от искушений духовной жизнью благодатью Божией, то есть уже достигшие высокого уровня, имеющие если не житейский опыт, то имеющие духовное знание, духовное ведение, духовное зрение, которое больше опыта. И до тех пор, пока монах не достигал вот такого уровня духовности, его не ставили исповедовать мирян. Теперь, к сожалению, допускают. Почему? А потому что сейчас монастырей мало, в монастырях сейчас множество разных послушаний. Очень часто сейчас ставят на исповедь тех, кто помоложе, у кого сил побольше, забывая о том, что это недопустимо. Результат очень плачевный и для этих монахов, и для тех, кто у них исповедуется. Похожая ситуация, конечно, и в миру. Молодые священники на приходах оказываются в том же положении, хотя немного все-таки легче, потому что они живут все-таки среди мирян. Они сами женаты, у них самих есть семьи, то есть им легче понять мирские проблемы. Так что их положение может быть немножечко полегче в этом смысле. Но все равно требуется опыт, уровень духовной жизни, который приобретается только с годами. Поэтому положение духовника, положение священника очень и очень тяжелое. Это вообще служение самое трудное из всех священнических служений. Нет ничего более трудного, чем исповедь, чем пастырское душепопечение. Чрезвычайно опасно для священника, особенно молодого, и вообще для священника любого забыть о том, кто он такой. Забыть свою немощь, забыть свое недостойнство, забыть свою греховность и возомнить о себе, что вот поскольку ему дана власть вязать и решить, то он сейчас начнет расправляться, командовать, накладывая епитимьи направо и налево и, так сказать, вязать и решить во всю ивановскую. Вот это очень страшно и для пасомых, и для него самого. Отсюда возникает страшная гордыня и такой священник не только принесет массу вреда, но и сам может погибнуть. Благодать Божия отпадает от него. Тем не менее такое искушение сейчас как раз очень часто встречается, потому что нет порядка в нашей церковной жизни. Наша духовная жизнь дезорганизована. И вот очень много появляется молодых священников, которые смотрят на приходящих вот таким образом: «Ну вот иди, я сейчас тебе запрещу! Или дам тебе всякие страшные епитимьи».

Есть даже удивительная наивность, такая даже не безобидная наивность. Вот многие монахи в монастырях, или даже духовники в миру считают, что как только пришел к нему человек грешный, то можно сразу же наложить на него епитимью и отпустить его с этой епитимьей и все, и ни о чем не беспокоиться. Они не понимают, что дать епитимью имеет право только духовник этого человека. Нельзя давать епитимью первому встречному. Епитимья есть некоторое воспитующее наказание. Ты обязан проследить, как эта епитимья действует, как она работает, как он может ее исполнить. В какое-то время, может быть, ты должен будешь отвечать перед Богом тоже — не только этот пасомый будет отвечать. А священник очень часто ведет себя как некий маг, такой повелитель, так сказать, распорядитель душ. Он наложил епитимью и все, — теперь ты можешь отправиться куда угодно и знать, что вот такой-то батюшка, отец такой-то, наложил епитимью и все, никто снять ее не может.

В наше время к епитимьям нельзя относиться так, как относились раньше. Нужно помнить, что епитимья всегда должна быть согласована с условиями жизни, с условиями времени. Никогда епитимья не может быть дана в отрыве от этих условий. Если раньше можно было назначить каких-нибудь припадающих или там купностоящих, то сейчас это невозможно. Раньше двери храма были закрыты, а сейчас они открыты для всех. Теперь к нам в храм люди приходят не крещенные вообще, иноверцы, инославные. То есть у нас условия храма совершенно другие теперь, чем были раньше. Поэтому мы не можем в притвор послать припадающих на мороз. Точно также не можем мы потребовать, чтобы люди совершали строгие посты, когда вообще продуктов нет, когда неизвестно, какой обед приготовить, как свою семью накормить. Невозможно также требовать, чтобы люди клали поклоны, когда они живут, скажем, в одной комнате с неверующими. Какие же поклоны, когда муж тут неверующий и приходит в ярость от того, что вообще в храм ходишь. Какие же тут поклоны делать при нем, когда правило-то прочитать при нем страшно. И так далее. Всякая епитимья должна принести пользу. Она должна быть для человека как бы помощницей в его духовной жизни. Она должна восприниматься человеком не как казнь, а с радостью, как доброе лекарство, которое поможет ему: каждый день он исполняет и чувствует себя лучше. И она, эта епитимья, помогает ему. И так бывает, когда скажешь человеку: «Вот, почитай такую-то книгу или канон такой-то, или Евангелие». И он приходит и говорит: «Батюшка, вот я читаю и чувствую, что мне лучше». Значит, эта епитимья правильно дана, значит, она помогает. А когда он приходит и говорит: «Знаете, я не могу такую епитимью исполнять», значит, что неразумный священник наложил ее, священник, который не понимает, о чем идет речь.

Но и вообще с епитимьями сейчас трудно. Например, отлучать ли сейчас от причастия, как раньше это полагалось? Я говорил вам — на много лет отлучали от причастия за тяжелые грехи. Можно ли сейчас это делать? Нужно помнить, что эта дисциплина покаяния тогда возникла, когда общество стало христианским, когда отлучение от причастия было, так

сказать, для всех очевидным ограничением. Это было отступление от нормы, то есть с отлучением от причастия человек обязательно чувствовал себя ограниченным в жизни среди других людей. Сейчас, когда мы живем в мире безблагодатном, когда подавляющее большинство окружающих нас людей о причастии даже не подозревают ничего, не знают и знать не хотят, такое ограничение — оно ничего не принесет. Когда приходит какой-то человек, впадший в блудные грехи, а ему говорят: «Ты пять лет не причащайся», — ну, он уйдет и будет то же самое делать, что он делал, и все. Чего ты этим достигаешь? Какое это воспитание? Это просто значит оттолкнуть человека.

Поэтому епитимьи в наше время можно давать очень осторожно, и только такие, которые могут быть проконтролированы, которые человека не отделяют от Церкви, а наоборот, помогают войти ему в церковную жизнь.

Конечно, самое главное, что делает священника духовником — это тот дар, о котором Христос спрашивает апостола Петра. Вы помните, в конце Евангелия от Иоанна, когда Господь троекратным вопрошением как бы восстанавливает Петра в его апостольском достоинстве. Он говорит: «Симоне Ионе, любишь ли ты Меня паче сих?», то есть больше, чем другие любят. Вот эта преимущественная любовь к Христу, особенная любовь ко Христу — вот что делает священника пастырем, и просто человека — священником. Любовь ко Христу, которая превосходит все, когда эта любовь определяет всю жизнь человека, священника, его сердце, все его чувства, все его мысли, когда эта любовь ко Христу делается стержнем в духовной жизни человека. Конечно, так должно быть у каждого христианина. Но священник — это тот, кто больше любит. И в рукоположении дается именно этот дар, — дар любви, дар любви ко Христу, и дар любви к людям, пасомым. Потому что пастырь — это тот, кто любит пасомых, любит своих овец. И только тогда, когда человек может сказать: «Ей, Господи, Ты знаешь, как я люблю Тебя», — тогда только он и услышит: «Паси овцы моя». Любовь ко Христу — она возгревает в сердце священника любовь к пасомым, она научает любить и своих духовных чад. Любовь к духовным чадам — только она одна может совершить ту, по существу невыполнимую, превосходящую силы человека задачу, которая ложиться на плечи духовника. Как можно вообще в нашем современном странном, безумном мире, грешном мире, таком, можно сказать, осатаневшем, кого-то любить? Как можно в этом мире кого-то спасти, кого-то сделать чистым, исцелить кого-то? Как это возможно вообще? Это же — чудо. Как это может получиться? Это может получаться, конечно, только тогда, когда действует любовь. Только любовь может быть сильнее греха, сильнее того зла, которое сейчас в этом мире царствует, воцаряется в этом мире. И вот любовь эта должна иметь особенные черты.

В русском языке мы очень многое называем любовью, очень часто совершенно различные вещи называем любовью. Мы называем одним словом чувства молодых людей, юношей и девушек друг к другу, когда они друг друга полюбят и бывают одержимыми некоторой страстью друг к другу. Может страстью неплохой. Не обязательно это блудная страсть, вовсе нет, это может быть некоторое пристрастие, вполне естественное для молодого

возраста и как бы нужное пристрастие. Это пристрастие влечет человека к созданию семьи. Так что в этом, может быть, плохого нет. Но мы тоже называем эти чувства любовью. И любовь ко Христу. Очень часто Христос Сам называет Себя Женихом церковным, и Церковь называется Невестой Христовой. И в этом смысле каждая душа, каждое чадо Церкви имеет в себе тоже эти черты невесты Христовой. Как сказал один древний апологет: «Душа человека по природе своей христианка». Действительно, душе человека свойственна, если, хотите, женственность в отношении к Богу. Душа человека — это невеста Христова. Очень часто Царство Божие уподобляется брачному пиру. Эти образы свадьбы, образы брачного пира употребляются самим Господом для изображения любви Евангельской, любви духовной, потому что, конечно, сходство есть. Более того, у многих святых говорится о любви ко Христу прямо таким образом: «Возлюби Господа так, как невеста любит своего жениха». Пусть тебя также влечет твоя любовь ко Христу, как невесту влечет к жениху ее любовь, то есть пусть будет такое горение в душе, пусть будет такой восторг, такое желание быть вместе со Христом. И, тем не менее, любовь Евангельская, любовь Христова, конечно, не может быть приравнена к обычным человеческим чувствам. Почему? Потому что влюбленность или пристрастия человеческие — они являются сферой душевной. Это лишь некие душевные движения. Любовь же к Богу, ко Христу должна быть еще и духовной, то есть здесь должно быть некоторое устройство духа человеческого. Что это значит? Это значит, что любви Христовой присуща не столько пристрастность, не столько такая пламенность чувств, сколько жертвенность, самоотвержение, сострадание, сорадование. Это совсем другое. Человек не может сострадать страстно, невозможно жертвовать собой в каком-то страстном состоянии. Конечно, бывает так, что человек в некотором беспамятстве жертвует собой. Сама Христова жертва — она ведь не такая. Христос сознательно отдает себя в жертву. Христова любовь ведет человека к сознательному самоотвержению, к сознательному самопожертвованию. И это не чувство — это устройство сердца человека. Это то, что относится к духовной природе человека. Это происходит не под влиянием чувств, а потому, что человек не может этого не сделать. Сердце его так устроено, что он не может увидеть страдающего и уйти, пройти мимо него. Это невозможно. Может быть, этот страдающий в каком-то ужасном состоянии. Может быть, он внушает отвращение, может быть, он пугает чем-то.

Так вот, любовь по Христу — это самоотдание, отдание себя Богу. И любовь к пастве — это тоже такое жертвенное отдание себя ей, когда священник уже не знает своей личной жизни. Он уже не живет для себя, он уже не ищет своего, а он живет для своих пасомых. Он любит их и готов истощить так сказать, все свои силы и все свое сердце для них. Когда он с ними страдает, когда за них болит его сердце, когда он не может видеть страдающую душу — это любовь. И только эта любовь и делает священника пастырем. Такая любовь не может быть жестокой, она не может быть слишком строгой, хотя строгость необходима. Такое любящее сердце

чувствует с особой силой слово Христа: «Милость хочу, а не жертвы». И такой пастырь знает, что милующим сердцем своим он скорее уврачуется больную грехами душу, чем разными строгостями и наказаниями. И если священник хочет быть пастырем и избрать для себя этот труднейший подвиг, может быть, самый трудный из всех подвигов, то он должен помнить об этом, должен помнить, что он не может прикоснуться к душе человека без любви, потому что другое прикосновение невыносимо для страдающего человека.

Но здесь поджидает священника и пасомых очень тяжелое искушение, о котором необходимо сказать. Дело в том, что в нашей жизни, в нашем мире очень мало любви. Мы все не избалованы любовью, и каждый из нас стремится, так сказать, к таким теплым отношениям, они нужны нам. И каждый хочет в своем духовнике найти такого отца, с которым будут личные отношения, с которым будет связывать нас некоторая общность житейская. Нам хочется быть ближе, нам хочется, чтобы духовник разделял нашу жизнь. И он тоже хочет этого. И возникает легкая возможность сводить отношения с духовником на уровень таких личных отношений, духовных отношений. Легко подменить духовные отношения отношениями душевными. В тяжелых случаях это может быть даже некоторая влюбленность в священника. И надо сказать, что особенно молодые священники от этого очень страдают. Всегда находится какая-нибудь женщина, которая влюбится, и независимо от того, что у священника есть своя семья, матушка, но она будет за ним ходить, будет его ждать, будет, так сказать, всячески свои чувства к нему проявлять или, наоборот мучиться от этих чувств. Это, к сожалению, каждому священнику известно. Это случай очень тяжелый, хотя встречается в нашей жизни особенно часто. Раньше воспитывали с пеленок, как нужно к священнику относиться. Священник был участником всей жизни.

Еще чаще есть просто желание свести отношения к духовнику на уровень душевной жизни, то есть чтобы с батюшкой все время разговаривать, все время ему все рассказывать, все время, чтобы он, так сказать, ходил тут: по возможности приезжал чай пить домой, или еще где-нибудь с ним встречаться и т.д. Разделить с ним свою жизнь, сделать его участником своей жизни. Может быть, в этом нет ничего плохого, но отношения подменяются. Вместо отношений духовных, которые служат возрастанием в духовной жизни, появляются отношения такие приятельские, дружеские. Может быть, к священнику и относятся как к учителю, но во всяком случае — это не духовные отношения. Как определить это? Есть ли признаки, по которым можно определить такую подмену? Да, есть.

Если вы на своего духовного отца обижаетесь, то значит вы не духовная дочь, а душевная. Если вы не собираетесь его слушаться, а собираетесь, общаясь с ним, всегда свою волю осуществлять, обсуждать с ним, так сказать, все и склонить по возможности к собственному решению, если так, конечно, ни о каких духовных отношениях речи нет. Если вы не выносите обвинений от него, если завидуете, если вы ревнуете, не в каком-то плохом смысле, а ревнуете так: «Почему он с другим своим чадом

разговаривает больше, а со мной меньше. Почему тому он уделяет внимания больше, а мне меньше» — это не духовные отношения. Это значит, что вы не знаете, что такое духовная жизнь и духовные отношения. Если вы думаете, что любовь вашего духовника должна выражаться в чем-то внешнем, обязательно и преимущественно во внешнем, то это, конечно, не духовная жизнь и духовные отношения. Имейте в виду, что очень часто люди, которые близко по жизни находятся к своим духовникам, скажем у старцев какая-нибудь келейница, — в духовном смысле они бывают самыми дальними людьми, людьми, которые более всего мучают своего старца. Такая бабуля мучает своего духовника и мучает всех, кто к нему приходит всю жизнь, систематически, так сказать, мучает, и воспринимается как некоторое необходимое зло. Она моет посуду, готовит обед, но духовных отношений никаких нет. И бывает так, что старец или духовник очень любит человека, которого он не видит никогда или которого видит очень редко, с которым не имеет внешней связи вроде бы, но его объединяет молитва и духовная жизнь с ним. Такие примеры у нас тоже есть. Для духовных отношений внешние проявления необязательны. Необязательно нужно быть все время вместе, необязательно нужно как-то особенно общаться все время, постоянно.

Какие условия таких особенных духовных отношений между духовным чадом и духовным отцом? Это прежде всего решимость отдать себя в послушание ради Христа: послушание, которое паче поста и молитвы. Послушание, которое становится залогом жизни. Это есть отвержение своей воли, это есть исполнение заповеди Христовой: «Если хочешь по мне идти, отвергнись себя, возьми крест свой и по Мне гряди». Отвергнись себя, своей воли прежде всего. И слушайся.

Второе — это смирение. Это есть принятие того, что дает твой духовник, с благодарностью и радостью. Не должно быть никогда недовольства, не должно быть обиды. Если даже духовник строг, если он смиряет, если он обличает или наказывает тебя, или с тобой не разговаривает, или, так сказать, дает тебе какие-то послушания все время трудные, неприятные, нужно за все говорить: «Спаси Господи», только кланяться и благодарить. Закон послушания очень суров. Это трудная школа, но школа духовная. Простите и благословите — такая есть формула в монастырях у духовников. Значит, нужно быть готовыми на послушание и на смирение. Со смирением принимать все трудности духовной жизни и духовного отношения, все трудности послушания. Нужно быть полностью открытым для своего духовника, то есть не может быть там — вот это я расскажу, а вот это я не расскажу, это будет у меня в секрете, постараться перед духовником выглядеть лучше, чем ты есть на самом деле. Наоборот, все язвы твоей души должны быть известны твоему духовнику и открыты в первую очередь. Врач может только в том случае лечить больного, если больной сам показывает ему свои больные места и говорит, что у него болит. А если он будет скрывать, где у него что-то заболело, то врач не сможет его вылечить. Так и духовник только тогда может быть полезным тебе, когда твоя душа совершенно открыта перед ним, когда нет у тебя желания, скрыть

от духовника свой грех, особенно, когда тяжелый грех совершил — пойду поисповедуюсь у другого батюшки, а потом уже к духовнику приду, так сказать, чистеньким. Такая исповедь у другого священника вообще не действительна. Если у тебя есть духовник и ты от него что-нибудь скроешь таким образом, такое лукавство употребишь, то исповедь будет не действительна и тот грех, который отпустит другой батюшка по неведению, останется на тебе все равно. Свой грех, если ты избрал духовника, ты должен ему исповедовать, ему открыть и у него просить разрешения и епитимьи. И только духовник может тебя разрешить от этого твоего греха. Другой священник не может тебе помочь здесь. Это закон духовной жизни.

И здесь, конечно, требуется самое главное — любовь к своему духовнику. Мы все время говорили о том, какой любовью должен обладать священник, духовник, но духовника тоже надо любить, и любить его нужно, конечно, крепко. Сильно надо любить, но хорошо. Нужно любить его чистой любовью, самоотверженной любовью. Не требовать ничего себе. Эта любовь должна быть бескорыстной. Нужно быть готовым всегда все исполнить, принять, помочь, послушать, послушаться, идти туда, куда тебя пошлют, быть верным. Нужно помнить, что эти отношения строятся по образу отношений ко Христу, поскольку пастырь совершает свое служение по образу Первопастыря. И отношение наше к священнику, к духовнику должно строиться по образу отношения ко Христу. Это, конечно, очень высокий и страшный критерий, но тем не менее наша духовная жизнь — она вся такая. Из этого видно, что не каждый священник может быть духовником. Это дается не всем священникам. И также это дается не всем пасомым. Не каждое так называемое чадо является духовным чадом на самом деле. Ведь очень часто, что это только одно название. А большая часть наших пасомых такими чадами не являются. Нужно очень молиться, очень просить у Бога помощи, чтобы был дан духовный отец, просить, чтобы Господь вразумил бы этого духовного отца, чтобы через него являл бы нам Свою святую волю. Нужно просить, чтобы мы научились слушаться, смиряться, любить, быть верными и всегда просить у Бога помощи в этом. Вот тогда у нас будет устроена наша покаянная духовная жизнь, тогда будет духовное руководство, которое совсем не будет сводиться к беседам и разговорам. Эти разговоры очень часто оказываются подменой отношений духовных, они очень часто нас ведут к прелести и обману, очень часто оставляют у нас впечатление того, что у нас есть духовная жизнь, духовное руководство. На самом деле — одни только разговоры. Нужно помнить, что это совсем не обязательно, но очень часто даже не только не нужно, но вредно. Очень часто опытный духовник ограничивает эти разговоры и говорит: «Два слова и все — тебе больше ничего и не требуется». И мы должны не обижаться, а принимать это со смирением и с любовью и с благодарностью.

Нужно обязательно стремиться жить жизнью духовной, а не разговаривать о ней. Если мы все это так будем понимать и к этому стремиться, то тогда наша исповедь перед причастием будет очень быстрой, краткой, действительно разрешением причаститься. Тогда не нужно будет

требовать, чтобы каждую неделю совершалось Таинство покаяния в том смысле, в котором оно нам оставлено Спасителем и первыми нашими апостолами, как второе крещение. Такое второе крещение не должно совершаться каждую неделю. Аминь.

ТАИНСТВО ЕЛЕОСВЯЩЕНИЯ

Лучше всего о Таинстве Елеосвящения говорится в послании апостола Иакова, брата Господня по плоти: «Болят ли кто в вас; да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем, во Имя Господне. И молитва веры спасет болящего, и воздвигнет его Господь; и аще грехи будет сотворил, отпустятся ему. Исповедайте убо друг другу согрешения, и молитися друг за друга, яко да исцелете, много бо может молитва праведнаго поспешествуема» (Иак. 5, 14-16). Это Таинство имеет свое учреждение в исцелениях, совершенных Господом Иисусом Христом, когда Он Сам исцелял болящих и посылал учеников Своих исцелять больных и изгонять бесов, давал им власть отпускать грехи. В разных местах Евангелия мы имеем благословение Господа облегчать страдания людей, спасать их от болезней духовных и телесных. В Евангелии от Марка рассказывается, что апостолы, посланные Спасителем, «пошли и проповедовали покаяние; изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом, и исцеляли» (Мк. 6, 12-13). Пятидесятницы еще не было, но некоторая форма этого Таинства подготавливались таким же образом, как подготавливалось христианское крещение, когда апостолы крестили до Вознесения Господня крещением Иоанновым.

Чинопоследование Таинства Елеосвящения находится в Требнике под названием: «Последование святаго елея, певаемое от седми священников, собравшихся в церкви, или в дому». Оно называется иногда *соборованием* потому, что должно совершаться собором священников, а не одним священником. И дальше дается такое предисловие: «Поставляется столец, на немже блюдо с пшеницею, и верху пшеницы кандило праздное, окрест же пшеница, водружают во пшеницу семь струец, обвитых бумагою к помазанию, и святое Евангелие, и даются священникам всем свещи. Ставши же окрест стола, облечени вси в фелони: возьмет первый священников кадильницу с фимиамом, и кадит окрест стола елей на нем сущий, и всю церковь, или дом, и люди: и став пред столом, зря к востоком, начинает глаголя: Благословен Бог наш».

Далее следует обычное начало, затем читается 142 псалом, малая ектения и пение «Аллилуйя» со стихами «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеша мене», «Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь», и поются покаянные тропари: «Помилуй нас, Господи, помилуй нас ...». Затем следует 50 псалом и канон покаянный «Моря чермную пучину ...», в котором испрашивается исцеление болящим, страждущим и прощение грехов. После пения канона, эксапостилария, поются стихиры. Затем опять обычное начало и тропарь о болящих «Скорый в заступлении Единый Сын Христе, скорое свыше покажи посещение страждущему рабу Твоему, избави недугов и горьких болезней, воздвигни во еже пети Тя и славити непрестанно, молитвами Богородицы, Едине Человеколюбче». И, наконец, мирная ектения, в которой уже имеются особые прошения: «О еже благословитися елею сему силою и действием и

найтием Святаго Духа ..., о рабе Божии (имя рек), и о еже в Бозе посещении его, и еже приити на него благодати Святаго Духа ..., о еже избавитися ему и нам от всякия скорби, гнева и нужды ...».

После этого старший священник наливает в кандило (лампаду) елей и вино (если нет вина, то можно добавить воду) и читает молитву на освящение этого елея с вином: «Господи, милостию и щедротами Твоими исцеляй сокрушения душ и телес наших: Сам Владыко, освяти елей сей, якоже быти помазующимся от него во исцеление, и в пременение всякия страсти, скверны плоти и духа, и всякого зла: да и в сем прославится Твое Пресветлое Имя, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и веки веков, аминь». В этой молитве говорится о смысле Таинства: «Освяти елей сей, Господи», — чтобы помазующиеся от него исцелились и пременялись, то есть избавились от страсти и от всякого зла.

Затем поются тропари на разные гласы: апостолу Иакову, как установителю Таинства, святителю Николаю, великомученикам Димитрию и Пантелеимону, бессребреникам и чудотворцам, апостолам Иоанну Богослову, Пресвятой Богородице, и возглашается прокимен. Читается Апостол, Евангелие, затем произносится краткая сугубая ектения, читается молитва, после этой молитвы читается еще одна молитва «Отче Святыи, Врачу душ и телес, посланный Единородного Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, всякий недуг исцеляющего и от смерти избавляющего, исцели и раба Твоего (имя рек) от обдержания телесныя и душевныя немощи, и ожитвори его благодатию Христа Твоего: молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии: предстательством Честных Небесных Сил Безплотных, силою Честнаго и Животворящего Креста: Честнаго Славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна: святых славных и всехвальных Апостолов: святых славных и добропобедных мученик: преподобных и богоносных отец наших: святых славных и исцелителей безсребренников, Космы и Диамиана, Кира и Иоанна, Пантелеимона и Ермолая, Самсома и Диомида, Фотия и Аникиты: святых и праведных богоотец Иоакима и Анны и всех святых. Яко Ты еси источник исцелений, Боже наш, и Тебе славу возсылаем, со Единородным Твоим Сыном и Единосущным Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Этот устойчивый ряд: прокимен, Апостол, Евангелие, ектения, молитва и «Отче Святыи ...», читается по-отдельности каждым священником, если их семь, если же меньше или даже один священник, все равно цикл повторяется семь раз. Конечно, каждый раз прокимны, Апостолы и Евангелия разные. Молитва «Отче Святыи ...» повторяется. По католическому пониманию эта молитва называлась бы тайносовершительной.

Во время чтения этой молитвы священник помазует болящего елеем, «вземлет иерей струец, и омочив и во святыи елей, помазует болящаго крестообразно, на челе, на ноздрях, на ланитах, на устах, на персех, на руках на обе стране». Некоторым больным помазывают уши, ноги – то, что у них

болит. Помазывание таким способом изображает нам крест.

Первая молитва обращена к Богу Отцу также, как и молитва «Отче Святой...», что, по-видимому, свидетельствует об их евхаристическом происхождении (все главные евхаристические молитвы обращены к Первой Ипостаси Святой Троицы). Молитвы из третьего и четвертого циклов обращены ко Святой Троице, остальные же молитвы из второго, пятого, шестого, седьмого циклов обращены ко Господу Иисусу Христу.

После последнего помазания священники открывают Евангелие, возлагают его на главу на больного, и сами держат Евангелие руками и предстоятели читают еще одну молитву: «Царю Святой ...», также обращенную ко Господу Иисусу Христу. Она венчает все предыдущие молитвы и имеет явный покаянный характер. Здесь ничего не говорится об исцелении, а говорится только об оставлении грехов. Если молитва «Отче Святой...» содержит прошение об исцелении «от обдержания телесныя и душевныя немощи», то в конечной молитве содержится только просьба об оставлении грехов. После молитвы болящий целует Евангелие.

После этого — краткая ектения и две стихиры, затем специальный отпуст, где поминается апостол Иаков. После этого больной полагает поклон и просит прощение у священников: «Благословите, отцы святии, простите мя грешнаго» (трижды) ... «и приим от них благословение и прощение, отходит благодаря Бога».

Это чинопоследование возникло не сразу, оно имеет свою длинную и непростую историю. Апостолы, имея благословение Христово, исцеляли болящих, как Господь научил их. Об этом говорит и апостол Иаков, и ясно обрисовывает, как это происходило. Если кто-то болел, то он должен был призвать священников, чтобы они сотворили молитву над ним и помазали его елеем. И Господь по молитве веры даст исцеление, а если он согрешил, то отпустятся ему согрешения его (при этом говорится, что нужно исповедовать свои согрешения друг перед другом). Так, по-видимому, с самого начала, инициатива совершения этого Таинства принадлежала больному. Он призывал к себе пресвитеров церковных. Сколько их тогда было? Это сейчас сказать невозможно, но из текста апостола Иакова очевидно, что их было несколько. С самого начала считалось, что Таинство требует сугубой, общей молитвы нескольких служителей Церкви.

Соборная молитва должна быть, потому что есть особые причины умолять Господа о помощи тяжело болящему, и Церковь собирается и умоляет Господа о спасении. Так бывает и сейчас: когда кто-то очень тяжело болен, мы собираемся в храме, служим молебен и молимся Богу вместе, уже не надеясь, что кто-то один помолится и поможет. Есть в богослужебных текстах несколько мест, которые являют нашу веру в особую силу общецерковного предстательства: «Церковь вопиет Ти...», «Церковь Твоя умоляет Тя...». Как на Литургии все вместе поминают болящих, придавая этому особенное значение, так и здесь требовалась соборная молитва.

На протяжении многих веков чин Таинства Елеосвящения развивается и меняется. Условия и потребности времен побуждают христиан разных

веков неодинаково понимать смысл Таинства и по-разному совершать его. Если в первые века христианства в основном соборовали отдельных тяжкоболящих, то потом приходят времена, когда около храмов устраиваются приюты и больницы, образуя монастыри, еще позже при больницах строят и освящают специальные больничные церкви. Когда наличествует множество болящих при храме, естественно совершение Таинства переносится в храм и постепенно укореняется в литургической жизни Церкви.

Обычно Таинству предшествовала какая-то часть богослужения. Еще в XIV веке в России Таинство Елеосвящения совершалось во время литургии по Иерусалимскому уставу, который впоследствии выходит из употребления.

Когда христианство распространилось, когда умножились храмы и количество грешников в храмах, пришло сознание, что не только телесные, но и душевные болезни требуют специального врачевания. Люди осознавали свои грехи именно как духовную болезнь и вспоминали те слова ап. Иакова, где говорится о прощении грехов. Таинство Покаяния в древности совершалось редко и, когда во время Литургии епископ перед причастием Святых Христовых Тайн, читал собравшимся христианам разрешительную молитву для всех, тут не было отдельной исповеди, но была молитва о прощении грехов и о том, чтобы они причастились не в осуждение. Разрешительная молитва была необходима, чтобы они могли приступить к Чаше и причаститься. Такое понимание покаянной жизни древними христианами находит свое отражение в современном понимании Таинства Елеосвящения, которое тоже делается средством для очищения душ. Оно приурочивается ко времени сугубого покаяния, обычно это бывает перед Пасхой. В рукописях находятся свидетельства о древней традиции приходить в Страстную Пятницу или Субботу в церковь каяться. Перед этим христиане должны были поисповедоваться у своих духовников каждый в отдельности. Пройдя исповедь, приходили в храм, чтобы здесь совершилось Таинство, которое должен был закончить епископ, давая разрешение от грехов в виде разрешительной молитвы.

После исповеди над всеми христианами в Страстную Субботу совершалось Таинство Елеосвящения. То есть сугубое очищение и исцеление от всех духовных болезней совершалось именно в Таинстве Елеосвящения. Очистившись, приготовившись, христиане встречали Пасху. В это же время Церковь совершала и другое великое Таинство — Крещение. Церковь пополнялась новыми членами, воссоединяла отпадших в грехи к этому Светлому Дню. Такое совершение Таинства Елеосвящения говорит о несколько ином понимании. Здесь речь идет уже не столько о телесных болезнях, сколько о грехах, об исцелении души. В дальнейшем понимание Таинства Покаяния снова меняется. Постепенно исчезает обычай строить церковные больницы при храмах, и чин Елеосвящения снова отделяется от служб суточного круга, от вечерни, утрени, Литургии. Таинство Елеосвящения начинает совершаться преимущественно в домах, в связи с чем меняется чин.

Чинопоследование, которое мы имеем сейчас, выработалось на Руси. Постепенно, к XVII веку, Таинство от Литургии отделяется и, вместо служб суточного круга, появляется канон. Так же и число священников — семь, — устанавливается довольно поздно. Древние рукописи не дают указаний на это число. Понятно, что собрать всех священников к больному на дом непросто, так что не запрещается совершать это Таинство другим числом священников и даже одному священнику. Важно, чтобы оно совершалось соборным сознанием, то есть один священник, совершая его, должен делать все от лица Церкви, должен стремиться достичь соборной молитвы.

В XVIII–XIX вв. понимание этого Таинства на Руси, как и понимание многих других Таинств, чрезвычайно сужается и делается ущербным. Это происходит в духе общего отхода от Евхаристической жизни. Россия быстро растет, расширяя пределы, растет количество епархий, строятся все новые и новые храмы, не хватает образованных священников. Такая, часто весьма невежественная масса, имеющая очень мало образованных священников, не способна вместить в себя высокий уровень церковного сознания, поэтому все понимание церковной жизни примитивизируется, везде наблюдается уклонение к магическому пониманию церковных священнодействий.

Постепенно на Руси соборование приурочивается к крайним случаям, оно начинает совершаться преимущественно над умирающими, и даже появляется убеждение, что для того, чтобы достойно умереть, надо обязательно перед смертью пособороваться и причаститься, и уже тогда — «в путь».

В XX веке в практику церковной жизни вновь входит древнее понимание Таинства Елеосвящения. В условиях, когда Таинство Покаяния затрудняется, Таинство Елеосвящения приобретает особое значение. Происходит сближение нового времени с древними эпохами, когда в храмах совершалось общее Таинство Елеосвящения.

Но всякое Таинство можно извратить, и Таинство Елеосвящения в наше время находится под угрозой. Почему так происходит? Совершить любое Таинство благоговейно, по-настоящему — это всегда подвиг, всегда очень трудно. И от священника, и от тех, кто приходит к этому Таинству, требуется подвиг веры, подвиг молитвы. А когда приходят собороваться 500 человек, ничего не понимающих, но желающих, чтобы их сейчас омыли и очистили, а им никто ничего не говорит, не объясняет, никто их не исповедует, не готовит — только записывают, дают свечки и ставят рядами в храме, то часто наступает неблагоговейное совершение Таинства. Поскольку это трудный, продолжительный чин, его сокращают, хотя по замыслу он удивительно прекрасен. Тогда, к сожалению, Таинство начинает восприниматься магически, участвующие в нем благодати почувствовать не могут, не чувствуют ни исцеления, ни оставления грехов.

О чем говорит Священное Писание, читаемое во время Таинства Елеосвящения?

Первый священник читает соборное послание ап. Иакова, где говорится, что должно принять в свое сердце образ страдания и

долготерпения, вспомнить кончину Господню, Его страдание и терпение. И поэтому к своим скорбям нужно относиться не как к беде или несчастью, а как к кресту, который нужно понести, чтобы быть со Христом. Именно такое устройство необходимо для того, чтобы просить Бога о помощи. Если человек не будет так относиться к скорбям, то не будет с Богом, и его молитва о помощи будет иметь совершенно другой смысл, она будет как бы корыстной. Он будет все время что-то для себя требовать, Господь ему не нужен, а нужно здоровье, и это здоровью он готов получить от кого угодно.

Здесь ясно показывается отношение Церкви к проблеме болезни вообще и к проблеме исцеления. Не всякое исцеление хорошо. Не само исцеление нужно человеку, а если оно дается от Бога в ответ на просьбу, обращенную к Богу с любовью и верой. После этого апостольского послания читается Евангелие от Луки (Лк. 10, 25-37), о некоем человеке, «впадшем в разбойники». Один законник спросил у Господа: «Кто есть ближний мой?» И Господь в ответ сказал ему притчу о человеке, на которого напали разбойники. О том, как иудейский священник и левит прошли мимо него, а самарянин подобрал израненного человека, позаботился о нем, возливая на него раны масло и вино, отвез его в гостиницу. Этот рассказ о любви к ближнему и образ лечебной заботы использованы в Таинстве, в нем тоже используется масло и вино. Притча научает тому, что ближним нашим является тот человек, который к нам милосерд, и мы становимся ближними тому, кого мы любим. Это учение очень важно, и недаром оно помещается в самом начале чинопоследования Елеосвящения. Милость и любовь делает нас ближними Богу и ближними друг другу. Милостью и любовью мы можем стать ближними людям и сделать их ближними себе. Замечательно, что в Палестине есть предание, усваивающее этой притче происхождение от реального события. И до сих пор на дороге от Иерусалима в Иерихон в Иудейской пустыне показывают домик-гостиницу, куда отвез милосердный самарянин человека, «впавшего в разбойники».

После этого читается молитва «Безначальне, Вечне, Святе святых, Единородного Твоего Сына низпославный, исцеляющего всякий недуг и всяку язю душ и телес наших, низпосли Святаго Твоего Духа освяти елей сей, и сотвори и помазующемуся твоему рабу (имя рек), в совершенное избавление грехов его, в наследие Царствия Небесного». Здесь молитва прерывается и говорится, что если человек умирает и можно не успеть прочитать все длинные молитвы, то достаточно дочитать до сих пор и помазать его елеем один раз – Таинство уже будет считаться совершенным. К сожалению, это примечание толкуется расширительно, и очень часто делается нормой: многие священники считают, что когда их вызывают на дом пособоровать больного, то вполне приемлемо прочитать начало молитвы, помазать елеем больного один раз и уйти, тем самым чин сокращается до 10-15 минут. Конечно, это допускается только в крайних обстоятельствах, нормой считается полное совершение чина. Продолжение этой молитвы имеет в себе особенное обращение к Богу, полное покаяния и умиления.

Второе чтение начинается с послания к римлянам апостола Павла (Рим. 15, 1-7). Первые слова такие: «Братие, должны есмы мы сильнии, немощи немощных носити, и не себе угождати. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к созданию ...». И здесь говорится о том, что нужно не угождать себе, не искать своего, а искать угождения ближним. Здесь осуществляется любовь, эта любовь важнее даже, чем исцеление. Это особенное Таинство Любви. После этого послания следует Евангелие от Луки о Закхее (Лк. 19, 1-10). Закхей — тяжкий грешник, мытарь. Но когда Господь неожиданно для него захотел прийти к нему в дом, он покаялся и сказал: «Се пол имения моего, Господи, дам нищим, и аще кого чим обидех, возвращу четверницею» (Лк. 19, 8). А Господь сказал: «Днесь спасение дому сему бысть ...». Эти слова должны всегда звучать в нашем сердце, и спасти нас от уныния, потому что Господь пришел «взыскать и спасти погибшаго», нас — погибающих взыскать и спасти. Третье чтение — послание апостола Павла к Коринфянам (1 Кор. 12, 27-31; 13, 1-8) содержит всем известное учение о любви. От одного послания — к другому, от одного Евангелия — к другому звучит увещание, учение о любви. Это особое Таинство зовет осуществить свою любовь, сострадать болящему в духе любви, молиться о нем, научает любить и того, кто молится, и болящего. Часто больной человек ожесточается, начинает унывать, роптать, ему кажется, что он брошен, никому не нужен. Но Церковь являет ему любовь, смягчает его ожесточившуюся душу, показывает ему духовный смысл страданий, показывает, что любовь Божия превосходит все земные скорби, возводит от земных страданий к вечности, в Царство Любви, в Царство Божие. И, конечно, утешает его. Научает его снова надеяться, снова любить.

В третьем евангельском чтении Господь посылает своих учеников проповедовать, что приблизилось Царство Небесное, исцелять болящих, очищать прокаженных, воскрешать мертвых, изгонять бесов. И тут же напоминает: «Туне приясте, туне дадите» (Мф. 10, 1, 5-8). Страшно, если священник думает о деньгах в этот момент, если Таинство совершается за деньги. Это извращает Дух Христов, несовместимо с духом бескорыстной любви, с состраданием. Можем ли мы быть услышаны, если не имеем этого духа любви и сострадания?

Четвертое чтение начинается словами: «Братие, вы есте церкви Бога жива, якоже рече Бог, яко вселюся в них и похожду, и буду им Бог, и тии будут мне людие...» (2 Кор. 6, 16-18; 7, 1). Мы — это Церковь Божия, и Господь хочет вселиться в нас и в нас пребывать. Если бы мы умели принять эти слова в свое сердце, то не могли бы унывать. Никакая болезнь не смогла бы заставить болящего потерять бодрость духа, если бы он жил этой верой. Ее-то Церковь хочет вселить в сердце больного человека. Четвертое евангельское чтение рассказывает о том, как Господь исцелил Петрову тещу, «лежащу и огнем жегому», как она тут же встала и служила Ему (Мф. 8, 14-23).

Пятое чтение (2 Кор. 1, 8-11) содержит рассказ апостола Павла о том, как он впал в тяжкую скорбь, когда путешествовал по Азии: ...яко по

премногоу и паче силы отяготихомся, яко не надеяться нам и жити». Но дальше он говорит: «Но сами в себе осуждение смерти имехом...». Апостол рассказывает таким образом, как он спасся от смерти, спасся так и тогда, когда невозможно уже было уповать на свои силы: его спасло упование на Бога, и Господь помог. Этим упованием, своей верой, он делится с нами, его увещание мы напоминаем болящему.

В пятом Евангельском чтении — от Матфея, звучит притча о десяти девах, среди которых были мудрые и юродивые (Мф. 25, 1-13). Болящему напоминает о том, чтобы он уподобился мудрым девам, готовящимся встретить жениха.

Шестое послание — к Галатам, содержит удивительные слова, рисующие образ духовной жизни, духовного человека (Гал. 5, 22-26; 6-12): «Братие, плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание: на таковых несть закона. А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми...» Шестое Евангелие рассказывает о хананеянке, которая со смирением просит исцелить ее дочь. И даже когда Господь уподобил язычников псам, и ее таким образом как бы унижил, она приняла это со смирением и все равно умоляла Господа. И получила просимое (Мф. 15, 21-28).

Последнее послание — к Солуньянам (1 Сол. 5, 14-23), содержит удивительное духовное наставление: «Братие, молим вы, вразумляйте безчинныя, утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всем... Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. О всем благодарите». Это — закон нашей жизни.

Седьмое Евангелие от Матфея (Мф. 9, 9-13) рассказывает о том, как Матфей-мытарь был призван Господом. Заканчивается оно словами: «Иисус же слышав рече им: не требуют здравии врача, но болящии. Шедше же научитися, что есть: милости хочу, а не жертвы, не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние». Эти слова тоже являются законом нашего спасения. К нам пришел Милостивый Господь, не к праведникам, а к грешникам, пришел призвать нас к покаянию и спасти нас Своею Любовью.

Пятая, шестая и седьмая молитвы, читаемые после Евангелия, содержат такие прошения, что трудно без слез их читать. Только дух сострадания и любви мог подвигнуть так молиться.

Итак, Таинство исцеления болящих и прощения грешных есть Таинство действующей любви. Господь уверяет нас: если мы собраны вдвоем или втроем во Имя Божия, и будем обращаться к Нему с верою, покаянием, со смирением, с любовью, будем умолять Его, то Господь никогда не откажет нам.

ТАИНСТВО СВЯЩЕНСТВА

Таинство священства может быть совершено только епископом, поэтому чинопоследование этого Таинства в Требнике мы не найдем, оно содержится в Архиерейском Чиновнике.

Во все времена истории человечества подразумевалась необходимость посредничества между Богом и людьми, необходимость особого, таинственного служения, которое несравнимо ни с чем другим. Для того, чтобы был порядок, необходима иерархия ценностей, важности разных дел, и, конечно, иерархия в отношениях между людьми. Принцип иерархичности существует в любом обществе, государстве, в любом деле.

Иерархичность подразумевает различную функциональную значимость той или иной деятельности, того или иного места человека. Она не означает онтологической разницы между людьми. Например, христианство никогда не утверждало и не будет никогда утверждать, что мужчина лучше женщины. Но оно утверждает, что муж – глава семьи. Здесь утверждается иерархический принцип. Он необходим, чтобы могла существовать семья, так как должен быть определенный порядок. Точно также и в любой другой иерархии. Например, необязательно думать, что президент – самый лучший человек, но он глава государства, и его надо слушаться, а если не слушаться, порядка не будет. Также и в Церкви, которая есть очень большой организм, требуется порядок, то есть иерархический принцип. В христианство он пришел из Ветхого Завета совершенно естественным образом. Христианское учение о священстве во многом заимствовано из Ветхого Завета.

По воле Божией Моисей призвал своего брата Аарона на священническое служение, и было установлено, что потомство Аарона будет служить в ветхозаветной скинии (а потом в храме), а род Левитов будет служить Ковчегу Завета. Это учение о священстве было готовой формой, которую христианство использовало. Но попытки свести священническое служение в Церкви только лишь к одной необходимости иерархии недостаточны. Священство — это не просто иерархия, не просто служение какому-то порядку. Чтобы понять это, нужно вспомнить слова апостола Петра, который говорил христианам: «Вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел» (1 Пет. 2, 9). Это говорится в отношении всех христиан. Все христиане и христианки суть царственное священство, потому что они в самом Таинстве Крещения получают нечто особенное, дар Святого Духа, новое, благодатное рождение, которое делает их «родом избранным», «народом святым», облагодатствованным и потому священным, священством в этом мире.

Здесь не говорится об иерархическом порядке, а говорится об онтологии священства. Оно есть особое призвание, благодатная жизнь, благодатное служение.

Некоторые протестантствующие богословы стремятся забыть об этой благодатной природе священства в христианстве. И забыть об этом иногда

«хочется»), потому что есть противоположная тенденция – представить священство, священников носителями особой как бы магической силы, своего рода жрецами, а весь народ Божий сделать профанной массой, то есть уже не «родом избранным», не «царственным священством», но некоей массой, которая получает свою связь с Богом только через священников, особенных избранников Бога.

Такая исторически сложившаяся тенденция, к сожалению, весьма сильна и в России. В таком восприятии священства совершается серьезное искажение христианской антропологии, то есть учения о человеке. Потому что священство христианское в его новозаветном понимании невозможно без «царственного священства», о котором говорит апостол Петр. Только потому и возможно особое священство в христианстве, что все христиане являются «царственными священниками». То есть онтологическое понимание священства лежит как бы в основе и того иерархического священства, которое устанавливается в Церкви.

Таким образом необходимо увидеть две главных составляющих в учении о священстве: его онтологическую природу и иерархический принцип.

В Новом Завете священство устанавливается Самим Господом Иисусом Христом, Христос сам избирает 12 апостолов и говорит об этом: «Не вы Меня избрали, но Я избрал вас» (Ин. 15, 16). Затем Господь избирает 70 апостолов и посылает их на служение, давая им власть изгонять духов нечистых и совершать чудеса, исцелять больных и учить об истине Божией.

Наконец, по Своем Воскресении Христос является ученикам Своим и говорит им: «Примите Духа Святаго. Как послал Меня Отец, и Я посылаю вас. Кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 22-23).

Господь поставляет апостолов как носителей особой благодати Святого Духа и носителей особенной власти, которая не присуща человекам по их первоначальному устройению. Это власть благодати, дарованная в Новом Завете Самим Сыном Божиим.

Христианское православное священство имеет происхождение в благословении Христовом, которое совершилось по Воскресении Христа и, особенно — в Пятидесятнице. *Пятидесятница* — день рождения Церкви, когда на апостолов снисходит Дух Святой и они обретают благодатную силу. Только тогда они делаются апостолами во всей полноте этого слова. Именно здесь начинается их таинственное, благодатное служение.

Из Деяний апостольских и апостольских Посланий известно, что апостолы стали поставлять пресвитеров. Еще раньше Деяния повествуют, что они поставили диаконов.

«*Диакон*» в переводе на русский язык означает «служитель», и диаконы были поставлены потому, что множество христиан стали приносить апостолам свои «имения», то есть свои деньги, еду, продукты, провизию для того, чтобы апостолы разделили их между бедными и чтобы осуществлялась та первохристианская «коммуна», которая, наверное, никогда больше не

имела в истории никаких серьезных аналогов. Апостолы первое время так и поступали, но потом сказали: «Не угодно есть нам оставльшим слово Божие, служить трапезам» (Деян. 6, 2). И поставили на это других служителей – диаконов. «Мы же в служении Слова пребудем».

Они не захотели заниматься одной только благотворительностью и одним только делами милосердия, потому что видели свое призвание прежде всего в служении Слову.

Замечательно, что эти первые семь диаконов избираются народом и приводятся к апостолам, и они возлагают на них руки, поставляют их как служителей и помощников.

Затем возникла потребность поставить пресвитеров.

Греческое слово «*пресвитер*» переводится на русский язык словом «старец», человек, умудренный опытом, старший. В дальнейшем в посланиях апостола Павла появляется еще одно понятие — «*епископ*», что значит «блюститель». Таким образом, появляется трехстепенная иерархия: епископ, пресвитер (или священник) и диакон.

В первые христианские времена такой трехстепенной иерархии еще не было. Были апостолы и были те, кого они поставили с несколько различными функциями, прежде всего это были пресвитеры и диаконы. Между епископами и пресвитерами сначала не было, вероятно, четкого разграничения, потому что были апостолы, которые поставляли других священнослужителей. По мере того, как апостолы уходили из этого мира, выяснилась необходимость сохранить в возможной полноте то служение, которое только апостолы совершали в Церкви. Их место было усвоено епископами. Так весьма быстро, хотя и постепенно возникла трехстепенная иерархия.

В Деяниях апостолов или апостольских Посланиях еще не обязательно приписывать понятию «епископ» то значение, которое оно получило в истории. Но это не должно соблазнять. Неправильно и наивно думать, что все в Церкви должно быть установлено каким-то формальным, юридическим способом в самом начале, в Священном Писании, и все должно так существовать, никогда не меняясь. Это было бы очень схематично, нежизненно. Ничего удивительного нет в том, что все стороны церковной жизни имеют в истории свое становление. Это не может быть доводом к тому, чтобы теперь считать трехстепенную иерархию недействительной, хотя именно на этом основывается протестантская ересь, которая отрицает священство и апостольское преемство.

Все живое течет и меняется. Совершенно естественно, что трехстепенная иерархия постепенно сложилась, и также естественно, что в истории постепенно, но постоянно меняется понимание иерархических служений.

Епископ обладает всей полнотой власти. Понимание этого принципа мужем апостольским, епископом Антиохийским Игнатием Богоносцем выражается в его словах: «Где будет епископ, там должен быть и народ» (Посл. к Смирн. 8). В его сознании Церковь без епископа невозможна,

епископское служение является необходимым и достаточным для того, чтобы существовала Церковь.

Пресвитер может совершать все, кроме принадлежащего только одному епископу, то есть кроме рукоположения и управления Церковью. Верховная власть Церкви ему не принадлежит, и он не может совершать поставление клириков.

Диакон не имеет существенной власти, а является помощником епископа и пресвитера. Он может только помогать, самостоятельно ничего делать не может, все – только по благословению.

Пресвитеров часто называют «иереями», в переводе на русский – «священниками». «Иерей» значит «святой, освященный».

В новейшем богословии встречается иногда опасность несколько уклониться в протестантский подход к проблеме священства, умаляя роль и сущность священнического служения. В таких теориях священник – всего лишь предстоятель, некий глава общины и больше ничего поначалу, и только потом в истории ему усваивается нечто большее.

Вероятно, это все не так, но с самого начала священство понималось в Церкви Христовой совершенно однозначно, как избранничество и благодатный дар. Господь поставил апостолов и дал им дар Духа Святого, сказав: «Примите Дух Свят», то есть дал им особую благодать, и в Пятидесятнице апостолам дана была особая благодать. И впоследствии священство всегда было связано с получением этой особой благодати через Таинство Рукоположения.

Рукоположение — то перевод греческого слова «*хиротесия*» («хир» — рука, «хиротесия» — значит «возложение рук»).

Однако, обычно рукоположение отождествляется со словом «*хиротония*», что значит «избрание поднятием руки». Таким образом, «хиротония» это не совсем рукоположение, а это, так сказать, особое избрание. В нашем церковном обиходе «хиротония» теперь понимается как «рукоположение», хотя это этимологически не точно.

Хиротония воспринималась с самого начала как Таинство, причем Таинство, которое совершалось особым, определенным, очень значительным образом. Все таинства значительны, конечно, тем не менее всякое Таинство имеет всегда конкретное обращение к какому-нибудь человеку для его спасения. В крещении или венчании, соборовании или покаянии, каждый раз имеется в виду польза отдельного человека, благодатный дар, который необходим для его спасения. Всякое таинство совершается Церковью, полнотой церковной, но в отличие от других таинств (кроме Литургии, которая есть таинство таинств и есть таинство Церкви) таинство Хиротонии всегда воспринималось как особое общецерковное дело.

Как относится к нему Церковь? Лучше всего вспомнить послание ап. Павла к Тимофею: «Верно слово, если кто епископства желает, доброго дела желает, но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, страннлюбив, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, хорошо управляющий домом своим,

детей содержащий в послушании со всякою честностью. Ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую. Диаконы также должны быть честны, не двуязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать. Потом, если беспорочны, допускать до служения. Равно и жены их должны быть честны, не клеветницы, трезвы, верны во всем. Диакон должен быть муж одной жены, хорошо управляющий детьми и домом своим. Ибо хорошо служившие приготавливают себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса» (1 Тим. 3, 1-13). В другом месте апостол пишет Тимофею: «Руки не на кого не возлагай поспешно» (1 Тим. 5, 22), то есть не будь легкомыслен, совершая Таинство рукоположения, будь особенно строгим и разборчивым. Отсюда и из других посланий апостолов мы имеем учение о необходимых условиях для совершения Таинства рукоположения.

Существуют некоторые канонические препятствия к Таинству рукоположения, которые отчасти взяты из послания апостола к Тимофею, только что приведенного, отчасти были сформулированы впоследствии Церковью. Не может быть рукоположен убийца или прелюбодей, или вор, или тот, кто подпал какому-то справедливому суду за совершенное преступление. Потому что рукоположенный должен иметь «доброе свидетельство от внешних», он не должен навлекать на Церковь какое-либо справедливое осуждение неверующих. Если бы в священство поставлялись люди порочные, или те, кого внешний мир считает порочными, то этим бы затруднилось обращение к вере неверующих людей. Поставляется в священство должны те, кто у неверующих считаются хорошими, добрыми людьми.

Необходимым условием является целомудрие, моногамия. Рукоположен может быть только тот, кто один раз женат, на девственнице. Если человек женат на потерявшей свое девство, то он не может быть рукоположен. Здесь требуется осуществление той идеальной нормы, которая Христом указана для всех христиан: нормы абсолютной моногамии и для мужчин, и для женщин. И конечно, священник, как особый служитель Церкви, должен в своей жизни воплощать этот идеал.

Наконец, очень важно, чтобы у кандидата в священство была добрая семья. Нельзя рукополагать человека, у которого, например, жена неверующая, не церковная. Очевидно, что тому, кто не может в своей семье достигнуть единства веры, своей жене объяснить достоинство христианства или не может воспитать своих детей в вере, нельзя доверять приведение к вере и христианское воспитание других людей.

Неблагополучная семья также является препятствием для священнослужения. Священник, в семье которого начинаются какие-то неполадки, будет постоянно затруднен в своем служении.

Еще очень важный принцип: «Не вы Меня избрасте, но Аз избрах вы» (Ин. 15, 16). Эти слова утверждают необходимость Божия избрания для священства. Это не противоречит слову апостола Павла, который говорит: «Кто епископства желает, доброго дела желает» (1Тим. 3, 1). Это не значит, что самому человеку нельзя желать священства. Можно, но этого недостаточно, так как требуется еще и Божие избрание.

Такое избрание может быть различным. Бывают случаи, когда человеку бывает явное откровение Божие о том, что Господь призывает его на священническое служение. Бывает, человека благословит какой-то святой, имеющий дар прозорливости. Но в древности считалось, что есть некий как бы систематический способ избрания Божьего — это избрание народом Божиим. Потому что именно в народе Божиим является воля Божия. Это типичное понимание христианской жизни, характерное для харизматической эпохи, когда полнота благодатных даров Божиих даровалась народу Божьему — всей Церкви, и поэтому избрание Церковью, народом Божиим, считалось избранием Божиим.

И вот, кандидата в священство Церковь должна была представить епископу. Епископ же должен был утвердить это избрание и рукоположить ставленника. В истории много потерялось и повредилось. В наше время такое избрание народом Божиим мало где практикуется, в России же, может быть, утрачено в наибольшей степени. Бывают, конечно, такие случаи, но всегда очень редко.

Подготавливают ставленников по-разному. Со времен блаженного Августина, который начал собирать у себя дома желающих послужить Церкви и образовывать их, постепенно возникла такая традиция и у других архиереев, и появились *семинарии* — специальные училища для подготовки кандидатов в священство. По существу такой порядок как бы заменил собой отчасти избрание народом Божиим кандидатов, потому что в истории стала более предпочтительной практика постепенной долговременной подготовки к священству, даже начиная еще с юношеского возраста.

В России священников готовят в духовных семинариях, духовных академиях. Но если, как сейчас, таких кандидатов не хватает, священники поставляют епископам кандидатов, не имеющих духовного образования, но все же прошедших некоторую подготовку. Во-первых, они, как правило, готовятся на приходе у своего духовника, как-то прислуживая в Церкви, читая на клиросе. Кроме того, они, конечно, должны быть определенным образом воспитаны в церковной жизни. Епископ беседует с таким ставленником, испытывает его. Здесь еще не утрачена стадия подготовки, как она часто бывает утрачена в других случаях, например, при крещении или венчании. От ставленника требуется подробная исповедь за всю жизнь перед духовником, который свидетельствует, что у него нет канонических препятствий к священству. Кандидат дает ставленническую присягу, в которой обещается быть верным Церкви. Далее его благословляют в подрясник, и по традиции он читает шестопсалмие накануне дня рукоположения. На другой день перед началом Литургии во время

архиерейского облачения в середине храма совершается его хиротесия во чтеца и иподиакона. Хиротесией теперь называют малое рукоположение, которое не считается еще Таинством священства, и есть некое поставление на низшее церковное служение. Совершается такая хиротесия возложением архиерейской руки, с благословением и чтением определенной молитвы.

Чтецу, который поставляется, дается прочитать Апостол, потом на него надевают короткую фелонь в знак его служения. Тут же постригаются его власы и совершается следующая его хиротесия — во иподиакона.

Это последняя степень до священнического сана.

Эти две хиротесии совершаются теперь, как правило, прямо перед рукоположением во диакона, потому что после хиротесии и чтецы, и иподиаконы уже не должны больше вступать в брак. Человек, избираемый на духовное служение, не должен больше думать о устройении своей личной жизни. Он должен с этого момента совершенно уже, полностью посвятить себя Церкви, Богу. Неприлично тому, кто призван Богом и поступает на церковное служение, дальше предаваться своим матримониальным заботам.

Как совершается чин поставления?

Этот чин удивительно трогателен и торжествен. Это поистине одно из величайших событий в жизни человека и оставляет всегда неизгладимый след в его душе. После хиротесии во время литургии совершается Таинство хиротонии, рукоположения. Это Таинство только одно теперь и совершается по-прежнему во время литургии, кроме Таинства причащения.

На Великом входе, когда поют Херувимскую песнь, ставленник в белом стихаре с воздухом на лице идет перед диаконами и священниками, которые несут дискос с Агнцем и чашу с вином. Он спускается с амвона, поворачивается лицом к Царским вратам, и после того, как епископ принимает чашу и дискос, ставленника подводят к иконе Спасителя на солею. Там он стоит до момента хиротонии.

Диаконская хиротония совершается в конце литургии, после «Отче наш». Служащий диакон громко возглашает: «Повелите!» Из Царских врат выходят два диакона, берут ставленника под руки, вводят его через Царские врата (он впервые входит через Царские врата) в алтарь, подводят к Престолу и к епископу. Епископ сидит обычно с левого края Престола. Два диакона ведут ставленника вокруг Престола, они трижды обходят Престол, каждый раз ставленник целует Престол у четырех углов и, обойдя Престол, делает поклон епископу. А в это время поются те тропари, которые поются и в Таинстве брака: «Святити мученицы», «Слава Тебе, Христе Боже», и потом «Исаия, ликуй».

Этот обряд называют часто «венчанием с Престолом». В Русской Церкви принято, что епископ снимает с руки ставленника обручальное кольцо и полагает его на Престол. Больше диакон или священник это кольцо никогда не надевает в знак того, что отныне он уже не принадлежит своей семье полностью, как раньше. Теперь семья его отходит как бы на второй план, а первая его семья — это Церковь, так что он теперь первую очередь обручен с Церковью. Это очень характерный момент. Вы помните, что в

посланиях Апостолов Церковь называется Невестой Христовой, а Христос называется Женихом Церкви. И вот, если священник обручается Церкви, это значит, что он принимает образ Жениха Церковного, то есть образ Христа.

После того, как он троекратно обведен вокруг Престола, он становится у правого угла Престола на колени, а епископ возлагает на него руки и читает молитву хиротонии. В этой молитве есть очень замечательные, знаменательные слова: «Божественная Благодать, всегда немощствующих врачующая и оскудевших восполняющая, проручествует (то есть хиротонисует, рукополагает) благоговейнейшаго иподиакона (имя рек) в диакона. Помолимся убо о нем, да приидет на него Благодать Святаго Духа».

И после этого рукоположения читается еще молитва, громко, вслух. Затем народ, а теперь это обычно клирос и духовенство, поют «Аксиос», это очень торжественный последний момент Таинства. Епископ выводит на амвон новопоставленного диакона (или священника), надевает на него отдельные части соответствующего облачения, каждый раз показывая их народу, и восклицает: «**Аксиос**» («достойн» — греч.), и весь народ поет: «Аксиос, аксиос, аксиос». Это и есть знак того участия народа в рукоположении, значит, что народ его принимает. Народ должен обязательно совершить то, что называется рецепцией, то есть принятием этого Таинства, он как бы удостоверяет это Таинство.

И так же совершается рукоположение священника, только раньше — в начале литургии верных после Великого входа. Рукоположенный тут же участвует в литургии.

Интересно, что когда совершится на «Святая — святым» раздробление Агнца, священнику дается в руки на специальном дискосе часть Агнца «Иисус». Епископ говорит священнику: «Приими залог сей, о немже будешь истязан при кончине своей на Страшном судищи Христовом». То есть, говорит о том, что — вот, тебе дается Тело Христово (а вы помните, что Церковь есть Тело Христово), и ты должен будешь отвечать на Страшном суде за то, как ты служил Церкви Христовой, как ты служил этому Телу Христову. Этот залог служения является удивительно глубоким и важным символом этого чина. То есть здесь говорится об ответственности за Церковь перед Богом, говорится о том, какое страшное служение возлагается на новопоставленного священника.

Действительно, священническое служение есть служение особенное. Прежде всего естественно спросить: «Что же дается в этом Таинстве человеку?» Конечно, в каждом Таинстве дается благодать Святого Духа, но дается, если можно так сказать, по-разному, с особенным, самым главным назначением. В одном Таинстве дается благодать родиться и стать членом Церкви, в другом Таинстве дается благодать очищения, в третьем Таинстве человек соединяется со Христом, соединяется с другими членами Церкви во единое Тело Христово. Что же дается именно в Таинстве священства?

Вопрос этот немаловажный и не такой уж простой. Стоит сказать об этом в двух аспектах. С точки зрения устройства души человека, здесь нужно обязательно отметить, что в этом Таинстве дается человеку благодать

пастырской любви, любви Христовой, потому что без такой пастырской любви священника быть не может. И если нет этого дара любить, то тогда, хотя человек и рукоположен, он не может священствовать, он, можно сказать, не воспринял этот дар.

Это бывает очень часто: Таинство совершается, дар благодатный Церковью дается, но человек не способен его принять. Мы имеем на сегодняшний день массу таких несостоявшихся священников, и они являются страшным бременем для Церкви. Они разочаровывают людей: страшно видеть священника, не являющегося таковым по духу своему, по устройению своего сердца. Это страшное явление в жизни Церкви теперь часто воспринимается почти что как норма.

Можно говорить и о другом аспекте этого благодатного дара, а именно — что дается человеку в этом Таинстве в смысле устройства дальнейшей его деятельности, его жизни? Какую функцию он должен теперь иметь? Чем является его служение?

Когда мы говорим, что оно является любовью, это конечно, несомненно. Но любовью является и брак, например, и все вообще в христианстве должно быть любовью. Как устраивается это новое функциональное назначение человека, что это такое?

Здесь можно сказать, что священнику дается носить на себе образ Христов. Мы знаем, что всякий человек создан по образу и подобию Божию, — это известная всем аксиома. Встает вопрос: «Что же нового получает священник?» Это то новое, что мы имеем в связи с пришествием Христовым на землю. Пришествие Христово есть тайна Богочеловечества, Боговоплощения, есть особенное, если так можно сказать, служение Бога этому миру. Именно Христос, Сын Божий, приходит в этот мир для того, чтобы послужить ему, как и говорит Он: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10, 45). Это служение Христово, особенный образ этого служения, образ пришествия Божия на землю — именно он запечатлевается в человеке, когда он получает дар священства. Ему дается власть вязать и решить, по образу власти Христовой. Ему дается быть пастырем, по образу Христова пастырства. Ему дается быть учителем, по образу учительства Христова. Ему дается власть священнослужения, по образу Христову. Ему, конечно, дается удел быть жертвой, по образу Христа, и как Христос принес себя в жертву. Это очевидно из того, что любовь Христова имеет крестную, жертвенную природу.

Дар этой пастырской любви, любви Христовой, есть, конечно, дар любви самоотверженной, бескорыстной, крестной, любви, которая отдает себя на смерть. Образ Христов означают и священнические облачения. Крест, который надеваются священнику на грудь, на котором всегда изображается распятие Христово, — это есть образ его служения, образ такого дара, который он получил в Таинстве священничества. Если обычный нательный крест, который дается при крещении, есть символ, то здесь мы имеем икону, образ.

Какая же власть дается священнику? Это есть самая большая, самая сильная власть не только в этом мире, но вообще — власть любви. Власть, которая не требует ни армии, ни милиции, никакого административного аппарата. Не требуется приказов и никаких иных мер для того, чтобы эта власть осуществлялась. Достаточно нам узнать, например, что какой-то святой где-то за тысячи километров сказал так-то, и мы готовы все бросить и на смерть идти за то, что он сказал, потому что его слово несет в себе эту удивительную власть. Таким образом управляли, можно сказать, тысячами и сотнями тысяч людей, и управляют всегда святые, управляют и даже после смерти своей.

Возьмите, скажем, преподобного Серафима: его слово, его образ имеют и сейчас над нами особенную власть. Можно привести примеры других очень многих святых.

Это свойство в особенности присуще Священному Писанию. Есть особенный авторитет, авторитет святости, самый высший, непререкаемый, его не нужно подтверждать и доказывать. Он открывается сам собой людям, открывается сердцу человека без слов: когда видишь перед собой святого, все делается совершенно ясным и очевидным.

Авторитет святости, власть любви — они и должны быть священническим авторитетом и властью. Если священник начнет апеллировать к тому, что «я священник, поэтому вы должны меня слушаться», — немногие люди пойдут за ним. Бывает, особенно молодые священники, говорят: «Я говорю вам как священник, вы должны учесть мои слова». Никогда это не произведет ни на кого сильного впечатления и не побудит человека к действию, если за этими словами не почувствует человек святости, настоящей любви.

Есть очень интересный эпизод из жизни отца Иоанна Кронштадтского. В последние годы жизни своей он был уже столь известен, что его приглашали на торжественные заседания Святейшего Синода. Там собирался, конечно, сонм архиереев, были митрополиты Москвы, Петербурга, в XIX веке было много людей совершенно замечательных. И вот, пригласили туда отца Иоанна Кронштадтского, который хотя и был очень известным по всей России человеком, «всероссийским батюшкой», как говорили, но он был всего-навсего протоиереем. Он, конечно, не мог пренебречь этим приглашением, пришел и присутствовал молча на этом заседании. Синод заседание свое закончил, и все присутствующие бросились вперед, окружили отца Иоанна и стали просить у него благословение. Архиереям невозможно было выйти из зала, на них никто не обращал никакого внимания. И биограф по этому поводу замечает, что этот святой оказался народу дороже, чем Святейший Синод. Именно эту власть святости в этом мире должна являть Церковь.

Этот дар и призвание даются священнику в особенной степени. Конечно, святой имеет такую власть и авторитет, но пресвитер имеет даже такое название: «священник» — это значит, что он освящен, он должен быть святым. Всякий христианин должен быть святым, но священник тем более

призывается к святой жизни, и его имя «*иерей*» — «святой, освященный, священник».

Здесь необходимо перейти к теме о недостоинстве священства, потому что, хотя священник должен быть святым, священство в своей массе таковым не является, так же, как и христиане все должны быть святыми, но святыми не являются. И тогда случается, что священник исполняет обязанности своего сана, не умея их осуществить духовно. Получается разрыв, получается, что все действия его должны иметь благодатную, освящающую силу, но это должно быть в гармонии с его душой, с его устройством, с его жизнью. Если же этого не происходит, то получается страшный и трагический разрыв, который всегда травмирует всякого приходящего и отталкивает от Церкви. Чем недостойней священник, тем тяжелее быть в Церкви. Если даже просто священник не молится, не умеет молиться, если он не умеет любить, то уже трудно с ним общаться. Если же он подвержен каким-то тяжелым страстям, порокам, то общение с ним делается буквально невыносимым! Такой священник себе «собирает горящие уголья на голову», он компрометирует Церковь и людей отталкивает от Христа, потому что он, призванный являть образ Христов, этот образ подменяет. Получается совсем иной образ, который совершенно четкое определенное название в Церкви — антихрист. Антихрист в буквальном переводе означает – вместо Христа, подмена Христа, тот, кто придет и объявит себя Христом, не будучи Им. И если священник получает дар являть образ Христов, но подменяет этот образ, это служение чем-то другим, тогда он являет уже образ антихриста.

Из этого рассуждения делается особенно ясным, как важна ответственность священника, сколь страшно это служение и недаром святитель Иоанн Златоуст говорит о священниках: «Немногие из нас спасутся», по слову Христа: «Кому дано много, от того много и потребуется» (Лк. 12, 48). Легко, конечно, понять, что трудно спастись священнику: слишком много ему дано и слишком много с него спросится. И в этом мире к нему относятся гораздо строже, чем к обычным христианам. То и дело приходится слышать упреки: «Батюшка, а почему вы вот так делаете, а почему вы вот так не делаете?». И это вообще-то естественно: такая требовательность, ожидание от священника особенного совершенства, особенной любви, особенной святости, чтобы все в нем было благодатно, чтобы он умел бы чувствовать каждое сердце, каждую душу, чтобы он мог ответить человеку, нес бы благодать — это ожидание совершенно естественно. Сами понимаете, как трудно ответить на эти требования, как трудно в своей жизни священнику воплотить тот образ, который он призван воплотить. И поэтому немногие делаются пастырями.

Это опасный путь, и древняя традиция церковная дает нам, быть может, самый лучший образ того, как вставать на этот путь. Лучше всего иметь на это очевидное призвание Божие, лучше, чтобы человек был на это призван, чтобы он поступал не по своей воле, чтобы не добивался этого сам. Когда священник уже получит свой сан и начнутся в его жизни тяжелейшие

скорби, то трудно ему будет найти опору и устоять, если он будет сознавать, что ошибся, что напрасно добивался, напрасно восхитил себе образ Христа. Тогда для него утешением и опорой будет мысль: «Господи, ты же меня призвал, я же сам к этому не стремился, я же не шел по своей воле». Вы помните, как пророк Моисей вопиял к Богу и говорил: «Господи, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего?... Разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка...» (Чис. 11, 12-14). И Господь услышал его и даровал ему силы.

Это будет утешением для священника, который был смиренным и пришел на этот путь, будучи призван Богом.

Недостойнство какого-то конкретного священника, или даже многих священников — это еще не есть недостойнство вместе священства вообще. Очень часто у нас на практике встает вопрос, как быть, если в Церкви служит грешный священник? Если известно, например, что он двоеженец, или что он пьяница, или известно, что он любит деньги и за деньги готов на все или другие пороки имеет — как быть? Обычно в таких случаях начинают утешать народ и говорить, что это ничего, какой бы священник ни был, ангел за него литургию совершит, остальные христиане не соучаствуют в его грехах, так что нечего волноваться, пускай служит...

Эти рассуждения вряд ли могут быть вполне оправданы. Они говорятся для того, чтобы как-то человека утешить, предотвратить очень тяжелые конфликты народа и священника, но эти же рассуждения очень часто потакают грехам священника. Таинства совершаются Церковью, и до тех пор пока священник не извергнут из священного сана, не запрещен в служении, мы не должны допускать сомнений в действительности совершаемых им Таинств. Но участвовать с этим священником в Таинствах, служить с ним может быть очень тяжело и опасно. Поэтому, не судить священника надо, Бог ему судья, но если мы видим воочию, что он совершает не должное, то лучше от него уйти, отойти. Пусть хотя бы такое бегство народа от недостойного священника его вразумит — для того, чтобы наша церковная жизнь не подменилась постепенно неизвестно чем.

Можно сказать, что кроме, конечно, каких-то особенных случаев, исключительных, это недостойное совершение служения может отражаться и на народе Божиим, на тех людях, которые приходят к этому священнику. И тому в жизни много доказательств. Если священник плохо вас исповедует, вряд ли вы уйдете с исповеди с облегчением. Если священник плохо служит, то вы не почувствуете того, что вы должны почувствовать на Литургии. Это не может не сказываться на людях. Если на глазах твоих воруют, а ты видишь и молчишь, то являешься соучастником воровства; на твоих глазах кого-то убивают, а ты посмотрел и пошел дальше, — значит, ты покрыл этого убийцу, ты промолчал и таким образом соучаствовал с ним. Так и здесь, если священник незаконно живет, и народ никак не выражает своего отношения, а только — «Батюшка, батюшка, благословите...», то это есть потаковничество, некое соучастие в этом беззаконии. Народ Божий не должен быть равнодушным к этим явлениям.

Конечно, тут нужно обязательно оговориться, что есть очень тяжелая опасность начать судить священника, судить духовенство, подумать, что у нас есть право судить священников или епископов... Это очень тяжелое искушение. Как всегда, жизнь как бы по острию ножа ведет нас – и там ошибка, и там ошибка и ошибка очень пагубная. Мы очень часто вместо того, чтобы совершить подвиг искания истины, чтобы найти путь ответственный, но более истинный, стараемся идти более легким путем. Поэтому-то обычно и говорят: «Не твое дело священника судить, никого судить нельзя. Какое твое дело, кто там служит, ты ходи в Церковь, молись, никого не осуждай». С духовной точки зрения это правильно тогда, когда мы думаем о душе конкретного человека, ему лучше никого не осуждать. Но если весь народ будет так всегда безмолвствовать в ответ на всякие беззакония, то получится плохо. Мы имеем на сегодняшний день массу совершенно ужасных случаев. Часто рассказывают, что вот батюшка, например, имеет две семьи: здесь у него одна семья, а там другая, и там и здесь жена, и там и здесь дети, и он мечется между этими двумя домами, а в промежутках служит литургию. Об этом все знают, но он продолжает служить. Почему? Потому что он умеет договориться с начальством, и его там держат, он умеет устроить легкую жизнь, а народ? Куда народу деваться, если другой церкви нет. А дурной священник пользуется потаковничеством. Если бы народ ему сказал: Как тебе поступать — Бог тебе судья, но служить с тобой литургию мы не можем. Может быть, Господь тебя оправдает, может быть, ты покаешься, но пока служить литургию мы не можем, из твоих рук причащаться мы не будем. Если бы народ так сказал, уверяю вас, все было бы по-другому. Так что нужно уметь, не допуская в свое сердце осуждение, а лучше жалея этого грешного человека, не соучаствовать в его грехах. Недаром говорится: «Каков поп, таков и приход», или наоборот, есть такая древняя поговорка: «Каждый народ достоин своего правителя». Так же можно сказать и про приход и про общину: «Каждая община, каждый приход достоин своего священника». Если будет ревность о Боге, о святой жизни в народе Божиим, то и священники будут другие.

Для священников сохранились литургические нормы первых христианских времен: священник причащается Святых Христовых Тайн, как в древности, священники исповедываются не перед каждой Литургией и многое другое. И вот, для священника сохранились и другие нормы нравственной жизни. Например, для священника невозможен второй брак. Если человек уже состоял в двух браках, то он не может быть рукоположен. Если священник овдовел, то он не имеет права жениться вновь. Более того, если он никогда не был женат и был рукоположен, то он жениться не имеет права (целибат). После Таинства священства, когда он отдал себя Богу, он уже не может думать о женитьбе. Таинство священства является концом его личной жизни. Есть еще одна удивительная и очень важная норма: если случилось такое несчастье, что жена священника изменила ему, то правило повелевает: если священник примет после этого ее, то да будет воспрещен в служении... Он может ее только простить, но его семейная жизнь на этом

кончилась.

Нередко молодые люди приходят в Церковь с желанием помогать, читать, петь, прислуживать, еще далеко не устроив своей личной жизни. Очень часто норма оборачивается своей противоположностью, если она опережает духовное содержание того события, для которого является формой. В данном случае имеет место некое несоответствие древнему порядку. Тем не менее новый порядок Церковью уже как-то принят, мы уже примирились с ним и спокойно воспринимаем и чтецов, и иподиаконов в стихарях, хотя они еще не имеют хиротесии.

ТАИНСТВО ЕВХАРИСТИИ

В день Пятидесятницы благодать Святого Духа почил на апостолах в виде огненных языков, и они получили особенные дары чудотворений, дар языков, исцелений, прозорливость. После Пятидесятницы началась Евхаристическая жизнь Церкви. С этого момента апостолы и те, кто крестился по их слову, сознают, что в их жизни центральное место должна иметь Евхаристия. В этом Таинстве они непосредственно ощущали особенные благодатные дары, действие благодати Божией.

Хотя они продолжают обычную для каждого иудея храмовую жизнь, и было бы немислимо для них прервать эту традицию, но тем не менее приходит нечто новое, что не сразу получает название. Это «День Господень», воскресенье, когда они вместе собираются на вечерю, то есть вечернюю трапезу. На этой вечере они совершают всегда Таинство Церкви, которое потом стало называться Евхаристией, то, что заповедал им Господь творить в Его воспоминание. От пасхальной ветхозаветной трапезы, которая совершалась только один раз в год, остается последняя ее часть, когда Господь преподал им хлеб и вино со словами: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; Ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26-28). Таинство это было для них чрезвычайно важным, они ощущали в этом Таинстве свое соединение со Христом. Они относились к нему с особенным благоговением, конечно, молились, вспоминали, что было с ними в течение трех лет, когда они ходила с Господом, просили помощи в своих делах, тем более, что сразу же и их жизнь стала служением этому миру; они привлекали множество людей ко Христу, вызывая вражду иудеев и всего языческого мира. Жизнь их была трудной, и они обращались ко Христу с молитвой, каждый молился от всего сердца.

Естественно, не было никакого чина, кроме того, который остался от Тайной Вечери, может быть, каждый апостол совершал Таинство даже немного по-своему, оставаясь верным только самому главному, детали менялись. В тот момент не ощущалось потребности узаконить какой-то чин, создать чинопоследование, никто не записывал молитв. Каждый апостол, уходя, уносил с собой это Таинство и совершал его. И оно все шире распространялось среди христиан, и делалось все более значительным. Вскоре в Иерусалиме появляется епископ — апостол Иаков, брат Господень по плоти, он упомянут в Евангелии: «Вот Мать и братья Твои», и сначала эти братья не верят, что Иисус есть Мессия. Они знали Его с детства и сомневались в Нем. Но потом Иаков и Иуда стали верными учениками Христа, Его апостолами. В Новом Завете сохранились их послания. В Послании Иуда называет себя только братом Иакова, подчеркивая, что он раб Христов: для того, чтобы подтвердить истину, что настоящего родства, подразумеваемого под словом «брат», здесь не было. Апостолы Иаков и Иуда были детьми Иосифа Обручника.

Праведная жизнь первого иерусалимского епископа Иакова, особенная близость ко Христу дают ему особый авторитет. Он почитается одним из главных, старших апостолов. До нас дошел чин Литургии апостола Иакова. По-видимому, апостол Иаков уже составил некое чинопоследование, и, может быть, не сразу, по прошествии нескольких лет. Впоследствии этот чин был дополнен, развит, но продолжал носить имя апостола Иакова. Скорее всего, апостол Иаков составил только центральную часть этого чина.

Постепенно христиане в разных местах ощутили необходимость введения такого чина Литургия. Довольно легко можно себе представить, почему так получилось. Когда Литургию совершали апостолы и их ближайšie преемники, и жизнь Церкви была совершенно харизматичной, то есть все в Ней совершалось по вдохновению от Духа Святого, тогда не было нужды в каком-то канонизированном чинопоследовании. Приходил святой и молился, как ему Бог на душу положит. Где Дух, там свобода. И мы теперь не решимся поправлять святого, когда он будет молиться. Например, протоирей Иоанн Кронштадтский добавлял в Литургию очень много своих молитв, и никто не делал ему замечаний, потому что его святость была очевидна, и было понятно, что все, что он делает, он делает по соизволению Божию, по благословению от Духа Святаго. Но когда христиан становится больше, когда апостолы уходят от них, сменяется поколение, то появляется опасность, что придут люди уже не столь святые и не имеющие таких благодатных даров и начнут пользоваться этой свободой, и что-то изменят произвольно и внесут какие-то свои недуховные мысли и слова. Возникает желание сохранить то устное предание, которое дошло от апостолов. Естественно, люди начинают записывать молитвы и беречь их, и составляется какой-то чин, какое-то чинопоследование, которое редактируется, дополняется, совершенствуется, но уже несет в себе некоторую охранительную функцию. Оно хранит самую главную, самую центральную часть Литургии.

До нас дошло «Слово» святителя Прокла, патриарха Константинопольского, который был учеником и келейником святителя Иоанна Златоуста. Святитель Прокл говорит, что Василий Великий, видя Литургию святого апостола Иакова слишком длинной и трудной для народа, сократил ее. Следовательно, мы можем сказать, что в IV веке Литургия апостола Иакова дошла до христиан уже в весьма разработанном виде и была продолжительной. Её чинопоследование сохранилось и до нашего времени, вероятно, тоже не полностью, но во многих чертах.

Потом уже святитель Иоанн Златоуст решил, что Литургия Василия Великого тоже слишком длинна и трудна для восприятия народного, и он ее вновь сокращает, причем сокращает не просто, так сказать, вычеркивая из молитв какие-то части, какие-то слова, а сокращает ее, заменяя молитвы новыми, которые тождественны им по смыслу, но гораздо короче.

И вот из множества Литургий, которые были известны в первые века, в разной степени сохранности до нас дошло несколько десятков. Это Литургии, которые носят имена разных апостолов, Литургии разных стран,

народностей. Из многих этих Литургий до нашего времени в Православной Церкви употребляются три Литургии: апостола Иакова, Василия Великого и Иоанна Златоуста, причем первая из них фактически тоже вышла из употребления, но она иногда совершается, например, в Петербурге (5 ноября в Санкт-Петербургской Духовной Академии). В церковном уставе у нас имеются две полных Литургии — Василия Великого и Иоанна Златоуста. Эти Литургии относятся к так называемому Византийскому типу. Вообще литургическое предание чрезвычайно обширно, это целая большая наука, и можно изучать Литургию очень долго и сколь угодно глубоко. Она всегда является предметом изучения, и написаны десятки и сотни книг по Литургии на разных языках. Замечательные работы появлялись и в XX веке, в частности, некоторые очень интересные работы и в нашей Церкви. В «Богословских трудах» была напечатана статья Н.Д. Успенского, нашего богослова-литургиста, посвященная сравнению наших Литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста с католической мессой.

Современный чин Литургии состоит из нескольких частей. Первая часть называется *Проскомидия*. Это греческое слово, которое переводится на русский язык словом «приношение». Затем идет Литургия оглашенных, и потом — Литургия верных. Сама Литургия верных включает в себя некую центральную часть, которая называется одним общим словом — *Анафора*, что в переводе на русский язык означает «возношение». До нас не дошли тексты Литургии IV-V веков. Такие списки не сохранялись, мы имеем лишь рукописи VIII века, которые доносят до нас в сохранности эту главную часть Литургии верных, Анафору. Скорее всего нужно предполагать, что Василию Великому и Иоанну Златоусту принадлежит именно анафора. Нет оснований считать, что весь чин современной Литургии имеет автором Василия Великого или Иоанна Златоуста. Именно анафора составлена ими, но анафора является главной, важнейшей частью Литургии, собственно, это и есть Литургия. Все остальные части Литургии носят как бы вспомогательный и подготовительный характер.

Следует здесь сказать, что Литургия жила в истории своей жизнью, она то была очень краткой, как при апостолах, то она удлинялась, и уже Василию Великому она показалась очень длинной, и Василий Великий ее сокращает, а потом Иоанн Златоуст еще больше сокращает ее, а в VIII веке мы находим уже определенную работу по оформлению современного чина Литургии. К нему прибавляются новые части, и Литургия снова удлиняется, складывается каноническое чинопоследование Литургии, соответствующее примерно современному чину. Но неправильно было бы думать, что литургическое творчество оканчивается. Нет, во все времена чин Литургии как-то менялся. Хотя главная часть — анафора — теперь уже неизменна, сохраняется, но тоже не всегда: бывает, вносятся какие-то поправки. Другие части литургии также претерпевают изменения.

Это развитие в истории чинопоследования не всегда происходило организованно, не всегда по благословению высшей церковной власти, очень часто стихийно, а потом уже или принималось церковным сознанием, или

отторгалось. То есть литургическое творчество есть необходимая черта жизни Церкви: пока Церковь живет, живет и литургическое творчество.

Вернемся к первым векам и представим, как совершалась Евхаристия у апостолов. Первые христиане собирались на вечернюю трапезу и в конце ее, взяв хлеб и вино, произносили те слова, которые заповедал им Господь, совершали преломление хлеба и причащались Тела и Крови Христовых. Но потом уже апостол Павел замечает, что среди новых христиан появляется некое небрежение, они уже часто не чувствуют благоговения перед совершаемым Таинством, приходят на вечерю любви голодными и хотят утолить свой голод. В частности, даже Тело и Кровь Христовы ими воспринимаются как пища. Они и к Причастию хотят отнестись как к еде. И апостол Павел грозно предупреждает их: «Когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете... Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней... Оттого многие из вас немощны и больны, и не мало умирает» (1 Кор. 11, 26-30). То есть уже тогда возникла необходимость каким-то образом отделить в сознании новых христиан из недавних язычников Таинство Евхаристии от обычной еды. Апостол Павел говорит, — вы сначала дома поешьте, а потом приходите на вечерю.

Время собрания христиан на вечерю было для них очень дорогим. После разрушения Иерусалимского храма и рассеяния христиан вместе с иудеями в других странах они не имели храма, и собираться им было негде, так что теперь их вечера любви — *агапы* — принимают на себя функцию храмового собрания, становятся главным местом встреч. Евхаристия является теперь полноценным центром их литургической жизни. Тем не менее агапы, как совместные трапезы, остаются, христиане не сразу отделяют от агапы Таинство Евхаристии. Но приходит время, когда они не могут соединять с агапой это Таинство, они чувствуют, что происходит некая профанация. Тогда Евхаристию начинают совершать на гробах мучеников в катакомбах, совершенно отделяя ее от трапезы. Литургию начинают совершать по утрам, готовиться к ней, назначая пост, особенные молитвы, выбирая специальные сосуды для того, чтобы совершить Евхаристию по-особому, чтобы Евхаристию нельзя было ни с чем перепутать, чтобы подчеркнуть необходимость благоговейного отношения к этому Таинству. Уже очень рано мы находим следы такого отдельного совершения Евхаристии. Святой Иустин Философ и раннехристианский памятник Дидахе — («Учение двенадцати апостолов») доносят до нас первые описания литургии. Первые христиане собирались вместе, молились друг за друга, за весь мир, приносили прошения о всем для них необходимом и насущном. Все члены евхаристической общины, которая и была Церковью, знали имена, скорби, болезни, трудности друг друга. И, конечно, и им было легко молиться вместе обо всех печальных и радостных событиях, поминать в молитвах болящих, путешествующих, плененных, мучимых.

Когда при Константине Великом христианство становится государственной религией, все меняется. Вслед за императором в Церковь

приходят толпы людей. Если первые христиане жили напряженным желанием сохранить чистоту своей жизни и верность Христу, будучи всегда готовы пожертвовать жизнью ради Христа, ради Церкви, и эта готовность очищала их сердца, возжигала их любовь и веру, то теперь быть христианином становится легко, принимая христианство никто ничем не рисковал, а даже получал покровительство от государственной власти. После реформы Константина Великого уже трудно отделить подлинных христиан, готовых умирать за Христа, от тех, кто пришел легкомысленно или даже ища выгоды. Христиан очень много, строятся огромные храмы, которые вмещают тысячи людей. Теперь наполняющие храм христиане друг друга уже не знают, и священники не знают их по именам, не знают их жизни. Христианская церковная жизнь делается в принципе иной, приходит большая скорбь об утрате прежней чистоты, того горения, которое было в гонимой Церкви. Эта скорбь так велика, что многие христиане уходят в пустыню, бегут не от гонителей, а от новых христиан.

В церковной жизни постепенно происходят изменения. Возникает настоятельная потребность изменить их, потому что те чины, которые годились для небольшой общины, теперь не годятся для теплохладных христиан.

Какие же изменения мы находим по сравнению с первыми веками? Прежде всего, появляется проскомидия. Она складывается постепенно. Если раньше престолу предстояло 20-30 христиан, и их можно было помянуть за литургией, теперь, когда их оказалось сотни и тысячи, к чину литургии прибавляется проскомидия. Проскомидия совершалась и раньше в жертвеннике — отдельной комнате, куда христианами приносились дары, жертвы. Этот обычай возник еще во времена апостольские, когда на вечерю любви приносили еду, вино, хлеб, иногда одежду и вещи для бедных и больных членов общины. До нашего времени сохранились рукописи восьмого века, содержащие разные чины литургии. Мы видим, что в восьмом веке проскомидия еще не канонизирована, но уже сходна с современной нам, хотя в разных рукописях мы встречаем свои версии.

Как начинается литургия?

Священник и диакон выходят на амвон и читают входные молитвы: «Благословен Бог наш», Трисвятое по «Отче наш», тропари «Помилуй нас, Господи, помилуй нас», молитвы Спасителю и Божией Матери, прикладываются к иконам Спасителя и Богородицы с правой и левой сторон от царских врат. Затем обращаются к клиросу и народу, кланяясь ему. Священник является предстоятелем народа Божия и просит прощения, если вдруг кого обидел, чтобы приступить к служению литургии с чистой совестью.

Войдя в алтарь, священник трижды поклоняется престолу с молитвой: «Боже, очисти мя грешнаго...» и облачается в подризник, епитрахиль, пояс, поручи, если есть награды — набедренник и палицу, поверх их в фелонь. При надевании каждой части облачения читается своя молитва. При рукоположении в разные степени — в диакона, священника или епископа —

каждый раз добавляются новые одежды: диакон получает стихарь, поручи и орарь; священник сохраняет те же самые одежды, только в несколько измененном виде: подризник — это тонкий стихарь, орарь трансформируется в епитрахиль, добавляется фелонь. Епископ имеет те же одежды, что и священник, но еще добавляются и другие священные одежды.

По облачении священник идет умывать руки с молитвой: «Умью в неповинных руке мои и обыду жертвенник Твой...» Теперь жертвенник — это стол, облаченный в особенные одежды и расположенный в алтаре слева от престола, и вся левая часть алтаря называется жертвенником. На жертвеннике или рядом с ним находится маленькая Голгофа, то есть Распятие и подсвечник. Здесь диакон приготавливает священные сосуды: потир или чашу, дискос, звездицу, лжицу и копие, рядом лежат покровцы или воздухи, которыми покрываются священные сосуды. Священник молится: «Искупил ны еси от клятвы заколанья», целует все священные сосуды. Затем диакон возглашает: «Благослови, Владыко». Священник: «Благословен Бог наш...» Диакон: «Аминь». Это начало проскомидии. На клиросе начинают читать часы. Священник берет одну из пяти просфор, большую просфору с монограммой: ИС ХС НИ КА и копием вырезает из просфоры Агнец, то есть тот хлеб, который символизирует Христа и потом будет Телом Христовым. Сначала он знаменует просфору со словами «В воспоминание Господа и Бога нашего Иисуса Христа» трижды, потом говорит: «*Яко овца на заклание ведется*», — и отрезает одну часть; «*И яко Агнец непорочен, прямо стригущаго Его безгласен, тако не отверзает уст своих*», — и отрезает другую часть; «*Во смиреннии Его суд Его взятся*», — отрезается третья часть; «*Род же Его кто исповесть*», — отрезается четвертая часть. После этого просфора надрезается с нижней стороны на четыре части не до конца крестообразно, чтобы можно было ее легко разломить. Со словами: «*Един от воин копием ребра Его прободе, и абие изыде кровь и вода: и видевый свидетельствова, и истинно есть свидетельство его*» (Ин. 19, 34-35), священник пронзает копием Агнец с правой стороны, точно так, как это изображается на Распятии: Агнец символизирует Христа. Агнец Божий выставляется после этого на середину дискоса. **Дискос** — это небольшой плоский сосуд. Обычно на нем изображается Рождество Христово. Дискос символизирует собой духовный и земной мир, христианский космос, и в центре этого космоса поставляется Агнец — Христос.

Затем священник вливает вино, смешанное с водой, в чашу и берет вторую просфору. Из нее вынимается, обычно из центра, большая частица со словами: «*В честь и память Препоблагословенных Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, Еже молитвами прими. Господи, жертву сию в пренебесный Твой жертвенник*». Вслед за этим эта частица, символизирующая Божию Матерь,ставляется с правой стороны от Агнца (с правой стороны, если смотреть от лица Агнца, а от нас — с левой).

Затем берется третья просфора, и из нее вырезается девять частиц. Первая частица — а честь Иоанна Предтечи, вторая частица — в честь

ветхозаветных пророков, третья — в честь апостолов, четвертая — в честь святителей, пятая — в честь мучеников, шестая — в честь преподобных, седьмая — в честь бессребренников и целителей, восьмая частица — в честь праведных Иоакима и Анны, равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей словенских, в честь равноапостольных Владимира и Ольги и в честь святых того дня, в который совершается Божественная Литургия. Последняя частица вынимается в честь автора Божественной Литургии, которая совершается, — в честь Иоанна Златоуста или Василия Великого.

Четвертая просфора посвящается памяти всех живых. Из нее вырезаются две частицы — первая в честь епископа той епархии, к которой принадлежит храм, и в честь священнического и диаконского чина. Вы знаете, конечно, что епископом нашего города является Патриарх, поэтому мы на Литургии поминаем его. Вторая частица вынимается в честь всех православных людей: *«Помяни, Господи, богохранимую страну нашу и православных людей ея»*. Затем из этой просфоры вынимается сколько угодно маленьких частичек, похожих на крупички, — в честь болящих, страждущих и всех, кого мы хотим помянуть. Эти частицы помещаются ниже Агнца, обычно горкой, сюда же помещаются частицы, которые вынимаются из других маленьких просфорок, не служебных, а тех, которые заказывают в начале Литургии.

Затем берется пятая просфора. Из нее вынимается одна большая частица в честь усопших Патриархов, царей и благочестивых создателей храма. Рядом с ней помещаются маленькие частички за упокой, вынутые из этой пятой просфоры и из других маленьких «заказных» просфор.

Во время проскомидии полагается прочесть те записки, которые вы подаете на Литургию, и за каждое имя желательно вынуть частичку, за здравие или за упокой.

Когда таким образом совершилась проскомидия, священник берет кадило и вместе с диаконом, если он есть, или помогающим ему алтарником покрывает священные сосуды. Прежде всего, берет звездицу металлическую и поставляет ее на дискосе крестообразно. На эту звездицу возлагается воздух или покров специальный, тоже крестообразно. Вторым таким воздухом покрывается чаша и третьим воздухом, большим, покрывается сразу и чаша и дискос вместе. После этого священник или диакон совершает каждение алтаря, открывая при этом царскую завесу.

Во время совершения проскомидии обычно чтец читает часы, третий и шестой, так что проскомидия, по существу, теперь совершенно скрыта от народа. Так было не всегда. Напротив, в древности проскомидия была весьма существенным моментом участия мирян в совершении Литургии. Само название — проскомидия, «приношение», — означает, что здесь приносятся какие-то дары. Хлебы, в том понимании, как мы теперь имеем просфоры, появились не сразу. В древности просфор не было, брали просто хлеб. Потом постепенно стали готовить специальный хлеб, с печатью наверху, и просфоры эти могли готовить все члены общины (просфора тоже значит «приношение»). В те времена каждая женщина могла сама испечь

просфору и принести ее в храм. Эта просфора приносилась священнику, который из нее вынимал частички для Литургии, а женщина, не давая даже никаких записок, просто ему говорила: батюшка, пожалуйста, помолитесь о здравии таких-то и таких-то — и называла имена, а священник вынимал частички за этих людей. Потом так же за упокой.

И сейчас еще проскомидия совершается на клиросе в Балканских странах. В нашей Русской Церкви, к сожалению, этот порядок изменен довольно сильно, особенно в последнее время. Сейчас уже нет возможности приходиться ко священнику со своей просфорой и просить его вынуть частички по вашей записке. Обычно мы теперь должны придти в храм, и там за деньги заказать просфору, и дать записку в алтарь. Здесь происходит процесс, о котором мы будем часто говорить — процесс секуляризации, то есть отделения неких существенных моментов нашего участия в службе от службы. У нас теперь ищут какую-нибудь просфорницу, которая бы за деньги пекла тысячи просфор, а мы их потом за деньги продаем. Конечно, смысл остается прежним, потому что это есть по существу наша жертва, когда мы даем деньги за просфору. Не следует думать, что мы ее покупаем и таким образом платим за что-то. Ввиду того, что у нас храмов было сравнительно мало, а в России было очень много верующих, приходилось менять формы нашего участия в Литургии и как-то их унифицировать. Пришлось этот чин сделать достаточно формализованным. Тем не менее, смысл остается тем же самым. Мы жертвуем деньги вместо хлеба и вина, вместо продуктов, и Литургия совершается на церковных просфорах. При этом записки приносятся в алтарь и по-настоящему они должны быть прочитаны во время совершения проскомидии, и хорошо, если бы священник мог читать записки и вынимать частички по этим запискам. Но когда записок бывает очень много, это физически невозможно сделать. Тем не менее не нужно этим огорчаться, потому что все это символ и в какой-то степени этот символ приближен или удален от нашего непосредственного, конкретного участия, от соединения записки с частичкой. Это хорошо, когда все совпадает, когда все очень конкретно и наглядно, но это не самое главное. Нужно помнить, что в первые века христианства поминовения на просфорах путем вынимания частичек не было вообще. Оно оформилось к VIII веку, так что если первая Церковь, Церковь Святая, Церковь Святых, не знала такого поминовения, то нет ничего страшного, если мы постепенно вынужденно возвращаемся к этому прежнему образу совершения Литургии, и совершение проскомидии у нас постепенно утрачивается.

С другой стороны, есть некоторые тяжелые последствия таких изменений. Совершается некое, я бы сказал, нововведение: во время Литургии оглашенных начинают читать весь ворох записок, которые приносятся в церковь. Этого раньше никогда не было, это есть нововведение XX века. Нововведение весьма страшное и вредное, потому что Литургия разрывается, особенно если батюшка очень усердный и читает записки, например, час. Уже в этом веке в литургию вставили поминовение за упокой «во блаженном успении» неизвестно откуда. Это поминовение усопших

происходит на Литургии оглашенных: после пения тропарей вдруг выходит диакон и возглашает: «Во блаженном успении вечный покой, подаждь, Господи ...», и поминает опять эти самые записки, в третий раз. Это неуставное поминовение, которого Литургия не знала никогда и не знает. Для чего? Для того, чтобы еще раз «как следует» помянуть записки.

Такое отношение к совершению Литургии является грехом. К сожалению, оно имеет место очень часто. Надо сказать, что очень многие священники считают, что это, может быть, самое главное — поминать за здравие и за упокой при совершении Литургии, вынимать частички и читать записки, что в этом состоит почти что самая главная цель служения Литургии. И они делают это с усердием, не за деньги, а просто «за совесть», И часто говорят, что тех, кто не поминает, Бог накажет (и, конечно, это верно).

Хочу напомнить вам, что отец Иоанн Кронштадтский, как вы знаете, совершал Литургию при огромном стечении народа и записок на его службах были целые мешки, так что и просфор были целые мешки, их невозможно было все вынуть. Он делал так: брал кипу записок и говорил: «Помяни, Господи всех, кто здесь помянут», — и вынимал просфорку из одного мешка. И все, кого он поминал, чувствовали молитвы отца Иоанна и часто утешались именно таким поминовением.

Это наследие довольно тяжелое для нас, и оно, безусловно, жизнью вытесняется, не нужно за него держаться. В действительности, конечно, каждый из нас должен помнить, что Литургия совершается всею Церковью и каждый из нас должен принимать участие в совершении Литургии, и каждый из нас должен сознательно поминать своих родных — во время проскомидии, ектений после «Тебе поем», когда совершается главное поминовение. Нужно самим поминать своих близких, на своих местах, а не возлагать все на батюшку, на священника, который этого сделать не может, в Церкви древней, конечно, такого не было.

Литургия начинается не с проскомидии, проскомидия — это подготовительная часть. После отпуска на проскомидии диакон отверзает завесу царских врат и совершает полное каждение храма, то есть сначала кадит алтарь, престол, жертвенник, горнее место, иконы, а затем иконостас, клирос, народ и весь храм. Каждение есть символ молитвы и в то же время символ благодатного присутствия Божия. Таким образом освятив весь храм перед совершением Божественной литургии, диакон возвращается в алтарь, подходит к престолу, где стоит священник, и они совершают вместе короткую молитву перед началом литургии. Священник, воздевая руки, молится: «Царю небесный, Утешителю, Душе истины...», а затем второй раз воздевает руки и говорит: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...» — дважды. И в третий раз воздевает руки и молится: «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою...». А диакон говорит на это: «Время сотворити Господи, Владыко, благослови...». Священник благословляет его со словами: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Да исправит Господь стопы твоя,

да помянет тебя Господь Бог во Царствии Своем». Диакон выходит на амвон и говорит: «Благослови, Владыко».

Священник в ответ возглашает: «Благословено Царство Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков». «Аминь» поет уже клирос. Во время этого благословения священник поднимает Евангелие над престолом, над антимином, совершает этим Евангелием крестное знамение и полагает его на место.

Этот возглас имеет особенную непосредственную связь с литургией. Скажем, всенощная или утренняя имеют возглас: «Слава Святей, и Единосущной, и Животворящей, и Нераздельней Троице всегда, ныне и присно и во веки веков». И только литургия имеет возглас: «Благословенно Царство...». Почему здесь говорится о Царстве?

Потому что именно литургия низводит Царство Божие на землю, а по-другому можно сказать — открывает нам врата Царства Небесного. Литургия есть явление Царства Небесного здесь, на земле. Это Царство Божие, пришедшее в силу. Именно литургия вводит нас в полноту этого Царства, этой жизни с Богом. В литургии мы соединяемся со Христом, соединяемся, можно сказать, так глубоко, так полно, как не мог бы придумать человек. Это соединение имеет в себе особенную таинственную силу, силу животворящую, которая дает нам вечную жизнь, не только сегодня животворит нас, но соединяет нас с Вечностью, открывает нам дорогу в эту Вечность. Именно это Царство Божие, пришедшее в силу, и есть Церковь, то есть можно сказать, что Церковь это — литургия, Церковь — это Царство Божие. Возглас священника как раз благословляет это Царство, приветствует его: «Вот, Господь грядет к нам, и с Ним грядет Его Царство Небесное к нам, Царство Отца и Сына и Святого Духа».

После возгласа диакон возглашает мирную ектению. Вы знаете, что существует несколько разных диаконских прошений. Они имеют названия: мирная ектения, сугубая ектения, просительная ектения и др. Мирная ектения имеет особое значение, с нее начинается каждая большая церковная служба. Первые ее слова — «Миром Господу помолимся». Но «миром» в русском просторечии стало пониматься так: всем миром помолимся, то есть все вместе помолимся, потому что весь собравшийся в церкви народ назывался этим словом: весь «мир», «помолимся всем миром». И даже на всё мироздание перешло это название — «мир».

Велико значение мирной ектений, если на Руси даже и народ, и весь земной шар стали называть «миром». Первоначальное значение, смысл этих слов, конечно, иной, то есть в мире духовном будем молиться Богу. Следующее прошение звучит аналогично. «О Свышнем мире», о том, чтобы нам был дан этот вышний мир. «О Свышнем мире и спасении душ наших Господу помолимся».

«О мире всего мира...» Здесь уже «мир» используется в двух значениях: о том, чтобы весь мир, все мироздание пребывало бы в мире. Эта ектения содержит также в себе прошения «о святем храме сем», о Патриархе и всем священническом чине, о богохранимем стране нашей, о граде сем или

о веси сей, то есть о том месте, где мы живем, о благообразии воздуха и изобилии плодов земных, о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их, о том, чтобы избавиться нам от всякой скорби, гнева и нужды. Иначе говоря, эта ектения является собой удивительную, великую молитву, где очень кратко, удивительно емко содержится прошение о всем самом главном, без чего не может быть нашей жизни, о всем великом. И грустно, когда эта ектения является для нас столь привычной, что мы уже не способны вкладывать в эти удивительные прошения сердечную молитву свою, когда мы автоматически слушаем, что говорит диакон, что поет хор, а сами отсутствуем в это время своим сердцем. Для того чтобы вы поняли силу этой молитвы, я приведу вам эпизод из своей жизни.

У меня был замечательный духовный отец, старец, отец Всеволод. Он был протоиереем, настоятелем в течение многих лет и, конечно, всегда служил с диаконом. И поэтому никогда не произносил мирную ектению, всегда ее произносил диакон. Я, конечно, тоже к этой ектении привык и уже как-то пропускал ее мимо ушей, как обычно мы это делаем.

Но вот однажды случилось так, что я пришел в будний день на службу и почему-то отец Всеволод служил без диакона. Он вышел на амвон и стал говорить мирную ектению. И для меня это было просто открытием, я вдруг услышал что-то совсем другое, то, чего я никогда не слышал, потому что он так молился, произнося мирную ектению, что для меня буквально открылся весь мир. Я почувствовал, что это молитва действительно о всем мире, за весь мир, в этой молитве утверждается мир...

А ведь так должно быть всегда, чтобы все мы с вами участвовали в этом утверждении мира, чтобы от нашей молитвы этот мир стоял в мире. Если бы так мы все молились, все диаконы, все священники и все православные христиане, так от всего сердца молились бы Богу о мире всего мира, уверяю вас, не было бы тогда войны и не было бы раздоров, которые нас так мучают. Разве Церковь не молится всю свою жизнь каждый день, по нескольку раз в день, разве она не молится о мире всего мира? Разве не вменено это нам в обязанность первую, и разве не с этого начинается наша литургия — с того, чтобы вспомнить весь мир и умолять Господа о мире всего мира, о благословении всех Божиих церквей, о граде сем, о том, чтобы здесь действительно силой Божией и благодатью Божией утверждался мир и утверждалась добродетельная, святая жизнь. Это именно и есть миссия Церкви в этом мире. Именно так приходит сюда Царство Божие — через Церковь. Приходит сюда в силе, и сама ваша мирная ектения как раз является это пришествие Царства Божия. Это Царство Божие как бы вступает в войну со злом и отвоевывает у этого зла нас, наши души и наш народ. И от нас зависит, насколько успешно будет это отвоевано. Так что каждое слово службы вообще, и Божественной литургии в особенности, должно, конечно, произноситься нами от всего сердца и с пониманием того космического значения, которое имеет Божественная литургия в нашей жизни. Потому что литургия — это не просто какой-то один молебен. И молебен церковный,

молебен святого человека, молитва имеют величайшее значение, конечно, и молитвами такими утверждается жизнь на Земле. Но Божественная литургия — это нечто совершенно особенное, превосходящее всякий разум, потому что это, действительно, пришествие Божие к нам, это есть снова пришествие Сына Божия, явление в силе Царства Божия, это снова есть наше приобщение к Святой Троице. И ходатайство Церкви перед Богом имеет особую силу, если оно произносится нами от всего сердца, а не только устами.

Есть пластинка с записью голоса Шаляпина, произносящего мирную ектению, и люди восторгаются: вот как хорошо он взял ноту, каким низким басом сказал: «Господу помолимся». Если мы так будем приходить в церковь, тогда это будет просто профанацией. Я не против Шаляпина, но ему не следовало бы упражняться в таком амплуа. Ектения — это не повод для того, чтобы показать свой бас, продемонстрировать чудеса исполнительского мастерства. Это молитва. Как и вся литургия — это молитва. И если не будет у нас молитвы, тогда все это обратится против нас потому, что мы будем кощунниками и будем компрометировать Церковь.

После мирной ектений всегда следует священнический возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение. Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Вы понимаете, что это значит: потому что Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение. Но какая тут связь?

Мы говорим: «Миром Господу помолимся», «О Свышнем мире помолимся». В конце произносим: «Заступи и спаси и помилуй», и последний возглас диаконский, особенный совершенно и чрезвычайно глубокий, таков: «Пресвятую, Пречистую, Препоблагословенную славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувше, сами себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». То есть, помянувше Божию Матерь и всех святых, сами себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу предадим. И потом вдруг: «Потому что подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение...». Можно, конечно, как-то связать все это, хотя тут нет даже связи грамматической. Сначала в ектении есть обращение к народу: «Помолимся...», а потом в заключение: «Потому что подобает Тебе...». Даже грамматически это не согласуется. В чем тут дело?

Этот вопрос нужно вам сразу понять, потому что таким странным образом будет дальше продолжаться вся литургия. Дело в том, что священник в это время тайно читает молитву первого антифона. Молитва такая: «Господи Боже наш, Его же Держава несказанна и слава непостижима, Его же милость безмерна и человеколюбие неизреченно! Сам, Владыко, по благоутробию Твоему, призри на ны и на святыи храм сей и сотвори с нами и молящимися с нами богатыя милости Твоя и щедроты Твоя». И дальше — возглашение: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Эта молитва относится к Богу: «Господи Боже наш...» и

заключается обращением ко Святой Троице. И последние слова, которые произносятся возгласно, то есть громко, являются просто окончанием этой молитвы. Почему эта молитва произносится тихо, тайно? Как видим из текста, никакого секрета в ней нет и нет ничего такого, чего нельзя было бы слышать всем находящимся в храме. Напротив: молитва очень хорошая, очень глубокая, и было бы замечательно, если бы ее произносили так же, как все молитвы, если бы в ней участвовали все молящиеся.

Во многих случаях примечание в Служебнике означает, что священник должен читать молитву в алтаре про себя, тихо. Но первоначально в греческих служебниках это слово употреблялось совсем в другом смысле: там имелось в виду, что молитвы тайные являются молитвами Таинства, а не секретными молитвами, которых никому нельзя говорить или можно говорить только посвященным. Тем не менее во время литургии почти все молитвы священник читает в алтаре, читает их тихо, иногда вообще молча, одними глазами — так, что их не слышат даже присутствующие в алтаре, а иногда он читает вполголоса или шепотом — так, что не слышат те, кто находятся вне алтаря.

Почему это происходит? Тому есть много причин. Одна из них — та, что народ оказался неспособным внимательно молиться в течение сколько-нибудь длительного времени. Оказался неспособным вникать в молитвы, несущие в себе особое глубокое содержание, а поскольку литургия является, по существу, одной непрерывной молитвой, то в течение полутора-двух часов молиться народ, оказывается, не умеет. И если бы мы с вами поставили такой эксперимент: убрали бы хор, а просто священник стал бы громким голосом молиться среди народа (диакон говорил бы ектении, а священник читал бы молитвы после этого), то мы бы увидели, что народ или просто ушел или отключился бы, отсутствовал, как мы с вами отключаемся, когда диакон говорит ектению, а мы этому не придаем никакого значения; кто ищет рубль или теперь уже сто рублей на записку, кто ставит свечку, кто раздевает своего ребенка, а кто еще что-нибудь делает, но только не молится. И поскольку народ вот так сосредоточиться и молиться не умеет, то Церковь как бы вынужденно, постепенно, может быть, даже воспринимая опыт ветхозаветной церкви, пришла к другому способу служения. То есть в нашем богослужении участвует не только сила нашего разума, не только наше внимание, когда мы должны понимать каждое слово и это слово через свое сердце возносить к Богу — вот что такое молитва в обычном понимании слова, но и другой. Церковь использует еще и эмоциональный способ, кроме рационального, то есть включает наше сердце, нашу душу другим способом. Иконы, которые помогают нам молиться, которые настраивают наше сердце на молитву, на особенное расположение духа. Взгляните на настоящую хорошую икону, древнюю икону, скажем, Владимирскую. Глядя на нее, мне кажется, почти невозможно не молиться Богу, по крайней мере как-то не возвыситься в душе к Богу. Оказывается, искусство церковное имеет громадную силу. Оно может нас подвигнуть, приблизить к Богу. Оно очищает. Взирая на такой лик, какой являет нам

Владимирская икона, мы сразу же очищаемся сердцем, нас оставляют дурные помыслы, всякая суэта. Чем больше вы стоите перед иконой, тем больше сосредоточивается ваше сердце, оно как бы устремляется безмолвно к Богу. Может быть, вы ничего не говорите, ни о чем не думаете, но сердце ваше все больше сосредоточивается и как бы открывается перед Богом. Это — тоже молитва.

Пение церковное в еще большей степени есть молитва, потому что оно соединяет в себе содержательную сторону и сторону эмоциональную. Поются определенные стихиры, молитвы, то есть доносится до нас рациональный смысл какого-то прошения, и здесь используется искусство чрезвычайно высокое и сильное. И настоящее церковное пение, может быть, легче всего, быстрее всего научает нас молиться. Вы сами знаете, что древние, особенно красивые, песнопения буквально нас научают молиться, помогают нам, как бы влекут нас к молитве. И вот Церковь с древности, еще с ветхозаветных времен, пошла по этому пути — не только использовать рациональные возможности человека, которые, оказывается, не так велики, но и включить его душу, его эмоциональную природу.

В литургии с самого первого момента мы слышим церковное пение. Это пение нас поднимает, и ведет, и нашу немощь восполняет. Более того, я думаю, что, может быть, найдутся некоторые богословы современные, которые меня упрекнут в том, что я говорю что-то с их точки зрения совсем неразумное, но я дерзну сказать. Конечно, богословие — это прежде всего слово, ведь слово — это есть «логос», это есть разумное прославление Бога. Но мы же говорим: *«умозрение в красках»*, *«богословие в красках»* — об иконе. Эти слова принадлежат замечательному русскому философу **Евгению Николаевичу Трубецкому**. То есть живописные образы имеют способность побуждать нас к богословию, к умозрению. И можно сказать, что церковное пение — это «умозрение в звуках», оно тоже может открывать нашему сердцу Бога. Конечно, это не вполне богословие, но если поются слова молитвы, если прославляется Бог словесно, то тогда уже можно этому пению дать название «богословие звуков».

Церковь поняла, что оно имеет огромную силу, огромное значение. Свою литургию, свое служение Церковь соединила с такими средствами умозрения. И там, где мы не можем быть внимательными, не можем сосредоточиться, собрать силу своего разума, где мы не можем преодолеть привычку к одним и тем же словам, — там Церковь помогает вам этим прекрасным, чудным пением. И идет даже на то, чтобы очень важные молитвы произносил только священник, а большинство молящихся в храме чтобы получали как бы адаптированный, сокращенный вариант, очень даже сокращенный. И отсутствие громогласной молитвы вслух восполняется общим пением.

Роль церковного пения нужно было бы обсудить еще глубже и полнее, чем это сейчас возможно, потому что на самом деле она чрезвычайно велика, и то сердечное знание Бога, которое мы получаем через пение, гораздо больше, чем мы думаем. Это действительно достойное

служение Богу, это действительно великое служение Богу — церковная музыка.

Но, конечно, изучая литургию, мы должны прежде всего изучить те молитвы, которые нам оставили святые отцы, которые вошли в предание Церкви. И должны знать, что даже если мы не слышим ту молитву, которую произносит священник в алтаре, то возглас священника эту молитву как бы здесь символизирует, указывает нам на то, что священник здесь молится. И мы должны тоже молиться с ним вместе, если не во всей полноте, то посылно участвуя в молитве сердцем.

Но есть сейчас, как я уже сказал, священники, которые пытаются вернуться к древней первохристианской традиции, которые хотят убрать иконостас, чтобы он «не мешал». Еще они хотят, чтобы все молитвы читались вслух, хотят даже перевести их на русский язык, чтобы они были более понятны. Такие священники есть у нас, и движет ими, конечно, доброе желание. Но я почему-то уверен, что им ничего этого сделать не удастся. И не только потому, что не позволит епископ, или народ заподозрит в них какое-то обновленчество, коль скоро они переводят на русский язык молитвы и рушат иконостас, который, по традиции, уже освящен Русской Церковью. А прежде всего потому, что народ и вообще Церковь не смогут отказаться от своего служения Богу древним способом — и с пением. Потому что народ и сейчас уже не предпочтет словесную литургию той литургии, которую мы имеем вот уже в течение многих и многих веков. Потому что очень рано, очень быстро литургия соединилась с пением, и отказаться от этого не смогут, и конечно, не только по привычке, а потому, что это пение несет в себе нечто большее.

Недавно один замечательный священник, очень мною уважаемый, высказал такую точку зрения: церковное пение во время литургии должно только не мешать молиться вслух. Человек должен обязательно молиться вслух, а хор должен не мешать этому. Тогда давайте мы вообще уберем хор — и всё, он не будет нам мешать.

Но я думаю, что мы не сможем это сделать. Потому что он нам помогает, а не мешает. Он нам, может быть, «мешает» услышать то, что священник читает, но не потому, что хочет мешать. Его поставили, если хотите, вместо священника. Вместо священнической молитвы поставили хор не случайно, а потому, что священник, оказывается не смог включить народ в свою молитву. А хору это удастся лучше. В каком-то смысле церковное пение исполняет ту задачу, которую не может выполнить священник в тех условиях, которые наличествуют у нас сегодня.

В первой христианской общине, когда собирались в маленькой комнате, может быть, 10 или 15 человек, в обстановке гонений, когда все они, конечно, горели душой, можно было читать вслух молитвы «едиными устами, единым сердцем», и пение было не нужно, потому что душа горела и так. Если же сейчас вы найдете священника, который сможет в нашем обычном приходском храме, где собирается 300 человек, если не 1000, прочесть молитвы литургии так, что все будут молиться, я сочту это чудом.

Думаю, что вы не найдете ни одного такого священника. И тот священник, который читает вслух эти молитвы, делает это обычно в будние дни, когда народу мало, а в праздники, когда народу много, он читает их про себя. Так что весь народ он не может включить в свою молитву.

Вот это рассогласование, когда священник молится, а народ не включается, не отвечает — оно невозможно в литургии. Так литургию служить невозможно. Я буду кричать, молиться так, чтобы все слышали, а народ не будет все равно слышать, не будет со мной вместе повторять, не будет со мной вместе молиться. Тогда литургия станет невозможной, ее служить станет нельзя.

И вот когда это стало реальностью, тогда Церковь пошла по другому пути. Священник молитву читает, а с народом поет хор, и народ молится с хором. Проще и более непосредственно, по-детски, если можно так выразиться. Мы ведь от ребенка не требуем, чтобы он все молитвы понимал, но ребенку очень легко петь. Два-три простых слова он будет петь, и сердце его будет петь. Если хотите, народ на таком вот детском уровне может участвовать в служении литургии. Но красота церковного пения, его глубина и величие приподнимают людей с детского уровня, и тут начинается некое новое богословие — богословие в музыке, в пении, в звуке. И этот путь молитвы оказался таким плодотворным, таким богатым, он так много дал, так много накопил удивительных богатств духовных, что от него уже теперь Церковь отказаться не может.

Так же, как не сможет Церковь взять и выбросить свои иконы. Ведь у первохристиан не было икон, не было иконостаса, и было хорошо, когда все стояли около престола. Но теперь, если мы пожелаем вернуться к тому времени и начнем рушить свои иконы, выбрасывать их, Церковь за нами не пойдет, Церковь этого сделать не сможет, потому что в иконах тоже так много благодати, так много духовного прозрения, так много благодатного знания Бога, потому что в них тоже присутствует, живет такая молитва, от которой не может отказаться Церковь сегодня.

Итак, мы с вами находимся перед фактом, что Церковь сегодня не готова и, может быть, даже не собирается перестроить способ своего служения и произносить тайные молитвы вслух. Из этого нужно исходить и не нужно сердиться, а просто эти молитвы узнать и посылно и наиболее полно участвовать в служении Божественной литургии.

На Западе, например, очень часто бывает так, что молящиеся имеют у себя служебники и читают эти молитвы в то время, как играет орган — скажем, у католиков. У нас была попытка до революции издать такие краткие молитвословчики, где указывалось, какую молитву надо читать во время того или другого пения, но это была почти смешная попытка подменить всю литургию, потому что авторы этих молитвословов не освободились от мысли, что молитвы, которые читает священник, секретны, поэтому они туда вставили совсем другие молитвы. Священник пусть читает эти «секретные» молитвы в алтаре, а народ пусть читает те молитвы, которые ему «можно» читать: «Царю Небесный...», 50 псалом, молитву третьего часа — это можно.

А молитву, которая в Служебнике, — не в коем случае! Таким образом попробовали вручить народу молитвословы, которые совершенно подменяют литургию, там литургийных молитв полностью просто нет. Но это не удалось, не получилось. Однако молитвословы эти были изданы большими тиражами.

Может быть, мы и дорастем до того, что каждый верующий будет иметь в руках Служебник и будет вместе со священником молиться теми молитвами, которые мы имеет с древности. Хотя сейчас, я думаю, очень многие духовники вам скажут: «Что? Вы взяли Служебник в руки? Это только священник имеет право делать, а вам только издали можно посмотреть».

На самом деле Служебник — это не такая книга, к которой нельзя прикоснуться, которая имеет гриф «совершенно секретно». И молитвы литургии печатались много раз в разных изданиях, в том числе в изданиях Московской патриархии, доступных для чтения. Можно взять их в библиотеке, ничего секретного там нет, и никакой просвещенный человек не запретит прикоснуться к Служебнику. Так что все вы можете, конечно, иметь Служебники и ознакомиться с этими молитвами.

Но есть другая опасность, о которой, может быть, не всегда говорят, но которую чувствуют духовники. Это опасность совершенно другого плана: она в том, что нам с вами очень часто приходится подменять благоговение страхом Божиим. Благоговения у нас не хватает, трепета сердечного не хватает, так пусть у нас будет хотя бы страх, что нельзя прикасаться — святыня. Поэтому-то у нас инстинктивно в церкви так много запретов: нельзя подойти, нельзя поцеловать, нельзя прикоснуться, нельзя шагнуть туда, сюда, на коврик встать. Почему? Разве коврик святой? И по нему нельзя ходить простым людям?

Нет, это есть инстинктивное желание сохранить в Церкви вот такое благоговение. И если в молитве оно не достигается, мы не умеем его сохранить, привыкая к тем или иным текстам, то хотя бы страх пусть будет: нельзя тебе, ты — грешник. И духовники хотят это удержать, и, в общем, это имеет свой смысл. Поэтому когда меня спрашивают: «Могу я, стоя на литургии, читать все тайные молитвы?» — я отвечаю: «Лучше не стоит. Пусть тайные молитвы читает все-таки священник...». Ну, некоторые можно почитать дома, можно знать их. Можно, конечно, и на литургии подержать служебник в руках, но если все время ходить с ним, то пройдет месяц — и уже ничего не будешь чувствовать. Могут спросить: а что, священник не гарантирован разве от такого привыкания? Увы, нет, и священники тоже не гарантированы. И очень часто они тоже привыкают и начинают совершенно автоматически читать эти молитвы, не включая свое сердце, и тогда горе им, тогда это страшно.

Но священнику в каком-то смысле не то чтобы легче — он поставлен в особые условия, то есть для него создается особая атмосфера, чтобы он в этой атмосфере мог сосредоточиться. Ведь он в алтаре, там меньше всяких развлечений. И жизнь у него другая должна быть, он должен себя особенным

образом хранить от всякой суеты, от всяких развлечений. В общем, он должен прикладывать специальные усилия, которых мы не можем потребовать от всех наших мирян. Поэтому священник в особенности должен сохранять вот это благоговение.

Это такое длинное отступление я сделал о тайных молитвах, потому что без понимания этой проблемы мы не поймем, почему в Церкви так происходит, и как к этому относиться. И будем, действительно, не по разуму ломать иконостасы и выносить престолы, как это делали обновленцы и живоцерковники, или будем запрещать хору петь, «мешать» нам, или не будем понимать, каким должно быть церковное пение. Одним словом, есть много крайностей. Можно, действительно, всем раздать служебники на руки и таким образом тоже потерять очень много. Множество разных трудностей здесь нас подстерегает. Очень важно, чтобы мы поняли суть проблемы: включить наше сердце всеми возможными способами, чтобы оно участвовало в совершении самого великого, самого высокого, самого достойного и праведного, что только есть на свете, — того Таинства, к которому, как говорят, святые ангелы желают приникнуть. Того Таинства, которое являет нам Бога. И горе нам, если мы, совершая это Таинство, остаемся безучастными, если мы в это время думаем только о том, чтобы свою сумку удержать, чтобы ее кто-нибудь не украл, или еще что-нибудь. Если мы не можем оторваться от своей суеты, если остаемся заземленными, не можем приподняться над нашим бытом, — горе нам тогда. И тогда, конечно, литургия будет прятаться от нас за иконостас, в алтарь, а потом, может быть, вообще уйдет от нас.

У нас были гонения, были трудности, мы лишились множества храмов, священников благоговейных и монастырей, духовных школ, духовной литературы. Почему?

Я думаю, что одной из причин было именно отсутствие благоговения, потеря благоговения. Православная жизнь на Руси стала просто бытом, просто некоторой бытовой христианской традицией — и больше ничем. То есть, люди перестали чувствовать, что к ним приходит Сын Божий, они забыли о своем призвании и забыли ту цену, которой они получили свою православную веру и Церковь. И Церковь у них отнялась.

Но это может произойти и по-другому. Только что мне рассказали, как в Канаде протекает жизнь. Вернулась одна знакомая, которая была в Канаде в гостях у одной очень хорошей пожилой монахини. Монахиня эта живет как бы в скиту, там есть маленький, крохотный храмик. С ней живут пожилой священник и пожилой епископ и еще несколько человек. Вот такой маленький скиток. Там все благополучно. Они живут вдали от города, там очень красивая природа, у них все есть, им ничто не угрожает. И вот эта знакомая прожила там полтора месяца и была поражена тем, что за это время они не совершили ни одной литургии. Они в воскресенье только лишь служат вместе обедню в течение 35 минут. И никто не причащается.

Она спрашивает: «Вы не причащаетесь никогда Тайн Христовых?» Одна старушка сказала, что она причащается на день ангела своего

запасными Дарами, потому что литургию не служат. «Как не служат? Вообще не служат? А на Рождество?» — «Нет, не служат». — «А на Пасху?» — «Тоже не служат, только обедню». «А почему?» — «А потому что нужно просфоры печь, нужно проскомидию совершать...» Это же все трудно. И матушка своему батюшке не позволяет так утруждаться. Зачем? И так они получают свою пенсию, все у них в порядке, ничего им не нужно — зачем трудиться? А если уж очень нужно, запасными Дарами причастимся — и все.

И литургия ушла из их жизни. А уж если они один раз на именины батюшки служат литургию, то батюшка их, может, и причастит, но уж исповедовать никого не будет. Так что они не помнят, когда исповедовались. Исповедь от них совсем ушла. Так что если мы будем жить недостойно, если мы не будем участвовать а литургии по-настоящему, то все может от нас тем или иным образом уйти. И должно уйти.

Вот поэтому-то мы и изучаем литургию, чтобы участвовать в ней всем сердцем, всем разумением своим, всей своей жизнью, всем своим существом. Но стремясь к такому полному участию в литургии, к настоящему служению литургии, мы должны быть очень осторожны с церковным преданием. Ни в коем случае нельзя принимать легкомысленных самостийных решений: а вот возьму и вернусь к служению первых христиан. Это так просто не делается, это не может быть сделано одним человеком или одной общиной, это делается лишь соборным разумом Церкви, потому что здесь есть очень многое, что нажито в течение тысячелетий, что нельзя просто взять и сломать, выкинуть. Нужно очень бережно относиться к церковному преданию.

Возвратимся к чину. После мирной ектении хор поет так называемые антифоны. Само слово *«антифон»* означает, что какое-то песнопение поется попеременно двумя хорами. Антифонное пение встречается часто в богослужении, а литургические антифоны имеют совершенно определенное происхождение.

В древности в Византии церковная жизнь складывалась несколько иначе, чем у нас. Древние города были немногочисленны. В центре Византии стоит до сих пор величайший православный храм, который называется Айя-София, Святая София. (К сожалению, этот храм отобран турками и превращен в мечеть). Этот храм вмещал в себя, по существу, все православное население Цареграда (Константинополя). И в праздник, в воскресный день епископы и священники, весь православный народ сходились в Святую Софию для того, чтобы здесь вместе совершить литургию. Идея была проста: литургия должна быть одна, все вместе могут совершить литургию, вместе причаститься. Литургия должна быть соединением всех. Потом стали строиться другие храмы, и в Константинополе сложилась традиция: на праздник идти в тот храм, который был посвящен этому празднику. Например, был построен храм великомученицы Ирины, очень чтимой и любимой греками. И в день великомученицы Ирины все собирались в Святую Софию и потом во главе с Патриархом шли в тот храм, чтобы там служить литургию. Духовенство

вместе с мирянами брали с собой, конечно, святыни какие-то и крестным ходом шли в другой храм. По дороге пели молитвы, псалмы попеременно, разными хорами — это и были антифоны. Это было как бы литийное пение, предваряющее литургию.

Потом на Руси, а может быть, уже и в поздней Византии, все изменилось, и уже никто никуда не ходил, а просто приходили в свой храм и там молились.

Антифоны бывают разные. Те, которые поются по воскресеньям, называются *«изобразительны»*; бывают антифоны будничные, которые теперь мало где поются, к сожалению, хотя они очень красивы. Бывают антифоны праздничные, которые поются на двенадцатые Господские праздники. Все это теперь уже, конечно, без всякого крестного хода и очень часто уже по существу без антифонного пения, то есть без двух хоров, а только одним хором поется на одном клиросе. Но название сохраняется прежнее: антифоны.

После первого и второго антифонов бывают ектении малые, а потом бывает пение догматика «Единородный Сыне и Слове Божий, Безсмертен Сын...» Само название *«догматик»* дано этому песнопению потому, что в нем как бы исповедуется догмат о Боговоплощении, о рождении Сына Божия от Девы Марии.

После пения догматика, после ектении хор начинает «Блаженны». Открываются царские врата, и хор поет заповеди блаженства. Это бывает не всегда, но в обычной воскресной службе, которую мы преимущественно сегодня обсуждаем, всегда поются заповеди блаженства, а на праздничной службе бывают праздничные антифоны.

Во время пения «Блаженных» священник берет Евангелие с престола, отдает его диакону, перед ними идет свещеносец со свечой (если служат два диакона, то младший диакон идет с кадилом перед диаконом, несущим Евангелие), они обходят престол, выходят через северные врата на солею, на амвон и здесь останавливаются, и священник читает молитву: «Владыко Господи, Боже наш, уставивый на небесех чины и воинства ангел и архангел в служении Твоя Славы! Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать. Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь». После того, как окончится пение «Блаженных», диакон указывает на царские врата и говорит: «Благослови, Владыко...». Священник благословляет, говоря: «Благословен вход святых Твоих всегда, ныне и присно и во веки веков». Диакон возглашает: «Премудрость, прости». И совершается торжественный вход с Евангелием. Евангелие полагается на престоле, а священник целует иконы Спасителя и Божией Матери на царских вратах, благословляет свещеносца, потом подходит к престолу и целует Евангелие, в то время как хор поет «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу...».

Вот этот так называемый малый вход, или вход с Евангелием, имеет свое символическое или аллегорическое толкование. По этому толкованию

малый вход символизирует выход Христа на проповедь, потому что здесь выносятся Евангелие из алтаря, а Евангелие, которое есть Слово Божие, в данном случае указывает на то, что Слово Божие износится — это Христос выходит на проповедь. Вообще, все символическое толкование литургии построено таким образом, чтобы как бы раскрыть в последовательности временной земную жизнь Спасителя, ее главные моменты, чтобы служение литургии понять как вечно пребывающую, вечно открывающуюся, вечно являющуюся нам жизнь Спасителя, чтобы нас сделать участниками всех тех событий, которые были почти две тысячи лет назад на Святой земле. И, конечно, эта цель не только прекрасна, но и совершенно правильна, потому что действительно литургия приобщает нас вечности, приобщает нас всем вечным духовным событиям, всей той Божественной реальности, которая открыта нам, явилась нам с пришествием Христовым на землю.

Но имеет смысл, и очень большой, обратиться к другому толкованию, историческому. И тогда, исследуя, как в древности совершалась литургия, мы найдем, что тот крестный ход, о котором мы говорили, шествовал из Святой Софии в другой храм, и в этом крестном ходе шел Патриарх с сослужащим ему духовенством и с народом, этот крестный ход приходил к храму, где должна быть совершена литургия, и совершалось торжественное вхождение в храм. При этом открывались царские врата храма, потому что древние храмы были устроены таким образом, что у них был большой притвор, а потом были врата в храм: центральные, главные, врата открывались только для царя, для Патриарха, епископа, а народ обычно входил боковыми вратами. Поэтому центральные врата назывались царскими. В наших храмах, где притвор сделан совсем маленьким или его уже вообще нет, царские врата в этом смысле больше не существуют. И царскими вратами стали называться врата, ведущие в алтарь, — врата иконостаса.

Такой торжественный вход в храм литургии являет, я бы сказал, замечательную историческую сохранность в архиерейском служении. Те из вас, кто бывает на архиерейской службе, знают, что архиерей, приходя на службу, не входит сразу в алтарь, но сначала входит на кафедру, которая располагается на середине храма, и там облачается во время пения антифонов, а затем совершается торжественный вход в алтарь с пением «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу», наподобие того, как в древности Патриарх или епископ входил в храм.

Здесь присоединяется и другое очень важное историческое вхождение. Дело в том, что в древности, когда не было книгопечатания, Евангелие рукописное являлось совершенно особенной и чрезвычайной святыней общины. Не только потому, что вся община христианская почитала Слово Божие, но еще и потому, что такое Евангелие возобновить, восстановить было очень трудно. И поэтому список Евангелия община хранила как зеницу ока, тем более что во время гонений гонители всегда старались Евангелие найти и уничтожить. Хранились Евангелия обычно не на престоле, как теперь у нас. Они хранились в специальных хранилищах, где

их не так легко было найти. И к тому моменту, когда епископ приходил в храм, специально присоединялось принесение Евангелия. Евангелие доставалось из хранилища, и его приносили для служения литургии. Таким образом, вход архиерейский как бы совпадал с принесением Евангелия, поэтому вход совершался с Евангелием.

То, что мы имеем теперь, в обычной нашей священнической службе, есть некая трансформация, которая имеет целью сохранить главные моменты, символизировать их. То есть, наш малый вход символизирует все то, что было раньше, хотя большинство из нас уже не помнят, как это раньше было, и не понимают, для чего все обстоит именно так, а не иначе. И наше аллегорическое, символическое толкование дает картину совершенно противоположную тому, что было в истории. Потому что тогда это был действительно вход с Евангелием для служения литургии вход архиерея с Евангелием. А теперь это выход с Евангелием, который как бы изображает, символизирует выход Христа на проповедь. В древности так не понимали этот момент, это уже более позднее и как бы сочиненное символическое толкование, конечно, довольно искусственное. Мы не видим, чтобы такие аллегорические толкования, довольно далекие и поздние и имеющие характер благочестивых измышлений, содействовали росту благочестия в народе, чтобы они облегчали вам совершение литургии. Напротив, когда мы представляем себе литургию более близкой к исторической реальности, когда мы понимаем, как это совершалось в древности нашими древними святыми, мучениками, мы лучше можем совершать Божественную литургию.

Но нам нужно научиться и тот и другой подход ценить — не отбрасывать, не осуждать, но уметь и в том и в другом подходе увидеть хорошее, доброе и объединить их должным образом. Тогда наше понимание, наше толкование литургии будет наиболее полным.

Если мы просто отбросим аллегорическое, или символическое, толкование литургии, то очень многого лишимся, потому что все-таки литургия есть преодоление пространства, времени, это есть выход из нашей земной реальности, и без понимания литургического символизма мы чрезвычайно обедним наше восприятие литургии. Но он не всегда бывает одинаково удачен, одинаково глубок и имеет разное происхождение во времени, в истории.

Историческое толкование, напротив, привязывает нас к исторической реальности, наполняя все литургическое действие живой исторической тканью и заставляя нас чувствовать литургию в истории, в веках совершаемую. Литургию, которая из века в век совершалась живыми и святыми людьми, из века в век была центром жизни Церкви, ее сердцем.

Зная историческое толкование литургии, мы чувствуем как бы биение пульса церковной жизни, но если мы забудем символическое толкование, то нам грозит другая крайность — мы можем впасть в искушение видеть только один историзм и заняться одной только археологией, хотя археология церковная, очень полезная и нужная, очень много для нас значит, но все-таки одного этого слишком мало для правильного восприятия Божественной

литургии. Здесь, как всегда в нашей христианской жизни, в понимании христианских богословских проблем, важно почувствовать эту антиномию, то есть противоречие, Божественного и человеческого. Духовный символизм и историческая реальность — только вместе они дают нам нужную глубину и ощущение Богочеловечности нашей литургии и нашей христианской жизни.

Таким образом, вход, который совершается во время литургии после пения антифонов, это есть вхождение в храм прежде всего, продвижение к престолу. Архиерей поднимается на амвон, входит в царские врата уже нашего храма, подходит к престолу. Затем поется «Святой Боже...». В это время происходит движение на горнее место: архиерей и все духовенство, которое сослужит ему (а если нет архиерея, то священник с сослужащими), восходят на горнее место.

Такое движение вперед и вверх есть, конечно, тоже движение символическое. Оно совершалось так всегда в служении литургии и изображает собой восхождение от земной жизни к жизни небесной. Это есть движение навстречу Царству Божию, которое приходит к нам в силе. И вот навстречу Богу, навстречу этому Царству Божию мы движемся, начиная литургию. Это есть вхождение в Царство Божие, потому это место и называется «горнее место» — горний престол, престол небесный, к которому мы приближаемся. То есть, здесь замечательным образом подчеркивается, что есть наш престол, земной, и есть горний престол. Диакон говорит священнику, который отходит от престола, горнего места: «Благослови, Владыко, Горний Престол». Здесь подчеркивается, что мы восходим к горнему престолу, мы приближаемся к нему. Иначе говоря, наш престол является как бы неким явлением горнего престола. Конечно, имеет смысл подчеркнуть, что слова «Благослови, Владыко, Горний Престол» вовсе не означают, что мы должны перекрестить крест, который стоит на горнем месте, как думают некоторые, и даже священники, потому что у нас очень распространено такое мнение: благословить — это значит перекрестить, поцеловать ручку. Но на самом деле слово «благослови» буквально означает: «воздай благую славу», то есть прославь. И когда диакон говорит: «Благослови, Владыко, Горний Престол», он имеет в виду, чтобы священник прославил Престол Божий. И священник благословляет его словами: «Благословен еси на Престоле Славы...» и т.д.

Когда священник или епископ совершают вхождение в алтарь, подходят к престолу, читается молитва «Трисвятого»: «Боже святой, Иже во святых почиваяй, Иже трисвятым гласом от Серафимов воспеваемый, и от Херувимов славословимый, и от всякая небесныя Силы покланяемый; Иже от небытия во еже быти приведей всяческая, создавый человека по образу Твоему и по подобию и всяким Твоим дарованием украсивый; даяй просящему премудрость и разум и не презираяй согрешающего, но полагаяй на спасение покаяние; сподобивый нас, смиренных и недостойных раб Твоих, и в час сей стати пред славою Святаго Твоего Жертвенника и должное Тебе поклонение и славословие приносить! Сам, Владыко, прими и от уст нас, грешных, Трисвятую песнь и посети благодистию Твоею, прости нам

всякое согрешение, вольное же и невольное, освяти наша души и телеса и даждь нам в преподобии служити Тебе во вся дни живота нашего, молитвами Святыя Богородицы и всех святых, от века Тебе благоугодевших».

Эта прекрасная молитва, которая читается как раз по входе, когда архиерей или священник поднялся к престолу, то есть как бы в начале литургии, потому что раньше литургия начиналась именно со входа. Во время этой молитвы поются тропари праздника или дня, тропари святого, которому посвящен престол. В конце обычно поется тропарь или кондак Божией Матери. После этого священник громко возглашает: «Яко Свят еси. Боже наш, и Тебе славу возсылаем. Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков». Если есть диакон, то здесь происходит такой диалог: священник оканчивает свой возглас словами «ныне и присно», а диакон на амвоне говорит: «И во веки веков». При этом он поводит орарем от иконы Спасителя к царским вратам, поворачиваясь на амвоне. В старых дореволюционных служебниках здесь стоял возглас: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны». Этот возглас изъят из служебников в советское время, потому что, по преданию, этот возглас относился к императору. Благочестивыми называли императора и его семейство, и эти слова относились как бы к поминовению императора, поэтому они были изъяты и долгое время не произносились. В наше время, в последние годы, решили, что ничего плохого в самих этих словах нет, «спаси благочестивыя» — так мы все должны молиться, и Святейший Патриарх Алексий снова ввел в практику этот возглас. И диакон говорит «Господи, спаси благочестивыя...», хор повторяет, потом «...и услыши ны», и это повторяет хор, а потом диакон заканчивает: «И во веки веков». После этого поется «Трисвятое»: «Святыи Боже, Святыи Крепкий, Святыи Безсмертныи, помилуй нас» — это херувимская песнь, известная всем нам. И вот слова, которыми священник благословляет Горний Престол: «Благословен еси на Престоле Славы Царствия Твоего, седяи на Херувимех, всегда, ныне и присно и во веки веков». Теперь уже, стоя на горнем месте и повернувшись к народу, священник после возгласа диакона: «Вонмем», — говорит: «Мир всем», преподает мир всему народу.

Таким образом, как мы видим, литургия совершается определенным чином. Происходит торжественное вхождение в храм, в алтарь, к престолу, на горнее место, и все это, конечно, отражается в молитве. И вот оттуда, достигши горнего места, священник или архиерей посылает мир всем, мир нам.

После этого благословения следует чтение Апостола. За чтением Апостола сразу же следует чтение Евангелия. Молитву, которая читается перед Евангелием, я вам прочитаю: «Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Владыко, Твоего богоразумия нетленный Свет, и мысленныя наша отверзи очи, во евангельских Твоих проповеданий разумение; вложи в нас и страх блаженных Твоих заповедей, да плотския похоти вся поправше, духовное жительство пройдем, вся, яже ко благоугождению Твоему, и мудрствующе, и деюще.

Ты бо еси просвещение душ и телес наших, Христе Боже, и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем и Всесвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Эту молитву священник читает теперь тоже про себя, потом дает Евангелие диакону, диакон торжественно обносит его вокруг престола и выходит на амвон. Чтение Евангелия, чтение Апостола, как вы сами понимаете, есть наше общение со Христом в слове, а вообще, когда мы с вами молимся, это наше слово, к Богу обращенное. А когда мы читаем Священное Писание, то Слово Божие обращено к нам. Получается беседа. Но чтение Евангелия — это не просто беседа, это и проповедь Христова, и Слово Божие, которое особым образом отмечает сегодняшний день, сегодняшний праздник.

Евангельские чтения поделены по дням года не случайно, разделение здесь специальное — так, что в течение года в церкви, где служитя литургия, прочитывается, по существу, все Четвероевангелие. На праздники читается Евангелие, относящееся к данному празднику, то есть Евангелие, которое отображает то или иное евангельское событие. Есть Евангелие, специально назначенное на чтение о памяти святых, есть Богородичное Евангелие.

Конечно, чтение Евангелия — это одно из главных мест первой части литургии, которая называется особым и несколько странным именем: литургия оглашенных. Почему так называется эта часть литургии? В древности был особенный разряд присутствующих в храме — тех, кто готовился к принятию святого крещения. И эти готовящиеся к крещению люди оглашались Словом Божиим и словом проповедническим, словом святительским. Поэтому они и назывались оглашенными. И на первой части литургии они могли присутствовать, в отличие от второй ее части — литургии верных, где могли находиться только крещеные, только уже ставшие верными. Именно поэтому первая часть литургии получила такое название: верные стоят с самого начала, а оглашенные должны будут потом уйти.

Чтение Евангелия является кульминацией литургии оглашенных. Это самый торжественный, самый величественный момент, и было бы правильно в символическом толковании именно этот момент считать выходом Господа на проповедь.

После чтения Евангелия в древности епископ или священник выходил на амвон и говорил проповедь, которая очень часто бывала толкованием на прочитанный евангельский текст. Потому что и в древности тоже Евангелие толковали. Мы имеем много свидетельств об этом у древних церковных писателей. Есть много древних толкований.

Евангелие требует толкования не только потому, что оно читается по-славянски и трудно для понимания людям, не знающим славянского языка. Оно требует толкования прежде всего потому, что смысл евангельский чрезвычайно глубок, это есть Слово Божие, слово всеобъемлющее, несущее в себе Божественную глубину, слово, которое бесконечно велико, поэтому

каждый, кто читает Евангелие, знает по своему опыту, что можно читать его всю жизнь, и каждый раз будешь понимать все больше и больше, глубже и глубже даже очень хорошо известное тебе место, хорошо известный текст. При чтении Евангелия всегда как бы открывается эта новая глубина, и недаром поэтому духовники всегда советуют Евангелие читать постоянно, каждый день. Известный многим из вас замечательный старец, отец Таврион, прямо так и говорил, чтобы все каждый день читали Евангелие, и при этом добавлял: «Будешь читать Евангелие — и будешь иметь ум Христов». Это значит, что ум твой будет просвещен Словом Христовым, что твое разумение станет приближаться к Евангелию, то есть ты будешь думать так, как Господь учит, Христос как бы будет действовать в тебе, в твоём разумении. Поэтому чтение Евангелия действительно требует объяснения, требует особого проникновения в эту глубину, и епископ или священник, конечно, должен объяснять Евангелие, стараться помочь своей пастве глубину эту постигать с возможной полнотой. Но не только толкование Евангелия было темой проповеди.

Нужно начать с того, что в первые годы жизни Православной Церкви Евангелие еще не было написано и проповедь епископа или апостола, собственно, и была тем благовестием, которое потом записывалось и стало для нас Священным Писанием. Но не только воспоминания о жизни и чудесах Спасителя были темой даже и апостольской проповеди. Мы с вами знаем из Деяний святых Апостолов, что апостол Павел, приходя в тот или иной город к новым христианам, в христианскую общину, беседовал с ними о многом и очень многое объяснял в учении Христовом, о том, как следует жить. То есть, проповедь есть тот момент, когда через священника или епископа совершается продолжение благовестия, живое слово Церкви.

Здесь следует подумать о том, каким должно быть это живое слово. Хорошо, конечно, если священник имеет талант проповедника, если он умеет глубоко и сильно говорить, если его слово имеет зажигательную силу. Но такой человеческой проповеди не место во время литургии. Потому что литургия — это есть пришествие Господа к нам, и конечно, здесь, во время литургии, слово должно быть прежде всего благодатным. Здесь как раз место для харизматического служения, здесь как раз священник или епископ должен быть орудием Духа Святаго в особой степени, он должен свое сердце открыть для действия благодати Божией и стараться говорить как бы не от себя. Это бывает теперь, в наше время, очень редко, потому что это служение священника как бы забыто. Немного сохранилось таких моментов в жизни священника, когда с такой силой сохраняется древняя харизматическая свобода, хотя нужно сказать, что в наше время и это тоже теряется, и можно сказать, почти утрачено — вот это ощущение харизматического служения в слове.

В древности вся литургия совершалась по вдохновению, то есть апостол, епископ произносил молитвы так, как он слышал их в своем сердце от Бога. Потом, как вы знаете, пришло время, когда нужно было составить канон служения литургии — и это, конечно, понятно, необходимо, мы об

этом говорили, — но вот для живого слова священнического осталось место после чтения Евангелия. Читается Слово Божие, а потом Слово Божие имеет продолжение в том служителе слова, которым является апостол, епископ, священник. И, конечно, необходимо, чтобы это живое слово было живо и действенно, чтобы оно было обращено к тем людям, которые стоят в храме сегодня, чтобы оно отвечало на те нужды духовные, которые сегодняшняя паства имеет. Чтобы епископ или священник, действительно, словом руководил бы, вел, воспитывал свою паству. И чтобы здесь было очевидно благодатное присутствие Божие.

Каждый христианин имеет какой-то опыт и может сказать: «Сегодня я слышал особенное слово». Наверное, когда-нибудь кто-то из вас слышал такое особенное слово, которое нельзя перепутать ни с чем, нельзя его спутать с обычным человеческим словом. Священник тоже имеет такой опыт. Бывает так, что он часто проповедует, и проповедовать ему трудно. А потом вдруг в какой-то день он выходит на амвон, и слово само как бы льется из уст, как будто оно не от него, не он говорит как бы. Он не может сказать, как у него вдруг получается, но чувствует это благодатное действие в себе. Каждый из нас имеет такой опыт, мы слышали такую проповедь, когда очевидно присутствие Божие, очевидно, что это слово — благодатное. Таким благодатным словом и должна быть проповедь. Если бы она такой была всегда, то, естественно, она помогала бы нам совершать Божественную литургию, потому что эта проповедь в особой степени, совершенно по-своему помогает разгореться нашему сердцу.

Проповедь священническая была тоже одним из главных кульминационных моментов служения литургии оглашенных. Из этого видно, что недаром литургист-богослов протопресвитер Александр Шмеман назвал литургию оглашенных другим названием: «литургией слова». Это очень много говорящее название. Действительно, здесь служение слова, которое чрезвычайно необходимо Церкви, всем нам и в особенном смысле необходимо оглашенным.

Литургия слова заканчивается молитвой. После проповеди выходит на амвон диакон и говорит сугубую ектению. Эта ектения — усиленное прошение, в отличие от обычной ектении, сугубое моление, удвоенное или даже утроенное. Начинается она такими словами: «Рцем вси от всея души и от всего помышления нашего рцем». Никакая другая ектения не начинается таким образом. Здесь с самого начала диакон призывает нас молиться от всей души, от всего помышления, то есть молиться всем своим существом. Действительно, наступает время усиленной, особой молитвы. И далее, призвав народ, он обращается к Господу от лица народа: «Господи Вседержителю, Боже отец наших, молим Ти ся, услыша и помилуй».

Как видим, и это прошение тоже вводное и тоже указывает на особенную сосредоточенность, на особенную силу этой молитвы. Мы особенно умоляем: «...молим Ти ся, услыши и помилуй». И потом начинается прошение, которое всем нам хорошо известно: «Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молим Ти ся, услыши и помилуй. Еще молимся о

Великом Господине и Отце нашем Святейшем Патриархе Алексии..., о богохранимей стране нашей..., о братьях наших, священниках, священномонасах и всем во Христе братстве нашем, ...о блаженных и приснопамятных святейших патриарсах православных и создателях святого храма сего и о всех преждепочивших отцах и братьях, zde лежащих и повсюду, православных...».

В следующем, последнем прощении говорится: «Еще молимся о плодоносящих и добродеющих во святем и всечестнем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебя великая и богатая милости». И возглас: «Яко милостив и Человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков».

Те, кто знает службу, наверное, заметили, что одно прошение я пропустил — прошение, которое всегда на литургии мы с вами слышим: «Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих, братии святого храма сего». И дальше — кто как может, в некоторых местах потом 40 минут читают записки, а в некоторых храмах поминаются, скажем, только служащие в этом храме священники, ктитор храма сего или певчие, иногда поминаются болящие — те, за кого просили особенно помолиться. Но, как бы там ни было, в служебнике этого прошения нет. И вот тем, кто думает, что литургия раз и навсегда составлена в каком-нибудь, скажем, третьем веке и никогда не менялась, я здесь скажу, что налицо довольно сильное изменение в служении литургии.

В древности во время литургии, конечно, поминали за здоровье членов общины, болящих, путешествующих, тех, кто был захвачен гонителями и пребывал в заточении — конечно, за них Церковь сугубо молилась. И, наверное, было и соответствующее прошение в этой ектений. Но потом, как мы уже с вами говорили, наступили времена мирные, когда гонения прекратились. Общины церковные сначала стали расти, а потом, вероятно, постепенно заменились приходами, как у нас в России, и стали очень многочисленными. И священник уже не мог помянуть, скажем, всю деревню по именам или весь приход в городе, и поэтому, чтобы не загромождать литургию перечислением неизвестных имен, помяновение было вынесено на проскомидию, а из сугубой ектении прошение, где поминаются конкретные люди, было изъято. И современный наш Служебник содержит такой текст сугубой ектении. Но по ряду причин, хороших и плохих, это прошение повсюду вновь введено, причем я не уверен, что было соответствующее указание высшей церковной власти.

Это поименное поминовение на ектении вошло настолько прочно в церковный быт, что хотя его и нет в Служебнике, но произносят его абсолютно везде. Любой диакон, любой священник это прошение обязательно произносит. А в прошлом веке, и даже в вашем веке можно было придти в храм и заказать заупокойную литургию. И служились раньше такие заупокойные литургии, когда не было ни одного причастника, а была только

записка, за которую много заплачено и которая всю литургию только и поминается. Конечно, такое низведение литургии до уровня какой-то требы частной — это тоже вещь совершенно ужасная, катастрофическая, и можно сказать, что это, наверное, тоже одна из причин страшного духовного падения русского народа, которое совершилось в начале века. Потому что, по существу говоря, это означало потерю евхаристического духа, потерю литургической жизни.

Все это я говорю вам потому, что поминовение на литургии, на ектении — это есть некий камень преткновения даже в наши дни, хотя это разбивает литургию совершенно, она теряет свой дух полностью, потому что чтение записок с сотнями имен нельзя назвать литургией. Никогда такого на литургии не было и не могло быть, это, конечно, очень тяжкое и грубое искажение литургии. Приходится увидеть, что здесь не только доброе желание помянуть и помолиться за больных людей присутствует, но и некий коммерческий, экономический расчет, который вновь из проскомидии вытащил поминовение в литургию оглашенных. Здесь происходит обратное движение, отвечающее уже не духовным потребностям времени, а потребностям коммерческим. Такая мотивация должна быть признана злокачественной, и конечно, с ней нужно бороться.

Можно ли вообще помянуть на литургии записки? И можно, и очень хорошо. Но нужно, чтобы не было перерыва в литургии. Если кто-то очень болен, если это случай, когда вся община может помолиться за кого-то, или принесен покойник в храм и, конечно, о нем следует помолиться. Может быть, мы молимся о каких-то известных всей общине почивших людях или болящих. Помолиться нужно, и помянуть их тоже и можно и хорошо. Но нельзя здесь впадать в другую крайность, недаром наши святые предки такое поминовение массовое вынесли на проскомидию. И вот для того, чтобы защитить такое нечтение записок во время литургии, я и ссылаюсь на Служебник, в котором нет этого поминовения, то есть когда совершается длинное поминовение на литургии — это прямое нарушение устава.

После сугубой ектении следует заупокойная ектения. И здесь надо сразу сказать, что эта ектения вовсе не всегда должна читаться. На великие праздники, даже в воскресные дни эту ектению можно опустить, потому что и здесь тоже Церковь не призывает нас к такому особенному поминовению, а призывает нас к динамичному, сосредоточенному служению литургии. Естественно вставить заупокойную ектению, когда мы кого-то хотим особенно вспомнить — скажем, в день памяти особенно дорогих нам и нашей общине людей. На практике сейчас заупокойная ектения обычно отменяется в большие праздники, а в обычные, даже и воскресные дни она всегда читается, поскольку всегда бывает много заупокойных записок. Но эти записки также ни в коем случае не должны быть прочитаны все во время ектений. Их нужно читать на проскомидии. А здесь достаточно общей молитвы.

Значит ли это, что молитвы поименной быть не должно вообще? Или она должна быть только на проскомидии? Конечно, нет. Мы должны

молиться по именам, но наша молитва должна быть осмысленна, то есть нужно, чтобы мы поминали тех, кого мы знаем или о ком мы что-то знаем. Когда диакон выходит и говорит: «Еще молимся о милости, мире, жизни, здравии, спасении, посещения, прощении и оставлении грехов рабов Божиих...» и поминает тех, кого он знает; священников храма, певчих, особо болящих кого-то, — в это время все мы, стоящие в храме, должны усиленно молиться за своих близких, о ком мы написали в записках. Неважно, кто прочитал эти записки. Мы их написали, и эти записки стали символом нашей молитвы, и мы их читаем здесь, во время ектений, и таким образом весь храм поминает своих близких. Вот как должно было бы быть.

Конечно, сейчас у нас делается не так, записок бывает много в храмах, и получается, что эти записки священник прочитать не в силах. Я вам приведу такой пример. Был такой замечательный старец, архимандрит Серафим (Тяпочкин), он служил под Белгородом в деревне. И хотя это была деревня, к нему приезжал народ со всех концов России. И не так даже было много народу в храме, но записок было очень много. И отец Серафим даже в глубокой старости приходил в храм в 6 утра и совершал проскомидию, пока не помянет по запискам всех, кто там перечислен. Он вынимал частички поименно, за каждого, поэтому литургия частенько начиналась в 12 часов дня. А с 6 часов утра до 12 читали акафисты, каноны разные, правила ко святому причащению со всеми тремя акафистами — в общем, все что угодно делали. Исповедовали без конца. А батюшка совершал проскомидию в течение 5-6 часов, и только после этого была литургия, а выходил он из храма (его почти выносили) в 5 часов вечера. Это, конечно, был его личный подвиг, он был святой человек, достигший, конечно, особенных благодатных даров, и мы не можем его укорить; он так хотел подвизаться. Но мы не можем признать такой способ служения возможным для всей Церкви, потому что даже в этом селе местные жители к отцу Серафиму не ходили. Отец Серафим сначала удивлялся, а потом говорил: «Ну, ведь у меня только одни приезжие, а местные все говорят: «Батюшка за нас помолится», — а сами остаются дома». Почему так происходило? Конечно, если вы специально едете к такому батюшке, то вы можете целый день простоять на литургии. Это эпизод в вашей жизни. А если вы ходите в церковь каждое воскресенье или чаще, то каждый раз с 6 утра до 6 вечера вы не можете находиться в храме. Поэтому такой способ служения литургии не может быть признан возможным для всей Церкви.

Надо сказать, что большинство замечательных служителей литургии, святых людей, литургию совершают быстро. Литургия должна иметь особый динамизм, она должна как бы быть на одном дыхании, совершаться стремительно, это есть огненная молитва, самая высокая, самая сильная, это есть особенное благодатное озарение, действительно пришествие Царствия Божия к нам. И поэтому в литургии нельзя комкать что-то, нельзя затягивать, здесь должен быть свой ритм, и он должен быть стремительным. Так стремительно служил и молился отец Иоанн Кронштадтский. И многие замечательные старцы именно так служили и служат Божественную

литургию. Если бы литургия так совершалась, мы бы все могли в ней участвовать. Когда литургия искусственно растягивается, и в нее вводятся совершенно не свойственные ей, ненужные длинноты, то народ, который здесь стоит, как бы выпадает, он уже не может в ней участвовать. Священнику, который находится в особом положении, легче быть сосредоточенным, а народу, который стоит в храме и который более пассивен по своему положению, не может молиться в течение нескольких часов. Так что литургия ни в коем случае не может быть равнодушной к такому произволу, когда вдруг один начнет записки слишком долго читать, другой начнет проповедовать как-нибудь очень плохо и бессмысленно в середине литургии — так нельзя. Все должно быть по особому вдохновению.

Но вот совершается заупокойная ектения, читается молитва, возглас, и произносится ектения об оглашенных: «Помолитесь оглашenniи, Господеви. Вернии, о оглашенных помолимся, да Господь помилует их. Огласит их словом истины. Откроет им Евангелие правды. Соединит их Святей Своей, Соборней и Апостольстей Церкви. Спаси, помилуй, заступи и сохрани их, Боже, Твоею благодатию. Оглашenniи, главы ваши Господеви приклоните».

И священник читает молитву об оглашенных: «Господи Боже наш, Иже на высоких живый и на смиренные призираяй. Иже Спасение роду человеческому низпославый — Единороднаго Сына Твоего и Бога, Господа нашего Иисуса Христа! Призри на рабы Твоя оглашенные, подклонившия Тебе свои выи, и сподоби я во время благополучное бани пакибытия, оставления грехов и одежды нетления, соедини их Святей Твоей Соборней Апостольстей Церкви и сопричти их избранному Твоему стаду. Да и тии с нами славят пречестное и великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Во время этой ектении священник полностью раскрывает антиминос на престоле, и после этого следует возглас диакона: «Елицы оглашenniи, изыдите, оглашenniи, изыдите; елицы оглашenniи, изыдите. Да никто от оглашенных, елицы вернии, паки и паки миром Господу помолимся». Этим возгласом кончается литургия оглашенных. Оглашенные, то есть те, кто готовится к крещению, должны выйти из храма, потому что дальше начинается литургия только лишь верных, которая есть величайшее таинство, на котором присутствовать могут лишь посвященные, только верные.

Этим моментом кончается литургия оглашенных. Священник во время возгласа диакона «Открывает им Евангелие правды» разворачивает на престоле антиминос. Антиминос разворачивается не сразу, а как бы в два приема. Сначала разворачивается нижняя часть антиминоса во время ектений сугубой, а во время ектений об оглашенных открывается уже весь антиминос полностью.

Само это слово — «*антиминос*» в переводе на русский язык означает: «*вместопрестолие*». Как вы знаете, частица «анти» по большей части означает «вместо», хотя иногда переводится как «против». Так вот, *вместопрестолие* — это обычно шелковый плат, на котором изображается

положение Христа во гроб. Немного выше центра этого плата, выше изображения Христа, вкладывается частица мощей как правило, мощей безымянных мучеников, которые Церковь содержит с очень древних времен. Антиминс освящается епископом той области, той епархии, в которой находится храм, куда требуется антиминс.

Для чего и когда возникло употребление антиминсов?

Антиминсы стали употребляться в глубокой древности, когда уже возникло ясное представление о том, что литургия должна совершаться не просто на любом столе или на любом пустом месте — это должно быть место святое. Сначала, как вы помните, первые христиане совершали литургию на гробах мучеников, считая, что мощи святых мучеников освящают место, и эти гробы мучеников являются достойным местом для совершения Божественной литургии. И в память этого обычая под престол, когда он освящается в храме, а также в антиминс вкладывается частица мощей мучеников.

Под престол могут быть положены и другие мощи. Иногда они и не кладутся. Обычно мощи под престол вкладываются тогда, когда престол освящается епископом. А если освящение престола поручено священнику, то мощи не вкладываются.

Освящение архиереем престола является, в принципе, достаточным для того, чтобы совершать на нем литургию. Но в России возникла потребность поручать освящение престола священникам, потому что пространства России не позволяли епископу объехать все храмы области и освятить все престолы в его епархии. Вы сами знаете, что многие епархии России и сейчас превосходят по своим размерам целые большие государства в Европе. Например, Якутская епархия, наверное, больше всей Европы, вместе взятой. При отсутствии транспорта в прежнее время епископ, конечно, не мог объехать всю епархию и освятить там все престолы, какие было нужно. Он поручал это делать по особому чину или какому-то старшему священнику, протоиерею, или архимандриту, и чин освящения при этом сокращался. Но поскольку есть твердая норма, канон — не может быть храм устроен без архиерея, без епископа, одной лишь только священнической властью, — то нужно было как бы свидетельство того, что именно епископ устраивает этот храм.

В качестве такого благословения епископского и его освящения давался священнику антиминс, «вместопрестоліе» — шелковый плат, который полагался на престоле, в нем были уже вложены мощи и была надпись, кем, когда и для какого престола освящен этот антиминс. То есть, антиминс освящается архиереем в любом месте, в любом храме, где он служит литургию, и эти антиминсы он может рассылать по всей епархии, отдавая их священникам. Таким образом, здесь происходит восполнение недостатка, который имеется в освящении престола священником.

Может быть, именно это обстоятельство сделало практику употребления антиминсов постепенно всеобщей. Но, вероятно, не только это. Вероятно, в древности приходилось часто совершать литургию не только в

храмах, и тогда тоже нужно было иметь с собой как бы некий переносной престол, и таким престолом являлся антиминс.

Так или иначе, но со временем, уже довольно давно, утвердилась традиция, что литургия совершается только на антиминсе. Поэтому сейчас и на освященных епископом престолах тоже полагается антиминс обязательно, и такое положение антиминса уже входит в сам чин освящения храма.

Антиминс — это великая святыня, и в древности, когда антиминсы стали уже употребляться повсеместно, была такая норма: если, скажем, случилось какое-то нападение, или бедствие, или пожар, или что-то еще, то прежде всего нужно спасти Святые Дары, антиминс и священные сосуды. И, между прочим, во времена гонений, которые были в нашем веке, тоже часто верующие спасали антиминсы и хранили их до будущих времен. Частенько эти антиминсы использовались для служения литургии по домам, для катакомбного служения. Это было вовсе не редкость во время гонений в XX веке.

Антиминс свят потому, что освящен архиереем, потому, что в него вложены святые мощи, и потому, что на нем совершается Божественная литургия. Так что он освящается еще и той литургией, которая на нем совершается.

Священник, открывая антиминс, целует его, и это не просто добрый обычай, но и знак того, что он является послушным архиерею. Целование антиминса, его открытие символизируют здесь полноту Церкви. В послании святого Игнатия Богоносца есть слова: «Где епископ, там должен быть и народ» («К смирнякам, 8 глава). Полнота Церкви бывает только вместе с епископом и пресвитерами. И некое присутствие епископа или, по крайней мере, его благословение, то, что литургия совершается по благословию епископа, — все это здесь символизируется тем, что литургия совершается на антиминсе. Антиминс, данный священнику, является благословением ему совершать Божественную литургию.

Священник каждый раз особенно молится и символизирует свое послушание архиерею в знак того, что он с ним единомыслен, единокорен, что он совершает литургию по его благословию, по его поручению или, иначе, как это говорится более научно, ему делегируется от епископа власть совершать Божественную литургию.

Когда епископ служит литургию, он тоже теперь использует антиминс, хотя епископу это не обязательно, достаточно освященного престола. Но теперь уже это настолько вошло в абсолютную традицию, что епископы тоже всегда совершают литургию на антиминсе. То есть, наличие антиминса стало уже непременным условием для совершения литургии.

К моменту окончания литургии оглашенных, когда диакон возглашает: «Елицы оглашени, изыдите...», на престоле открыт антиминс и все готово к следующей части литургии, которая называется литургией верных — именно потому, что здесь могут теперь присутствовать только верные, только крещенные люди (конечно, не формально крещенные, а те, кто является действительно членами Церкви). Диакон тотчас совершает

следующую, очень краткую, ектению. Он говорит: «Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию. Премудрость». А священник читает в это время первую молитву верных: «Благодарим Тя, Господи Боже Сил, сподобившаго нас предстати и ныне святому Твоему Жертвеннику и припасти ко щедротам Твоим о наших грехах и о людских неведениях. Приими, Боже, моление наше, сотвори ны достойны быти, еже приносить Тебе моления и мольбы и Жертвы Безкровныя о всех людех Твоих; и удовли нас, их же положил еси в службу Твою сию, силою Духа Твоего Святаго, неосужденно и непреткновенно, в чистом свидетельстве совести нашея; призывати Тя на всякое время и место. Да, послушая нас, милостив нам будеши во множестве Твоя благодати».

А потом громко произносится возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

После этого диакон говорит снова ектению «Паки и паки миром, Господу помолимся. О Свышнем мире и спасении душ наших. Господу помолимся. О мире всего мира, благостоянии Святых Божиих Церквей и соединении всех, Господу помолимся. О святем храме сем...» — то есть, иначе говоря, как бы сокращенную мирную ектению.

Мирная ектения произносится всегда в начале всякого большого чинопоследования: в начале вечерни, в начале утрени, в начале литургии, в начале большого молебного пения. Здесь начинается литургия верных и тоже как бы произносится мирная ектения, но сокращенная, поскольку нет возгласа начального и служба не прерывается.

Священник читает вторую молитву верных: «Паки и многжды Тебе припадаем и Тебе молимся, Благий и Человеколюбче, яко да призрев на моление наше, очистиши наша души и телеса от веяния скверны плоти и духа и даси нам неповинное и неосужденное предстояние Святого Твоего Жертвенника. Даруй же, Боже, и молящимся с нами преспеяние жития, и веры, и разума духовнаго. Дажь им, всегда со страхом и любовию служащим Тебе, неповинно и неосужденно причастится Святых Твоих Тайн, и Небеснаго Твоего Царствия сподобити».

И опять возглас: «Яко да под Державою Твоею всегда храними. Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков».

После этого возгласа диакон уходит в алтарь и отверзает царские врата, берет кадило и начинает полное каждение: сначала кадит престол, алтарь, жертвенник и весь алтарь, потом выходит на солею через царские врата. Здесь есть некая особенность, очень характерная. Диакон, покадивши алтарь, сразу выходит через царские врата на солею и кадит иконостас, он как бы заканчивает каждение алтаря каждением иконостаса, а потом возвращается в алтарь, кадит священника или священников, которые находятся в алтаре, затем снова возвращается на амвон и только после этого кадит клиросы и народ. Эта особенность не случайна. Она здесь символизирует, что открытые царские врата соединяют нас с Небом, здесь

уже как бы алтарь соединен со всем храмом, уже он не отдельно здесь присутствует, и Царство Божие пришло уже к нам. Поэтому каждение иконостаса — это как бы каждение всего храма, не отдельно алтаря и храма, а весь храм кадится, а потом уже только кадится священник и все люди — тоже вместе.

Такое каждение совершается дважды во время литургии — во время чтения Апостола и в этот момент. Пока диакон кадит, он должен читать 50 псалом про себя, а священник в это время читает особенную молитву: «Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластями приходит, или приблизится, или служити Тебе, Царю славы; еже бо служити Тебе — велико и страшно и самем Небесным Силам. Но обаче, неизреченнаго ради и безмерного Твоего человеколюбия, непреложно и неизменно был еси Человек и Архиерей нам был еси, и служебныя сея и Безкровныя Жертвы священнодействие предал еси нам, яко Владыка всех. Ты бо един, Господи Боже наш, владычествуеши Небесными и земными, Иже на Престоле Херувимсте носимый, Иже Серафимов Господь и Царь Израилев, Иже един Свят и во святых почивай.

Тя убо молю, единаго Благаго и Благопослушливаго: призри на мя, грешнаго и непотребнаго раба Твоего, и очисти мою душу и сердце от совести лукавыя, и удовли мя, силою Святаго Твоего Духа, облеченна благодатию священства, предстати святей Твоей сей трапезе и священнодействовати Святое и Пречистое Твое Тело и Честную Кровь. К Тебе бо прихожду, приклонь мою выю и молю Ти ся, да не отвратиши лица Твоего от мене, ниже отринеси мене от отрок Твоих. Но сподоби принесенным Тебе быти мною, грешным и недостойным рабом Твоим, Даром сим. Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш, и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем и Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Эта молитва очень отличается от всех молитв, которые читаются во время литургии. Если про другие молитвы я все время говорил вам, что они должны были бы читаться вслух и только некая сложность, некие обстоятельства мешают этому чтению вслух, то про эту молитву нужно сказать, что она должна читаться священником про себя. Потому что эта молитва — о самом себе. Все молитвы, как вы могли заметить, произносятся от лица всего народа, как правило. А эта молитва читается священником только о самом себе. Это есть молитва покаянная, и в ней священник просит о том, чтобы Бог дал ему силы для совершения Божественной литургии. Чтобы Он не смотрел на его недостойнство, не смотрел на его немощь, укрепил бы его и дал ему благодать совершить ту литургию, которую совершает Сам Господь. Молитва эта, как вы видите, особенно трогательна и глубока и исполнена очень сильного чувства. В этой молитве содержится целое богословие. Священник сначала говорит в ней о том страшном моменте, который представляет собой это служение. «Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластями приходит, или приблизится,

или послужити Тебе, Царю славы...» — никто не достоин. А дальше объяснение — почему: «...служити Тебе — велико и страшно и самим Небесным Сидам. Но обаче, неизреченного ради в безмерного Твоего человеколюбия, непреложно и неизменно был еси Человек...» — но ты, Господи, несмотря на то, что и Небесным Сидам послужить Тебе невозможно, но Ты ради своего неизреченного человеколюбия стал человеком, непреложно и неизменно стал человеком, «...и Архиерей нам был еси, и служебныя сея и Безкровныя Жертвы священнодействие предал еси нам, яко Владыка всех». Это удивительные слова, которые имеют в себе совершенно особенный и глубочайший смысл. Здесь, как нигде в другом месте, объясняется, исповедуется то убеждение, что истинный Архиерей наш — это Господь Иисус Христос.

Об этом говорится, конечно, в Священном Писании, в послании к Евреям апостола Павла — о том, что Христос — истинный Первосвященник, единственный Первосвященник. И здесь тоже говорится, что Архиерей наш — последний, первый — это Господь Иисус Христос. И всякое архиерейство, так же как и священство вообще, дается человеку только по образу Христа.

Прочитав эту молитву, священник воздевает руки и читает следующую молитву: «Иже Херувимы тайно образующе и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение».

А диакон, который в это время кончает каждение, подходит к священнику и добавляет: «Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа».

Это так называемая Херувимская песнь, которую одновременно поет хор, одна из самых прекрасных частей литургии и одно из самых замечательных песнопений вообще в христианской службе. Херувимская песнь поется долго, чтобы священник успел в это время совершить все необходимые действия.

Это песнопение не совсем как бы ясно для нас и требует специального разъяснения. Первая часть его более проста: «Иже Херувимы тайно образующе...» — то есть, прообразуя Херувимов и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, мы всякое ныне житейское отложим попечение. Мы сейчас тайно прообразуем Херувимов и, поклоняясь Святой Троице и припевающе Трисвятую песнь, отложим попечение житейское. Последующие слова: «Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа» — несколько более сложны.

Существуют разные толкования на эти слова. Самое трудное слово — это «дориносима». Что это значит? Есть такое толкование, что это образ, взятый из древней Византии, когда победившего полководца войны поднимали на щит, а этот щит несли на копьях. Иначе говоря, на копья как бы втыкали щит, сажали на него своего императора или полководца, поднимали очень высоко и так торжественно несли его в свой город.

Полководец восседал высоко на особом как бы престоле. Слово «дориносима» будто бы изображает такое шествие торжественное.

Но есть и другие толкования. Здесь можно думать, что это слово означает: «невидимо присутствующими здесь ангельскими чинами» Господь носим между нами. Такое толкование возможно.

Трижды воздевая руки и произнося эту Херувимскую песнь, священник целует антиминос, лежащий на престоле, потом поклоняется народу, прося прощения и молитв, и отходит к жертвеннику. Здесь он кадит приготовленные Дары, которые стоят на жертвеннике с момента проскомидии, покрытые воздухами, и говорит: «Возмите руки ваша во святая и благословите Господа». И берет воздух, которым покрыты чаша и дискос, полагает этот воздух на плечо диакону. Затем берет дискос, тоже покрытый воздухом, и со словами «Священнодиаконство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков» дает дискос с приготовленным на нем Агнцем диакону, а сам берет чашу, и в предшествии свещеносца торжественной процессией все выходят через северные врата на амвон и солею.

На солее диакон громко возглашает: «Великого Господина и Отца нашего Алексия, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков», — и уходит с дискосом в алтарь. А священник говорит: «Преосвященнейшего митрополита (или: архиепископа, или: епископа), весь священнический и монашеский чин и причет церковный, братию святаго храма сего, вас и всех православных христиан да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков», благословляет чашей народ и тоже уходит в алтарь. Затем благословляет свещеносца. Закрываются царские врата и даже закрывается завеса, что является особенным моментом, потому что ни во время вечерни, ни во время утрени завеса не закрывается.

В то время, когда Дары вносятся в алтарь через царские врата, хор поет: «Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Алилуия, Алилуия, Алилуия».

Как совершался так называемый великий вход в древности? Нужно вспомнить, что проскомидия совершалась раньше не в алтаре, а в жертвеннике, который находился ближе ко входу. В тот момент, когда начиналась литургия верных, епископ оставался в алтаре, а священники и диаконы уходили в этот жертвенник за Дарами и оттуда торжественно через весь храм несли эти Дары к алтарю, к престолу. И здесь они приветствовали епископа словами: «Епископство твое да помянет Господь Бог во Царствии своем, всегда, ныне и присно и во веки веков». И вручали ему эти Дары — сначала дискос, потом чашу.

Остаток этого чина мы видим и сейчас при совершении литургии архиерейским чином. Во время служения архиерея дискос и чаша тоже выносятся диаконом и священником, а епископ остается в алтаре и в царских вратах принимает их от диакона и от священника. Теперь, конечно, когда жертвенник находится в том же алтаре, где и престол, перенесение с

жертвенника на престол Даров через солею и царские врата тоже стало чисто символичным. Торжественное принесение и вхождение в алтарь для совершения Бескровной Жертвы символизирует шествие Господа Иисуса Христа на свое крестное страдание, поэтому этот момент является особенно торжественным и многозначительным, величественным. В этот момент от всех нас, конечно, требуется усиленная молитва, потому что во время богослужения мы не только вспоминаем все те события, которые упоминаются в тексте службы, но и приобщаемся этим событиям, они снова как бы здесь воплощаются во времени и в пространстве. И мы верим, что это шествие Господне на страдание совершается с нашим участием.

Епископ вспоминается здесь не только в память о древнем способе перенесения Даров, но еще и в знак нашего единства с ним, потому что теперь, как правило, епископ отсутствует в храме, литургия совершается только священником, и здесь снова напоминает, что священник литургисает в единодушии с епископом и по его благословению, а не самостийно, не своевольно. Поэтому поминовение епископа на литургии во время великого входа обязательно есть знак послушания этому епископу, это есть еще и момент исповедания полного единства и церковного послушания, единомыслия.

После совершения великого входа священник ставит чашу на антиминс, уже приготовленный, потом принимает из рук диакона дискос, тоже поставляет его на антиминс и снимает покровцы, читая молитву: «Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив и благоуханьми, во гробе нове, покрыв, положи. Во гробе плотски, во аде же с душею, яко Бог, в Раи же с разбойником, и на Престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй неописанный.

Яко живоносец, яко Рая краснейший воистину и чертога всякаго царскаго, показася светлейший, Христе, гроб Твой, источник нашего Воскресения».

Затем берет у диакона воздух, который был у него на плече, и, обвивая им кадило, наполняя как бы его благовониями, снова говорит молитву: «Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив и благоуханьми, во гробе нове, покрыв, положи». И полагает этот воздух на чашу и дискос одновременно. Маленькие покровцы сняты, а большой воздух положен на Дары. Если вход символизировал шествие на страдание, то теперь здесь символизируется снятие с креста и положение во гроб — все то, что мы с вами переживаем в Страстную седмицу. Таким образом, здесь вспоминается и песнопение Страстной седмицы — Страстного четвертка и субботы.

После этого священник берет кадило у диакона и говорит молитву: «Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимские; тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая, тогда возложат на олтарь Твой тельцы», то есть окончание 50 псалма. Кадит Дары, лежащие на престоле, и говорит диакону: «Помяни мя, брате и сослужителю». Диакон отвечает: «Да помянет Господь священство

твое во Царствии Своем». Тогда диакон говорит священнику: «Помолися о мне, Владыко святой». А священник отвечает: «Дух Святой найдет на тя, и сила Всявышняго осенит тя». Диакон: «Тойже Дух содействует нам во вся дни живота нашего, всегда, ныне и присно и во веки веков». И опять: «Помяни меня, Владыко святой». — «Да помянет тя Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Этот диалог, который произносится обычно в алтаре очень быстро и мирянам совершенно неизвестен, на самом деле являет некую странность. Она нами будет замечена, если внимательно вслушаться в ее смысл. Священник просит молитв диакона и потом говорит: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя». Почему именно такие возвышенные слова говорятся диакону? И почему именно диакону требуется такое укрепление, ведь его служение второстепенное? На самом деле этот диалог является остатком того диалога, который совершается при архиерейском служении, в котором все имеет обратный смысл. Там епископ просит молиться о нем своих братьев и сослужителей, и ему священник говорит: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя». То есть, священники, которые собрались вместе с епископом и совершают Божественную литургию, молятся, чтобы Дух Святой пришел на этого епископа перед тем, как он совершит Божественную литургию, самое страшное таинство. Но поскольку обычно епископа нет, то та молитва, которая произносилась в адрес епископа, теперь священником произносится в адрес диакона. Произошло несколько неправомерное смещение, но оно уже стало привычным, и ничего страшного здесь нет. Но для того чтобы понять смысл, весьма существенно знать этот исторический момент.

Когда совершается архиерейская литургия, этот момент бывает очень торжественен: когда епископ, будучи архипастырем и отцом для всех собравшихся, просит всех помолиться о нем, и все ему хором говорят: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя», то есть молятся, чтобы он облекся силой. Здесь, конечно, этот момент несколько изменен и скомкан.

После этого диакон выходит на амвон и возглашает ектению: «Исполним молитву нашу Господеви. О предложенных честных Дарех Господу помолимся. О святем храме сем и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в онь, Господу помолимся». И дальше ектения сугубая: «О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды... Заступи, спаси, помилуй... Дне всего совершенно, свята, мирна и безгрешна, у Господа просим...» и т.д. А священник читает в это время молитву: «Господи Боже Вседержителю, Едине Святе, приемляй жертву хваления от призывающих Тя всем сердцем! Приими и нас, грешных, моление, и принеси ко Святому Твоему Жертвеннику, и удовли нас приносити Тебе дары же и жертвы духовныя о наших гресех и о людских неведениях; и сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней жертве нашей и вселитися Духу благодати Твоя благому в нас, и на подлежащих Дарех сих, и на всех людех Твоих». Оканчивается эти молитва и ектения возгласом священника, совершенно необычным, только здесь употребляемым:

«Щедротами Единородного Сына Твоего, с Нимже благословен еси, со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Здесь священник говорит, поворачиваясь лицом к народу, хотя закрыты царские врата и закрыта завеса: «Мир всем».

Этот возглас употребляется во время службы не однажды и, конечно, смысл его совершенно понятен. Но этот момент все-таки является моментом особенным. Хор отвечает: «И духови твоему», а диакон говорит: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы». И хор поет: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

В это время священник трижды поклоняется престолу со словами: «Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя, Господь утверждение мое и прибежище мое» — и целует дискос, чашу и престол. И потом, если он служит не один, то отходит немного в сторону от престола, а другой священник подходит и целует тоже престол, потом подходит к возглавляющему священнику, а если это архиерей, то к архиерею. И старший священник говорит младшему: «Христос среди нас», а сослужащий отвечает: «И есть и будет», и здесь полагается братское целование миром. Они целуют друг друга в правое и левое плечо и руку с этими словами. В это время открывается завеса, и после возгласа диакона: «Двери, двери, премудростию вонмем» начинается пение Символа веры.

«*Двери, двери*» — это возглас тоже отчасти архаичный, который употреблялся в древности для того, чтобы приставленная стража, стоявшая у дверей, которая называлась по-гречески аколумы, следила за тем, чтобы никто из оглашенных или неверных не вошел в храм, чтобы в храме присутствовали только верные, потому что здесь начинается уже самая главная часть литургии верных, и никто из неверных не может здесь присутствовать, это тайное служение, служение только для посвященных. Поэтому возглас «Двери, двери» означает: смотрите за дверями, чтобы никто не вошел в это время.

В древности перед пением Символа веры все верующие тоже целовали друг друга. Мужчины целовались с мужчинами, а женщины с женщинами. В древности они стояли врозь. И это целование мира, конечно, тоже символично. Сам возглас диакона «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы» все объясняет. Прежде чем мы хотим исповедовать свою веру, то есть ее провозгласить вслух (а пение Символа веры есть исповедание веры), мы должны как бы засвидетельствовать свое единство, свою любовь друг к другу.

Иначе говоря, служение литургии невозможно по-настоящему, если мы не едины в любви. Поэтому священники говорят друг другу: «Христос среди нас, и есть и будет», вспоминая как бы слова Христа: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них» (Мф. 18, 20). Так и весь народ вдохновляется этими же словами и этой же мыслью; присутствует среди нас Христос, Сам Христос между нами. И мы должны приступать к Нему с любовью и свое дело исповедовать, сохраняя Его заповедь. А заповедь Господню вы помните: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга. По

тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 34-35). Невозможно быть учениками Христа, невозможно называться христианами, если не будет между нами любви.

Таким образом, как вы сами понимаете, наша современная жизнь очень далека от того, чем она должна быть, потому что сейчас мы, присутствуя в храме во время служения Божественной литургии, меньше всего думаем о том, чтобы друг друга любить. Обычно мы слушаем все эти слова, совершенно их не принимая в сердце, как бы автоматически. Диакон говорит, а мы в это время толкаемся, ставим свечи, что нам кажется гораздо более важным, объясняем друг другу, почему нам надо вести себя так, а не иначе... То есть меньше всего беспокоимся о том, чтобы любить друг друга, а по большей части друг друга просто не знаем. Только, может быть, в новых храмах, которые сейчас открываются, где прихожан еще мало, куда приходит какая-то община новая — там еще люди знают друг друга. А в больших храмах, которые давно уже являются действующими, там существует приход, там общины часто даже и нет. То есть, люди совершенно друг другу не известны и сошлись сюда, что называется, по территориальному признаку, просто они живут в этом районе и поэтому ходят в этот храм. И они могут друг друга так никогда и не узнать.

И вот если я спрошу вас, знаете ли вы по именам всех, кто стоит рядом с вами, я уверен, окажется, что большинство людей вам не известны. Вы можете годами ходить в храм и никогда не поинтересоваться, как зовут ту или иную бабушку, чем она живет, в чем нуждается, какие у нее сложности, болезни, страдания. Потому что вы не для того пришли, вы пришли помолиться Богу и, может быть, поговорить с духовным отцом, со священником. Может быть, у вас есть какая-то группа знакомых людей, но до всех остальных вам нет никакого дела.

Вот такое ужасное охлаждение, такая страшная трансформация христианской жизни означает, конечно, последние времена. Это есть, конечно, страшный упадок и отступление. Тут невольно вспоминаются слова Христа: «Когда приду, найду ли веру на земле?» — и слова апостола о том, что в последние времена охладет любовь. Именно христианская любовь и делает нас Церковью. Конечно, и Божественная литургия, но она без любви не может совершаться, это противоестественно. Литургия без любви — это почти святотатство. И тем не менее, как это ни страшно, но это стало для нас нормой. Более того, есть даже совсем страшные случаи, когда священники служат вместе, находясь во вражде. Вот это особенно ужасно, и это тоже есть страшный образ нашей жизни современной. И еще недавно, во времена советской власти, по инициативе уполномоченных специально старались в одном храме соединить священников, которые были несовместимыми по своим устремлениям, для того, чтобы между ними не было единства, не было единомыслия, чтобы они свою энергию тратили на борьбу друг с другом.

Здесь мне хочется вспомнить один исторический, очень важный для нас эпизод. Изучая новейшую историю Церкви, то есть историю Церкви XX века, вы услышите о том, что в 1927 году была издана Декларация

митрополитом Нижегородским Сергием, которая повлекла за собой раскол, и среди ведущих, самых главных и авторитетных архиереев возникло несогласие. Несогласные с митрополитом Сергием были отправлены в ссылку или в тюрьму, а впоследствии расстреляны. До нашего времени сохранилась совершенно удивительная переписка между митрополитом Кириллом, который был назван первым местоблюстителем Патриаршего престола в завещании Патриарха Тихона, и митрополитом Сергием, которые друг с другом разошлись во мнениях о том, как следует устраивать церковную жизнь. В переписке обсуждается вопрос: почему митрополит Кирилл не служит литургию вместе с митрополитом Сергием или его сослужителями — теми священниками, которые ему подчиняются, то есть поминают его на литургии. Означает ли это, что митрополит Кирилл считает служение митрополита Сергия и его последователей безблагодатным? И митрополит Кирилл отвечает на это: «Нет, я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что литургия, которую Вы совершаете, является благодатной. Конечно, совершается Тайна Христова. И не поэтому я не могу с Вами служить, а потому, что общее с Вами служение, при том, что мы с Вами не можем согласиться в очень важных для нас проблемах, потому что мы считаем друг друга неправыми, было бы нам в суд и в осуждение. Не можем мы с Вами служить вместе литургию, если между нами нет единомыслия».

Эти письма, которые являются мученическими актами, уже опубликованы и будут публиковаться, потому что являют удивительную высоту души митрополита Кирилла. Эти письма показывают, что в страшное время гонений (а митрополит Кирилл, один из крупнейших иерархов нашей Церкви, был расстрелян в 1937 году, а до этого почти все время советской власти провел в разных ссылках и тюрьмах, почти не выходя из них — около 20 лет) для него вопрос о том, как он совершает литургию, — в единомыслии или нет, — был чрезвычайно важен. Он не мог совершать литургию с тем, с кем он не был единокорен, с кем он не был согласен.

А вот мы с вами дошли уже до такого страшного момента, когда у священников не находится мужества или они бывают равнодушными и готовы совершать литургию формально, когда между ними нет согласия, а они все-таки вместе служат. Хотя по-настоящему они должны были бы сказать; я не могу с тобой служить, раз мы не можем договориться, примириться, согласиться друг с другом.

Совершая Божественную литургию, мы должны быть реально единомысленными, мы должны друг другу все прощать, всем сердцем устремляться к тому, чтобы достичь единокоренности, достичь единства. Мы должны уступать, смиряться, любовью покрывать ошибки друг друга. А если же вдруг оказывается такая ошибка, которую мы не в силах покрыть любовью — такое может быть, особенно если дело касается самой Церкви, то есть не меня лично обидел священник, а я вижу, что он кощунствует, что так нельзя поступать, как он поступает, тогда христианский долг требует, чтобы я сказал: нет, я с тобой вместе служить не могу, потому что такое служение совместное при несогласии моем внутреннем будет мне в осуждение.

Таким образом, момент единодушия, единомыслия чрезвычайно важен. И сейчас все мы, совершая вместе Божественную литургию, должны ощущать, что мы — единое стадо Христово, единое тело Христово, Церковь. Между нами не должно быть каких-то недобрых чувств, обид непрощенных или вражды. Не должно быть даже и холодности, равнодушия, мы должны всем сердцем чувствовать свое единство. Это есть неперемнное условие благоговейного совершения Божественной литургии. Мы должны ощущать себя каждый частицей единого Тела Христова, только тогда наше служение не будет нам в осуждение.

После целования мира, которое сейчас совершается только в алтаре самими священниками, мы исповедуем свою веру. Пение Символа веры — это наше общее исповедание. При совершении Таинства от христиан всегда требуется исповедание веры. Это вполне естественно, потому что и Господь сказал: «По вере вашей будет вам». Таинство совершается по вере, так что исповедание веры есть не просто какое-то общее пение или молитва «на всякий случай» это есть существеннейшая часть литургии. Мы должны здесь засвидетельствовать, исповедовать свою веру. Именно только с этой верой мы можем приступить к вершине литургии, самой главной части, которая называется анафора или евхаристический канон.

Анафора — это центральная, древнейшая часть литургии. Перед тем, как будем совершать анафору, мы должны соединиться в любви и вместе единомысленно исповедовать свою православную веру. Только тогда я может достойно совершаться нами Божественная литургия, когда мы единомысленны, когда мы вместе, одинаково верим. И, конечно, здесь дело не только в том, чтобы верить одинаково всем, но и в том, чтобы именно верить. Для того, чтобы мы могли совершать литургию, очень важно, чтобы мы знали, во что верим, чтобы Символ веры для нас был не просто заученной скороговоркой, а чтобы это было действительно исповедание главных истин веры, чтобы мы понимали свою веру, могли ее объяснить, чтобы могли сказать, что является основанием нашей христианской жизни.

Такое исповедание веры является последним моментом в приготовлении к анафоре.

Анафора — это самая древняя часть литургии, которая дошла до нас в памятниках письменности древнехристианской Церкви. Обычно в Православной Церкви совершаются самые главные две анафоры — Василия Великого и Иоанна Златоустого.

В то время как весь храм поет Символ веры, священник берет воздух, то есть большой покровец, который лежит на чаше и на дискосе, и этот воздух поднимает и веет им над чашей и дискосом. После этого диакон на амвоне провозглашает: «Станем добре, станем со страхом, вонмем. Святое Возношение в мире приносить». Это возглас, который призывает нас к особенно внимательной молитве, то есть — станем особенно сосредоточенно и внимательно молиться. И хор отвечает: «Милость мира, Жертву хваления». Хор продолжает слова диакона.

Затем следует возглас священника: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами». Хор отвечает: «И со духом твоим». Священник, воздевая руки, возглашает: «Горе имеем сердца» — то есть, небу обратим свои сердца. «Горе» буквально — «кверху». Хор отвечает: «Имамы ко Господу», то есть, имеем уже наши сердца обращенными ко Господу. И священник возглашает: «Благодарим Господа». На что хор поет всем нам хорошо известную песню: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосушной и Нераздельней».

Все молитвы, которые читает священник во время анафоры, возгласы, которые он произносит вслух, те слова, которые поет хор, — все это составляет одну непрерывную цельную молитву. Все эти части молитвы, которые произносят то священник, то хор, продолжают друг друга непрерывно, и поэтому нужно обязательно суметь воспринять всю эту молитву целиком.

К сожалению, как мы уже говорили, главная часть этой молитвы произносится священником тихо, про себя, в алтаре, и люди, стоящие в храме, не слышат этих молитв. Поэтому им кажется, что анафора — это только то, что поет хор.

Для того чтобы понимать, что происходит в это время в алтаре, в церкви, как совершается Таинство Божественной Евхаристии, нужно обязательно почувствовать всю анафору целиком, и не только почувствовать, но воспринять сердцем, запомнить, как следует понять ее.

Есть традиция западного богословия — разделять анафору на части для того, чтобы лучше исследовать ее, лучше осмыслить и запомнить. Это обычный научный подход, когда дифференцируют, разделяют на маленькие части изучаемый предмет. И мы с вами последуем этой обычной традиции. Но прежде я прочитаю вам анафору целиком, всю подряд, не останавливаясь, не говоря, где поет хор, а где говорит священник.

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами. И со духом твоим. Горе имеем сердца. Имамы ко Господу. Благодарим Господа».

«Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосушной и Нераздельней. Достойно и праведно Тя пети. Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего. Ты бо еси Бог Неизреченен, Недоведом, Невидим, Непостижим, присно Сый, такожде Сый, Ты, и Единородный Твой Сын, И Дух Твой Святый. Ты от небытия в бытие нас привел еси, и отпадшия возставил еси паки и не отступил еси, вся творя, дондеже нас на Небо возвел еси и Царство Твое даровал еси будущее».

О сих всех благодарим Тя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святого о всех, ихже вемы и ихже не вемы, явленных и неявленных благодеящих, бывших на нас. Благодарим Тя и о службе сей, юже от рук наших прияти изволил еси, аще и предстоят Тебе тысящи Архангелов и тмы Ангелов, Херувими и Серафими, шестокрилатии многоочитии,

возвышающихся пернатии. Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоея; осанна в вышних, благословен Грядый во Имя Господне, осанна в вышних.

С сими и мы блаженными Силами, Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святой. Свят еси и Пресвят и великолепна слава Твоя; Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать Жизнь Вечный. Иже, пришед и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предаешся, паче же Сам Себе предадите за мирский живот, приемь хлеб во святых Своих и пречистые и непорочныя руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде святым Своим учеником и апостолом, рек:

Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов. Аминь.

Подобие и Чашу по вечери, глаголя:

Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за мнози изливаемая во оставление грехов. Аминь.

Поминающе убо спасательную сию заповедь и вся, яже о нас бывшая: Крест, Гроб, тридневное Воскресение, на Небеса восхождение, одесную селение, Второе и славное паки пришествие. Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся.

Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш.

Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деим, низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащая Дары сия. И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего. Аминь.

А еже в Чаши сей, Честную Кровь Христа Твоего. Аминь.

Преложив Духом Твоим Святым. Аминь, аминь, аминь.

Якоже быти причащающимся, во трезвение души, во оставление грехов; в приобщение Святаго Твоего Духа, во исполнение Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение.

Еще приносим Ти словесную сию службу о иже в вере почивших праотцах, отцах, патриарсех, пророцех, апостолах, проповедницех, евангелистех, мученицех, исповедницех, воздержницех и о всяком душе праведнем, в вере скончавшемся.

Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии.

Достойно есть, яко воистинну блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождишую, сущую Богородицу Тя величаем.

О святем Иоанне Пророце, Предтечи и Крестители, о святых славных и всехвальных Апостолах, о святем (имя), егоже и память совершаем, и о всех святых Твоих, ихже молитвами посети нас, Боже.

И помяни всех усопших о надежди воскресения Жизни Вечныя (имена). И упокой их, идеже присещает свет лица Твоего. Езде молим Тя, помяни, Господи, всякое епископство православных, право правящих слово Твоея истины, всякое пресвитерство, во Христе диаконство и всякий священнический чин.

Еще приносим Ти словесную сию службу о вселенней, о Святей, Соборней и Апостольстей Церкви, о иже в чистоте и честном жительстве пребывающих; о Богохранимем стране нашей, властех и воинстве ея. Дажь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.

В первых помяни, Господи, Великаго Господина и Отца нашего Алексия, Святейшаго Патриарха Московскаго и всея Руси, и егоже даруй святей Твоей Церкви в мире, целых, честных, здравых, долгоденствующих, право правящих слово Твоея истины. И всех и вся.

Помяни, Господи, град сей, в немже живем, и всякий град и страну, и верою живущих в них. Помяни, Господи, плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и спасение их. Помяни, Господи, плодоносящих и добротворящих во святых Твоих церквах и поминающих убогая и на вся ны милости Твоя низпосли (имена живых).

И даждь нам единем усты и едином сердцем славити и воспевати Пречестное и Великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

И да будут милости Великаго Бога и Спаса вашего Иисуса Христа со всеми вами».

Эта длинная молитва начинается словами: «Станем добре, станем со страхом, вондем. Святое Возношение в мире приносить. Милость мира. Жертву хваления». А кончается возгласом: «И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами». Тут говорится о милости, что будем приносить Святое Возношение, Милость мира и Жертву хваления. А здесь, уже получив эту милость, священник говорит: «Да будут милости Великаго Бога...со всеми вами». Этот возглас начинает последнюю часть литургии.

Анафора Василия Великого гораздо длиннее, чем анафора Иоанна Златоустого. Именно потому, что наш народ не умеет, не готов воспринять эту молитву и участвовать в ней так, как должно, эта молитва ушла в алтарь, стала произноситься только священником в алтаре. В древности апостолы, а потом великие святители, и Василий Великий, и Иоанн Златоуст, и другие читали эти молитвы вслух всей Церкви. Так что тайные молитвы — не значит секретные. Причина их тайного произнесения, то есть не вслух, а тихо в алтаре, только в том и состоит, что оказалось непосильным для народа церковного участвовать в них.

Молодые священники частенько, все это понимая, испытывая свои силы, пробуют читать эти молитвы вслух. Но крайне редко этот опыт бывает удачным. Обычно священник через некоторое время начинает чувствовать, что он старается, читает громко, а народ его как бы не слышит, не участвует с ним в молитве. И он понимает, что так он совершать литургию не может. Нельзя говорить о великом и святом, чтобы тебя не слушали. Ты к человеку взываешь: давай помолимся, «Станем добре, станем со страхом», а никто не становится «добре, со страхом» и не участвует в литургии, не молится. И эта причина, когда священник не может включить в молитву всю паству, — эта причина и является главной для того, чтобы молитву не читать вслух. Конечно, это потеря, и потеря очень большая. Конечно, не так должно быть.

Но что делать? Вот, например, когда у нас маленькие дети, мы не можем их заставить все молитвы прочитать внятно и со смыслом, они еще их не понимают. Но тем не менее мы с ними молимся. Мы их берем за ручку или на ручки и поем «Отче наш». Пока они не понимают, что это. Но сердцем они что-то чувствуют. И пение их привлекает, они как-то по-своему участвуют в молитве. Конечно, не в полную силу, как должен участвовать взрослый человек, но в свою детскую силу. Они молятся, и привыкают к молитве, и любят ее, и даже хотят молиться, и пытаются что-то петь. Вот наша народная масса и находится, если хотите, на таком детском уровне. Она не может вслед за священником все осмыслить, все понять, все произнести и участвовать в молитвах. Поэтому Церковь давно уже решила заменить чтение определенных молитв пением — очень умильным, очень возвышенным, чистым, прекрасным пением.

Церковь решила говорить с народом этим языком образов, языком пения, языком церковного искусства.

Найдутся, конечно, такие ревностные священники и учителя церковные, которые скажут, что ни в каком случае нельзя отказываться от совместной молитвы и, что надо призывать всех читать все молитвы все-таки вслух, вернуться к прежнему. Я согласен: надо. И там, где это возможно, надо это сделать. Скажем, во время гонений, в катакомбах, когда священники и епископы служили в каких-то маленьких закутках, комнатках, они могли произносить эти молитвы вслух, потому что молящихся было немного и можно было включить всех предстоящих в одну молитву. А в больших храмах это не удается. Когда народу мало, это легче, а когда много, это трудно.

Но, конечно, чем лучше мы будем понимать, чем лучше, полнее мы будем в этих молитвах участвовать, тем торжественнее и лучше будет совершаться Божественная литургия.

Во время пения «Достойно и праведно есть» священник читает молитву: «Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего», — эта молитва благодарственная, по имени которой и вся наша служба называется Евхаристией, «благодарением». Это начало благодарения в латинской традиции называется словом «префацио».

После возгласа священника «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще», хор продолжает: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполни Небо и земля славы Твоея, осанна в вышних, благословен Грядый во Имя Господне, осанна в вышних». Это всегда поют очень торжественно и длинно, и во время этого пения священник читает следующую часть анафоры: «С сими и мы блаженными Силами, Владыко Человеколюбие, вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святой. Свят еси и Пресвят и великолепна слава Твоя; Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать Живот Вечный».

Подумайте, какое возвышенное, какое удивительное богословие заложено в этих словах. Здесь исповедание нашего упования: «С этими блаженными силами и мы вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святой. Свят я Пресвят и великолепна слава Твоя. Иже мир Твой тако возлюбил еси, что и Сына Твоего Единороднаго дать изволил, и всякий верующий в Него не погибнет, но будет иметь живот вечный». «Иже, пришед и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предаешся, паче же Сам Себе предаше за мирский живот, приемь хлеб во святыя Твоя и пречистыя и непорочныя руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде святым Своим учеником и апостолом, рек: «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов».

Во время всей этой молитвы хор поет «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф». У католиков эта часть анафоры, которую читает священник тайно, по имени этой песни, называется «санктус».

Священник, говоря слова «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов», указывает на святой Агнец, который лежит на престоле, на дискосе, а в католической церкви не только указывает, но и благословляет. Поскольку молитва не слышна, то получается, что священник возглашает слова Христа от первого лица: «...Сие есть Тело Мое...» и указывает рукой на святой хлеб. Получается изображение Тайной Вечери, когда Христос сказал: «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое...» и указал на хлеб. И вот католики считают, что эти слова и являются так называемой сакраментальной формулой, тайносовершительными словами, что это главные слова, слова Христа. Более того, они учат, что в этот момент рука священника — это рука Самого Христа, священник в этот момент является как бы заместителем Христа здесь, на земле. Это католическое учение, которое известно прежде всего в отношении папы римского, считающегося наместником Христа на земле, католики распространяют и в отношении священника — правда, только на литургический момент.

Наше русское богословие до сих пор не освободилось от плена католицизма. Русское богословие имеет своей колыбелью Киево-Могилянскую академию, которая была, по существу, почти католической. Для того чтобы получить необходимых преподавателей, Петр Могила, митрополит Киевский, посылал молодых людей в католические школы на

Запад, а потом они там даже принимали католичество, чтобы их приняли учиться, а потом, выучившись в католической школе, они возвращались в Киев, снова переходили в православие и преподавали богословские дисциплины уже по-латыни. Конечно, они могли преподавать только то, что слышали в католической школе, но в самых очевидных местах перефразируя все это на православный лад и кое-где разоблачая католицизм и утверждая православие. Но в принципе метод их мышления, система преподавания, весь строй богословия — все это оказалось в плену у католицизма, и на протяжении нескольких столетий с большей или меньшей силой все это жило в нашей православной духовной школе.

Дух схоластики, который еще и до сих пор не покидает нашу семинарию, — это дух, идущий с Запада. Это нужно понимать, а не осуждать. Понадобится еще некоторое время, чтобы русское богословие наконец скинуло с себя оковы католического мышления. Мы должны быть очень внимательными, освободиться от католического влияния и возвращаться к древнему православному святоотеческому богословию, чистому богословию, восточному богословию.

Даже читая наши тайные молитвы, легко можно убедиться, что такого смысла, о котором говорят католики, здесь нет, потому что слова «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое...», — священник говорит, пересказывая, что сделал Христос на Тайной Вечери, поэтому нет оснований считать, что это говорится от первого лица.

Дальше хор поет «Аминь», а священник читает тайно: «Подобие и Чашу по вечери, глаголя: «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов». И хор опять отвечает: «Аминь».

Хотя священник и не говорит от первого лица, но потом он будет благословлять Святые Дары. И это значит, что его роль здесь — не просто роль рассказчика, и древняя православная традиция называет священника совершителем Божественной литургии. Одновременно мы говорим, что Ты еси и приносимый, и приносящий, — что Святые Дары освящаются Богом-Духом Святым. И все молитвы об освящении Святых Даров возносятся к Богу-Отцу. Но, с другой стороны, священник совершает Божественную литургию. И тут весьма важно понять, что священник в Литургии в наибольшей степени являет образ Христа, он делается в этот момент заместителем Христа или его рука делается рукою Христа.

Богословие — это очень трудная и тонкая область, и истина всегда очень тонко отличается от лжи, редко бывает так, чтобы ложь была грубой, совершенно очевидной, с каким-то очевидным противопоставлением. Это бывает очень редко, потому что тогда никто этой лжи не поверит. Если, скажем, на белую доску сказать, что она черная, этому никто не поверит. А если сказать, что она не белая, а в рубчик, такая серенькая... Тут уже будет труднее спорить, может, она и на самом деле серенькая, а не беленькая?

По этой причине ложь всегда почти в жизни является в виде тонкого искажения, и отыскивать истину поэтому бывает особенно трудно. Именно в

этих тонких моментах, где требуется особенно чистое сердце, особенно острая чувствительность — нужно приложить все свои силы, собрать все свое внимание и искать правильные формулировки. Так было всегда в Церкви. Вы помните, как на Первом Вселенском Соборе св. Афанасий Великий изменил всего одно слово: вместо «подобносуший» он сказал «единосушный», и получилась правильная формулировка догмата, хотя изменился один слог одного слова. И вот на этом уровне открывается истина. Все формулировки догматические найдены с огромным трудом, потому что истину познать, сформулировать очень трудно. Так и здесь: нужно понимать разницу между тем, чтобы быть заместителем Христа на земле, наместником Христа на земле или быть образом Христа на земле. Мы говорим, что священник — это живой образ, живая икона, так и каждый человек есть образ и подобие Божие, а священник — это в особенности образ Христов. И этот образ более всего просветляется, является нам во время Божественной литургии. Так что действия священника, когда он указывает на хлеб и вино, когда он потом благословляет их, его молитва — все это прообразует Христа. Это не значит, что рука священника стала рукою Христа. Нет, но здесь дается образ.

Этот образ (икона) помогает нам, она помогает обратиться к первообразу, она даже может нести в себе особенное благодатное присутствие, таинственное благодатное присутствие, как чудотворные иконы несут в себе особенный благодатный дар. Но как только мы скажем, что чудотворная икона — это и есть Божия Матерь, то мы сразу делаемся язычниками, сразу же преступаем заповедь: не сотвори себе кумира и не поклоняйся никакому кумиру. Тут уже икона перестает быть иконой, а делается кумиром. И надо сказать, что в русском народе это часто так и бывает. Потому что эти тонкие моменты народ часто упускает из виду и не умеет почувствовать разницу. И для него икона делается талисманом, именно кумиром, а не образом.

Православное понимание иконы именно таково, что это есть образ, возводящий к первообразу. Православное понимание священства в том состоит, что священник — это образ. И во время литургии является нам образ Христа, Христа-священника.

Надо сказать, что католическое заблуждение здесь отчасти объясняется и смягчается тем, что у них нет литургии Василия Великого и Иоанна Златоустого. Они совершают мессу, которая имеет совершенно иной текст. Текст мессы очень древний, он не имеет строгого авторства, восходит к первым векам. Но несмотря на свою древность, текст мессы не имеет тех достоинств, которые имеет литургия Василия Великого и Иоанна Златоустого. В ней нет такого четкого и ясного богословия, мысль не выражена так ясно и так стройно, с такой удивительной духовной красотой, строгостью и последовательностью. Молитва, которая содержится в мессе, тоже, конечно, очень умильная, трогательная, но она не имеет такой ясной четкости. А такая нечеткость, может быть, легче допускает неправильное толкование. И можно в этом смысле несколько смягчить наше

негодование на католиков, потому что они исходят из того, что у них есть, а у них текст мессы, а не нашей православной литургии.

После того, как священник сказал эти два возгласа — «Приимите, ядите...» и «Пийте от нея вси...» — он читает молитву в алтаре, опять тихо:

«Поминающе убо спасительную сию заповедь и вся, яже о нас бывшая: Крест, Гроб, тридневное Воскресение, на Небеса восхождение, одесную седение, Второе и славное паки пришествие». И дальше возглашает громко: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». То есть, поминая Твою спасительную заповедь и все, что Ты совершил для нас: и Крест, и Гроб, и тридневное Воскресение, и восхождение на Небо, и седение одесную Отцы, и Второе и славное паки пришествие — все это вспоминая, мы, Твоя от Твоих Тебе приносящие о всех и за вся, «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим. Господи, и молим Ти ся. Боже наш». Во время этого священник или дьякон берет руками, сложенными крест-накрест, дискос и Чашу и возносит над престолом. И вот это и есть возношение — анафора. Именно со словами «Твоя от Твоих Тебе приносяще» он поднимает и возносит к Богу эти Дары. А хор поет в это время: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш». Это и есть вершина евхаристического канона. В это время многие в храме встают на колени.

Хор поет обычно медленно и довольно протяжно, долго, потому что во время пения священник в алтаре произносит много молитв и происходят все главные действия анафоры. Священник говорит: «Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем (то есть умиляемся), низпосли Духа Твоего Святаго на вы и на подлежащие Дары сия», то есть и просим, и молим, и умоляем Тебя: низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на подлежащие Дары сия.

Вся анафора обращена к первому лицу Святой Троицы — к Богу-Отцу, но эта особенная молитва (она называется по-гречески эпиклезис, в просторечии *эпиклеза*, что значит «призывание») обращена к Святому Духу. Это молитва призывания Святаго Духа на Святые Дары. После этой молитвы: «И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего».

Говоря последние слова, священник благословляет Святой Хлеб крестом. Дьякон отвечает: «Аминь». И говорит: «Благослови, Владыко, Святую Чашу». А священник говорит: «А еже в Чаши сей, Честную Кровь Христа Твоего». И благословляет крестом — рукой совершая крест — Святую Чашу. Дьякон: «Аминь. Благослови, Владыко, обоя» (то есть и то, и другое). И священник благословляет одновременно одним большим крестным знаменем и дискос, и Чашу со словами: «Преложив Духом Твоим Святым». Дьякон отвечает: «Аминь, аминь, аминь». И оба они и все находящиеся в алтаре и в храме делают земной поклон. Это и есть вершина анафоры. После этого момента перед нами Тело и Кровь Христовы. То есть, хлеб и вино прелагаются в Тело и Кровь Христовы. Как видим, священник здесь благословляет Святые Дары.

И здесь тоже возникает очень много разных трудных проблем, связанных с католическим учением о литургии и вообще о Таинствах.

Католики считают, что для совершения Таинства необходимо правильное произнесение сакраментальной, или таиносовершительной, формулы. И наше русское богословие до сих пор еще до конца не отрешилось от этого католического учения, хотя именно в этом веке благодаря усилиям русских богословов в эмиграции началось освобождение от этого учения. Но до сих пор еще многие не свободны от этого вполне.

До недавнего времени все русские священники были воспитаны в том, что есть *тайносовершительная формула*. Встает вопрос: какая же это формула? Где эта формула? Католики совершенно точно говорят: таиносовершительной формулой являются слова Господни: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за Вы ломимое во оставление грехов. Пийте от Нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов». Евангельские слова Христа как раз и являются таиносовершительной формулой.

Произнося эти слова, католический священник благословляет Святые Дары, в этот момент происходит, как они говорят, *пресуществление* Святых Даров. Пресуществление, то есть меняется их сущность. Была сущность хлеба и вина, а стала сущность Тела и Крови Христовых, произошло пресуществление.

Но на Востоке у святых отцов мы не находим такого термина и такого грубого понимания Таинства. Ища правильный термин, русское богословие нашло другое слово — *преложение* Святых Даров. Сказать, что хлеб и вино превращаются, будет неправильно и грубо, это не определяет и даже искажает смысл того, что происходит. Превращение — это не то, что происходит здесь. Пресуществление — тоже не так, нельзя сказать, что сущность хлеба и вина здесь превратились в сущность Тела и Крови Христовых, это будет философски недостаточно, это не передает смысл таинства. Термин «преложение» оказывается здесь самым подходящим. Что значит «преложение»? Это значит, что здесь происходит некая тайна, которая лучше всего этим словом славянским обозначается. Прелагаются хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы.

И мудрость, и красота православного богословия именно в том состоит, что оно умеет эту тайну почувствовать и не дерзает объяснять ее до конца, потому что она необъяснима. А католическое богословие хочет обязательно все разложить по полочкам, все назвать своими человеческими именами, которые здесь не подходят. Нельзя все подвергнуть такому анализу и не нужно, это не целомудренно, это дерзновенно. Здесь нужно именно дать обозначение тайны, которую мы не дерзаем объяснять в каких-то философских категориях, потому что все это будет неточно, неподходяще, по-человечески, и слово «преложение» употребляется в этом смысле. Вернемся, тем не менее, к учению о таиносовершительной формуле.

В тексте мессы нет последующих молитв: нет эпиклезы, нет призывания Святаго Духа. Нет и молитвы, которая называется анамнезис,

которая читается после слов «Пиите от нея вси...», — «Поминающе убо спасительную сию заповедь...». Эта молитва называется «воспоминание». Помните, как Господь говорил: «Сие творите в Мое воспоминание». Анамнезис и есть воспоминание. Эпиклезы у них просто нет.

Богословы Киево-Могилявской академии не могли это принять, потому что в тексте литургии Иоанна Златоустого и Василия Великого следует дальше эпиклеза — призывание Святого Духа, в которой говорится: «Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святого на ны и на предлежащие Дары сия». Поэтому и давали отпор католическому учению: они находили тайносовершительную формулу совсем в другом месте, в словах: «Преложив Духом Твоим Святым». Такое юридическое объяснение в духе католицизма, конечно, претит православному восприятию литургии.

И вот уже в глубокой древности, много столетий назад, неизвестно где и как, еще в рукописной традиции появилась так называемая интерполяция, то есть вставка тропаря третьего часа. После молитвы - эпиклезы вставляется тропарь: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся». В течение многих последних веков православные священники и епископы на этом месте читают трижды тропарь третьего часа, который, по существу, является тем же призыванием Святого Духа, то есть усилением эпиклезы.

Эта интерполяция на самом деле есть явление довольно печальное, хотя она и вошла в обиход, в традицию очень прочно. И сейчас ни один священник, ни один епископ не дерзает эту молитву опускать, хотя в новом издании Служебника эта молитва поставлена в скобки. Уже довольно давно греки обнаружили, что в древности этого тропаря не было, это позднейшая вставка, которая искажает древний текст анафоры, и убрали молитву третьего часа. Ни в Греческой, ни в других восточных Церквях молитву третьего часа не произносят. Действительно, во-первых, в древности в литургии ее не было. Во-вторых, вся анафора есть обращение к Богу-Отцу. «И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего» — это обращение к Богу-Отцу; «...низпосли Духа Твоего Святого на ны...» — к Богу-Отцу и «Сотвори убо Хлеб сей...» — к Богу-Отцу. А в середине этой непрерывной молитвы вставлена молитва третьего часа, которая обращена к Богу-Сыну, ко Второму Лицу Святой Троицы. Единая молитва искусственно разрывается. И вполне понятно, что греки, обнаружив такую несогласованность, упразднили ее. На Руси мы до сих пор не можем от этой ошибки освободиться.

Конечно, молитва третьего часа не мешает литургии, но нарушается некая стройность, цельность, красота древней анафоры. Особенно грустно это бывает тогда, когда происходит совместное служение с греками.

Литургию это не меняет и не портит, поэтому тревоги тут не должно быть большой. Но нужно понимать, откуда и что происходит. А происходит из борьбы католического понимания сакраментальной формулы и православного понимания. А на самом-то деле никакой борьбы было не

нужно, она сама по себе надумана, потому что нужно было просто сказать: нет у нас никакой тайносовершительной формулы, не было, не будет и не нужна она. У вас она есть, а у нас ее нет. Она нам просто не нужна. У нас есть текст древней анафоры Василия Великого и Иоанна Златоустого, а тайносовершительной формулы у нас нет. У нас анафора — вся целиком совершительная.

Мы можем сказать такие слова только теперь, в XXI веке, когда мы, наконец, отделались от плена католического и научились говорить и понимать, что Таинство не нуждается в таком юридическом оформлении, Таинство есть тайна. Если тайные молитвы — это не тайна и не секрет, то Таинство — это тайна. В Таинстве совершается чудо, и бесполезно и безнадежно будет говорить о том, в какой момент, какими словами юридически его можно совершить.

И это совершается верой и любовью Церкви! Таинство совершается Богом. Наша задача — с любовью и с верой совершить тот чин, который освятила наша Церковь. И весь этот чин нужен. Но если даже какое-то одно слово по ошибке, случайно заменится на другое, беды не произойдет. По-католически уже все — не произнеслась формула, значит, литургия не совершилась. А в православном понимании это не имеет такого значения. Дело не в формулах, а в том, каким сердцем, с какой верой, с какой любовью к Истине, с какой молитвой к Богу мы совершаем эту службу. Произнося анафору, мы знаем, что здесь теперь у нас — Тело и Кровь Христовы. И после того как мы делаем земной поклон, диакон говорит: «Помяни мя, святой Владыко, грешного», а священник благословляет его: «Да помянет тя Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Дальше читаются молитвы: «Яко же (чтобы) быти причащающимся, во трезвение души, во оставление грехов; в приобщение Святаго Твоего Духа, во исполнение Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение».

После: «Еще приносим Ти словесную сию службу о иже в вере почивших праотцах, отцах, патриарсах, пророках, апостолах, проповедницах, евангелистах, мученицах, исповедящих, воздержницах и о всяком душе праведном, в вере скончавшемся, «священник громко возглашает: «Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии». В это время он берет кадило, делает кадилом крест и кадит Святые Дары. А хор поет «Достойно есть...».

Священник продолжает: «О святем Иоанне Пророце..., о святых славных и всехвальных Апостолах..., о святых, память которых мы ныне совершаем, и о всех святых Твоих, их же молитвами посети нас, Боже, и помяни всех усопших...». И вот здесь священник должен помянуть всех усопших, а потом живых.

Именно здесь поминаются усопшие. Мы с вами говорили о поминовении на Литургии уже несколько раз. Мы говорили о поминовении

на проскомидии, на ектении сугубой и заупокойной. Обычно христиане знают только эти два места поминовения.

Но поминовение, которое здесь должно быть, во время анафоры, после слов «И помяни всех усопших о надежде воскресения Жизни вечныя...» — это поминовение неотменяемое, оно является самым главным. Именно здесь, после того, как на престоле возлежат Святые Тайны, Тело и Кровь Христовы, после того, как вершина анафоры уже прошла, теперь священник должен помолиться за умерших и живых, за тех, кто особенно требует этой молитвы. И в этот момент можно помолиться поименно, это самая горячая, самая сильная молитва. Это последняя часть анафоры. Это ходатайство неотменимо, оно обязательно нужно. И нужно, чтобы священник здесь усердно молился, эта молитва имеет особенную силу. И если священник будет усердно молиться, по молитве его будут совершаться чудеса. И помянув усопших, он говорит: «И упокой их, идеже присещает свет лица Твоего», А потом продолжает: «Еще молим Тя, помяни, Господи, всякое епископство православных, право правящих слово Твоея истины, всякое епископство, во Христе диаконство и всякий священнический чин».

«Еще приносим Ти словесную сию службу о вселенной, о Святей, Соборней и Апостольстей Церкви, о иже в чистоте и честней жительстве пребывающих; о Богохранимем стране нашей». И здесь вполне уместно помянуть все самое главное, обо всем можно просить Господа в этот момент. Кончается это ходатайство так: «Даждь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте».

В конце 20-х годов XX в., после смерти Патриарха Тихона, произошел раскол. Одним из поводов к этому расколу была молитва о властях, потому что наиболее ревностные епископы, священники и миряне не хотели молиться за советскую власть, за власть, которая гонит Церковь, которая преследует Ее. А было постановление Патриарха Тихона, а потом митрополита Сергия поминать власть на ектениях и в молитвах. И вот такое поминовение властей Патриарху Тихону простили, потому что чтили его как святого, а митрополиту Сергию не простили. И многие ушли в раскол из-за этого. Говорили, что это измена — молиться во время литургии за гонителей Церкви, за богохульников и богоборцев, это недозволенный компромисс, уступка, которая совершается в целях выгоды и сохранности своей жизни.

Так вот, в ответ на это очень важно услышать, как молится церковь за властей:

«Даждь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Мы поминаем власти не так, как поминаем православных христиан, но молимся за них так, как повелел нам молиться апостол. Вы помните, в послании апостола Павла есть слова, повелевающие молиться о властях. Вот мы так и молимся о них. И ничего здесь плохого нет. Так можно молиться за любого Ирода и Нерона, за кого хотите. Мы молимся, чтобы Господь дал им мирное правление, чтобы мы могли при их правлении тихое и безмолвное житие жить.

После этого возглашается громко: «В первых помяни, Господи, Великаго Господина и Отца нашего Алексия, Святейшаго Патриарха Московскаго и всея Руси, его же даруй святей Твоей Церкви в мире, цела, честна, здрава, долгоденствующа, право правдиво слово Твоя истины». И хор отвечает: «И всех и вся», а священник продолжает: «Помяни, Господи, град сей...» Завершается это возгласом: «И даждь нам единеми усты и едином сердцем славити и воспевати Пречестное и Великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков».

После этого возгласа в Служебнике написано: «Священник обращая ко дверем и, благословляя, глаголет». А до этого еще написано киноварью: «И поминает по именам, их же хочет, живых». То есть здесь священник поминает и живых, которые нуждаются в его молитве: больных, тех, кто особенно нуждается в ходатайстве. Это поминовение завершает анафору.

В поминовении, которое завершает анафору, говорится, что мы прежде всего поминаем Патриарха и епископа той епархии, в которой находится данная церковь. Это место указывает на нашу, церковную принадлежность, нашу церковную юрисдикцию.

Если бы мы с вами пришли в приход зарубежной церкви, то по всей службе мы бы не отличили ее службу от православной службы. Все совершается так же, как и у нас. Но в этом месте, так же, как и на великом входе и в ектениях, будет поминаться другой епископ. По этому поминовению можно всегда понять юрисдикционную принадлежность церкви и прихода. Это дается не только для информации — это есть исповедание православной церковью своей канонической принадлежности.

После этого поминовения певцы поют: «И всех и вся». То есть, это всё продолжается одна молитва. А священник продолжает про себя:

«Помяни, Господи, град сей, в немже живем, и всякий град и страну, и верою живущих в них. Помяни, Господи, плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и спасение их. Помяни, Господи, плодоносящих и добротворящих во святых Твоих церквах и поминающих убогая и на вся ны милости Твоя низпосли».

И дальше возглас: «И даждь нам единеми усты и едином сердцем славити и воспевати Пречестное и Великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». И опять возглас: «И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами». Здесь священник поворачивается к народу и благословляет его. А хор отвечает: «И со Духом твоим».

И хотя существует несколько разных толкований о том, где кончается анафора, мы можем сказать, что анафора кончается именно здесь. Главная часть литургии начинается после возгласа диакона: «Встанем добре, встанем со страхом, вондем, Святое Возношение в мире приносить» словами «Милость мира, Жертву хваления» и заканчивается возгласом священника: «И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами».

Милость Божия призывается на нас. После этого диакон исходит на амвон и возглашает особенную ектению, которую мы больше нигде в богослужении не встретим, она присутствует только в чине литургии.

Начинается эта ектения тоже особым образом: «Вся святая помянувши, паки и паки миром к Господу помолимся». Затем: «О принесенных и освященных Честных Дарех Господу помолимся». И тут можно спросить: что же это значит? Принесены и освящены Святые Дары, то есть на престоле уже теперь присутствуют Тело и Кровь Христовы, какой же смысл о них молиться?

Смысл содержится в следующей молитве: «Яко да Человеколюбец Бог наш, приемь я (то есть их) во святой, и пренебесный, и мысленный Свой Жертвенник, в воню благоухания духовнаго, восниспослет нам Божественную благодать и дар Святаго Духа, помолимся». То есть, молимся о том, чтобы Господь, приняв Святые Дары, возниспослал нам Божественную благодать и дар Святаго Духа.

После этого следует продолжение обычной просительной ектении: «О избавитися нам от всякия скорби..., Заступи, спаси, помилуй..., Дне сего совершенна, свята, мирна и безгрешна, у Господа просим» и так далее. Священник в это время читает молитву: «Тебе предлагаем живот наш весь и надежду, Владыко Человеколюбче, и просим, и молим, и мили ся деем; сподоби нас причаститися Небесных Твоих и Страшных Тайн, сия священная и духовныя Трапезы, с чистою совестью, во оставление грехов, в прошение согрешений, во общение Духа Святаго, в наследие Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение».

Это уже молитва перед причащением, и последний возглас ектении, последнее прошение тоже здесь совершенно особенные: «Соединение веры и причастие Святаго Духа испросивше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». Затем священник делает тоже особенный возглас: «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно смети призываети Тебе, Небеснаго Бога Отца и глаголати: ...». И верующие — весь храм поют молитву «Отче наш» — молитву Господню.

Здесь вполне уместно сказать, что молитва Господня в этом месте поется не случайно.

В 6 главе Евангелия от Иоанна Господь говорит о хлебе, спешшем с небес. Многие Святые отцы так и толкуют эту молитву как молитву о литургии. Поэтому вполне естественно, что в этой молитве мы просим о том, чтобы Господь не лишил нас этого небесного хлеба.

Затем возглас священника: «Яко Твое есть Царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков». Потом священник говорит снова: «Мир всем. Главы ваша Господеви приклоните». И следует еще одна молитва: «Благодарим Тя, Царю Невидимый, Иже неисчетною Твоею силою вся содетельствовал еси и множеством милости Твоя от небытия в бытие вся привел еси. Сам, Владыко, с небесе призри на подклоньшия Тебе главы своя; не бо подклониша плоти и крови, но Тебе, Страшному Богу. Ты убо, Владыко, предлежащая всем нам во благое

изравняй, по коегождо своей потребе: плавающим сплавай, путешествующим спутешествуй, недугующия исцели, Врачу душ и телес». И возглас: «Благодатию, и щедротами, и человеколюбием Единороднаго Сына Твоего, с Нимже благословен еси, со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Эта молитва объединяет в себе: благодарение; прошение о том, чтобы Господь сподобил нас, участников Литургии, своей особенной милости; ходатайство о всех плавающих, путешествующих, недугующих, об их исцелении. Наконец, читается последняя молитва: «Вонми, Господи Иисусе Христе, Боже наш, от святаго жилища Твоего и от Престола славы Царствия Твоего и прииде во еже освятити нас, Иже Горе со Отцем седяй и zde нам невидимо спребываяй. И сподоби державною Твоею рукою преподати нам Пречистое Тело Твое и Честную Кровь, и нами — всем людям».

Это уже молитва о причастии. И после этого священник молится: «Боже, очисти мя, грешнаго, и помилуй мя», — трижды, а диакон на амвоне провозглашает: «Вонмем».

Здесь заключительный момент литургии. Священник, трижды помолившись и поклонившись, подходит вновь к престолу, берет обеими руками Святой Агнец и вновь возносит его, уже отдельно, поднимает над диском, громко возглашая: «Святая святым».

Такое возношение было еще в середине анафоры, когда диакон или священник поднимал дискос и Чашу, а в это время возглашалось: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». А вот теперь уже освященный Агнец снова возносятся со словами «Святая Святым!». И хор поет: «Един Свят, Един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца. Аминь». А диакон, войдя в алтарь и приблизясь к престолу, говорит: «Раздроби, Владыко, Святый Хлеб».

Священник говорит: «Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но причащающихся освящай». Говоря эти слова, он разламывает Агнец на четыре части. Вы помните, как на проскомидии Агнец надрезался крестообразно. Вот по этим разрезам священник разделяет Агнец на четыре части и помещает их на дискосе таким образом; сверху частицу «ИС», снизу частицу «ХС», частицу «НИ» — с северной стороны дискоса, частицу «КА» — с южной стороны.

Затем диакон говорит: «Исполни, Владыко, Святый Потир». Священник берет частицу «ИС» и погружает его во Святую Кровь в Святой потир со словами: «Исполнение Духа Святаго». Тогда диакон подносит теплоту, то есть горячую воду в специальном сосуде или в ковшике и говорит: «Благослови, Владыко, теплоту». Священник благословляет теплоту рукой крестообразным знамением и говорит: «Благословенна теплота святых Твоих, всегда, ныне а присно и во веки веков. Аминь». И диакон вливает эту теплоту в Святую Кровь в Потир. Это древний обычай, ставший многовековой традицией. Этому вливанию теплоты придается особенное значение — это «теплота святых Твоих», полагается, чтобы Чаща слегка

согрелась от этой теплоты. В «Учительном известии» даже есть прещение на священника, который будет причащать холодной Кровью Господней. Чаша должна быть хотя бы слегка теплой. Теплота здесь символизирует теплоту святости, теплоту веры, теплоту любви, теплоту жизни и благодати Божией. После этого священник берет частицу «ХС» и разделяет ее, если служит с диаконом, то на две части, если сослужащих больше, то по количеству сослужащих ему священников и диаконов, как бы много их ни было. Если служит Патриарх, бывает 50 сослужащих епископов, священников и диаконов. И все равно частица разделяется по числу служивших (в этом случае Агнец берется большой).

Затем священник говорит: «Диаконе, приступи». Священник и диакон совершают земной поклон и даже читают коленопреклоненную молитву перед престолом, особенно усердную молитву. Обычно говорят молитву «Ослаби, остави, прости...» или молитву своими словами. Некоторые говорят: «Се, приступаю...». Диакон говорит, целуя и поклоняясь престолу: «Преподаждь ми, владыка, Честное и Святое Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Священник берет частицу Тела Христова и говорит, скажем, так: «Александрю, священнодиакону, преподается Честное и Святое и Пречистое Тело Господа в Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов его и в Жизнь Вечную». И вкладывает в руки диакона частицу Святого Тела Христова. Диакон целует руку священника и благоговейно становится сбоку от престола.

После этого священник берет другую частицу и читает молитву: «Верую, Господи, и исповедую...», которую мы обычно слышим перед причащением. Потом «Вечери Твоя Тайныя». Затем произносит: «Честное и Пресвятое Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа преподается мне (имя), Священнику, во оставление грехов моих и в Жизнь Вечную». И вместе с диаконом и с сослужащими причащается Тела Христова.

Если служит епископ, то он причащается первым сначала Тела Христова, потом от Чаши, потом причащает священников и диаконов. Если служат несколько священников, то сначала причащаются все священники, а потом уже все диаконы.

После того как все причастились Тела Христова, священник берет в руки Чашу со словами: «Честный и Святыя Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа причащаюся аз, раб Божий, священник (имя), во оставление грехов моих и в Жизнь Вечную. Аминь». Обычно священник отпивает от Чаши трижды со словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Потом целует Чашу со словами: «Се прикоснуся устам моим, и отымет беззакония моя, и грехи моя очистит». И дальше говорит: «Диаконе, приступи».

Подходит диакон со словами: «Се прихожду к Безсмертному Царю и Богу моему. Преподаждь ми, Владыко, Честное и Святое Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». И священник из своих рук дает ему причаститься от Чаши трижды — так же, как причащался сам. Если служит епископ, то он причащает так священника и диакона.

Для чего я так подробно рассказываю вам о том, чего вы никогда не можете видеть, кроме как на Пасху, в Пасхальную седмицу? Для того, чтобы сказать, что именно так в древности причащались все христиане. Каждый христианин, и мужчина и женщина, подходили к престолу и получали из рук священника или епископа частицу Тела Христова и причащались ей. Затем подходили во второй раз, и священник причащал их от Чаши.

Соответственно этому во время причастия Святых Христовых Тайн стали возникать тяжелые злоупотребления. Получив в свои руки Тело Христово, многие обращались с Ним неблагоговейно: роняли крошки на пол, выходили из храма, имея в руках Тело Христово, или уносили Его с собой. И тогда священноначалие приняло меры. Мирян стали причащать другим образом. После того как причастятся священнослужители в алтаре, священник берет частицы «НИ» и «КА» и раздробляет их на много частей, но теперь уже не дает их в руки причащающимся, а погружает в Святую Чашу. Потом Чаша выносится на амвон, и все причастники причащаются лжицей сразу двумя видами — Телом и Кровью Христовыми, что позволяет избежать всяких злоупотреблений, неблагоговейного и кощунственного обращения со святыней.

Образ нашего причастия сильно отличается от причастия католического, потому что католики несколько упростили способ причащения. Прежде всего, они стали приготавливать хлеб, который должен стать Телом Христовым, иначе, чем православные. Они готовят его из опресноков, то есть это хлеб не квасной, а пресный. Мы наши просфоры, и агничные в том числе, готовим из обычного дрожжевого теста, а католики усвоили практику ветхозаветную и готовят этот хлеб из пресного теста. Кроме того, если у нас Агнец вырезается из большой просфоры, то у них приготавливаются так называемые облатки. Пластинки с печатью, разделенные на множество частичек, очень твердые, освящаются во время мессы и очень легко разламываются на частички. Это и есть облатки. Самое серьезное искажение православной практики состоит в том, что эти облатки не погружаются в Чашу, миряне причащаются, как говорят, под одним видом — только Тела Христова. Как мы уже говорили, месса католическая признается нами как литургия и как благодатное Таинство. Мы считаем, что у них есть это Таинство. Но на самом деле они причащаются только Тела Христова. Под двумя видами причащаются только священнослужители. Только они отпивают от Чаши, а мирянам — вероятно, тоже из соображений безопасности, чтобы не было злоупотреблений — даются только облатки.

Это повлекло за собой еще одно очень тяжелое искажение. Поскольку был догматизирован такой способ причастия — под одним видом, — стало понятно, что детей маленьких причащать нельзя, так как ребенок проглотить облатку не может. Мы маленьких детей тоже причащаем под одним видом — Святой Кровью. Но считаем это достаточным потому, что в эту Святую Кровь уже погружено Тело Христово, в Святой Чаше есть полнота — и Тела, и Крови Христовых. Мы берем на лжицу Святой Крови и даем младенцу, чтобы он мог причаститься. Но поскольку у католиков миряне не

причащаются Кровью Христовой, то они младенца таким образом причастить не могут. Отсюда это новое серьезное искажение: младенцы у католиков не причащаются вообще.

Сейчас, в XXI веке, а может быть раньше, практика причащения у католиков сильно меняется, как и многое другое, под влиянием православия. Потому что православное богословие, вышедшее из-под влияния католиков, нашло такие аргументы против католической практики, что католики стали наконец прислушиваться к православным. До сих пор они нас называли только схизматиками, то есть раскольниками, и не желали внимать нашему голосу, хотя о существенных искажениях в католической литургии писал еще Патриарх Фотий. Но тогда это не принималось. В XX веке католики стали прислушиваться к православным. Сейчас они стали причащать детей, но только таких, которым уже можно дать облатку, причащать мирян под двумя видами они пока не могут. Это тоже вызывает некоторое удивление, потому что у них нет таинства миропомазания для младенцев. Следовательно, они причащают детей до миропомазания.

В Православной Церкви сохранилась древняя практика причащения мирян под двумя видами. У нас причащаются все в полноте так же, как и священники, хотя и несколько другим образом. Но все получают Тело и Кровь Христову.

Причастившись, священник в алтаре читает благодарственную молитву и, когда все причастники причастились, он уносит Чашу в алтарь. Диакон произносит молитву: «Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, Единому Безгрешному...», а потом Пасхальные тропари: «Светися, светися, Новый Иерусалиме!» и «О Пасха велия и Священнейшая, Христе!» Потом, поставив Чашу на престол, священник берет дискос, на котором, как вы помните, осталось множество частиц, вынутых из просфор, и погружает эти частицы в Чашу, ссыпая их с дискоса, со словами: «Отмый, Господи, грехи поминавших зде Кровию Твоею Честною, молитвами святых Твоих».

Здесь нужно понять существенную последовательность событий. В «Учительном известии» в конце Службеника есть очень строгое прещение на священника, который вдруг перепутал бы частицу Тела Христова с частицей, вынутой из просфоры, и причастил бы кого-нибудь случайно не Телом Христовым, а вот такой неосвященной частицей, вынутой из просфоры. Это считается смертным грехом для священника.

Чтобы этого не случилось, сначала раздробляется Агнец, частица Агнца большая, крупная снимается с дискоса, если к ней пристали маленькие частички, вынутые из просфор, то они отделяются. Затем на специальной тарелочке раздробляется Агнец и погружается в Чашу. В Чаше таким образом только Тело и Кровь Христовы, а частицы поминальные остаются на дискосе и погружаются в Чашу только после того, как все причастятся Святых Христовых Таин. Погружаются с многозначительными, особенными словами: «Отмый, Господи, грехи поминавших зде Кровию Твоею Честною, молитвами святых Твоих».

Таким образом, поминовению на просфорах присваивается некое особое сакраментальное значение. Это поминовение символизируется особым образом, погружением в Кровь Христову этих частиц и призыванием в молитве Господа, чтобы он Кровью Честною омыл бы грехи, как мы обычно просим в молитве... Это обычай довольно поздний, потому что поминовение на просфорах возникло довольно поздно, может быть, в VIII веке, но все же вошло в нашу богослужебную традицию очень прочно. Это усложнение литургийного чина, но очень многозначительное, красивое и для нас дорогое.

После этого священник накрывает Чашу и дискос покровцами и отдает дискос диакону, а сам поднимает Чашу над антимином, делает ею крест над антимином со словами «Благословен Бог наш». Затем поворачивается к народу, выносит Чашу на амвон через царские врата и, Чашей благословляя весь народ, громко возглашает: «Всегда, ныне и присно и во веки веков». Этот возглас многие понимают так: пусть Чаша эта будет всегда, ныне и присно и во веки веков, пусть во веки веков совершается литургия. Это, конечно, очень красивое истолкование, но на самом деле смысл иной — «Благословен Бог наш ныне, и присно, и во веки веков». Происходит некое удвоение смысла, которое, конечно, ничему не противоречит.

Потом хор поет «Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи,» — хвалебную песнь благодарственную, а диакон выходит и говорит ектению: «Прости приемше Божественных, Святых, Пречистых, Безсмертных, Небесных и Животворящих, Страшных Христовых Тайн, достойно благодарим Господа» («прости» — значит внимательно, благоговейно: с особым благоговением приемше Божественных, Святых, Пречистых, Безсмертных, Небесных и Животворящих, Страшных Христовых Тайн, достойно благодарим Господа). После возгласа «Яко Ты еси Освящение наше, и Тебе славу возсылаем...», священник говорит: «С миром изыдем», исходит из алтаря и спускается с амвона к народу. Поворачивается лицом к престолу и читает так называемую заамвонную молитву. Если много сослужащих, по обычаю эту молитву читает младший священник.

«Благословляя благословлящая Тя, Господи, и освящая на Тя уповающая, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое, исполнение Церкви Твоя сохрани, освяти любящая благолепие дому Твоего; Ты тех возпрослави Божественною Твоею силою, и не остави нас, уповающих на Тя. Мир миру Твоему даруй, Церквам Твоим, священником, воинству и всем людям Твоим. Яко всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе, Отца Светов; и Тебе славу, и благодарение, и поклонение возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков».

Вы все эту молитву знаете и помните, некоторые слова ее знают не только верующие, например, «всякое даяние благо». К сожалению, очень часто эти слова употребляются в смысле, противоположном тому, который имеет молитва. Для того чтобы что-то получить, взять, принять у кого-то, люди, оправдывая себя, говорят: «Всякое даяние благо». Но в молитве это

говорится в ином смысле: мы благодарим Тебя, Господи, потому что всякое благое даяние и всякий совершенный дар свыше исходят от Тебя, Отца Светов. Не может благое даяние и дар совершенства, совершенный дар, не может исходить снизу, не от Бога, а от нечистой силы. Только от Тебя может придти к нам благое даяние.

После этого поется «Буди имя Господне» трижды, и есть древний обычай петь 33 псалом «Благословлю Господа на всякое время», который теперь уже не поется в литургии, хотя в Служебнике и упоминается.

После этого священник, если он служит один, уходит в алтарь и читает молитву себе, а если есть диакон, то диакон приходит в алтарь, наклоняет к престолу главу, а священник читает молитву ему:

«Исполнение законов и пророков. Сам Сый, Христе, Боже наш, исполнивший все Отеческое смотрение, исполни радости и веселия сердца наша, всегда, ныне и присно и во веки веков». И благословляет голову диакона. Эта молитва на потребление Святых Даров — «Молитва, глаголемая всегда потребити Святая». Это значит, что все, оставшееся в Чаше, священник или диакон должен после литургии потребить, вкусить, принять. Чашу должен омыть, чтобы Святые Дары не остались в Чаше.

Сейчас обычно потребляют Святые Дары диаконы, если они есть в храме, и служащий священник. А в древности было не так. Очень часто Святые Дары потребляли отроки. Они подходили к престолу, и священник им давал потребить оставшиеся Святые Дары. Замечательно, что в практике отца Иоанна Кронштадтского этот обычай был возрожден, потому что, как вы помните, протоирей Иоанн Кронштадтский причащал всех, и очень многих ежедневно. И в конце его жизни ему приходилось использовать огромные Чаши, чтобы Святых Даров хватило на тысячи людей — а причастников бывало до 12 тысяч, причем многие стояли даже на площади вокруг Андреевского собора. Конечно, чтобы всех причастить, нужно было приготовить очень много Святых Даров. Современники вспоминают, что Чаша для Святых Даров была похожа по размеру на суповую кастрюлю. И для того чтобы всех причастить, с отцом Иоанном бывало очень много сослужащих священников. В последние годы он один практически не служил. К нему приезжало много духовенства, желавшего вместе с ним служить и причаститься, они помогали ему причащать народ — так же, как и теперь: когда служит не один священник, а несколько. Служба совершается всегда с одной Чашей, она символична, нельзя служить на нескольких Чашах. Но когда служба уже окончена, можно Святые Дары разделить на несколько Чаш. У отца Иоанна Кронштадтского бывало до двенадцати таких Чаш. Выходили двенадцать священников и причащали народ из двенадцати Чаш. Конечно, потребить потом оставшиеся Святые Дары одному человеку было невозможно. И вот отец Иоанн призывал мальчиков в алтарь и давал им потреблять Святые Дары.

После этого священник возглашает молитву: «Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков». Затем говорится: «Слава Тебе, Христе Боже, Упование

наше, слава Тебе», и отпуст: «Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистой Своей Матере...», дальше поминаются святые храма, святые дня, затем говорится: «иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константина града, Златоустаго (то есть поминается святой — автор литургии, которая совершалась), и всех святых, помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец».

Интересно то, что в этом возгласе отсутствует поминовение Иоакима и Анны. Обычно в отпущении говорится: «Святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны и всех святых, помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец», а на литургии поминовения Иоакима и Анны нет. Надо сказать, что большинство епископов и священников этого не замечают и поминают Иоакима и Анну, хотя в Служебнике этого нет. В этом состоит отличие литургийного отпущения.

По образу больших соборов, где служат епископы в сослужении большого количества священников, причащение духовенства занимает весьма длительное время, чтобы сэкономить время и облегчить народу выстаивание литургии, вошел в жизнь такой обычай: после запричастного стиха и пения запричастных песнопений выходит проповедник и говорит проповедь, а в алтаре причащается духовенство и приготавливается Чаша для причащения мирян.

Надо сказать, что это довольно несвоевременно, потому что проповедь перед причастием часто не очень уместна. Проповедь бывает или по евангельскому чтению или на тему праздника, она имеет как бы расширительное значение. А здесь требуется особая сосредоточенность, нужно собрать все свое внимание и молиться перед причащением Святых Христовых Тайн. Здесь нужно уже не обсуждать богословские истины, или учение Церкви о каком-то предмете, или толкование какой-то притчи — в этот момент нужно готовиться к причащению.

Проповедь после Евангелия говорить очень хорошо, но только в том случае, если священник имеет благодатный дар, умеет возвестить Слово Божие, если он имеет чувство меры, если он действительно может свою проповедь сделать достойной частью Литургии Слова.

Если же он проповедует не очень хорошо, не очень благодатно, его проповедь будет мешать, разбивать литургию.

Есть и другая практика, очень хорошая: говорить проповедь в конце литургии, когда все уже причастились, младенцы унесены из храма, остаются лишь те, кого проповедь интересует. Поскольку проповедь должна быть частью литургии, то, например, замечательный проповедник нашего времени протоиерей Всеволод Шпиллер проповедовал после «Буди Имя Господне» (вместо пения псалма 33), а потом заканчивал ее возгласом: «Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков». Его проповедь входила в состав литургии. Он придавал этому значение. Для меня это всегда было очень дорого и трогательно. Он хотел, чтобы проповедь была не после отпущения, а внутри литургии. Мне

кажется, что для современных священников и современных условий это практика очень хорошая.

Отпуст произносится с крестом в руках, и священник благословляет народ. После этого дается целовать крест, а чтец читает в это время благодарственные молитвы.

Осталось сказать еще о двух литургиях, которые совершаются в Православной Церкви — литургии Василия Великого и литургии Преждеосвященных Даров. Литургия Василия Великого совершается только 10 раз в году: в навечерие праздника Рождества Христова и праздника Крещения, если это навечерие не совпадает с воскресным днем (тогда порядок меняется: накануне совершается литургия Иоанна Златоустого, а на праздник — литургия Василия Великого). Затем литургия Василия Великого совершается на старый Новый год; 14 января по новому стилю, 1 января по старому — на день Василия Великого. Затем — в пять воскресных дней Великого Поста (в 1, 2, 3, 4 и 5 недели) и дважды на Страстной седмице — в Великий Четверток и Великую Субботу. Больше литургия Василия Великого никогда не совершается.

В этой литургии есть ряд характерных особенностей. Они не столь значительны в своих отличиях, кроме анафоры. Отличия такие: на проскомидии поминается не Иоанн Златоуст, а Василий Великий — вынимается частица за Василия Великого. Затем отличается молитва о оглашенных, но особенно отличается анафора, которая намного длиннее анафоры Иоанна Златоустого. Молитвы Василия Великого намного длиннее, поэтому песнопения — те же самые, что поются и на литургии Иоанна Златоустого, — поются очень протяженно, и выбраны специальные напевы, которые позволяют священнику читать единые молитвы, которые намного длиннее.

Анафора Василия Великого обладает неподражаемым совершенством, это венец всего литургического творчества. Нет в нашей литургической сокровищнице ничего более прекрасного, чем анафора Василия Великого. В ней соединяется поэтичность, удивительная литературная красота с совершенным богословием, с его полнотой, потому что в анафоре Василия Великого очень кратко, очень четко, а с другой стороны, чрезвычайно литературно, художественно исповедуется вероучение Православной Церкви, православная догматика. И очень жаль, что эти молитвы практически никогда не читаются вслух. Но они достаточно трудны для усвоения, особенно по-славянски, а на русский язык, я думаю, их никогда никто не решится перевести, потому что при этом будет очень многое утрачено, именно в славянском тексте они обладают особенной красотой. Эти молитвы довольно трудны, поэтому читать их вслух для народа еще труднее, чем молитвы Иоанна Златоустого, и они практически никогда не читаются. Но познакомиться с ними можно по Служебнику или прочитать в 14 номере «Богословских трудов».

Скажу об одной очень важной особенности. Возглас священника, который произносится в анафоре литургии Василия Великого, отличается от

возгласа литургии Иоанна Златоустого. Если там священник возглашает: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов», то здесь священник говорит: «Даде Святым Своим учеником и апостолом, рек: Приимите, ядите: сие есть тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». Также и следующий возглас: «Даде Святым Своим учеником и апостолом рек: Пиите от неявен: сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многая изливаемая во оставление грехов».

Здесь совершенно ясный смысл: Господь дал Своим ученикам и апостолам и сказал. И дальше прямая речь: «Приимите и ядите...». Никаких недоразумений здесь уже быть не может.

Далее следует обратить внимание на то, что здесь совершенно другой текст молитвы-эпиклезы. Она звучит так:

«Сие творите в Мое воспоминание: елижды бо аще ясте Хлеб сей и Чашу сию пиете, Мою смерть возвещаете, Мое Воскресение исповедаете. Поминающе убо, Владыко, и мы спасительная Его страдания, животворящий крест, тридневное погребение, еже из мертвых Воскресение, еже на небеса восшествие, еже одесную Тебе, Бога и Отца, седение и славное и страшное Его второе пришествие. Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся».

Эпиклеза: «Сего ради, Владыко Пресвятый, и мы, грешнии и недостойнии раби Твои, сподобльшиися служити Святому Твоему Жертвеннику, не ради правд наших — не бо сотворихом что благо на земли, — но ради милости Твоя и щедрот Твоих, яже изливал еси богато на ны, дерзающе приближаемся Святому Твоему Жертвеннику. И, предложше вместообразная Святаго Тела и Крове Христа Твоего, Тебе молимся и Тебе призываем, Свете святых, благоволением Твоя благости, приити Духу Твоему Святому на ны и на предлежащая Дары сия, и благословити я, и освятити, и показати хлеб убо сей — самое честное Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Чашу же сию — самую честную Кровь Господа и Бога и Спаса вашего Иисуса Христа, излианную за живот мира».

Иначе говоря, эпиклеза и слова, которыми благословляется Хлеб и Чаша, здесь совершенно иные, чем в литургии Иоанна Златоустого. Тайносовершительная формула здесь, по понятию католиков, отсутствует. В тех бесплодных и досадных спорах, которые православные вели в течение долгого времени с католиками, была сделана роковая ошибка. Уличаемые католиками в том, что у нас отсутствует Тайносовершительная формула (потому что в литургии Иоанна Златоустого силу тайносовершительной формулы придали словам «Духом Твоим Святым»), православные богословы того времени решили «исправить» Василия Великого и внесли сюда эти слова из литургии Иоанна Златоустого. Поэтому после слов «излианную за живот мира» священник говорит: «Преложив Духом Твоим Святым». И это получается очень бессмысленно. Нет согласования даже грамматического.

До таких ошибок доводит схоластический формализм, и надо сказать, что ошибка, которая здесь возникла, очень досадна, потому что ничего более совершенного, чем текст литургии Василия Великого, никто никогда не создал, и исправлять Василия Великого — это более чем неуместно.

Конечно, эта порча давно исправлена везде, кроме нашей Русской Церкви. У нас этот текст остался. Опять-таки не нужно думать, что наша литургия от этого что-то теряет. Теряется только лишь чистота и строгость молитвы, но по существу, конечно, литургия остается той же самой. Однако нужно сознавать, что такие вещи нежелательны.

Здесь еще нужно сказать, что сюда вставлен тропарь третьего часа — причем в середину фразы, как и в литургии Иоанна Златоустого. Здесь это получилось даже еще более грубо.

После того, как освящены Святые Дары, читается молитва-ходатайство, которая в литургии Василия Великого особенно пространна и прекрасна. Во время этой молитвы хор поет обычно «О Тебе радуется», если это Великий пост. А на праздник Рождества, Крещения, Василия Великого, в день Святого Четверга и Субботы поются другие задостойники.

В молитве-ходатайстве особенно умирительно, особенно полно содержится молитва о всем мире, о Церкви святой, о всех людях, которые присутствуют и об отшедших, о заключенных, о тех, кто страдает в каких-то болезнях — эта молитва действительно дает удивительную полноту церковного ходатайства. Это самое главное прошение литургии.

Кончается литургия так же, как и литургия Иоанна Златоустого, но на отпуске поминается Василий Великий.

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ ЦЕРКОВНОГО СЛУЖЕНИЯ

В наше время различаются два вица служения в Церкви: *священнослужение* (епископ, священник, диакон) и *церковное* служение.

Церковные служители — это те, кто служат Церкви, но не являются ни епископами, ни священниками, ни диаконами, то есть не имеют ни одной из трех степеней священства. Таких церковных служителей и служений всегда было много. В первом Послании к Коринфянам апостол Павел перечисляет те служения, которые были в его время в Церкви:

«Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать. Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом; а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение. Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот созидает церковь. Желая, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание» (1 Кор. 14,1-5).

Еще раньше, в 12 главе: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных. Знаете, что, когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам, так, как бы вели вас. Потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым. Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно. Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет; я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке; ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том

нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи? Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший» (1 Кор. 12, 1-31).

Здесь говорится о разных дарах духовных, которые совершают всех нас в одно Тело Христово — Церковь, каждого из нас совершая как члена этой Церкви, каждому из нас давая свой дар и свое назначение в этом Теле. И дальше апостол Павел говорит очень важную мысль о том, каким должно быть это соединение разных членов в единое тело. Оно должно быть гармоничным, оно должно быть таким, чтобы каждый член страдал за всех, чтобы все были едины, чтобы никто не превозносился тем, что он выше, над тем, кто ниже; чтобы никто не думал, что его служение важнее и не унижал бы другого, чье служение скромнее, — потому что все эти служения даны единым Богом и имеют в некотором смысле равное достоинство, достоинство по своему происхождению, достоинство по своей богодарованности.

Апостолом Павлом перечисляются разные служения, которые были в древней Церкви. Много говорится о пророках, об истолкователях, о тех, кто глаголал разными языками. Вы помните, что первый дар при сошествии Святого Духа во время Пятидесятницы, отмеченный особенно в Деяниях святых апостолов, был дар языков. Этот дар, для нас весьма таинственный, выражался в том, что апостолы смогли говорить на разных языках, и приходящие из разных народов в Иерусалим все слышали свой язык. То есть, сначала, по описанию Деяний апостольских, это были языки, понятные людям, обычные человеческие. В своем послании апостол Павел пишет уже о некотором видоизменении этого дара, когда говорят языками непонятными. Эта глоссолалия (как называется дар языков) состоит в том, что человек в некоем восторге, в некоем экстазе духовном получит дар выражения своих чувств и мыслей на каком-то особенном языке, и этот язык мало кому понятен. Апостол Павел, видя уже в этом некую опасность, говорит, что лучше искать других даров, потому что эти дары обращены не к человеку и не приносят пользы другим.

Дальше говорится о дарах чудотворения, дарах исцелений, о даре учительства в Церкви. Все это соответствует тем церковным служениям, которые в древней Церкви были. Мы уже говорили о том, что жизнь первых христиан была харизматической, не было строгой структуры в жизни Церкви, не только административной структуры, но и не было часто различия в разных степенях служения. Даже степени священства стали различаться не

сразу, скажем, епископы и пресвитеры не сразу стали четко разграничиваться, а постепенно. Первые христиане руководствовались более всего Духом Святым, тем сердечным знанием воли Божией и проявлениями Святого Духа, который они имели. Они руководствовались не канонами, не законами, не писаниями и не Преданием Церковным, которое еще только начиналось, а непосредственно знанием воли Божией. Об этом в Деяниях упоминается таким образом: «Прошедше чрез Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Азии». И вот, если Дух Святой с нами, если Он ощущается в сердце, то значит, все правильно.

Точно так же говорит преподобный Серафим Мотовилову: «Если вы, ваше Боголюбие, в Духе Святом, то нечего беспокоиться, значит, все хорошо; а если почему-либо вы чувствуете, что Дух Святой оставил вас, значит, что-то вы не так сделали, значит, вы погрешили, и надо молиться и вопрошать Господа: в чем я согрешил? И каяться в этом и добиваться прощения, пока Господь Дух Святой снова не придет к вам». Это учение преподобного Серафима, как видите, совершенно тождественно древнему восприятию христианской жизни. Теперь, к сожалению, это восприятие для нас с вами известно более по книгам, и очень редко встречаются люди, которые умеют так ясно ощущать в себе благодать Святого Духа, умеют ясно слышать своим сердцем волю Божию.

Именно потому, что жизнь была харизматической, служения тоже были харизматическими. Если человек чувствовал, что Господь его призывает на какое-то служение, он шел и это служение исполнял. Например, он чувствовал, что ему дано пророческое слово, и он выходил и говорил: мне Господь открывает то-то и то-то. И пророчествовал. Другой чувствовал дар учительства. Учителя церковные в древности назывались дидасками, они были мирянами и занимались тем, что готовили к крещению оглашаемых (занимались катехизацией, как мы теперь говорим), занимались обучением детей и юношества. Были люди, которые ощущали в себе силу чудотворную и исцеляли больных, были целителями. Исцеляли они, конечно, силою Духа Святого, и ясно чувствовали в себе присутствие этой благодатной, чудотворной силы Божией. Такие случаи очень ясно описаны в Деяниях святых апостолов. Были люди, которые чувствовали призвание служить ближним, ухаживать за больными или помогать немощным, бедным. Такое служение, очень распространенное в древней Церкви, несли преимущественно диакониссы. В отличие от диаконов это не степень священного сана, а женское служение, очень достойное и распространенное в древней Церкви. Диакониссы были ближайшими помощницами епископов и пресвитеров. Это были вдовы или девы, которые посвящали свою жизнь служению Церкви. Они не выходили замуж, а всю свою жизнь отдавали Богу.

Дальше в Послании говорится и о других служениях. Говорится о богослужении, в пении и чтении во время богослужения (как теперь, так и тогда, не все одинаково могли петь и читать).

Очень характерно, что все эти древние служения, сначала воспринимаемые харизматически (когда каждый член Церкви начинал свое служение, ощущая Божие призвание), очень скоро стали совершаться поставлением епископов. Очень скоро на всякое такое служение стало требоваться не только благословение епископа, а именно рукоположение от него. И всякое служение церковное, таким образом, уже устраивалось не как-то внезапно, неожиданно, а по смотрению епископскому. Такое рукоположение называлось хиротесией (в отличие от хиротонии). Под хиротонией мы теперь понимаем рукоположение в священный сан, а под хиротесией понимают рукоположение на другие церковные служения. И уже в древности, не с самых первых времен, но с глубокой древности, в первые века было установлено, что без такого епископского благословения, без хиротесии никто не должен дерзать на служение в Церкви.

Этот порядок означал уже отход от харизматической жизни древней Церкви, и он возник не случайно, а потому, что постепенно терялась та крепость и сила веры, та чистота сердца и ума, которая была у первых христиан, и появлялась опасность харизматические дары спутать с некой прелестью. Для того, чтобы избежать этого, постепенно организуется Церковь, и все благодатные действия церковные и благодатные дары Божии подаются теперь уже через епископа.

Таким образом, и дидакал, и целитель, и чудотворец, и пророк, и истолкователь, и тем более диаконисса, певец или чтец должны были получить архиерейское руковоложение и благословение. Вы, конечно, понимаете из этого, что в древней Церкви абсолютно был немислим и невозможен такой способ жизни храмовой, который мы наблюдаем теперь, когда на правый клирос приходят люди совершенно неведомые ни священнику, ни общине, очень часто неверующие и, может быть, даже некрещенные, иногда исповедующие совершенно другую веру. Я знаю случаи, когда на клирос приходили мусульмане — просто потому, что у них хороший голос и слух, и есть музыкальное образование. Они приходили в храм за хорошие деньги петь Евхаристический канон, Литургию.

Конечно, с точки зрения древнего христианина (точно так же, как всегда с точки зрения Церкви) — это абсолютный парадокс, это полнейший нонсенс, это просто невероятно, невозможно. Как может совершать церковное служение неверующий человек в то время, когда оглашенные, то есть люди верующие, решившиеся креститься, и те должны выйти из храма? Бывает, например, что на клиросе стоят люди, которые в перерывах между молитвами выходят покурить на улицу...

Все, что мы сейчас видим, конечно, есть свидетельство тяжкого духовного кризиса нашей Церкви. Для нас очень важно осознать, что никакое церковное служение без благословения Церкви совершаться не может. Мы уже забыли, можно сказать, об архиерейских хиротесиях, хотя чин хиротесии совершается теперь перед доставлением в диакона. Если вы бывали на хиротонии, то видели, что епископ или накануне диаконской хиротонии, вечером или непосредственно перед Литургией кандидата в священный сан

сначала поставляет в чтеца, а потом в иподиакона: возлагает на него руки, постригает волосы. Когда его делают чтецом, на него надевается короткая маленькая фелонь и дается ему читать Апостол.

Хиротесия теперь совершается непосредственно перед рукоположением в диаконы по очень существенной причине. Дело в том, что церковное служение должно совершаться всем сердцем, человек дождет себя всего отдавать церковному служению. После того, как он к нему пришел, уже неестественно было бы для него заботиться об устройстве своей жизни, прежде всего о браке. Поэтому после рукоположения в священный сан уже нельзя жениться. Или нужно жениться до принятия сана, или уже потом оставаться безбрачным. Эта же норма относится и к хиротесии. Если епископ рукоположит кого-то в чтеца или в иподиакона, то этому человеку жениться уже будет нельзя. Поэтому теперь никого не рукополагают этим чином — для того, чтобы человек мог еще решать свою судьбу, чтобы не ограничивать количество людей, приходящих в Церковь.

Конечно, это происходит от скудости нашей, от того, что теперь мало желающих послужить Церкви, и если даже есть такие желающие читать, или петь, или прислуживать в храме, то они далеко не готовы посвятить себя полностью на это служение; часто они потом думают о своем браке, о своей семье, у них нет той цельности, которая была в древности. А раньше, конечно, без хиротесии человек не мог быть допущен к церковному служению.

Мы не можем теперь вернуться механически к древней практике. К сожалению, она утрачена нами, и, скорее всего, основательно утрачена, вряд ли возможно ее отреставрировать. Но мы можем сейчас пытаться восстановить другую норму, конечно, гораздо более слабую, но все-таки существенную: чтобы всякий человек, желающий послужить Церкви, имел на это благословение хотя бы священника, хотя бы своего духовника или настоятеля. Чтобы не было так, что любой с улицы приходит, кого регент нанял, и он, будучи неверующим, поет Литургию. Такого безобразия не должно быть и в наше время.

К такому положению, как сейчас, мы пришли не сразу, в истории произошел длинный путь трансформации церковного сознания, осознания места человека в церковной жизни. К сожалению, как мы видим, этот церковный путь в основном все-таки шел в сторону ослабления ревности, ослабления церковной жизни и церковного сознания, готовности служить Богу. Но все же, в истории никогда до конца не забывали о тех золотых временах, когда все члены Церкви желали быть полезными Церкви, действительно хотели ей послужить.

Мы сейчас думаем о возрождении нашей церковной жизни, и в частности сознаем, что это возрождение может совершиться через возрождение церковно-приходской общины. Такая община — это есть действительно некая семья духовная, которая является малой Церковью, в ней есть полнота церковной и духовной жизни. Думая о том, как нам возродить такую церковную общину, мы приходим к выводу, что прежде

всего, нужен настоящий пастырь, без пастыря она невозможна. Значит, начинается она с того, что появляется какой-то священник, который решает себя посвятить на пастырское служение, и около него собираются постепенно его духовные чада.

Что такое духовный отец и духовные чада? Это очень важный вопрос. Некоторые приходят и говорят: «Я хочу, чтобы Вы были моим духовником, хочу быть Вашим духовным сыном или духовной дочерью». Но, к сожалению, очень часто при этом они совсем не понимают, что это такое. У нас есть постриг в монашескую жизнь, но к сожалению, у нас нет чина поставления в чада духовные (хотя, между прочим, в Требнике есть специально такой чин, молитвы такие есть, но мы этот чин тоже не совершаем теперь). А на самом деле, как монах дает обеты монашеские перед постригом, так и каждый человек, который хочет стать членом общины духовной, он тоже должен дать некоторые обещания, а лучше сказать, обеты.

Какие обеты? Монах дает три обета: первый — обет послушания, второй — обет нестяжания, третий — обет безбрачия. Пребывание в духовной семье и духовной общине тоже имеет несколько условий. Прежде всего, каждый член общины, а значит, и Церкви (конечно, раньше невозможно было быть членом Церкви и не быть членом общины, это было одно и то же), должен обязательно решиться на послушание духовному отцу и Церкви через него. Нужно решиться и понять, что жизнь в общине, членство в общине — это есть любовь ради Христа, любовь, конечно, всегда к Богу в сердце, любовь к духовному отцу ради Христа, любовь к братьям и сестрам тоже ради Христа. Это не есть какая-то симпатия, привязанность, пристрастие, которые являются эмоциями, чувствами. Любовь евангельская, любовь Христова — это не эмоции, не чувства, а это есть некое устройство сердца, когда человек решается отречься от себя и свою жизнь отдать Богу и ближним своим, отдать свое сердце (как вы помните, Господь говорит, что нет больше той любви, чем когда человек душу свою полагает за други своя). Вот такая любовь и соединяет людей в общину, соединяет их в некое единство. Кроме любви ничто другое соединить их не может. И конечно, общинная жизнь — это есть еще смирение, которое является основой духовной жизни всегда. Если любовь является содержанием духовной жизни, жизни с Богом, жизни церковной, то основой этой жизни является смирение. Без смирения и любви быть не может в сердце человека. Любви христианской, духовной без смирения не бывает. А смирение приобретается быстрее всего через послушание. Вот почему послушание является первым обетом монашеским и, естественно, первым обещанием или принимаемым на себя подвигом для каждого христианина, для каждого члена общины.

Мы хотим возродить в нашей жизни общину, мы хотим, чтобы действительно Церковь была Церковью. Не просто неким собранием незнакомых друг другу граждан, которые ходят в храм и друг с другом не здороваются, и не знают даже друг друга по именам, и даже им все равно, кто стоит рядом. Они тут десять лет уже стоят рядом, молятся, причащаются из одной Чаши, но они чужие люди. Это, сами понимаете, полный абсурд. Если

это так, если мы живем такой нормой, то какие же мы христиане? И что же наше причастие? Значит, оно не соединяет нас в любви. Значит, мы человека этого несколько не любим, если нас не интересует даже его имя, если нам все равно, видим мы его или не видим, если мы знать не хотим, какие у него скорби, какие у него радости; если ему больно, а мы этого не замечаем. Значит, никакой любви тут нет, и конечно, это Церковью назвать можно только условно.

Для того, чтобы Церковь была Церковью, чтобы возродилась церковная община, недостаточно только лишь исповеди частой у своего батюшки; недостаточно бесконечных разговоров, бесед; недостаточно все время подходить: благословите меня поехать на выходной день туда-то или благословите меня завтра сходить в кино. Это все есть пародия на духовную жизнь. Сами понимаете, что не это есть содержание жизни церковной.

Если человек хочет быть членом общины, это значит, что у него должно быть церковное служение. Что значит принадлежать Церкви? Что значит быть членом Церкви? Что такое Церковь? Церковь — это Тело Христово, а Христос пришел послужить и отдать Себя за жизнь мира, послужить людям. Значит, и Церковь здесь, в этом мире, служит этому миру, служит людям. Следовательно, и каждый член Церкви должен служить. Мы часто говорим о служении Христовом. Естественно, что и Церковь в этом мире несет свое служение. И поэтому парадоксально такое сознание: «Я, конечно, христианин, я член Церкви Православной, а служить — это батюшка служит. Он совершает службу, он в больницу ходит, он обо всех заботится и всех исповедует, — он служит, а мое дело только придти, с ним поговорить, получить от него все, что мне надо, и идти домой».

Конечно, если это так, если дальше сознание церковное не продвигается у человека, то его членом Церкви Православной назвать никак невозможно. У каждого члена общины, у каждого члена Церкви должно быть обязательно свое церковное служение, нужно это совершенно ясно осознать.

Служение это может быть разным, но церковным оно будет тогда, когда оно совершается по благословию Церкви. Например, вступают юноша и девушка в брак, устраивают семью, родят детей, их воспитывают. Церковь их благословляет на это, Церковь их венчает, и дальше духовные отцы благословляют: ты воспитывай детей, а ты делай вот это. Могут быть служения и другие. Очень хорошо, если есть возможность служить Церкви не только воспитывая свою семью, а расширяя свое сердце, свое время и для окружающих людей, для нужд церковных. Мы знаем, что церковные люди, даже обремененные большой семьей, стараются помогать окружающим. Очень часто именно многодетные люди гораздо более деятельны бывают в Церкви, чем люди одинокие. Семейная жизнь приучает человека к служению: хочешь или не хочешь, а придется тебе утром встать и варить обед, и детей провожать в школу, и трудиться весь день для семьи. Такой человек легко расширяет свою жизнь и начинает служить окружающим, старается кого-то позвать к себе домой, детей, у которых нет домашнего уюта или нет отца или матери, обогреть, приютить, кому-то помочь, за

каким-то больным поухаживать, кому-то принести еду или что-то еще. Так бывает обычно в семьях, христианские семьи — это более благополучная часть Церкви.

Далеко не всегда люди, более свободные, чем те, у кого есть семьи, далеко не всегда они понимают, что они должны служить Церкви. Служить можно по-разному: некоторые получают благословение и поют, некоторые пишат иконы, некоторые шьют облачения, подрясники или рясы, некоторые трудятся в воскресных школах или ходят в больницы. Сейчас, слава Богу, все это стало возможным, поле деятельности расширяется для церковного служения. Вы тоже здесь присутствуете потому, что вы хотите быть катехизаторами, хотите служить Церкви. Но при этом, как и все, вы, по большей части, приходите на это служение как бы добровольно и воспринимаете его как некое свое особое усердие. И мы вам не напоминаем о том, что это ваша обязанность, мы принимаем это от вас именно как вашу добрую волю, и хвалим вас за это, и радуемся, что нашлись люди, которые захотели служить Церкви. К сожалению, далеко еще нашей Церкви всей и всем нам до сознания, что на самом-то деле это является нашим неизменным долгом, что без этого жизни церковной просто не может быть, что вовсе не за что нас хвалить, потому что мы всего-навсего исполняем свой прямой долг. Такое сознание пока что и более активным членам общины еще чуждо, им до него еще очень далеко. А людям менее активным оно совершенно непонятно. Они не идут служить, их нужно спрашивать: «Почему ты не пойдешь, не поможешь в больнице? Почему ты никогда ничего не сделаешь для Церкви?» А он отвечает: «Ну, я же очень занят, я много работаю». Это очень часто бывает, даже когда мы спрашиваем на исповеди: «Почему ты так редко причащаешься?» — в ответ слышим: «Я очень много работаю». И в таких случаях приходится говорить ему: «Оглянись, пожалуйста, назад, посмотри, здесь полный храм бездельников стоит. Ты один работаешь, а это все, конечно, лодыри. Полторы тысячи бездельников собралось, ты один труженик».

Так вот, работать, конечно, хорошо и необходимо, но нельзя представить себе жизнь церковную полноценной без служения церковного. И в наше время, когда мысль о возрождении духовной жизни постоянно как бы стучится в наши двери, естественно рождается желание возродить и древние церковные служения. Скажем, при I Градской больнице есть сестричество, которое работает в этой больнице, и не только в ней, а также в детских домах для неполноценных детей, в воскресных школах. Здесь именно осуществляется христианское служение в миру, служение миру. Это служение стремилась возродить и возрождала святая великая княгиня Елизавета Федоровна в своей Марфо-Мариинской обители, тем самым указывая нам путь. И мы обязательно должны следовать ему, если не по чину, то по крайней мере по духу, служения от лица Церкви миру.

Нужно сказать еще о некоторых служениях, которые в ваше время как-то меньше обсуждаются. Ясно, что диакониссы — это особенные помощницы епископа или священника, ходить в больницы и ухаживают за

больными — это вид милосердия очень высокого; так же все понятно с певцами и чтецами. Но мы забываем сегодня, например, о таких видах служения как ктиторовство. Раньше церкви имели своих ктиторов, попечителей, тех, кто заботился об обеспечении церковной храмовой жизни. У нас уже давно ктиторами называют старост храмов. А эти старосты в наше время, в нашем веке стали синонимом самых страшных разбойников, слово «староста» стало почти ругательством. Когда теперь говорят о каком-нибудь старосте, то обычно имеется в виду, что он, наверное, засланный шпион от КГБ, от уполномоченного и постоянно обворовывает церковь.

Но старосты должны быть не такими. И если это так стало в наше время, то это не случайно, это потому, что наши общины, приходы всех наших храмов, нашей Церкви, не сумели отстоять эту высокую должность и удержать ее за собой. Они позволили совершить такой страшный подлог и к церковной кассе допустить засланных людей и воров. Я знаю не один храм, а много храмов, где даже по сию пору сторожа обворовывают церковные кружки, а уборщицы воруют церковные свечи, продавщицы за ящиком воруют так же, как и казначеи, старосты и помощники старост, и такая сплошная банда живет тем, что обворовывает постоянно храм. Состояние храма, его экономическая жизнь складывается из пожертвований небогатых людей, это и старушки и семьи вовсе не богатые приносят по рублику, по копейке жертвуют на храм, жертвуют, покупая свечи, жертвуют, заказывая просфорки, — это же по существу жертва. А потом это в больших суммах уворовывается из храма. Почему так происходит? Это бич нашей жизни церковной, особенно в больших городах. Там, где церковь бедная, таких явлений, может быть, нет или они являются в меньшем масштабе. А в больших городах, где богатые храмы, там это до недавнего времени было типичным несчастьем. И ничего мы не могли с этим сделать. Почему так получалось? И как это могло случиться?

Это опять потому, конечно, что нет церковной общины, которая бы служила Церкви, которая бы чувствовала, что все это, и экономическая и хозяйственная жизнь храма, тоже есть церковное служение, которое нельзя не только ни на кого переложить, но и никому отдать. Как нельзя пустить на клирос некрещеного, чужого человека, не имеющего благословения священника, точно так же нельзя допустить и к хозяйству храма человека, не имеющего благословения, чужого, не члена общины, для которого это церковное имущество не свое. Этого нельзя делать.

Но у нас такого сознания не осталось, никто из нас не считает себя обязанным так служить церкви, так радеть о храме, как о своем доме, как о своем достоянии. Никто из нас не чувствует, что это мое, я не могу пройти мимо того, что здесь какое-то безобразие, там грязно, а там кого-то обижают. Не могу пройти, потому что это мой храм, я член этой общины, и мой долг следить за тем, чтобы в храме все было благолепно, и прекрасно, и соответствовало бы евангельской заповеди.

Вы знаете, что в монастырях всегда были специальные должности экономов, казначеев, ключарей, много других должностей. Также и семья,

скажем, имеет свой бюджет и свое хозяйство, без этого невозможна ее жизнь. Вы же не допустите того, чтобы сначала ваш муж зарабатывал деньги, а потом приходили бы ваш сосед или соседка и воровали бы эти деньги, и уносили. Вы, скорее всего, такую соседку задержите, милицию позовете и не будете пускать ее в свой дом. Потому что это ваш дом, это ваш муж заработал деньги, которые вы должны потратить на жизнь семьи, на то, чтобы кормить детей.

Почему же, приходя в храм, мы так это не воспринимаем? Почему мы не думаем, что это наша семья, наша община, наш храм, наша жизнь, и эти деньги, которые здесь собираются, должны быть обращены на нужды общины, а если остаются лишние, то мы можем обратить их на добрые дела. Мы можем помочь бедным, помочь новому храму, можем, скажем, открыть богадельню. Раньше при каждом храме была богадельня. Представьте себе, сколько храмов на Руси, и у каждого почти была богадельня, — пусть небольшая, пусть в ней было человек 20-30, но у каждого храма... Каждый храм считал необходимым ухаживать за людьми безродными, одинокими и больными, и конечно, не было таких проблем, как сейчас, когда одинокие старики погибают в домах инвалидов или умирают с голода в своих квартирах. Такого быть не могло, потому что члены общины церковной знали, что это их долг, их обязанность.

Также не было раньше такого количества детских домов, куда отправляют детей даже живые родители, где дети вырастают как зверята, не имея любви и ласки и с детства научаясь жестокости и страшным порокам. Такого быть не могло, потому что община, любая церковная община, считала своим долгом воспитывать сирот и находила этим сиротам всегда место или в какой-то семье, или в храме, но никогда не бросала их на произвол судьбы. Это все ведь тоже церковное служение и служение очень-очень важное.

На все это у нас должны быть силы и должна быть решимость, мы должны обязательно чувствовать, что это наш долг. Каждый из нас должен, обязан найти свое место в Церкви и иметь свое служение, благословленное Церковью. Если мы будем активны, тогда наша Церковь будет стоять, тогда она будет жить и процветать, и будет расти, и окружающие нас люди будут смотреть на наш храм, на нашу жизнь, и тоже захотят стать верующими. Если же мы будем жить такими прихожанами, которые пришли, свечки поставили, просфорки получили, может быть, даже поисповедались, причастились — и пошли домой, которым дела больше ни до чего нет, если мы будем жить такими потребителями духовными, то, конечно, Церковь устоять не сможет. В этой психологии есть как раз отказ от служения церковного: я хочу жить только своей личной жизнью, ну, может быть, еще жизнью своей семьи — и все. Остальное меня не касается, мне все равно, кто там поет, кто там что делает, это все мне неважно.

Так быть не должно. Конечно, вдруг, внезапно, «с места в карьер» все это изменить невозможно. Возродить такое сознание и церковное служение можно только постепенно; нужно, чтобы это снова все выросло в нашем сознании и в нашей жизни. Но начинать нужно немедленно. Начинать нужно

с сегодняшнего дня, не ждать, когда это вырастет само по себе, опять-таки без нашего участия. Нужно, чтобы с сегодняшнего дня каждый почувствовал себя благословленным, принятым Богом и благословленным на какой-то подвиг, на какое-то церковное служение.

В Церкви сейчас потребности во много раз возросли. До недавнего времени мы не могли даже мечтать ни о чем подобном, все нам было запрещено, всякая работа общественная была запрещена законом. Церковь не могла ничего предпринимать. Если даже один храм хотел помочь другому деньгами, то это было преступлением, по закону считалось преступлением. Если священник начинал учить детей закону Божию, то он по закону являлся уголовным преступником и подлежал суду. Всякая благотворительность также запрещалась законом. К счастью, эти времена прошли, в эти окаянные атеистические законы отменены. Нам сейчас дана в этом смысле невиданная свобода. Но соответственно с этой свободой, естественно, общество и весь народ теперь и предъявляют нам требования: вы говорите о любви, говорите о подвигах, говорите о своих служениях церковных, — так что же вы не служите?

Я приведу такой пример. Года два назад ко мне подошла после службы некая женщина и говорит: «Вы христиане, у вас полагается ухаживать за больными или нет?» Я говорю: «Полагается». — «Ну, так вот, у меня сестра здесь рядом, недалеко от вас, лежит в полном параличе одна много лет, а я живу в Ленинграде. Я сейчас приехала к ней, но должна уезжать к своей семье. За ней никто не ухаживает, найти человека, который бы ухаживал, я не могу. Вы должны на это отозваться как-то. Я прошу вас, вы же христиане, помогите».

На самом деле оказалось, что она живет довольно далеко. Я, естественно, спрашиваю: «Она была прихожанкой нашего храма, она верующая?» — «Нет, она неверующая, она еврейка, некрещеная. А вы что, только за своими ухаживаете, только за православными, за евреями вы не ухаживаете?» Естественно, я сказал, что мы за всеми ухаживаем. «Ну, очень хорошо, вот, пожалуйста, ухаживайте». Она оставила адрес и была очень рада. Я попросил за ней ухаживать, и по прошествии двух лет эта женщина крестилась, она действительно поверила, что христиане ухаживают за всеми, независимо от нации, от того, верующие они или неверующие, что они всем желают добра.

Вот такое служение является живой проповедью Евангелия, проповедью Христовой любви. Если мы будем так жизнь строить, то обязательно все люди будут приходить ко Христу, потому что любовь обладает удивительной притягательной силой, и являет Христа более, чем что-либо другое. Тут не нужно даже ничего объяснять, не нужно ни в чем убеждать человека, он просто увидит эту любовь, христианскую любовь, и придет к Богу. Она потом, когда крестилась, сказала: «Я никогда не видела таких людей, как те, кого вы прислали. Никто никогда мне с такой любовью не помогал, так бескорыстно и так преданно, постоянно, в течение одного года за другим».

Так что любовь Христова является церковным служением. Сейчас потребность нашей Церкви в таком служении особенно возросла, потому что к нам обращены взоры окружающего нас, потерявшего веру мира, — мира, у которого, можно сказать, вера была отнята. Сейчас уже выросли целые поколения людей, которые ничего не знают о Боге, или имеют о вере, о христианстве какие-то карикатурные сведения. Они являются препятствием к вере, и преодолеть их не так-то легко. Поэтому сейчас наша ответственность, наши обязательства неизмеримо возрастают.

На каждом из нас сейчас лежит ответственность за то, как этот мир отнесется к Церкви. Вы помните слова апостола Павла: «За вас хулится имя Христово». Если мы не будем христианами по-настоящему, по сути дела, то тогда, глядя на нас, этот мир будет осуждать Христа. Как это и бывает: вот христиане какие, они говорят, что они верующие, что они любят Христа и живут этой любовью, а на самом деле они пьяницы, драчуны, хамы, воры. Вот что сейчас является очень часто миру. И конечно, это есть профанация христианской жизни и причина того, что мир этот начинает богохульствовать. За нас будет хулиться имя Христово, если мы будем так жить, так будем компрометировать христианство в глазах этого мира. Сейчас, когда нам дана свобода, когда сняты гонения, когда весь мир все больше и больше обращается взором к Церкви, — тем более, что все остальное рушится, не только идеалы, а все надежды общества нашего, нашего народа и других народов, рушатся методически, одна за другой. Церковь же выстояла эти 70 лет, она не изменила себе, она дала миру мучеников, которые умирали за веру — может быть, она и сейчас тоже выстоит; может быть, она и сейчас явится тем стержнем, который удержит на себе жизнь общества, жизнь народа и государства? Ответим мы или нет на эту надежду? Ответить мы можем только любовью, только своим церковным служением.

Я не рассказывал достаточно научно, подробно и исторично о том, как церковные служения развивались, трансформировались в истории, — я и не ставил себе такой цели. Моей целью было постараться в вас вложить сознание того, что к церковному служению призван каждый христианин. И хотя формы этого церковного служения, может быть, мы сейчас и не можем отреставрировать, те формы, которые в древности были созданы Церковью, но содержание этого служения всегда остается тождественным самому себе, как и Церковь всегда тождественна сама себе по духу своей жизни. Служения все, какими они были раньше, такими точно они оставались всегда и остаются теперь. Вас, может быть, не будет рукополагать епископ в диаконисс, но служение это вы можете совершать сегодня не менее успешно, чем раньше, а может быть, даже и более успешно. Так же и любое другое служение. Если есть у вас какой-то талант, какой-то дар Божий, если вы что-то умеете делать, — приходите в храм, к священнику и скажите: я хочу потрудиться для Церкви, я умею делать вот это. Уверяю вас, что деятельный священник обязательно найдет вам место, обязательно научит вас тому, как вы можете послужить Церкви.

Так точно мы обязаны воспитать и детей. Именно с детства нужно вложить в ребенка сознание, что я должен Церкви служить. У нас сейчас наблюдается очень страшная картина. Недавно мне рассказали такую историю. В некоей семье воспитали львицу. Когда она подросла, то стала убегать из дома, а потом познакомилась с каким-то львом. Лев этот к ней приходил, провожал ее, когда она возвращалась к своей хозяйке время от времени, поджидал ее где-то на опушке. Через некоторое время она опять уходила ко льву. И потом у нее родились львята. И вот вдруг хозяйка этого дома видит, как через ограду прыгает львица, и в зубах у нее львенок, и она этого львенка приносит к ногам своей хозяйки. Потом убегает и второго львенка приносит. И уходит опять к своему льву. То есть, у нее сложилось ясное понимание жизни: львят воспитывают люди. Поскольку ее воспитали люди, то она так решила и именно это и проделала.

В соответствии с этим примером можно взглянуть и на нашу жизнь. Большинство из наших прихожан не воспитывалось в Церкви, а пришли в Церковь во взрослом возрасте. Многие крестились уже взрослыми, многие, будучи крещеными формально в детстве, потом пришли в Церковь через какого-то священника, духовного отца своего, — обрели веру и стали жить церковной жизнью. Потом (а может быть и раньше), у них родились дети, и вот теперь они их тоже приносят к батюшкиным ногам, чтобы батюшка их воспитывал. Их он воспитал, им он дал веру, пусть он и их детей воспитает и тоже веру даст. И вот наша храмовая жизнь церковная становится похожа на неизвестно что: на детскую площадку какую-то.

Софья Сергеевна Куломзина, когда вам будет читать лекцию, будет обязательно говорить о том, как хорошо, когда дети в церкви шумят, кричат и как батюшки в Америке даже специально учат в церкви кричать и участвовать в жизни церковной. Я уже это слышал и умилялся сердцем при ее словах. Но здесь нужно помнить, что в Америке на приходе если есть пять или десять детей, то этого уже вполне достаточно. Софья Сергеевна занимается с тремя мальчиками или девочками и считает свою миссию очень большой, очень важной; она трех детей воспитывает. И это прекрасно. А у нас, в нашей церковной школе воспитывается шестьсот детей. И когда к нам приходят на службу сто детей или двести, и протискиваются к амвону, залезают на амвон, не обращая внимания ни на священника, ни на царские врата, ни на Чашу, ни на что, начинают играть, и плевать, и неизвестно что делать, — то это, конечно, просто страшно. И страшно это не только потому, что тут уже невозможно ни служить, ни молиться Богу, ничего невозможно делать. Более всего это страшно потому, что такие дети, конечно, христианами не станут, батюшка вам их не воспитает, не сможет он их воспитать. Одну львицу можно, а целое стадо львят невозможно.

Здесь происходит нечто катастрофическое, то, что мы с вами не предусматриваем и не пытаемся предугадать. А в действительности пройдет еще несколько лет, и ваши детки, такие милые и прекрасные сегодня, вырастут атеистами, неверующими людьми. В истории уже был опыт, когда дети из церковных семей, очень часто дети священников, воспитанники

семинарий делались революционерами и атеистами. И именно они потом рушили церкви и расстреливали священников. Это уже все было.

Почему происходит так? Потому что традиционное воспитание в храме, просто воспитание по традиции, не только не дает настоящего христианского сознания человеку, а очень часто оказывается противоположным ему. Ребенок воспринимает христианскую жизнь, храмовую жизнь, как некий обряд, как некий способ быта. Он привык к тому, что вот здесь Распятие стоит, а здесь икона Божией Матери, его сердце не дрогнет, когда он видит это Распятие, он к нему привык с самого рождения. Он уже не может почувствовать, что здесь изображен Распятый Христос, для него это в лучшем случае художественное произведение. Если с детства у человека, у ребенка умерло чувство благоговения, то это катастрофа,— катастрофа, может быть, самая страшная в его жизни, потому что тогда он веру не сохранит. Пока он маленький, пока он еще отрок, как-то еще концы с концами сходятся. Но потом он достигает лет 15-17, у него появляются новые интересы, и ничто его в Церкви не удерживает. Тогда он говорит: «Ну, мама, я ходил 15 лет с тобой за ручку в Церковь, а теперь ты ходи одна».

Таких случаев уже и сейчас очень много и именно в семьях традиционных, где дети росли в Церкви с детства. И это есть ближайшее будущее всех нас, потому что мы в массе своей детей бросили на произвол судьбы, потому что мы, родители, не пытаемся даже искать настоящих способов церковного воспитания детей. А если появилась и школа воскресная, — так это уже совсем красота, можно совсем отложить попечение. Детей можно просто отправить в эту школу, и пускай их там воспитывает батюшка или кто-нибудь еще, а обязанности родителей вроде бы тут уже исключаются.

Так вот, помните, что первым церковным служением нашим, общим для нас всех, является воспитание следующего поколения. Всякий организм должен воспроизводиться, и Церковь — это тоже есть организм. Если не будут в нем заложены правильные процессы воспроизведения, то он жить не сможет. На сегодняшний день у нас эти процессы не заложены, и можно предполагать поэтому, что этот наш церковный подъем, церковное возрождение—дело на одно поколение. Вы возрождаетесь, вы будете жить духовной жизнью, а дети ваши станут атеистами и гонителями Церкви. Потому что вы — это Церковь, и вы их не желаете воспитывать, не сознаете это своим необходимым долгом, вы не понимаете, что без этого даже и спастись трудно. Ведь каждого из нас спросит Господь на Страшном Суде; а как ты воспитал детей, которых дал тебе Бог? Почему ты их не научил Бога почитать, Бога любить, Богу служить? Как и мы с вами холодно, формально, потребительски часто относимся к Церкви, так же этому и научаем своих детей. И они это усваивают очень быстро и легко. И так именно они и приходят в Церковь: это есть место встречи, место, где можно пошалить, повеселиться, может быть, что-то приятное даже там найти. А если так, то можно и безобразничать, как хочешь.

Я советую всем вам не спать спокойно, если ваши дети не имеют в своем сердце благоговения, если они не имеют своего личного отношения к Богу, если нет у них настоящей любви к Богу. У каждого ребенка должна быть своя собственная любовь к Богу. Он должен иметь свою собственную совесть, которая должна его мучить, если он сделает что-то, не соответствующее христианской жизни. Если вы этого не вложили в своего ребенка, не научили его этому, горе вам. Это есть, конечно, первое и самое главное из наших церковных служений. Это, между прочим, горе старшего поколения. Сейчас в церкви на исповеди сплошь и рядом подходят бабушки и говорят: у меня все дети неверующие, пьют, безобразничают, развелись и вообще неизвестно что делают. И всегда хочется спросить, хотя жалко этих бабушек, но хочется спросить: «А где ты была раньше? Где ты была, когда эти дети были маленькие? Ты их воспитала в вере? Ты их научила молиться? Ты их водила в храм? Ты объясняла своему ребенку, что важнее всего в жизни вера? Что лучше умереть за веру, чем жить без нее? Ты это объясняла? Ты это показала примером своей жизни?» Нет, не показала, нет, не воспитала, не хотела, боялась, считала, что вырастут — сами разберутся. Вот, они теперь и разбираются на твоей шее, и лупят тебя в пьяном виде каждый день, и по заслугам ведь лупят».

Нужно нам это обязательно осознать и нужно искать выхода всем вместе. Вы будущие катехизаторы, но очень многие из вас еще и родители. Давайте обязательно примем это наше служение и будем вместе искать, как нам воспитывать детей, как их сделать христианами, и почувствуем, что это есть долг каждого из нас, что никто из нас не вправе от этого долга уклоняться. Это есть сейчас первая, самая главная потребность Церкви, которая должна стать обязанностью каждого из нас. Если бы Церковь стала рушиться, то каждый побежал бы помочь: бросился бы тушить пожар, например, если бы церковь горела, и т.д. Сейчас у нас а Церкви уже горит этот пожар, он уже начался, уже растет это новое, я вам скажу, страшное поколение, поколение зверят, которые разнесут все не так, как было, а гораздо хуже. Мы сейчас восстанавливаем храмы, а может быть, что наши дети их все поуничтожают, потому что мы с вами совершенно не чувствуем своей ответственности перед Богом за детей и не ищем способа их воспитать. И начинать здесь нужно совершенно ясно, с чего, — с того, чтобы самим почувствовать свою ответственность, самим почувствовать долг свой.

Конечно, мы сами должны служить, мы сами в ответе за все. Это наша Церковь, нам Господь дал ее, нас принял в Церковь свою и нам вручил ее судьбу. И каждый из нас будет в ответе. Если мы будем так чувствовать, так жить, то тогда сможем передать это ощущение своим детям. Одним из способов воспитания является воспитание в ребенке чувства долга — долга перед Богом и перед Церковью, а потом уже и во всех остальных делах. Ребенок должен понимать, что он обязан дома помогать, у него дома есть обязательные послушания, он обязан учиться, обязан слушаться, обязан заботиться и о родителях, и о братьях и сестрах. Чувство долга мы должны с детства воспитать в ребенке. И, конечно, это только тогда возможно, когда у

нас самих это чувство есть. Отсутствие у нас настоящего служения церковного это есть следствие того, что у нас самих отсутствует чувство долга.

Расскажу вам напоследок еще одну историю, очень поучительную и устрашающую. Недавно я познакомился с молодым священником, отцом Андреем, который служит в соборе в Новосибирске. Он кончил университет, по образованию он математик, проработал сколько-то лет и принял сан. Ему дали послушание, или он сам его выбрал, — ходить в тюрьмы и в лагеря, которых вокруг Новосибирска много. Там расположены самые страшные лагеря и строгого режима, и женские, и детские. И вот он рассказывал, что самые страшные лагеря — это детские. Даже невозможно рассказать, как там живут дети. Даже когда воображаешь себе ад, то такого не представишь, там просто жить человеку невозможно. Например, дети постоянно дерутся, причем дерутся они так: в бараке они по очереди бьют все вместе одного, и ребенок, которого бьют, не должен ничем выказать, что ему больно. Если даже он, теряя сознание, издаст стон какой-то, то его тотчас подвергают самому страшному надругательству, и потом он будет предметом этого надругательства всегда. То есть, в нем вообще убивается всякое человеческое достоинство навсегда. И вот так они избивают все друг друга по очереди. Каждый день это происходит, постоянно. Можно себе представить, что это за жизнь, и как превращаются они не то, что в зверей, а в каких-то бесенят, у которых отсутствует всякое понятие о добре, всякая жалость друг к другу. Жалость они сами друг в друге искореняют: если он теряя сознание застонал, то его нужно тем более уничтожить, чтобы он считал всякое такое злобное избиение нормой жизни, и потом он так же должен избивать другого. Вот к чему приводит жизнь безбожная. И это происходит в одном лагере, а такими лагерями покрыта вся страна наша. Это то поколение, которое готовится, это завтрашние самые страшные преступники. Подумайте сами, это с каждым днем все растет, это с каждым днем готовит наше завтра, наше ближайшее будущее. Такого раньше никогда не было. Это явления новые по масштабу, по качеству, по смыслу своему. Это просто явление ада на земле. Что мы этому можем противопоставить? Отец Андрей говорит, что он ходит в лагерь, но он просто теряется, он не знает, что с ними делать, с этими детьми, достучаться до сердца их невозможно.